

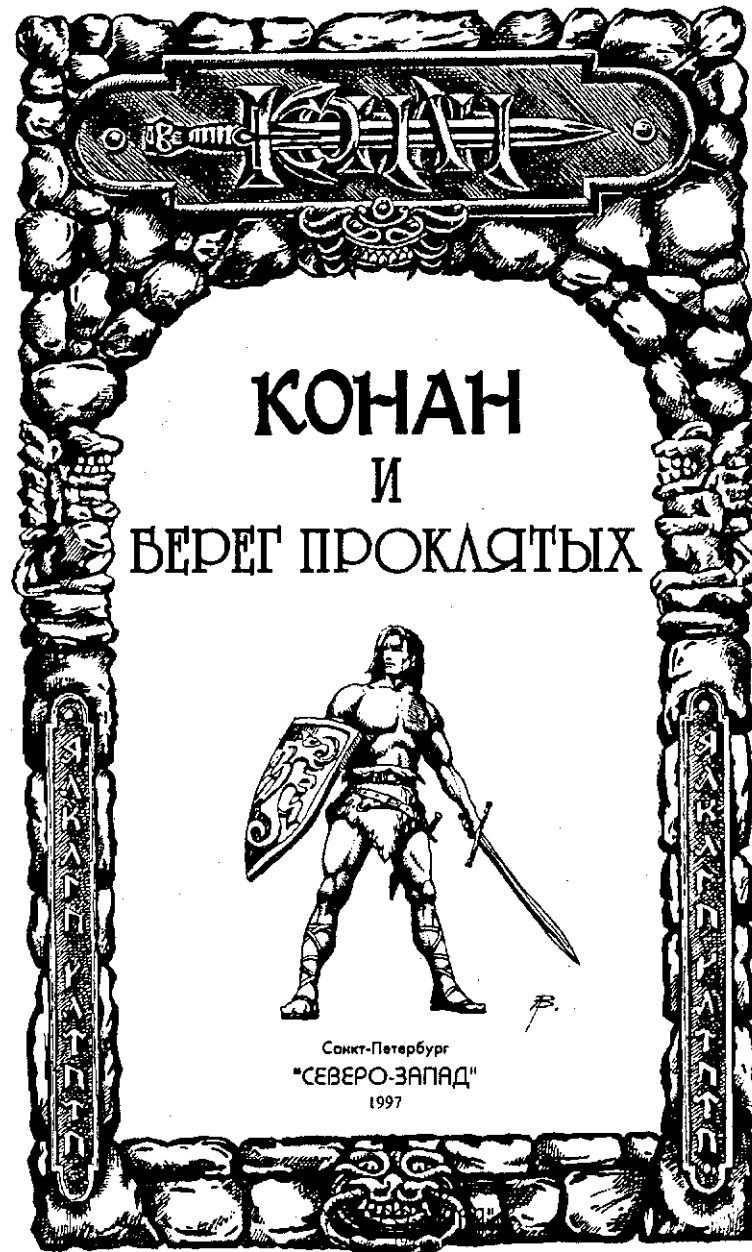

КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ

Северо-Восток®

УДК 820 (73)
ББК 84 (7США)
К 64

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К 64 **Конан и Берег Проклятых: Роман и повести.** — СПб., «Северо-Запад», 1997. — 480 с.
ISBN 5-7906-0032-8.

В сборник вошел роман М. Делез «Пленники паука», а также повести О. Локнит «Берег Проклятых» и К. Стайл «Мир на ладонях».

К 820000000

ББК 84 (7США)

© Обложка. К. Kelly, 1988

© Составление и подготовка текста, серийное оформление обложки и форзаца.
«Северо-Запад», 1997

ISBN 5-7906-0032-8

Глава первая

Очертания огромной воздушной сферы, что заключала в себе пространство, казавшееся бескрайним, терялись в невообразимой дали, и ослепительный свет, костром пылавший в вышине, не в силах был осветить весь мир, который боги сотворили внутри.

Титаническая сфера, невидимые стены которой пропадали в холодной глубине мертвого мира звезд, называлась небесным сводом, а ослепительное пламя, живительным потоком света и тепла изливавшееся с него, звалось дневным светилом, или Оком Митры — бога, вдохнувшего в этот мир жизнь. А еще люди дали ему простое имя — солнце.

Солнце исходило потоком расплавленного золота, вызывая хрустальную оболочку сферы нестерпимым жаром, от которого поверхность небесного свода плавилась, постепенно становясь все прозрачней. Казалось, еще немного — и небеса неминуемо лопнут, погубив во вселенском катаклизме робкую искру жизни, с трудом прижившуюся на крошечной Земле, которая невероятным образом удерживалась в центре сферы. Однако летели века, складываясь в тысячелетия, а все оставалось по-прежнему.

И если где-то далеко вверх бушевал огонь, то нижняя часть сферы постоянно тонула в ласкающей черноте вечной ночи, усыпанной бриллиантовой россыпью звезд, что играли всеми цветами радуги. Были они не чем иным, как прощальной игрой дневного светила в хрустале чистейшего льда и бархате инея.

Сфера медленно вращалась, и с одной стороны лед постоянно подтаивал, исходя потоками клубящегося пара, которые люди звали облаками. Едва родившись, облака тотчас устремлялись в долгий путь по бескрайнему голубому полю к ведомой только им цели. Временами они затевали загадочную, никому не понятную игру, принимая причудливые формы: то притворяясь диковинными растениями, то распускаясь сказочно прекрасными цветами, а иногда прикидываясь странными животными, которых никогда не видели на крошечном островке внизу, и тем самым порождали в душах людей, живущих на нем, ощущение сказки, что дарила радость и беспричинное веселье.

Но животные поедали цветы и, насытившись, уползали на темную сторону сферы, где их прекрасные белоснежные тела превращались в безобразные черные кляксы. Нежные розы становились вдруг черным лотосом, навевавшим людям страшные, тяжелые сновидения. Добродушные звериные морды ощеривались хищным оскалом, и милые зверюшки оборачивались злобными монстрами, по ночам пробравшимися в сны. Доброе волшебство сменялось черной магией...

Твари поспешно переползали на темную сторону сферы, во владения Отца Тьмы. Они заслоняли собой звезды, и их уродливые тела на фоне бриллиантовой россыпи очертаниями напоминали нечто ужасное, прятавшееся в потаенных уголках души, что нещадно мучает человека, терзает, рвет на части, заставляя просыпаться в холодном поту, проникает в воспоминания.

Эта странная, длившаяся целую вечность игра света с тьмой могла заморозить любого. Она могла заставить позабыть обо всем, разбудив в душе неведомое человеку чувство, в котором мирно уживались несовместимые в жизни восторг и смертельный страх...

Правда, у прочих обитателей этого мира, создавших его таким, потому что именно таким они хотели его видеть, странные картины не вызывали ни головокружения, ни даже интереса, ибо они не были людьми и не боялись ничего в мире, порожденном их фантазией...

Туман был таким плотным, что невольно создавалось впечатление, будто окружающее пространство наполнено белоснежным пухом, настолько мелким и невесомым, что отдельные частицы его сливались в однородную клубящуюся массу, сквозь которую не видно было и собственной руки, вытянутой вперед в поисках хоть какой-то опоры. Казалось, это будет длиться вечно, но в одно из мгновений вдруг что-то произошло. Поначалу изменение было почти неуловимо, но постепенно оно набирало силу, хотя что все это значило, понять было еще нельзя.

Впрочем, нет. Внимательный взгляд заметил бы, что меняется сам туман. Вскоре он уплотнился внизу настолько, что ноги ощутили опору, правда, все еще невидимую. Выше же туман изрядно поредел и хоть и не стал прозрачным, но, по крайней мере, его уже нельзя было пощупать.

Одновременно вся масса начала перемешиваться и менять цвет. Временами ее движение напоминало снегопад в тихую, безветренную погоду, и тогда она опадала на плотный слой белоснежными хлопьями. То вдруг неожиданно налетевший порыв ветра вспенивал опавший пух, заставляя его подниматься вверх и кружиться роями разноцветных мерцающих искр. А иногда закрутившийся смерч начинал лихо отплясывать дикий, варварский танец, постоянно меняя окраску, вращая все попадавшееся на пути.

Наконец где-то в самой середине начало формироваться уплотнение, которое не сразу приняло определенные очертания. Нельзя было понять, то ли оно становится гуще, поглощая плотные слои тумана, то ли туман просто обтекает нечто возникшее внутри него в некий неуловимый момент времени, а может, и существовавшее всегда.

Вот порождение тумана шевельнулось, сдвинулось с места и сразу стало походить на человека. Оно взмахнуло руками, и хаос, так долго царивший вокруг, мгновенно прекратился. Масса под ногами еще больше уплотнилась, став неотличимой от пола, укрытого роскошным ковром с густым белоснежным ворсом, в котором ноги стоявшего утопали больше чем по щиколотку. Клубившаяся в воздухе взвесь

стремительно унеслась прочь, во все стороны одновременно, обратившись на периферии пространства беломраморными колоннами, ограничившими собой зал, в центре которого остался стоять его создатель.

— Я пришел, Солнцеликий!

Слова появились словно ниоткуда, возникнув сразу во всем объеме обители Подателя Жизни, Митры. Едва ли не одновременно с ними ее несуществующие стены отразили приветствие, породив странное ощущение огромного, пустого зала, древнего и мрачного, погруженного в густую темноту, хотя это и противоречило тому, что видели глаза. Но таково уж было свойство голоса говорившего.

Митра резко обернулся.

Из-за одной из колонн появилась фигура в черном, и никто, даже стоявший в центре хозяин и создатель этого зала, не знал, как долго это существо находится здесь: появилось ли оно только что или давно уже наблюдает за работой бородача с суровым лицом. Митра ждал гостя, но не так скоро. Однако, когда Отец Тьмы увидел его лицо, на губах Солнцеликого уже играла обычная сдержанная, не выражающая ничего, кроме вежливой доброжелательности, улыбка.

— Надеюсь, ты оторвал меня от дел не без причины? — вновь заговорил Сет. — Было бы жаль потерять время из-за безделицы, у меня накопилось слишком много дел.

Его речь словно сопровождалась шипением змеи, хотя шепелявым его назвать было нельзя. Видимо, привычка постоянно сдерживать раздражавшую его бурю страстей придавала голосу характерные интонации, заставлявшие собеседников Темного Бога непроизвольно вздрагивать и поеживаться.

Сет поправил черный хитон и, гордо вскинув голову, с вызовом посмотрел на Митру. Виделись эти двое нечасто, но при каждой из их редких встреч он старательно копировал своего извечного соперника, перенимая его внешность и манеры, но делал это как бы наоборот: его хитон, такой же как у Митры по покрою, только не белого, а черного цвета, был перехвачен черным же поясом, сплетенным из

вымоченных стеблей черного лотоса. Зачем Сет делал это, Светлый Бог не знал. Быть может, просто хотел подчеркнуть свою независимость во всем? Или досадить, до начала разговора показав свою решимость делать все наоборот...

— Злых дел накопилось у тебя слишком много. — Голос Митры был звонок, хотя и печален.

— Бесконечные заботы сделали тебя мрачным и угрюмым. Тебе недостает беспашащной веселости. — Сет довольно усмехнулся. — Мы-то с тобой знаем, что все зависит от точки зрения, не так ли? — цинично заметил он, с оттенком превосходства взглянув на Подателя Жизни. — Ты по собственному вкусу создал для нашей встречи это прекрасное место, но и оно может выглядеть совершенно иначе, даже оставаясь таким же. Взгляни!

Широким жестом он обвел рукой окружающее пространство, и непроглядная тьма за стройным рядом беломраморных колонн сменилась ослепительным светом солнца. От пронзительной синевы небес с мерно плывущими по ним белоснежными барашками облаков невольно наворачивались слезы, а резко ворвавшийся морозный утренний ветерок заставил обоих богов судорожно вдохнуть его полной грудью и захлебнуться от восторга.

Вокруг простирался бескрайний мир. Девственные, полные жизни джунгли сменяли налитанные дождем луга с сочной травой, в свою очередь, обрывавшиеся золотистым пляжем, на который яростно накатывались изумрудные валы волн, увенчанные коронами пузырящейся пены.

— Взгляни, как мир прекрасен! В нем есть место для буйства, борьбы, для безумства, наконец! А ты хочешь вместиť его в тесные, душные рамки выдуманных тобой правил, именуемых Добром! — Сет в восторге обернулся, но увидел в устремленном на него взгляде лишь сожаление, и лицо его помрачнело. — Хорошо. Оставим это! Добро и Зло — мы судим о них по-разному. Для меня нет худшего Зла, чем твое Добро, и этого уже не изменить. — Он помолчал и, развернувшись, в упор посмотрел на своего противника. — Это мой мир! И я буду делать все, что посчитаю нужным!

— Это наш мир,— мягко поправил его Митра.— Мы сделали его таким, какой он есть, и мы за него в ответе.

— Это... Мой... Мир! — повторил Сет, на этот раз делая ударение на каждом слове, и коснулся ладонью груди, словно надеясь этим жестом подтвердить свою правоту.— Я нашел его зародыш!

— Ты знаешь, что это не так,— вновь возразил Владыка Света.— Ты пришел прежде меня лишь потому, что я ждал, какой из миров ты выберешь!

— Как это похоже на тебя! — зло прошипел Отец Тьмы.— Но мне кажется, что я не просил о помощи!

— Это верно,— согласился Податель Жизни,— но я и так знал, что ты не справишься без меня!

— Ха-ха-ха! Какая трогательная забота! — Темный Бог замолчал, и лицо его вновь сделалось серьезным и злым.— Мог бы не беспокоиться, ты мне не нужен.

— О, нет! — возразил Митра.— Обычное заблуждение, и ты об этом знаешь. Зло невысказимо без Добра. Оно разрушает, ведет к гибели.

— Не больше, чем Добро! — перебил его Сет.

— Больше! Много больше! — возбужденно вскричал Митра, словно надеялся переубедить своего вечного соперника.— Конечно, Зло подстегивает, не позволяет расслабляться, но Добро дарит людям радость и любовь! Враждуя, они дополняют друг друга. Без тебя мир станет ленивым и равнодушным. Без меня его зальют реки крови... Так уже было, и ты это знаешь. Вспомни Валузию,— добавил он мрачно,— вспомни Ахерон...

Он взмахнул рукой, и картина за рядом колонн разительно переменялась. Зверье было перебито и съедено, леса вырублены и сожжены, пастбища вытоптаны ордами варваров, а черная дымящаяся земля завалена горами полуразложившихся трупов. Бурлящий океан яростно выплевывал на обгаренное кровью золото пляжа обломки боевых галер и тела утопленников.

— Да. Так было,— согласился его противник,— но вспомни: люди пришли к этому сами! Побеждают сильнеешие! И кто сказал, что это плохо? Ты и сам придержива-

ешься этого правила. Но ведь были не только войны. Посмотри сам.

И вновь мир снаружи переменялся. Гигантские торговые триеры упрямо бороздили мощные водяные валы, нескончаемые караваны навьюченных товаром двугорбых животных упорно преодолевали испепеляющие зноем пустыни, огромные засаженные фруктовыми деревьями и злаками площади кормили мириады людей, которые заполнили гигантские, возведенные из камня города с роскошными храмами и рвущимися в лазурное небо башнями, с мраморными дворцами, украшенными золочеными статуями богов.

— Это был сильный, полный энергии и жизни мир, но тебе не понравилось, как живут его люди. Ты даже не попытался выяснить, кто прав, кто виноват. Ты просто взял и всех уничтожил,— с горечью молвил Сет, и обычно мрачное лицо его почернело, словно обугленное адским пламенем вселенской катастрофы.— Ты необыкновенно удачно помянул Валузию и Ахерон. Вспомни! Ты ведь проделал это дважды!

Черные глаза Великого Змея полыхнули зловещим огнем. В них отразилось всепожирающее пламя пожаров, уничтожавших леса и посевы, и Митра невольно отпрянул от него и оглянулся, чтобы посмотреть на картину мира, выстроенную Сетом. Мира, который на его глазах падал в разверстую им, Митрой, бездну. Он услышал плач детей, протягивавших руки к матерям, и вопли прижимавших к себе детей женщин, тщетно моливших богов о пощаде, проклятия могучих, но бессильных помочь им мужчин и, содрогнувшись от содеянного, с трудом разлепил ссохшиеся губы.

— Иначе мир было не спасти...— оправдываясь, прохрипел он.

Митра помрачнел. Ему неприятны были воспоминания о том злосчастном времени и грозных событиях, изменивших лицо мира, тем более что он до сих пор не мог успокоить совесть и однозначно ответить на свой же вопрос: прав ли он был, поступив именно так.

— Брось лукавить! Ты, кого созданные тобою люди зовут Подателем Жизни, без колебаний отобрал ее, едва не уничтожив мир, когда что-то пришлось тебе не по вкусу!

— Поверь, я скорблю о них,— грустно отвечив Митра, который, несмотря на все свои старания, не мог отделаться от мысли, что упрек справедлив,— но Зло слишком разрослось, подчинив себе все! Его нужно было рвать с корнем, и иначе, как почти разрушив, мир было не спасти! Так мне тогда казалось...

— Так тебе тогда казалось! — Сет патетически взмахнул руками, и лицо его обратилось в маску скорби.— Одним махом ты уничтожил всех: и правых, и виноватых,— с горечью молвил он и склонил голову, словно воспоминание о былом причинило ему нестерпимую боль. Митра так и не понял, на самом деле Сет скорбел о погибших или блестяще играл роль.— Поведай о том своим жрецам,— вновь заговорил Великий Змей,— а мне уже ни к чему твои оправдания. Слишком много лет прошло с тех пор. Поговорим лучше о делах нынешних, и мы увидим, что ты не изменился!

— Что хочешь ты сказать этим?

Митра удивленно посмотрел на своего извечного соперника. К сожалению, слишком многое разделяло их. Пожалуй, даже все. Огромное количество людей пользовалось в разное время благосклонностью каждого из них, и всякий раз это выливалось в тайное, а иногда и открытое противоборство, но что имел в виду его противник теперь, он мог лишь догадываться.

— Ты,— Сет едва ли не ткнул пальцем в грудь Светлого Бога, испепеляя его яростным взглядом,— хвастал тем, что не вмешиваешься в дела людей, но ничто не забыто из сотворенного ни мной, ни тобой. Пришло время, и из глубины веков миру вновь явились Талисман Силы и Незримый, нежданно оказавшись в центре внимания, и тебе это пришлось не по нраву! Кто сковал Незримого, волею случая, заметь, получившего свободу?!

— В том нет моей вины.

Взгляд Митры был кроток и спокоен. Много чего было создано богами либо по воле богов в разное время, и среди них Незримый — древний демон, который жил, чтобы убивать, и убивал, чтобы жить и набираться сил. Со временем он стал слишком силен, и по повелению Митры его пленили, что вызвало ярость Сета, но на открытое столкновение Темный Бог тогда не пошел. И вот теперь благодаря невероятному стечению обстоятельств демон оказался на свободе, но в ту же ночь был скован неким варваром-киммерийцем, серьезно заинтересовавшим Митру своей необыкновенной силой, волей к жизни и неукротимостью в борьбе.

— Уж не хочешь ли ты сказать...— с вызовом воскликнул Владыка Тьмы, но так и не закончил фразы: он уже понял, какой последует ответ.

— Да. Смертный победил его,— просто ответил Податель Жизни.

— Ты лжешь, Солнцеликий, и это печально.— Сет покачал головой, изображая горестное сожаление.— Ты делаешь одно, а говоришь иное. Мне надоело твое лицемерие! Зачем ты позвал меня?

Митра невесело вздохнул: их и без того нечастые встречи неизменно превращались в постыдные перебранки, словно были они не богами, самыми могущественными в этом мире, а простыми смертными.

Сет не верил в чистоту его помыслов, такова уж была его суть, но и сам Митра, положив руку на сердце, не мог сказать, что ему не в чем упрекнуть себя. Теперь, отдаленный от грозных событий пролетевшими веками, он сознавал, что многое можно было сделать не просто иначе, но лучше, а это означало, что противник его имел право на недоверие...

— Хорошо. Оставим прежние споры,— примирительно согласился Податель Жизни и тут же вздохнул, понимая: после того, что он собирается молвить, мирной беседы уже не получится.— Я так тебе скажу: мне не нравятся твои попытки овладеть Талисманом Силы. В опасной ситуации он должен был послужить Добру либо остаться неиспользованным. Лишь поэтому я давным-давно подсказал некоей жрице, имени которой не упомяну теперь, идею Талисма-

на, собирающего чистую силу жизни, и позволил создать его. Именно за непонимание этой простой истины создательница его заплатила жизнью. — Он помолчал, то ли обдумывая сказанное, то ли давая возможность своему гостю сделать это, прежде чем закончить говорить. — И мне не нравится твое желание вернуть из небытия Незримого.

Митра в упор посмотрел в глаза Темного Бога.

— Вот как?! — Сет недобро усмехнулся и взгляда не отвел. — Тебе не нравится мое желание использовать *твое* творение, и тебе не нравится мое желание использовать *мое* творение. Так что же тебе по нраву, хитрейший из богов? Не слишком ли многого ты хочешь? Заметь, мне тоже не нравятся твои попытки овладеть Талисманом и не дать мне освободить моего слугу, но я не упрекаю тебя за твои желания! Каждый из нас волен в своих действиях!

— Я не пытался использовать Талисман, — устало повторил Митра.

Сет недоверчиво покачал головой:

— Не лукавь! Не с твоего ли согласия камень копил силу так много лет? Впрочем, ты сам только что признался в этом.

— Да, это так, — согласился Светлейший, — но сила его не добра и не зла. Она просто сила, и все зависит от того, в чьих руках она окажется. Тебе это известно не хуже моего. Никто из моих слуг не пытался применить Талисман. Он просто лежал и ждал своего часа, а если б необходимость в нем не настала, остался бы лежать на месте. Впрочем, об этом я уже говорил.

— Ты лжешь, Бледноликий! — Лицо Сета пошло багровыми пятнами. — Ведь с твоего ведома смертная пришла в дом за Талисманом!

— Она не пришла бы, если б не твой посланец. Ведь это ты прислал стигийца с той же целью и сделал это раньше!

— Ха-ха-ха! — расхохотался Великий Змей. — Кто из нас Сет?! Я устал от твоих загадок! Ты изворотлив, словно змей! Да! Я велел моим жрецам завладеть Талисманом и не скрываю этого. Мне надоела та протухшая идиллия, что так по нраву тебе! Ты видишь — я откровенен. Ответь и ты мне тем же!

— Ты желаешь прямого ответа?

— Да.

Они стояли друг против друга и смотрели один другому в глаза. Оба могущественные и прекрасные, хотя каждый на свой лад, и стремления их разнились так же, как и внешность.

— Ну что ж, изволь, — заговорил наконец Митра. — У каждого из нас свои цели. Со времени гибели Ахерона ни один из нас не мог получить решающего перевеса. Так?

— Так, — нехотя согласился Темный Бог.

— Меня это устраивало, — закончил свою мысль Податель Жизни. — Не вполне, конечно, ведь мир еще далек от гармонии, но он, по крайней мере, обрел устойчивость.

— А меня нет! — Глаза Великого Змея зло сверкнули под грозно сведенными бровями. — Я не против гармонии мира, но на более высоком уровне! Мне по душе бури и кипение страстей, а ты устроил тихое болото и доволен, что оно не увеличивается и не пересыхает, снабжая каждого порцией затхлой водицы, именуемой жизнью!

Некоторое время оба буравили друг друга взглядами.

— Можно назвать спокойствие мира и болотом. Тут многое зависит от точки зрения, как ты недавно верно заметил, — заговорил Светлый Бог. — Нам с тобой бессмысленно бороться, мы это выяснили давно. Другое дело люди! Я понимаю так, что тебе создавшийся порядок вещей не по нраву, и ты решил, что время настало: либо Незримый, либо Талисман позволят твоим приверженцам склонить чашу весов в свою сторону, а если повезет и получится и то, и другое, их преимущество станет неоспоримым!

— О, нет! — неожиданно мягко возразил Сет. — В том, что Незримый оказался на свободе, нет моей заслуги. Глупость людская привела к этому. Не скрою, я решил воспользоваться случаем, и хотя попытка не удалась, но все равно я рад, ведь это подарок от тебя! — Он насмешливо посмотрел на соперника. — Я постараюсь не расстаться с этим даром.

Митра грустно покачал головой:

— Мы ведем себя словно люди!

— Ты ведешь себя как человек! — От только что звучавшей в голосе мягкости не осталось и следа. — Не я затеял этот спор. Послушай же меня. Ты сковал моего слугу, но я сказал себе: пусть так, раз не смог защитить себя. Это ведь наш общий принцип, верно? Да и не стоило обращать внимания на подобную мелочь. После этого ты создал Талисман, и я вновь успокоил себя: не стоит торопиться, поглядим, что из этого получится, это всего лишь одна из игрушек Солнцеликого. Теперь он созрел... Что ж, это должно было произойти. Ты говоришь, что не собирался трогать его, но позволь тебе не поверить. Ты знаешь правило: вещь, готовая к употреблению, не остается без хозяина! Посмотри на происходящее моими глазами: ты ослабил мои силы и теперь готовишься увеличить свои. Ты скажешь, что это мелочи, но ведь большое и складывается из мелочей!

— Но ты ведь знаешь, что это не так! — воскликнул Митра с горечью, понимая, что обвинение справедливо или, по крайней мере, кажется справедливым.

— Молчи, Солнцеликий! — Сет резко оборвал его. — Я не собираюсь обсуждать с тобой причины. Я говорю о следствиях, вызванных ими! Они называются фактами! Слышал такое слово? События! Лишь они бесспорны! Ты создал Талисман, дал ему набраться сил и попытался завладеть им, но твои люди сделали это настолько бездарно, что выпустили на волю Незримого. — Тут он улыбнулся. — По счастью, оба мы подвластны Року! Именно он, высший судья, видя, что ты вконец обнаглел, не дал исполниться коварным планам, которые ты почему-то именуешь Добром! Твои старания пошли насмарку: сила Талисмана скована, а твоя небрежность исправлена — Незримый вновь в плену. Но теперь их судьбы связаны неразделимо, а ситуация изменилась: ты упустил свой шанс. Теперь мой черед действовать!

— И ты намерен...

— Именно! — Теперь Сет выглядел совершенно спокойным. — Я хочу повторить то, что не смог проделать ты! По-моему, я имею на это право, ведь это только справедливо.

— Но тебе придется освободить Незримого!

Во взгляде Митры промелькнул ужас. Он однажды уже сковал демона — пожирателя душ, ставшего слишком могучим, и хорошо понимал, что случится, если тот вновь вырвется на волю.

— Ну что ж... — Сет прекрасно разобрался в буре чувств, боровшихся в груди Митры, и взгляд его стал насмешливым. — Ничего не имею против такого развития событий, хотя это и не входит в мои планы.

Некоторое время оба молчали. Светлый Бог не знал, на что решиться. Он очень надеялся на этот разговор, а результат получился хуже некуда. Правда, они высказались друг перед другом, но лучше бы им не делать этого. Что ж, пусть. Выбор сделан не им.

— Боюсь, что не смогу тебе этого позволить.

Казалось, Податель Жизни перестал колебаться, всем своим видом показывая, что не собирается уступать.

— Ты не сможешь мне этого запретить, — с ухмылкой ответил Отец Тьмы, — так будет вернее.

— Совсем как люди.

Голос, который произнес эти слова, не принадлежал ни Митре, ни Сету. Он был низким и бархатистым. Он завораживал, приковывал к себе внимание, подразумевая некую тайну, известную лишь обладателю голоса. Тайну смертельно соблазнительную, способную измотать душу! Тайну, за которую жизни не жаль...

Даже одеяние говорившей подразумевало нераскрытую тайну. Просторная белоснежная тога бережно укутывала тело богини, оставляя открытыми только нежные руки и прекрасное лицо. Как это ни странно, такая одежда не создавала впечатления недостижимости или отстраненности, быть может, потому, что каждое движение гибкого тела умело подчеркивало его многочисленные достоинства, недвусмысленно намекая на то, что скрытое вовсе не означает недоступное.

Оба собеседника резко обернулись на голос и замерли, пораженные. Мраморная колоннада с одной стороны исчезла, открыв их взорам усыпанный цветами луг с обсту-

пившим его дремучим лесом, по которому летящей походкой к ним приближалась обладательница дивного голоса.

— Ты права, дорогая. Я уже пожалела, что пришла.

И Митра, и Сет вздрогнули и посмотрели назад: вторая половина колоннады обернулась песчаным гротом с ходом, уводящим в темноту, откуда, весело журча, выбегал шустрый ручеек. На огромном куске цветного песчаника, переходившего от голубого цвета у подножия к розовому в изголовье и напоминавшего формой трон, восседала та, что произнесла вторую фразу.

Ее голос был томным и ничего не таил, открыто заявляя, едва ли не крича о страстях, бушевавших в прекрасном теле, почти обнаженном. Ажурное кожаное плетение на тонких ремешках лишь слегка поддерживало роскошную тяжелую грудь, а небольшой кожаный треугольник с тисненным на нем цветком лотоса прикрывал лоно и служил, казалось, лишь для того, чтобы к нему могли прикрепиться тонкие плетеные тесемки, подчеркивавшие стройность сильных бедер и обворожительную форму длинных ног.

— Деркэто!

Митра восторженно выдохнул и замер в глубоком поклоне, а когда выпрямился и вновь посмотрел на богиню, Сет едва сдержал усмешку, увидев преображенного Подателя Жизни. Тот лишился бороды, стал выше ростом и шире в плечах, мгновенно сбросив не меньше четверти века!

— А мне ты, похоже, вовсе не рад, хоть и позвал сюда!

В низком голосе Иштар ясно слышалось недовольство. Сет резко обернулся. Теперь лицо его украшали усы и аккуратная бородка. Он тоже слегка попрос — ровно настолько, чтобы стать достойным кавалером Иштар, — но богатырских пропорций придавать своему облику не стал. Лицо его сохранило черты прежней суровости, но просветлело, а в антрацитовый глубине глаз вспыхнули искры восторга.

— Не сердись на него, великолепная Иштар, — усмехнулся Великий Змей. — Солнцеликий никогда не отличался хорошими манерами. Я осмелюсь предложить тебе руку вместо него.

— Ты слишком торопишься, Повелитель Ночи. — Иштар гордо посмотрела на него. — Это право нужно заслужить! Особенно тебе, — добавила она, немного подумав.

И во взгляде этом, одновременно притягивающем и тут же ставящем на место любого, полыхал такой жар скрытой страсти, что Сет тут же потерял голову, словно и впрямь был не богом, а всего лишь простым смертным, готовым пасть к ногам прекрасной дамы.

— Ради тебя я готов на все!

Иштар прилась по вкусу грубая лесть, и она одарила Отца Тьмы улыбкой, которая была способна свести с ума. Сердце Темного Бога лихорадочно заколотилось в груди, темный лик его словно озарился светом, и это тоже не осталось незамеченным.

— Что ж, — точеный подбородок богини надменно вздернулся, — я запомню это!

Деркэто тем временем взглянула на Митру. В глазах ее играли веселые огоньки. Чувственный рот приоткрылся, будто для поцелуя, и сердце Светлого Бога замерло, словно боясь вспугнуть робкую надежду — неужели?!

— Ты ничего не хочешь нам сказать, могущественный?

Несмотря на обжигающее пламя страсти, полыхнувшее в груди, Митра ни единым жестом не выдал своего возбуждения, но прекрасная искушительница уже знала: грозный владыка у ее ног.

— Я призвал вас потому, что две силы, созданные мною и Сетом многие века назад, вырвались на волю и хотя были обузданы, но готовы в любой миг сбросить зыбкие оковы. — Митра с трудом заставил голос не дрожать. — Это Талисман Силы и Незримый. Подобное случалось и прежде, но сейчас мир едва успокоился, и мне не хотелось бы будоражить людей. Если кто-то может повлиять на события, оставаясь в тени, я прошу его сделать это.

Иштар, нахмурившись, посмотрела на Сета, и тот заторопился с объяснениями, хотя никто его ни о чем не спрашивал.

— Я не имею к этому отношения! — Он поднял руки, словно отгораживаясь от невысказанных обвинений. — Незримый вырвался сам. На то была лишь воля Рока, и я вижу в том его указание — демон должен вернуться в мир, нравится это кому-то или нет! — закончил он с воодушевлением, но, взглянув на Иштар, сник. — Но я готов уступить его, если мне отдадут камень и Конана.

— И я настаиваю на том же, — с улыбкой поддержала Сета Иштар, — правда, камень мне ни к чему, но мне нужны Конан и Мелия. Их любовь слишком сильна, чтобы закончиться несчастливо.

— Я не могу согласиться с этим, — воскликнул Митра, — у киммерийца иная судьба! Любовь Мелии не для него!

— Так что же ты теряешь? — запальчиво воскликнул Сет. — Если Року будет угодно, смертный останется у тебя, несмотря на все мои старания, хотя мне он тоже понравился. Должен же и я что-то получить: не Незримого, так Талисман... — Он посмотрел на Иштар. — Или Конана... Отдай мне его!

— Вы все долго и красиво говорили, но забыли обо мне! Мне не нужен Талисман и не нужна Мелия, мне не нужен и Незримый! Делите их как хотите! — Деркэто оглядела их насмешливо, словно обладала здесь единоличной властью. — Но Конан мой! Ведь ты не откажешь мне в этом, правда?

Танцующей походкой прекрасной искусительницы, сознающей свою власть, не сводя насмешливого взгляда с выбранной жертвы, Деркэто подошла к Митре и положила ему руки на грудь. Он заглянул в ее глаза и с трудом выдавил из себя:

— Они будут нашими. Оба.

Иштар подошла к Сету и прильнула к его груди. В конце концов, жизнь — игра, и Митра сам сделал выбор. Если ей нужна поддержка, она знает, где найти ее!

— Ты говорил, что ради меня готов на все. Теперь ты можешь доказать это. Ведь ты не уступишь им этого человека, — Иштар подняла голову и заглянула в глаза Сета, — милый?

Великий Змей почувствовал жар ее сводящего с ума тела и подумал, что наконец-то та, любви которой он добивался так долго, будет принадлежать ему, и в глазах у него потемнело.

— Ни за что! — процедил он сквозь зубы, сжимая ее в объятиях.

«Они совсем как люди, — подумала Деркэто, со сладостным стоном прижимаясь к груди Митры, — впрочем, и мы тоже».

Глава вторая

Хотя лето еще не началось, было уже по-настоящему жарко. Впрочем, и весна не спешила уступать свои права. По утрам солнце ласкало, нежно прикасаясь к остывшей за ночь земле и постепенно согревая ее, но к полудню набирало силу, и безжалостные лучи немилосердно палили, пропекая мощенные камнем мостовые и черепичные крыши домов, делая воздух жарким и тягучим.

Почти невесомая пыль, поднимавшаяся с земли от малейшего дуновения ветерка, клубилась полупрозрачной дымкой, застывая в воздухе легкими облачками. Стоило лишь выйти за порог, и жара мгновенно выжимала из тела влагу, кожа покрывалась липким потом, а вездесущая пыль налипала плотным слоем, отчего даже совсем недавно принявший ванну человек начинал чувствовать себя рудопомом, только что вылезшим из шахты.

Как это ни странно, но, несмотря на жару, улицы по-прежнему оставались людными. Правда, тем, кто добывал свой кусок хлеба трудом, было не до капризов погоды: жара ли, холод ли, проливные дожди — останешься дома, помрешь с голоду.

Лишь те, в чьих сундуках никогда не иссякали монеты, могли позволить себе такую роскошь, как ничегонеделание. Расположившись под пестрыми полотняными навесами, они попивали так приятно освежающее легкое кислое вино, охлажденное в леднике, где и в самую жестокую жару легко замерзнуть насмерть. Снисходительно поглядывая на

снующих на солнцепеке прохожих, перебрасываясь редкими, ленивыми фразами с такими же, как сами, отягощенными избытком досуга собеседниками, они радовались про себя, что достаток позволяет им избежать участи обремененных заботами людей.

Но не все роптали на неожиданную жару. Были и такие, кто почитал ее за благо. Эти, довольно отдуваясь и утирая струящийся по лицу пот, смаковали ароматный зеленый чай, после каждого глотка удовлетворенно цокая языком и нахваливая гостю редкостные достоинства божественного напитка, по случаю приобретенного у заезжего торговца.

Назавтра картина, как правило, менялась. Гость становился хозяином, и наступал уже его черед старательно изображать радушие и нахваливать неоспоримые качества своего, купленного втридорога душистого чая, привезенного из далекого Кхитая, который поставщик придержал специально для него, не уступив другим покупателям.

Оба при этом и не подозревали, что потчуют друг друга одним и тем же напитком, который проныра-торгаш, расписав несуществующие достоинства, продал им с огромной выгодой для себя, пользуясь жарой и спросом.

Одним словом, жизнь в огромном городе не замирала, и не только в прохладе, хранимой каменными стенами домов, и в тени защищавших от солнца навесов, но и на улицах, где раннее лето даже не приостановило мирской суеты.

Правда, днем измученное жарой нутро не принимало тяжелой пищи, зато в избытке способно было потреблять кислое стигийское виноградное вино, прекрасно утоляющий жажду чай, сочные туранские дыни невероятных размеров и полосатые арбузы. Многие же предпочитали аргосский темный виноград величиной со сливу, уже спевшую в Шеме, или огромные сочные шемитские же груши, брызжущие, стоит лишь прокусить плотную шкурку, ароматным соком, нежные вендийские персики, покрытые тонкой, бархатистой кожицей — словом все, что дарило влагу и способно было хотя бы приглушить жажду, потреблялось в невероятных количествах.

Однако такие картины можно было наблюдать лишь днем, когда даже мальчишки, разносившие по улицам холодную родниковую воду в тяжелых вместительных бурдюках и вполне привычные к своему ремеслу, вскоре валились с ног от усталости: они вынуждены были нанизывать на шест по два, а кто постарше — и по четыре наполненных живительной влагой кожаных пузыря зараз.

Зато к вечеру все менялось, и если днем лишь жажда не позволяла людям забыть о потребностях тела, то к вечеру, когда удушающая жара спадала, желудок словно просыпался, веско напоминая о том, что на воде и чае, даже если потреблять их целыми бурдюками, далеко не уедешь.

Многочисленные духаны, таверны и кабаки, которыми изобиловала воровская столица мира, наполнялись желанными гостями, которые жаждали вознаградить себя за дневной пост. Жизнь на пропеченных с утра улицах затихала и сосредоточивалась под крышами домов, которые, впрочем, и днем не пустовали. Воздух наполнялся другими ароматами, главным из которых был запах жаркого, приготовленного на любой вкус.

Словом, жизнь была ключом, не замирая ни днем, ни ночью.

* * *

Стигиец шел к центру города.

Жара не действовала на человека, облаченного в одежды жреца Сета. Тело его оставалось сухим, словно покрывала его не обыкновенная, как у всех людей, кожа, а листы равнодушного к зною древнего папируса, рыхлого от времени, что оставляет от прикосновения невидимый след, который невольно хотелось смыть как можно быстрее.

Он шел из таверны, где только что встретился с киммерийцем, и мысли его были невеселыми. Талисман, упрятанный в мягкий замшевый мешочек, лежал в кармане, но, хотя это означало, что задание свое он успешно выполнил, радости он не испытывал. Правда, и вины за собой он не чувствовал, но и это не утешало.

Вряд ли Рамсис станет разбираться, по чьей вине сила покинула камень и Талисман оказался бесполезным, а в том, что дело обстоит именно так, сомнений нет. Это жрец почувствовал сразу, как только рука его коснулась мешочка. Почувствовал даже раньше, чем увидел потускневший камень.

Рамсис не признавал провалов и не выносил неудачников. Сам он был молод и силен. Он жаждал могущества, и его совершенно не волновало, каким образом достичь возжеланной цели. Он уже возглавлял Черный Круг, хотя и не был сильнейшим в нем, и сознание этого не давало покоя, ядовитой занозой засев в его отравленном злобой мозгу.

Он рвался к абсолютной власти, а потому черпал силу и знание везде, где только мог, не останавливаясь ни перед чем. У него не было друзей, и даже сторонники Рамсиса его боялись, а потому, будь злосчастный жрец простым смертным, вероятнее всего, он просто сбежал бы и попытался найти защиту у кого-то из могущественных врагов черного мага, но в его положении это было невозможно.

Поэтому он просто шел туда, где ждало его жестокое, хоть и не заслуженное ничем наказание, инстинктивно уступая дорогу встречным и обходя препятствия, не видя и не слыша ничего вокруг. Он шел словно заводная игрушка, какие, говорят, делают на забаву своим владыкам мастера в далеком Кхитае.

Он шел и не знал, что от самой таверны, где Конан передал ему камень, за ним неотступно следовали четыре неприметные фигуры. Стигиец еще не пересек Пустыньки, но уже подходил к ее границе, когда двое из них, мягко, но твердо взяли его под руки.

— Наш господин желает переговорить с тобой, прежде чем ты вернешься к Рамсису.

Жрец вздрогнул от неожиданности, и говоривший, желая избежать возможного сопротивления, шепотом добавил:

— Если ты не станешь противиться, это не займет много времени, а сам ты останешься цел. — Он попытал-

ся заглянуть под низко опущенный капюшон плаща стигийца. — В противном случае мы все равно заберем Талисман, но ты об этом уже не узнаешь, — закончил он веско.

Говоривший так и не увидел ни глаз, ни даже лица, закрытого тканью, хотя и готов был поклясться, что заинтересовал незнакомца, на что, по правде говоря, совершенно не надеялся.

Мгновение спустя зазвучал странный, шуршащий голос, словно два куска папируса терлись друг о друга:

— Кто твой господин?

— Ты узнаешь об этом позже, — усмехнулся тот, кто говорил со стигийцем, — если пойдешь с нами.

Он потянул незнакомца за рукав, но тот не двигался с места.

— Он колдун?

Человек снова взглянул на жреца, не понимая, чего тот добивается, но в странном голосе ему послышалась удивившая его надежда и, поняв, что ответ его важен для обладателя необычного голоса, серьезно пояснил:

— Мой господин не принадлежит ни к каким «рукам» и «кольцам», но связываться с ним я бы не посоветовал никому. Это все, что я могу сказать тебе сейчас.

«Вот он — Случай!» — мелькнуло в иссушенном мозгу жреца.

— Я согласен, — прошелестел он, — ведите меня.

* * *

Последний вздох страсти вырвался из полуоткрытых уст, в последний раз содрогнулось прекрасное тело, и все стихло. Огромная кровать, только что служившая полем сладострастной битвы, приняла смертельно уставшие тела любовников в свои объятия, и лишь тогда, словно стоявший снаружи ждал именно этого мгновения, раздался тихий стук в дверь.

Конан подпрыгнул, как отпущенная пружина, словно не он, а кто-то другой только что без сил повалился на белоснежные простыни и, даже не потрудившись накинуть на

свое могучее тело хоть какое-то подобие одежды, оказался рядом с дверью.

Женщина осталась лежать, так же мало, как и он, заботясь о том, что чей-то нескромный взгляд сможет коснуться ее нагого тела, в соблазнительной позе раскинувшегося на простынях.

Дверь бесшумно отворилась, и улыбающаяся веснушчатая мальчишеская рожица с хитрющими глазами просунулась внутрь, явно пытаясь заглянуть за спину гиганта. Однако, быстро поняв, что ничего из этой затеи не получится, мальчишка весело взглянул в лицо варвара.

— Там еще одна ждет своей очереди, господин!

Конан на миг прикрыл глаза и расслабился, а мальчишка мгновенно повторил свой маневр, но на этот раз гораздо успешнее. Глаза его восторженно округлились, но он тут же почувствовал, как стальные пальцы стиснули его ухо, и, обхватив руку киммерийца, но не сводя восторженного взгляда с новой подружки Конана, повис на его руке, неестественно выгнув голову.

— Ну, ну! Пусти же! Пусти, а то скажу той, внизу, что ты здесь! — пригрозил он, когда все попытки вывернуться окончились неудачей.

— Ах ты, паршивец! — Молодой варвар и не думал выпускать жертву. — Ты же знаешь, что до вечера меня ни для кого нет.

Сказав это, Конан беззлобно и беззвучно рассмеялся и только тогда разжал пальцы. Мальчишка потряс рыжей головой и растер покрасневшее ухо.

— Хорошо, — мстительно ответил он, — скажу ей, что до вечера ты вряд ли спустишься!

— Вот я поймаю тебя сейчас... — рыкнул на него Конан, делая шаг вперед, но мальчишка со смехом отскочил.

— Давай, давай! Внизу тебя будут рады видеть!

Мальчишка окинул своего покровителя красноречивым взглядом и отпрыгнул еще на шаг, потирая горевшее огнем ухо. Не потому, что боялся, а просто так, на всякий случай. Конан погрозил ему кулаком:

— Смотри, Лисенок, вытяну уши, как у осла.

Дверь закрылась, и он услышал быстрые, легкие шаги по коридору.

— Опять она?

Женщина открыла глаза и томно посмотрела на Конана. Он молча кивнул и уселся рядом, а она быстро сменила позу и устроилась у него на ногах, обхватив за талию бедрами и уперевшись полными грудями в его мощную грудь. Конан обнял ее, почувствовав, как вновь пробуждается желание, и коснулся губами ее уст. Сердце стучало все сильнее, но женщина вдруг отпрянула и с неожиданной тоской посмотрела киммерийцу в глаза.

— Не бросай меня, Конан.— Ее глаза расширились и влажно заблестели.— Я богата, мне ничего от тебя не надо. Только не гони!

* * *

Вечера, когда дневная жара спадала и на город опускались сумерки, Конан имел обыкновение проводить за кувшином доброго хмельного вина либо в одиночестве, либо, и чаще, в таверне Абулетеса, в компании верного Тушки, который безвылазно торчал здесь не только в темную часть суток, когда с улиц под крыши домов устремлялись толпы людей, торопившихся утолить голод, но и целыми днями, в течение которых большинство предпочитало заниматься чем-то иным.

Впрочем, с его комплекцией нечего было даже мечтать о том, чтобы выползти наружу, на солнцепек, разве только для того, чтобы подобно бегемотам, по слухам обитавшим где-то в сердце Черного Континента, плюхнуться в какую-нибудь лужу и, выставив наружу нос, наслаждаться влажной прохладой.

Конечно, за деньги такой аттракцион легко было устроить, но для этого пришлось бы покинуть привычное, такое уютное кресло в таверне Абулетеса и этот прекрасный стол, уставленный вкусной едой, расстаться с которой было выше его сил, ибо еда, а вернее сам процесс ее потребления, составляла суть существования Тушки.

И все-таки время от времени, когда деньги подходили к концу, волей-неволей ему приходилось соглашаться на предложение Конана отправиться на дело, чтобы, как он любил выражаться, обеспечить себе скудное пропитание.

На «скудное пропитание», поглощением которого он как раз и был занят, стоило посмотреть. Нет, Тушка, как ласково звали его приятели, вовсе не был гурманом. Он просто любил поесть, быть может, не очень разнообразно, зато сытно, и внешность его по вполне понятным причинам была соответствующей. Он был не просто толст, он был необъятен.

Год назад Конан случайно повстречался с ним в Рабирийских горах, на одном из перевалов наткнувшись на почти замерзшее тело, уже припорошенное снежком. Повинуясь безотчетному инстинкту, он взвалил еле дышавшего толстяка на спину и вместе с ним спустился в долину.

Надо сказать, что подвиг сей, ничуть не умаляя силы Конана, оказался ему по плечу лишь благодаря тому, что Тушка, изголодавшийся и изможденный небывалыми тяготами, выпавшими на его долю, потерял добрую половину своего веса. Когда же через пару дней они прибыли в Шадизар и новый приятель киммерийца начал восполнять потерю, то поглазеть на это представление приходили со всей Пустыньки.

К счастью, Конан был при деньгах, получив хороший куш за ожерелье, выкраденное в доме почтеннейшего Тефилуса. Он, собственно, и отправился проветриться в горы, чтобы вдали от городской суеты с ее пылью, духотой и надоедливой стражей переждать опасные дни, когда в Пустыньке перетрахиывали всех и каждого, тщетно пытаясь отыскать пропажу.

Конан видел во всем этом перст providения. И в том, что ему приспичило вдруг в горы, и в том, что в горах этих повстречал он странного, полузамерзшего незнакомца, которого непонятно зачем притащил в Шадизар. Впрочем, легко нажитое золото, которое он выручил за ожерелье, так же легко и покинуло его карман, полностью уйдя на кормле-

ние изголодавшегося бедняги, и это тоже показалось северянину одним из звеньев все той же цепи.

Когда деньги кончились, киммериец пожал плечами и пошел на очередное дело. Теперь, прожив в Шадизаре без малого пять лет, он стал личностью знаменитой и недостатка в предложениях не испытывал, ибо всякий в этом городе знал, что руки Конана — верные руки, не знающие неудачи. К его удивлению, Тушка попросился в напарники, и позже Конан ни разу не пожалел о том, что спас этого странного человека.

— Что скажешь, брат Конан?

На миг Тушка перестал жевать и откинулся к стене, зажав в правой руке недоеденную баранью ногу, а левой поднес к губам объемистый кубок ароматного молодого вина. Он пристально смотрел на киммерийца, ожидая ответа.

Лисенок, маленький товарищ огромного варвара, строился здесь же, рядом, лениво поглощая сливы и стреляя косточками в пузатый горшок, стоявший в углу.

Конан пожал плечами и ничего не ответил. Вроде все шло неплохо, но на душе было пакостно, и он успокаивал себя, говоря что это нормальное состояние для человека, решившего расстаться с прежними друзьями, но у Тушки, одного из этих друзей, не было причины обманывать себя.

— Не понимаю я тебя, — словно разговаривая сам с собой, проговорил толстяк, — любишь одну, спишь с другой. — Он пожал плечами. — Странно это.

Он ожесточенно потрянул копной густых, стянутых на макушке в тугой узел черных, жестких волос и вновь принялся за жаркое. Ни слова не говоря, Конан последовал его примеру, и некоторое время оба молча насыщались. Молчал и Лисенок, прекрасно помнивший каждую из затрецин, полученных от Конана, и в их числе ту, которую отвесил ему киммериец за то, что мальчишка однажды вмешался в разговор взрослых. Теперь он лишь поглощал фрукты да бросал на своих огромных защитников хитрые взгляды.

Через некоторое время Тушка вновь отвалился к стене, ожидая, пока очередная порция тушеной баранины найдет свое место в его бездонном желудке и, чтобы она нигде не

задерживалась, влил в себя изрядную дозу вина. Покончив с этим важным делом, неожиданно для себя самого он почувствовал, что мысли его двинулись в ином направлении.

— Абулетес сказывал, что в Шадизаре видели Маргаба. Киммериец с сожалением оторвался от жаркого:

— Маргаба?

Он нахмурился, прикидывая, что за нужда могла заставить этого мясника покинуть Арэнджун, затем наполнил опустевший кубок и, проглотив его содержимое, удивленно уставился на приятеля.

— А ты стал лакомкой, Тушка? С чего это ты решил сменить аквилонское на пальмовое?

Тушка в ответ пожал плечами:

— Подношение друзей. Я не мог отказать. — Он сделал небольшой глоток, словно пробуя напиток на вкус. — А вино неплохое, хоть и слишком сладкое. — Он с удовольствием причмокнул толстыми губами. — Но ты не ответил мне.

Конан недовольно поморщился: ему вовсе не хотелось обсуждать дела славившегося своей жестокостью наемного убийцы, который неизвестно зачем появился в Шадизаре.

— Какое мне дело до Маргаба?

— Как какое? — Толстяк поставил на стол кубок, из которого только что собирался пить, и бросил обглоданную кость в стоявший в углу горшок с завидной точностью.

Лисенок недовольно поморщился, ибо горшок, по его мнению, предназначался исключительно для сливовых, а вовсе не бараньих косточек, но промолчал, памятуя еще об одной затрецине, полученной от Конана в подкрепление простой мысли: все, что делают взрослые, правильно и, следовательно, подлежит не критике, а подражанию.

— Как это какое? — повторил свой вопрос Тушка и недоуменно посмотрел на приятеля. — Он ведь, пожалуй, не уступает тебе в силе?

— Пусть не уступает, — равнодушно отозвался киммериец.

Заинтересовавшись и мгновенно позабыв о горшке, Лисенок оторвался от слив и удивленно посмотрел на Тушку.

— Да и ростом он будет повыше тебя,— тем временем продолжал гигант.

— Пожалуй,— задумчиво согласился северянин.

Глаза Лисенка округлились от удивления: ему и в голову не приходило, что кто-то может не то что превзойти, просто сравняться с Шадизарским Львом!

— А в плечах шире,— разбил иллюзию восторженного мальчугана Тушка.

— И руки у него длиннее, а ноги короче,— примирительно добавил Конан, и удивление в детских глазах сделалось безграничным.— Ты прав,— закончил северянин.— Не понимаю я лишь одного: почему это должно меня беспокоить?

При этих словах Конана лицо мальчишки вытянулось, рот открылся, а слива выкатилась и упала на пол.

— Вот! — Тушка ткнул в него пальцем.— Мальчик правильно все понял, хотя он еще мал и глуп!

Мальчишка поспешно захлопнул рот, звонко щелкнув челюстями, и возмущенно посмотрел на толстяка, досадуя на себя за невыдержанность. Конан окинул Лисенка быстрым взглядом, проглотил прожеванный кусок и усмехнулся.

— А ты ждал, что у меня изо рта вывалится кусок баранины, а потом я откушу себе язык?

Он пренебрежительно хмыкнул, чем заставил мальчишку покраснеть, и запил съеденное изрядным глотком из кубка, который тут же опустел. Киммериец повертел его в руках, словно удивляясь про себя, как напиток мог кончиться так быстро.

— Хозяин! — оглушительно зарычал он.— Принесет нам кто-нибудь сегодня вина или нет?!

— Несу, несу!

Из двери в углу зала, за которой, Конан знал, находилась лестница, ведущая в погреб, мгновенно появился жирный кабатчик с запотевшим кувшином в руке. Таких гостей, как Конан и его друзья, он всегда старался обслужить сам.

— А ну-ка, присядь.

Конан указал рукой на скамью, и Абулетес покорно сел, не выразив ни малейшего недовольства, потому что знал: с молодым варваром лучше не спорить. Впрочем, причина была не только в этом: дружба с киммерийцем и его друзьями приносила ему немалую выгоду. Вся компания столовалась у него, а эти люди знали толк и в еде, и в хорошей выпивке, не говоря уже о том, что никогда не скупились при оплате, будь то еда или свежие сплетни.

— Так что ты говорил о Маргабе? — Конан пристально посмотрел в хитрые глазки кабатчика.

— Ничего, господин. Ничего, кроме того, что он появился в Шадизаре,— ответил Абулетес, и глаза его привычно забегали по сторонам, словно ему было что скрывать.

— Не играй со мной, старый плут.— Конан демонстративно оперся о столешницу тяжелым кулаком.— Говори, что знаешь!

— Как можно, достойнейший! — Кабатчик изобразил на лице обиду.— Старый Абулетес сказал все, что знает!

— И тебе нечего добавить? — Киммериец продолжал буравить его тяжелым взглядом.

— Старый Абулетес сказал все, что знает,— повторил тот и нервно облизнул губы,— но может сказать еще о том, что слышал.

Он вопросительно посмотрел на Конана, ища в его взгляде ответа на свой вопрос.

— Говори! — Глаза киммерийца полыхнули холодным синим пламенем.

— Могу ли я в рассказе коснуться некоторых,— он закатил глаза и пошевелил толстыми губами,— щекотливых моментов?

— Можешь,— милостиво разрешил Конан,— можешь говорить о чем угодно.— И закончил злобешним шепотом: — Но учти, терпенье мое истощается.

— Я все понял, о могучий Шадизарский Лев,— при этих словах Лисенок прыснул в кулак,— и начинаю.— Он еще

раз вздохнул и помялся. — Знакомо ли тебе имя Мелия? — Тушка укоризненно покачал головой, словно у него на глазах толстяк-кабатчик затеял дурацкую игру с кисточкой на хвосте могучего Шадизарского Льва. Конан скрипнул зубами, маленький паршивец еще раз сдавленно прыснул, но тотчас затих под строгим взглядом киммерийца, а Абулетес как ни в чем не бывало продолжил: — Вижу, что знакомо. Вероятно, знакомо тебе также и то, что отец ее, почтеннейший Тефилус, дом коего ты почтил год назад своим посещением, занимает пост Главного Королевского Дознавателя при дворе в Арэнджуне?

Конан грозно посмотрел на кабатчика, демонстративно поигрывая рукоятью кинжала.

— Кром! А известно ли тебе, пес, что терпенья у меня осталась последняя капля?!

— И я ясно вижу, что капля эта вот-вот готова иссякнуть, — спокойно добавил Тушка и вонзил зубы в новую порцию жаркого.

Абулетес разочарованно вздохнул: вновь, в который уже раз, торопясь вытянуть из него то небольшое, что он знал, ему не дали насладиться стройным рассказом — но, памятуя о том, что жизнь дороже, предпочел не искушать судьбу.

— Так вот, Тефилус этот объявил в Арэнджуне награду за твою голову, так что, вполне возможно, Маргаб появился здесь неспроста.

Абулетес значительно посмотрел на Конана и замолчал, представляя северянину возможность самому делать выводы из сказанного. Как видно, слова его оказали нужное действие, потому что некоторое время молодой варвар молчал, потом посмотрел на старого кабатчика и коротко спросил:

— Велика ли награда?

— Десять тысяч золотых, несравненный! — восторженно воскликнул он.

— Негусто, — хмыкнул Конан.

— Так ведь туранских золотых! Это большие деньги, — возразил Абулетес, — на это золото можно купить стадо в полсотни верблюдов!

И, дабы подчеркнуть значительность сказанного, кабатчик поднял вверх указательный палец. Однако результат оказался вовсе не таким, на который он рассчитывал. Конан сгрел его за грудки, и кабатчик почувствовал, что ноги его оторвались от пола, а лицо неожиданно оказалось на одном уровне с лицом варвара, которому коротышка-толстяк доставал лишь до плеча.

— Да как ты посмел, осел облезлый, сравнить меня с верблюдом!

— Так ведь целое стадо!.. — просипел полузадавленный кабатчик, не понимая, что так разозлило киммерийца.

Лицо Конана налилось краской гнева.

— Задавлю!

Тушка, усмехнувшись, скользнул мимолетным взглядом по зашедшемуся звонким смехом Лисенку и насилу придал лицу серьезное выражение.

— Поцеди его, несравненный. Наш почтенный хозяин всего лишь хотел сказать тебе приятное.

Конан нахмурился:

— Это так?

— Так, могучий лев, — просипел полузадушенный бедняга.

Руки разжались, и Абулетес без сил рухнул на скамью.

— А раз так, то прости и ты меня, почтеннейший, я не со зла. На вот — запей.

Он плеснул в пустой кубок вина и пододвинул его неудачливому рассказчику. Тот сделал несколько жадных глотков и почувствовал себя значительно лучше. Увидев, что представление закончилось, публика занялась своими делами. Впрочем, особой тревоги никто не выказал: подобные сценки в любом кабаке, таверне или духане Пустыньки были отнюдь не редкостью и в большинстве случаев заканчивались безобидно, хотя бывали и исключения.

— Это все? — спросил Конан, едва Абулетес пришел в себя.

— Хвала Митре, все. — И, поймав на себе удивленный взгляд Конана, поспешил добавить: — Старый стал, на вторую новость меня бы уже не хватило.

Киммериец усмехнулся про себя, но виду не подал, а, наоборот, придал лицу злое выражение, еще больше напугавшее беднягу.

— Если узнаешь что новое, почтеннейший, прошу не утаивать.

— Как можно, несравненный, как можно! — запричитал тот. — А теперь, прошу простить, но мне пора. Посетителей становится все больше.

И, не переставая кланяться, он спешно юркнул за занавеску и в тот вечер больше не показывался в зале.

— Мелия... — задумчиво повторил Тушка. — Это не та, что разыскивает тебя по всему городу?

— Та. — Конан мрачно кивнул.

— И что ей надо?

Северянин пожал могучими плечами:

— Хочет женить меня на себе.

Тушка был так удивлен, что даже подавился куском.

— Так ведь ты говорил, что и сам равнодушен к ней!

Конан мрачно кивнул.

— Ты ее любишь. Она любит тебя и хочет за тебя замуж, а ты прячешься от нее и спишь с другой.

Конан молча кивнул, подтверждая, что так оно и есть. Толстяк закатил глаза и пошевелил губами, пытаясь понять суть происходящего, но отчаялся и только спросил:

— Так чего же тебе надо?

— Сам не знаю. — Киммериец пожал плечами. — Не по душе мне это. — Он помолчал и добавил: — Уйду я. Вот потрачу деньги поганого стигийца и уйду.

— Правильно! — обрадовался Лисенок. — И я с тобой! Надоело мне в Шадизаре. Пыль да жара круглый год!

— Ладно, ладно, — толстяк привстал и дружески хлопнул Конана по плечу, так что тот едва не рухнул на пол, — не раскисай. Та, наверху, хоть стоит того, чтобы... — Он замаялся, не зная, как закончить начатую фразу. — Ну, в общем, стоит того?

— Стоит, сам видел! — с видом знатока ответил за Конана мальчишка.

— Ах ты...

Рука Конана метнулась вперед, но поймала лишь воздух. Паршивец уже стоял в дверях и корчил смешные рожи. Киммериец махнул рукой — разве такого поймал бы!

— Ладно, иди обратно.

— А за уши таскать не будешь? — подозрительно поинтересовался Лисенок.

— Нет.

— Честно?

— А куда ты мне с ослиными ушами? — усмехнулся молодой варвар. — В любой толпе тебя заметят.

Довод был настолько бесспорным, что Лисенок вернулся, покорно сел на место и принялся снова поедать сливы.

— Я вижу, что-то тревожит тебя, — вновь заговорил Тушка, не сводивший пристального взгляда с приятеля.

Северянин поморщился:

— Я думаю, в одном почтенный наш хозяин прав — обезьяна спустилась с дерева, и это неспроста.

— Ну, особенно бояться-то не стоит, может, он и не по твою душу появился сюда, — успокоил приятеля толстяк.

— А я и не боюсь, — Конан пожал плечами, — но неохота последние дни провести озираясь по сторонам и, как трусливая баба, вздрагивая от каждого шороха.

— Вряд ли это у тебя получится, — хохотнул Тушка, — даже если б ты захотел. Трусливый Конан — это что-то новое, но проявить разумную осторожность, конечно же, не помешает.

Киммериец промолчал, да и что он мог сказать, если и сам думал так же?

— Теперь ты видишь, — с серьезным лицом сказал Тушка, обращаясь к Лисенку, хотя в глазах его плясали веселые огоньки, — как все высоко ценят Конана. И ты должен поменьше бедокурить и относиться к нему с почтением, ведь он для тебя как отец родной.

— Ладно, перестань, — поморщился киммериец, хотя и видно было, что ему приятно. — Для его отца я слишком молод, но в одном ты, быть может, и прав.

— В чем же?

— Придется тебе завтра побегать по городу, — он повернулся к Лисенку, — и выяснить все о Маргабе. Но смотри, не попадись ему на глаза!

— Я все сделаю, как ты сказал, отец родной!

Сорванец хитро улыбнулся и исчез за дверью.

* * *

Хараг, один из четверки Посвященных Малого Круга, метался из угла в угол, не находя себе места. Он знал, что такое поведение роняет его достоинство, но ничего поделать с собой не мог: он нервничал, и волнение его усиливалось тем, что причина была нешуточной, а ответственность огромной.

Шутка сказать, впервые со времен падения Ахеронской империи у жрецов Затха появилась надежда получить силу, равную тем, которыми свободно манипулировали древние, и задача, возложенная на него братьями, была очень и очень серьезной.

Ему предстояло дожидаться воплощения Памелы в тело ее правнучки Зиты и доставить девушку в храм Кара-Затха в Сура-Зуде — тайном городе жрецов Затха, двойнике Йезуда, о котором знали даже не все жрецы в самом Йезуде. Там ее должны принести в жертву, и великий Затх, чье тело хранится нетленным в храме Кара-Затх, богини-матери, оживет, и то величие, и ту силу, которую получают его жрецы, а среди них первым он, Хараг, просто невозможно представить...

Мир падет к ногам бога-паука. В нем не останется места ни Митре, ни Сету, не говоря уж о всех прочих!

Когда-то давно, еще при жизни, Памелу пытались заставить отдать свои силы ради того, чтобы пробудить к жизни Затха, уже тогда бездну веков просидевшего на своем троне в Сура-Зуде, но она не согласилась, предпочтя смерть, однако зная о том, что воплотится вновь в одном из своих потомков. Тогда силой отступницы не смогли воспользоваться против ее воли, но теперь времена изменились, и воплотившаяся в Зите Памела может сопротивляться сколько угодно, у нее ничего не получится.

И сам Хараг, и все жрецы Малого Круга считали, что на этот раз неудача им не грозит и все пройдет гладко. Но как жестоко все они ошиблись! Не признать этого нельзя. Что уж там произошло в этом доме, он не знал, но гром среди ясного неба на заре и молния, ударившая в крышу, недвусмысленно показали: что бы это ни было, ничего хорошего ждать не приходится. Так оно и случилось.

Шестеро вернувшихся утром стражников сообщили, что дом покинули лишь двое из четверых молодых людей, которые пришли туда накануне вечером. Войти внутрь, чтобы выяснить подробности, эти олухи побоялись. Сперва Хараг рассвирепел, но потом подумал, что, быть может, оно и к лучшему. Что могли найти там, где проявили себя высшие силы, эти мужланы, способные лишь размахивать остро отточенными полосками стали?

Впрочем, каждому свое.

Жаль конечно, что нельзя было схватить девчонку раньше. Кто знает, не сумел бы прознать дух Памелы об учиненном насилии и не выбрал бы иное время и иное тело для возвращения в этот мир? А скольких неприятностей это позволило бы избежать! Хараг вздохнул и подумал, что теперь уже ничего не изменишь. Остается лишь ждать, какие известия принесут двое посланных в дом жрецов, хотя он не был уверен, удастся ли им вообще узнать хоть что-то.

Однако были у Харага и свои интересы. Это могло показаться странным, но несколько лет назад приезжал к ним из далекой Стигии Рамсис — молодой, но честолубивый жрец Сета с просьбой помочь ему организовать тайные святилища Великого Змея в Шадизаре.

Тогда именно Харагу поручили оказать эту помощь. Однако, общаясь с Рамсисом, он уловил интерес гостя к древним рукописям и хроникам, богатым собранием которых славились храмы Йезуда. С разрешения верховного жреца, Грабаха, он повел стигийца в хранилище, где в образцовом порядке содержался архив Йезуда.

Позже, узнав, что именно читал гость, он обнаружил много весьма интересного, о чем предпочел умолчать в

доверительной беседе с Грабахом. В частности, он обнаружил упоминания о Талисмане Силы, о котором ничего прежде не слышал.

С этого времени он начал свои поиски, и чем больше фактов оказывалось в его распоряжении, тем запутанней и непонятней представлялось ему это дело. Харагу стало доподлинно известно, что в разное время появлялись послухники, проявлявшие интерес к древним рукописям, а по прошествии некоторого срока исчезающие бесследно. Точнее, пытавшиеся исчезнуть, ибо далеко не все смогли это сделать. Он так и не узнал, что удалось вытянуть из пойманных, и понял: раз нет отчетов, значит, есть архивы, к которым не имеет доступа даже он.

Сперва это разозлило Харага, но потом он лишь пожал плечами. Все, что ему нужно, — это время и настойчивость. И еще удача. Так оно и случилось. Он не терял ни надежды, ни веры, и ему повезло — он стал Посвященным Малого Круга, о существовании которого не знал даже Грабах, а со временем и возглавил его.

Он побывал в Сура-Зуде и в хранилище храма Кара-Затх нашел то, что тщетно искал долгие годы. Он узнал, что многие ведали о существовании Талисмана Силы и подошедшем сроке, и все-таки в Шадизаре появился лишь Рамсис.

Хараг так и не понял, отказались остальные от претензий или посчитали Талисман всего-навсего легендой? Не смог найти место, где он хранится, или не решились вступить в борьбу с сильным противником?

Но зато жрецы Черного Круга неожиданно повели себя так, словно здесь Стигия и хозяева тут они. Хараг усмехнулся. Что ж, пусть тешатся. Правда, великий Грабах предлагал применить силу. Старый дурень считал, что Рамсис прибыл сюда исключительно ради души Памелы!

С трудом ему удалось доказать, что хитростью можно добиться гораздо большего и с меньшими потерями. И вот теперь именно ему поручили это дело, чего он, собственно, и добивался. Правда, при этом предупредили, что если затея его окажется пустой, то головы ему не сносить. Конечно,

игру он затеял рискованную, но и награда была хороша. За нее стоило побороться.

Хараг понимал, что великий Грабах просто побоялся вступать в открытую схватку с адептами Сета — что ни говори, а сила их велика и общеизвестна — и обрадовался возможности получить в лице Харага козла отпущения, на которого в случае неудачи можно будет свалить все, начиная с собственной нерешительности. Зато в случае победы весь куш он намеревался загрести себе, но тут старый паук явно просчитался, позабыв простое правило: если желаешь чего-то для себя, то и делай это сам! Ну что ж, пусть мечтает. Время покажет, у кого из них больше шансов на успех.

И хотя Хараг понимал, что в случае неудачи головы ему не сносить, он пошел на такой шаг, потому что иначе Грабаха, который связывал его по рукам и ногам, было бы не сбросить. А такая необходимость давно назрела. Жрецы Затха играли все менее заметную роль не только в мире, но и в своей стране. Нужно было что-то менять, и это понимали многие, но старика вполне устраивало теплое местечко Верховного Жреца Затха, и он не намеревался покидать его. Зато теперь, когда Талисман окажется в их руках, все пойдет иначе!

Только бы все получилось! О, Великий Затх! Помоги своим смиренным слугам, и жертвы, принесенные тебе, будут неисчислимы!

Одним словом, волноваться было о чем! Удивительно ли, что Хараг метался, как загнанный в клетку зверь. Успокаивало Главу Малого Круга лишь то, что он предусмотрительно удалил всех и остался в одиночестве. Воистину это был мудрый шаг. Впрочем, в любом случае нужно держать себя в руках и быть готовым к неожиданностям, на которые так щедро злодейка-судьба!

Подумав так, он заставил себя сесть и успокоиться. После этого сосчитал до ста и приказал принести себе вина. Как всегда, повеление его было исполнено с быстротой, о которой не могли бы даже мечтать напущенные индюки, мнящие себя владыками.

Он взял покрывшийся испариной бокал, с наслаждением отхлебнул ледяного огня и попытался оценить события последних дней.

В Шадизар он прибыл пять дней назад, не взяв с собой обычного эскорта. Лишь двух своих подручных, десяток слуг, да три десятка воинов, то есть то скромное сопровождение, без которого ни один человек не способен обойтись.

Святылище Затха в Шадизаре, где он не был уже несколько лет, неприятно поразило его убожеством и нищетой. Некогда роскошное здание оказалось запущенным до невозможности. Украшавшие фасад прекрасные барельефы, которые могла достать чернь, были сколоты. Великолепные фигуры, до которых не сумели дотянуться нечистые руки и которые были слишком велики и тяжелы, чтобы представлять интерес для воров, загадили птицы. Прекрасная мозаика пола потускнела.

Словом, нет денег, нет и порядка, а денег нет, потому что нет веры, а веры нет, потому что... На миг Хараг задумался, пытаясь отыскать причину, по которой люди перестали верить в бога-паука, и понял, что причина могла быть только одна — люди перестали бояться. Перестали бояться, перестали приносить дары, перестали делать пожертвования.

Он сам прошел накануне по храмам Митры и даже Бела, где жертвенные чаши были полны меди и серебра, а нередко среди монет проблескивало и золото...

Почему? Как это произошло? В какой миг они упустили из рук власть, ведь были времена, когда Митру никто не знал, да Белу долгое время поклонялись тайком! Из дошедших из древности летописей Хараг хорошо знал о событиях прошлого.

Когда-то давно, в незапамятные времена, вдруг поползли по стране, словно тараканы, служители Митры, и начали рассказывать, как это прекрасно — поклоняться Солнцеликому, дарящему свет и тепло! Поначалу никто не обращал на них внимания, но постепенно число приверженцев Митры росло. Жрецы упорно гундели о своем, и им верило все больше народа, как будто до того солнце не светило всем и каждому!

Им бы отловить чужаков! Ан нет. Верховный жрец, не желая портить отношений с Аквилонией, где культ Митры уже широко распространился, решил поступить «мудро»: пусть себе ходят, все равно никто не поверит в рассказываемые ими бредни. А в результате оглянуться не успели, как всюду начали появляться сперва скромные, а затем и все более роскошные святылища, в которые повалил народ. Люди стали бояться, что их не увидят в храме хотя бы раз в седмицу, а жрецы, обладавшие великолепной памятью, заметят, что ты просто так прошел мимо чаши с жертвоприношениями.

Да, страх — это великая сила! Ну да ничего. Скоро они получат свою долю страха!

И все-таки что-то тревожило Харага. Он еще раз задумался и вспомнил. Да, верно. Жрецы Черного Круга — единственные, кто не отказался от борьбы за Талисман, или единственные, кто продолжал верить в его существование.

Хараг знал, что они пришли в Шадизар, знал, что они наняли славившегося своей ловкостью в подобного рода делах варвара-северянина выкрасть камень, но то не беда. Он все учел. Он знал, что Зита должна была взять Талисман, и знал, что Конан должен его выкрасть, и решил спокойно ждать, справедливо рассудив, что если девушка овладеет камнем, то по доброй воле или по принуждению, но она вернет его. Если же камнем завладеет варвар, то... И на него найдется управа. Говорят, ему нет равных в быстроте и искусстве обращения с мечом. Что ж, стрелу, пущенную верной рукой, еще никому не удавалось обогнать.

Впрочем, поразмыслив, Хараг решил поступить проще: подождать, пока камень попадет к стигийцу, а уж с ним разобраться как придется. По любви или без оной — все едино!

* * *

В то же самое время, в том же самом городе Рамсис, тайно прибывший сюда одновременно с Харагом, словно они уговорились о встрече, тоже ждал известий. Вернее сказать, он ждал Талисман и ничуть не сомневался, что

получит его еще до наступления ночи. В отличие от жреца Затха он не позволял своим чувствам вырваться наружу, хотя так же, как и он, был один в тайном святилище и мог не опасаться, что его увидят позорно мечущимся из угла в угол.

Для Рамсиса Талисман значил гораздо больше, чем для его соперника, хотя Хараг и занимал более двусмысленное положение в жреческой иерархии Затха, будучи одновременно общепризнанным преемником Грабаха и главой Малого Круга — тайного сообщества посвященных более высокого ранга. И все-таки несмотря на скрытое противостояние Грабаха, справедливо опасавшегося, что молодой, энергичный наследник дел его захочет ускорить неизбежное и занять его место раньше срока, положение Харага было прочным.

Совсем иначе обстояли дела Рамсиса. Официально он считался человеком Тот-Амона, но втайне от всех лелеял собственные, далеко идущие планы, конечной целью которых было свержение верховного жреца. Однако метил он на высокое место не ради удовлетворения собственного тщеславия. Он мечтал распространить культ Сета на весь мир, и хотя Тот-Амон поддерживал его идеи, одобряя религиозное рвение своего помощника, Рамсис считал это недостаточным, однако открыто обвинить Тот-Амона в чрезмерном увлечении устройством собственных дел опасался.

Он знал, что открытая схватка между ними неизбежно произойдет, но, понимая, что результатом может быть как победа, так и смерть, предпочитал действовать тайно, выжидая, когда исход поединка будет однозначно предreshен в его пользу. Время это близилось, и одним из весомых аргументов в борьбе должен был стать Талисман Силы.

Вынужденный действовать тайно, Рамсис не мог рассчитывать ни на чью помощь. С другой стороны, в этом была и своя выгода, ведь, если он потерпит сейчас неудачу — о чем он и думать не хотел, — некому будет спросить с него за допущенные промахи, без которых наверняка не обойдется, хотя виной всему все та же вынужденная скрытность его действий.

И все-таки он ни о чем не жалел и, если бы предоставилась возможность повторить все сначала, скорее всего, вновь избрал бы тот же тернистый путь. Пусть трудности больше и риск проигрыша выше, но и куш не придется делить ни с кем. А ставка велика: если все пройдет как задумано, он не просто потеснит, он сметет, уничтожит всех, кто осмелится встать на его пути!

Да, пожалуй, это единственно верное решение. Десять лет назад, когда ему повезло наткнуться на древний манускрипт, повествующий о существовании Талисмана Силы, он не обратил на него внимания. Ну, талисман и талисман! Мало ли атрибутов могущества было создано древними! Все они безвозвратно потеряны, погребены в бездне времен и событий, надежно укрывших собой страшные тайны могущественных предшественников.

Он и сам, проводя бессонные ночи среди покрытых пылью папирусов, чудом уцелевших в подземных святилищах Сета, надежно упрятанных глубоко под пирамидами благословленной Великим Змеем Стигии, наткнулся на сотни упоминаний о магических предметах, принадлежавших даже атлантам и лемурийцам, не говоря уже о более поздних ахеронцах. Он скрупулезно прочел тысячи свитков с описаниями бесчисленных попыток отыскать и овладеть ими, и среди них нашлись всего лишь сотни, если не десятки с описаниями удачных!

Но не это оказалось самым поразительным. По мере того как Рамсис постигал невосполнимость и гигантские размеры утерянного знания, а также не прекращавшиеся и по сей день попытки вернуть хотя бы часть его, он, к собственному удивлению, обнаружил две закономерности.

Первая заключалась в том, что подавляющее большинство таких попыток приходилось на последнее время. Причем если на протяжении пролетевших со времен Малой Катастрофы тысячелетий мало кто искал атрибуты древних магов, то в ближайшие два-три века попытки эти нарастали лавинообразно, пока в последние годы не приняли прямо-таки гигантских размеров. Могло показаться, что утерянные знания не искал теперь только ленивый. Словно

люди лишь сейчас вспомнили о них, оценив по достоинству их важность.

Вторая же закономерность показалась ему еще более удивительной. Число удачных поисков оказалось неизмеримо меньшим, чем общее число попыток, правда, в этом-то как раз Рамсис не видел ничего необычного. Наоборот, было бы странно, если бы люди запросто находили надежно сокрытое от них бездной времени, а подчас и самими владельцами в предвидении близкого конца. Удивительным было то, что люди, в силу знаний, упорства, наконец, просто удачливости, добившиеся желаемого, никогда не могли надолго удержать сокровище в своих руках!

Почти все они сразу лишались только что обретенной вещи. Правда, некоторым везло и они расставались с ней не сразу, но, как правило, и эти редкие счастливики не успевали воспользоваться ею, и времени владения им хватало лишь на то, чтобы порадоваться бесценному приобретению да иногда изучить его свойства и тут же расстаться с ним, чаще всего заплатив страшную цену в виде собственной жизни! Лишь считанные единицы умудрялись пустить находку в дело!

Именно такова была страшная логика бесконечной цепочки поисков, находок и потерь, повергшая Рамсиса сперва в изумление, а потом в задумчивость. Он долго размышлял над этими фактами, пытаясь найти разумное объяснение.

Сначала он сваливал все на неточность хроник, которыми пользовался, но вскоре понял, что это заблуждение. Он знал, какой обширной сетью открытых и тайных святилиц были охвачены все страны к северу и западу от Стигии, проникнув даже на восток, с какой скрупулезностью собирались все факты, которыми он пользовался. Все это вместе взятое исключало возможность столь многочисленных ошибок. Он понял, что причину нужно искать в другом.

Он продолжал искать и не переставал думать, и постепенно пришло понимание сути происходящего. Да, Ахерон пал, но ничто не исчезает бесследно. Уцелевшие и появив-

шиеся вновь колдуны не стремились к овладению чужими секретами! Для претворения в жизнь своих планов им вполне хватало собственных сил.

Однако летевшие годы складывались в века, и многочисленные тайны исчезали из мира. Одиноким отшельникам не брали учеников, опасаясь с их стороны вероломства. Молодые ленились искать, предпочитая пользоваться плодами чужих трудов. Началась повальная охота за древними реликвиями, но каждая из них, храня память о своем создателе, постепенно становилась вещью в себе, не желая служить никому, и тут требовались упорство и осторожность, а большинство «счастливицов» действовали как раз наоборот, стремясь как можно быстрее подчинить себе желанное приобретение.

Чем все это должно было закончиться, нетрудно догадаться. Дело усугублялось еще одним: те, у кого не хватало ума для самостоятельной работы, обычно не обладали и необходимой сдержанностью, способностью хранить тайну о том, что до поры до времени известно лишь им. В результате даже те немногие, кому из прихоти улыбалась удача, не могли удержать ее, лишаясь зачастую вместе с желанным приобретением и жизни.

Рамсис действовал не так. Быть может, природная скрытность помогла ему в этом. Наверное так. Иначе в Стигии, в среде жрецов, где все пропитано духом слежки и доносов, он бы просто не выжил. Он же не только не пропал, как многие из его соучеников, но и стал одним из приближенных Главы Черного Круга, а теперь поставил себе цель занять его место.

К своей цели он шел долгие годы, но теперь час настал! Если он сумеет овладеть Талисманом Силы, никто не посмеет противопоставлять себя его воле ни открыто, ни тайно! Он расправится с противниками внутренними и примется за врагов внешних. Он всем покажет, что вера в ложных богов не приносит ничего, кроме неприятностей. Он распространит культ Сета на весь мир!

Он долго и осторожно шел к сегодняшнему дню, бережно храня тайну. Больше десяти лет назад он впервые на-

ткнулся на упоминание о Талисмане Силы, и хотя первоначально не придал этому значения, но, против ожидания, коротенькое известие о камне, бездну лет копившем силы, собирая ее по крупице от всего живого, не давало ему покоя.

Он вернулся к первоначальному рассказу о жрице Затха, сотворившей камень, возжелавшей возвыситься над всеми, оживить и заставить служить себе бога-паука и сожженной за это на костре. С него начал поиски, действуя по старой поговорке: коли хочешь к обеду рыбу, иди к реке, зверя же ищи в лесу. Он отправился в Замору, справедливо рассудив, что если где-то и отыщутся следы, так, скорее всего, там.

Судьба, словно действуя с ним заодно, подыграла ему тогда, предоставив возможность покинуть на время Стигию, не навлекая на себя подозрения в тайных умыслах. Поездка оказалось на редкость удачной во всех отношениях.

Ему была поручена ответственная миссия — организовать в Шадизаре и Арэнджуне, заморийских городах, где еще не совсем забыт культ Затха, тайные святилища Сета, которые смогли бы исподволь, осторожно овладевать умами людей. Излишне говорить, что с задачей своей он справился как нельзя лучше. Больше того, он обратился за содействием в Йезуд и нашел там полное понимание, что было немудрено — Грабах, Верховный Жрец Затха, люто ненавидел культ Митры и рад был любой возможности ослабить влияние жрецов Солнцеликого на умы людей.

При этом Рамсис не забыл и своих интересов. Получив доступ в хранилище, где в чистоте и порядке содержались архивы, он нашел подробные отчеты о сожжении Памелы и обо всем, что сопутствовало ему.

Вернувшись в Стигию, он на некоторое время прекратил всякую деятельность, ожидая, пока закончится принятая в таких случаях обязательная проверка, хотя ему не терпелось заняться делом. Так или иначе, но к тому времени, когда пришла пора всерьез взяться за поиски Талисмана,

все необходимые факты были собраны, осмыслены, а план действий тщательно продуман.

Памятуя о людском вероломстве, он не стал искать себе помощников среди людей, хотя и понимал, что в одиночку ему будет справиться тяжело. Особенно в ситуациях, когда надо пребывать одновременно в двух местах.

Конечно, зная он наперед о том месте в жреческой иерархии, которое со временем займет, он вряд ли стал бы усложнять себе жизнь, но и теперь, по прошествии времени, не мог упрекнуть себя в чем-то. Все было тщательно подготовлено, оставалось только действовать.

Теперь у него был верный слуга, который, Рамсис не сомневался в этом, никогда его не предаст. Это была мумия Тхон-Тона, наследного принца шестой династии, которому так и не довелось взойти на престол, ибо был он отравлен еще в юношеском возрасте своей мачехой, видевшей на его месте своего малолетнего сына.

Рамсису силой колдовства удалось оживить искусно забальзамированное десятки веков назад тело юноши. Тхон-Тону была обещана жизнь, если он как следует справится со своим поручением, и хитроумный стигиец не без оснований считал это достаточной гарантией не только добросовестности, но и верности своего помощника, на которую не очень-то можно было рассчитывать, подыскивая он себе соратников среди людей.

Впрочем, за прошедшее время он успел обзавестись сторонниками и среди жрецов, примкнувших к нему. Двое из них отправились с ним в Замору. Рамсис твердо знал границы допустимого доверия и обстоятельства, при которых можно ждать измены.

В Шадизаре он остановился в тайном святилище Сета, которое сам же и учредил. По совету местных жрецов, он направил Тхон-Тона к Конану, некоему варвару-северянину, слышшему лучшим и самым удачливым среди шадизарских воров, по рассказам, не знавшему неудач.

Неожиданно Рамсис поймал себя на мысли, что пора бы уже Тхон-Тону вернуться, а он что-то задерживается. Нет, он не испугался и не всполошился, но червячок сомнения

шевелинулся где-то глубоко внутри, и это не понравилось жрецу. Предчувствия никогда еще не обманывали его. Что-то пошло не так, но что — этого он не знал, и беспокоился еще сильнее. Обеспокоился настолько, что позвал слуг и велел идти навстречу Тихон-Тону, ругая себя за то, что не сделал этого раньше.

* * *

Хараг остановился то ли на полушаге, то ли на полужразе невысказанных размышлений и обернулся на звук открывшейся двери. Четверо стражников из числа тех, на кого он мог положиться, ввели человека, который, как было ему известно, нанял Конана. Судя по всему, он уже получил Талисман и нес его Рамсису. Если и здесь его постигла неудача, тогда... «Тогда придется бежать без оглядки», — ответил он сам себе. Впрочем, оставался еще Сура-Зуд!

Человек, остановившийся напротив Харага, производил неприятное впечатление. Снаружи стояла изнуряющая жара, а он был с ног до головы укутан грязно-серым плащом с капюшоном, накинутым на голову. Опытным взглядом Хараг отметил, что и стражники сторонились незнакомца, пытаясь, правда, делать это незаметно, да и сам он чувствовал, что глядеть в темный проем, где должно было находиться лицо, вместо которого чернела дыра, ему неприятно.

Небрежным жестом он отослал воинов, которые с видимым облегчением удалились, и шагнул вперед.

— Откройся, я хочу видеть твое лицо.

Ни слова не ответив, медленным усталым движением человек сбросил капюшон. Ткань медленно скользнула, и Глава Малого Круга непроизвольно напрягся, ожидая увидеть неизвестно что, но тут же облегченно вздохнул и выругался про себя.

Лицо как лицо. Гладко выбритый череп, глубоко посаженные глаза, широкие скулы, маленький подбородок и, конечно же, огромный нос, больше напоминающий клюв попугая Ара, — неизменная принадлежность каждого стигийца. Вот разве что кожа, покрывающая лицо и бритую

голову, больше напоминала листы выцветшего от времени пергамента...

— Ты нес Талисман Рамсису?

Человек молча кивнул.

— Он по-прежнему у тебя?

Новый кивок.

— Ты согласен отдать его мне?

Хараг ждал, что в ответ последует еще одно медленное утвердительное движение головой, но вместо этого незнакомец неожиданно заговорил, и звук его голоса поразил жреца не меньше, чем внешность. Он напоминал шелест все того же пергамента, словно некто старательно тер друг о друга пару листов.

— Прежде чем тебе ответить, я хочу спросить сам. Кто ты?

— Я Хараг, один из четырех Предвечных Жрецов Затха, посвященный Малого Круга. Скажу сразу: Талисман важен для меня. С его помощью я собираюсь стать Верховным Жрецом. Я понимаю, ты что-то потребуешь взамен. Назови цену!

— Жизни!

Незамедлительно последовавший ответ удивил Харага.

— Чью жизнь ты хочешь получить? — уточнил он.

— Ты не понял, жрец. — Незнакомец поднял голову, и Хараг невольно вздрогнул, увидев, что собеседник его слеп. Точнее, глаза у него были, но они казались выточенными из камня. — Я не человек. — При этих словах брови Харага удивленно приподнялись. — Я мумия Тхон-Тона, возвращенная к жизни Рамсисом. Мне отпущен месяц срока, и, я боюсь, Рамсис не станет продлевать его.

Хараг поднял руку:

— Я понял тебя, Тхон-Тон. Человек — это душа. Чтобы жить, душе нужно вместилище. Ты получишь тело. Любое тело на выбор. У Затха не счесть рабов. Но сделать это я смогу не раньше, чем мы вернемся в Сура-Зуд, а произойдет это не позднее, чем через пол-луны. Ты согласен?

— Да.

— Талисман.

Хараг протянул руку, и странный незнакомец, на этот раз без колебаний, опустил в нее замшевый мешочек, только что полученный им от Конана.

Глаза Харага засветились восторгом, который тут же угас, едва кулак его сжался, охватив камень.

— Но я не чувствую в нем силы. — Жрец Затха бросил на Тхон-Тона гневный взгляд. — Ты обманул меня!

— Нет. Это он. Посмотри сам. — Тот, к кому было обращено это гневное обвинение, оставался совершенно спокоен.

Некоторое время Хараг продолжал испытующе смотреть на Тхон-Тона, пока не понял, что тот не лжет. Он подошел к столу, стоявшему в центре, и, благоговейно бормоча себе под нос охраняющие заклания, выкатил круглый камень на бронзовый поднос, наполненный песком, и поставил его на жаровню.

— *Тир-ра огэн, тир-ра затх!* — Он величественно воздел руки над жаровней и заговорил уже спокойно. — О, сила огня, именем Затха, Повелителя Силы, Великого и Ужасного, заклинаю тебя, войди в песок времен!

Оживший мертвец замер, пораженный происшедшим, став на время неотличимым от обычного человека. Едва Хараг произнес свое заклинание, пространство над подносом наполнилось прозрачным, колеблющимся маревом, в котором плыли, хаотично возникая и тут же пропадая, неясные образы.

Временами ему казалось, что еще немного, и он поймет суть происходящего, но нет, едва он думал, что близок к отгадке, видение таяло, сменяясь иным, не менее таинственным образом, порожденным колдовской силой Главы Малого Круга.

Хараг взялся за края подноса, легко поднял его, и по лицу жреца вовсе не было видно, что в руках он держит раскаленный бронзовый диск. Он медленно пошел к жертвенному треножнику и благоговейно опустил на него поднос.

— *Мир-ра хорн, тамир-ра затх!* — Он вторично воздел руки над подносом и вновь на понятном Тхон-Тону языке высказал свое повеление. — О, всемогущее время, тебе изве-

стно все, что было, все, что есть, и все, что будет! Заклинаю тебя именем Затха, Владыки Иллюзий, Великого и Ужасного, покажи мне, что сокрыто в этом камне!

Рука его указала на лежавший в центре песчаной равнины круглый полупрозрачный камушек.

Жаркое марево, плававшее над подносом, начало окрашиваться в радужные тона, которые кружились и переплетались, рассыпаясь цветным песком, и море песчинок взлетело в призрачном танце, постепенно разделяясь по цветам, складываясь в непонятные поначалу образы.

Тхон-Тон ничего не понимал, хотя и видел, как постепенно образовывались два уплотнения — шар, переливавшийся всеми цветами радуги, и черное пятно, окруженное белым ореолом.

— *Кар-ра хорн, гар-рами затх!* — вновь прокричал Хараг и в третий раз воздел руки над непонятной картиной. — Я вижу две фигуры, но не узнаю их! Именем Затха, Великого и Ужасного, Хранителя Знаний, заклинаю — сокрытое открой!

И образы откликнулись...

Переливающийся шар остановил вращение, и цвета начали группироваться, складываться в нечто, но во что именно, пока угадать было нельзя. Тхон-Тон почувствовал, как ледяная рука страха сжала его вырванное бесчисленными веками назад сердце.

Темное облако также меняло свои очертания, и хотя по нему тоже было не распознать, что за образ ждет своего воплощения в конце череды превращений, но возникшее чувство страха все усиливалось. Очертания черного, как ночь, облака стремительно менялись, и каждый новый образ был отвратительней предыдущего, пусть даже Тхон-Тон ни за что не смог бы описать словами, что он видел.

— Не смотри! — Хараг предостерегающе поднял руку перед лицом своего гостя, и тот вздрогнул, словно очнулся от страшного сна.

— Что это было? — прошелестел он своим жутким голосом.

— Это Незримый,— бросил жрец, не оборачиваясь.— Не смотри на него.

Тхон-Тон с трудом перевел взгляд на искрящуюся, радужную фигурку, и на душе у него потеплело, но лишь на миг. В следующее мгновение он увидел искаженное болью и страданием прекрасное девичье лицо. По щекам ее текли слезы, уста беззвучно раскрывались, выкрикивая слова мольбы.

— *Бан-нара затх!* — крикнул жрец в последний раз.— Достаточно! Именем Затха, Властителя Душ, Великого и Ужасного, заклинаю — пусть все останется как было!

Черная душа Незримого в последний раз сменила облик, исторгнув на прощание безмолвный вопль, от которого шарахнулся прочь искаженный ужасом девичий лик. Потом все перемешалось, закружилось и пропало.

— Что это было, повелитель? И кто этот человек?

Двое вошедших жрецов оторопело уставились на Харага, изредка бросая удивленные взгляды на бритоголового незнакомца.

— Сперва ответьте вы, что удалось узнать? — вопросом на вопрос ответил Глава Малого Круга.

— Прошу прощения, повелитель.

Оба вошедших склонились в запоздалом поклоне, хотя говорил лишь один.

— Мы не нашли ничего, кроме двух трупов. Один из них принадлежал девушке, ради которой ты приехал, другой неизвестному нам старцу.

— Старцу? — Хараг выглядел удивленным.— Но в доме не было стариков, лишь пятеро молодых людей, из которых вернулись только двое.

Хараг переводил взгляд с одного на другого, ожидая от своих помощников разъяснений.

— Все верно, повелитель, но верно так же и сказанное мной.

Жрец склонился в поклоне, показывая, что больше ему поведать нечего.

— Странно, странно.

Некоторое время Хараг в задумчивости ходил по залу, потом, видимо решив что-то для себя, повернулся к вошедшим:

— Пятеро пришли, двое ушли. Не вернулись девушка и двое молодых людей. Девушка умерла — ее труп остался в доме, один из молодых людей, перед тем как дух его отошел на Серые Равнины, расстался с жизненными силами, превратившись в старца, от второго не осталось ничего.— Довольный своими рассуждениями он обернулся к жрецам: — Все верно?

— И да, и нет, мой повелитель,— отозвался жрец и, видя удивление, смешанное с досадой, застывшее на лице Главы Малого Круга, поспешил объяснить: — Ты просто не мог знать этого. Те двое, чьи трупы мы нашли в доме, не умерли. Их души не ушли на Серые Равнины.

— Вы уверены?

— Да, повелитель. Ты ведь знаешь, что по глазам...

Договорить ему не дал нетерпеливый жест Харага.

— Знаю, но это не имеет значения. Душа девушки в этом камне.— Он указал на талисман.— На остальных мне наплевать.

— О, беда,— простонал, покачав головой, один из жрецов.

— Вовсе нет,— оборвал его Хараг,— благодарите этого человека, который принес нам Талисман. Вот если бы он отдал камень Рамсису, действительно была бы беда!

Двое уставились на незнакомца.

— Это человек Рамсиса,— пояснил Хараг и тут же поправил себя: — Хотя, что я говорю! Он не человек, он мумия Тхон-Тона, оживленная Верховным Жрецом Сета. Он должен был принести ему Талисман, но принес нам. За это я обещал подыскать ему новое тело.

— Но ведь это крах, повелитель. Что толку нам с души, заточенной в камне? Нам нужна живая Зита, в которую должна воплотиться Памела!

— Все пропало,— обреченно подтвердил его товарищ.

Хараг рассмеялся:

— Вот если бы у Зиты не было сестры, ты оказался бы прав, но у нас есть Мелия и время до следующей полной

луны! Мы переселим душу Зиты в тело Мелии, дождемся воплощения Памелы и принесем ее в жертву Затху с соблюдением всех обрядов!

— Но сила...— едва слышно прошептал один из помощников Харага.

— Сила сковывает Незримого, удерживая его в камне. Я изгоню демона, и сила вновь станет доступна!

И он торжествующе расхохотался, гордый сознанием собственной силы и грядущего величия.

* * *

Рамсис опустился на колени и замер в этой позе, согнув в локтях поднятые вверх руки, повернув их ладонями вперед. Он неотрывно смотрел на огромного бронзового змея, свившегося кольцами на жертвенном алтаре.

Массивная приплюснутая голова змея нависала над жрецом, клыкастая пасть была хищно оскалена, раздвоенный язык замер, алые рубиновые глазки пронзительно сверкали злобещим огнем в свете развешанных по стенам факелов.

Жрец общался со своим богом.

В голове Рамсиса крутился один и тот же вопрос: что случилось? Все его мысли сосредоточились на этой простой фразе, и сам он перестал существовать, обратившись в зрение и слух.

Вопрос был задан, и он знал, что будет и ответ. Он знал, что все зависит от того, как скоро он сумеет докричаться до своего бога, а в том, что великий Сет ответит, жрец не сомневался.

Оставалось ждать.

Время перестало существовать для него. Окружающий мир превратился в ничто. И наконец в тот миг, когда он перестал ощущать свое тело, наступило слияние. Рамсис почувствовал себя единым целым с грозным божеством, его маленькой частицей, хотя продолжал видеть перед собой оскаленную морду Великого Змея Ночи.

Пришло знакомое ощущение, что он услышан, а вслед за этим последовал ответ на вопрос:

— Камень попал к Затху. Тебе придется пойти к Главе Малого Круга, но прежде пошли людей в дом, где хранился камень. Там бродит потерянная душа. От нее ты узнаешь все, что тебе надлежит знать.

— Но почему ты сам не скажешь мне об этом? — в волнении выкрикнул жрец, но ответа не получил.

Он огляделся и увидел, что стоит в святилище перед замершим в неподвижности бронзовым изваянием Сета и понял, что это все. Что было нужно, Сет сказал, остальное он узнает в свое время.

Он встал с колен, подошел к столу, взял маленький молоточек и ударил им в небольшой бронзовый гонг. Мелодичный звон поплыл по залу, на звук его тотчас вбежал раб и замер в почтительном поклоне.

Глава третья

Прошла седмица с той памятной страшной ночи, когда Мелия потеряла сестру. Несколько дней после тех незабываемых событий — пока родственники Фабиана и Эмерика пытались выяснить, что же произошло тогда в доме, что случилось с Фабианом и куда девался Эмерик, — превратились для нее в настоящий кошмар.

На счастье, кто-то из умудренных опытом родственников погибших сообразил, что в чем бы ни заключалась истина, но, учитывая обстоятельства, лучше, чтобы о ней знало как можно меньше народа. Это была очень здравая мысль, с которой не могли не согласиться даже самые непримиримые.

А когда тот же умный человек добавил, что хорошо, если об этом не узнает вообще никто, Мелию наконец-то оставили в покое.

Тело Зиты в тот же день было предано сожжению. Точно так же поступили родственники Фабиана. Что лежало в гробу, предназначенном для Эмерика, Мелия предпочла не спрашивать.

Жрец поднял факел, пропитанные благовониями поленья вспыхнули, и жертвенная свеча, отмечавшая время перехода душ усопших на Серые Равнины, успела догореть до середины, когда жрец торжественно возвестил:

— Митра принял их души!

По древней традиции горку еще горячего пепла поделили на три части, зарыли в землю и посадили омелу и два дубка.

На этом все закончилось.

* * *

С утра Мелия бродила по городу, стараясь отыскать Конана. Она занималась этим уже третий день, но все ее отчаянные попытки ни к чему не привели.

Начиная свои блуждания по Пустыньке, девушка не сомневалась, что найти такого человека, как Конан, не составит труда, но теперь, на исходе третьего дня, когда солнце клонилось к закату, она поняла, что жестоко ошибалась.

Везде, где она побывала, ей вежливо, но твердо отвечали, что да, он бывает здесь, бывает часто, но сейчас, к величайшему сожалению, его нет и ничем помочь нельзя, но если он появится, ему обязательно передадут, что его разыскивает Мелия, дочь почтенного Тефилуса.

Один раз Мелии показалось, что удача улыбнулась ей. Веснушчатый, рыжий сорванец сказал, что сейчас поднимется и посмотрит, не ушел ли Конан, ведь ночевал он именно здесь. Мальчишки не было довольно долго, и Мелия уже обрадовалась, надеясь, что, не будь киммерийца в таверне, мальчуган давно бы уже вернулся. Она даже перестала обращать внимание на двуногих плотоядных самцов, которые, услышав, что она ищет Конана, сразу прекратили приставать к ней, продолжая лишь оцупывать необыкновенную красавицу липкими взглядами.

Ее это нисколько не удивило, потому что повсюду его имя оберегало ее не хуже десятка крепких телохранителей, вот только самого Конана найти не удавалось. И здесь произошло то же самое. Мальчишка вернулся ни с чем и поинтересовался лишь, что передать Могучему Шадизарскому Льву, когда он вернется.

— Если вернется, — добавил он поспешно, когда увидел, как она оживилась.

Никогда прежде Мелия не бывала в этой части города, звавшейся Пустынькой, хотя, безусловно, знала о ее суще-

ствовании. Теперь же, впервые попав сюда, она была неприятно поражена грязью и нищетой, которая, впрочем, царила не везде. Мелия быстро научилась обходить стороной трущобы беднейших кварталов, издаലെка узнавая их по запаху нечистот, висевшему в воздухе.

Однако Пустынька все равно произвела на девушку гнетущее впечатление. Бродя по кривым улочкам, которые заполнял всевозможный сброд, она не раз вспомнила настоятельные советы Мэгила, старого знакомого матери, бывшего жреца и человека опытного во всех отношениях, с которым Мелия с детства привыкла делиться своими маленькими секретами, не ходить в этот притон, где порядочной девушке делать нечего.

Мелия настаивала на своем, и тогда он, вздохнув, посоветовал ей, по крайней мере, не ходить туда одной. Она уже не раз благодарила светлого Митру за то, что вняла советам и, больше чтобы успокоить Мэгила, пообещала взять с собой двух рослых рабов, вооруженных внушительного вида посохами. Теперь она понимала, скольких бед смогла избежать благодаря тому лишь, что они неотлучно следовали за ней.

Солнце перевалило далеко за полдень, когда девушке показалось, что одного человека она видит слишком часто. Сперва она не обратила на это внимания: мало ли кому вздумалось походить за ней. И прежде случалось, что ее выслеживали до дома, а потом надоедали приставаниями, пока не понимали, что лишь понапрасну тратят время.

Правда, случалось и иначе. Иногда настойчивый кавалер пробирался за стену, и тогда или собаки спускали с наглеца штаны, или слуги обламывали о его спину и бока полдюжины палок.

Когда, обернувшись пару раз, Мелия увидела мужчину, неотрывно следовавшего за ней, она подумала, что опять придется остужать пыл навязчивого воздыхателя, и тут же забыла о нем. Но потом вдруг сообразила, что на нем плащ жреца Затха — а жрецы, как всем известно, не ухаживают за девушками, даже очень хорошенькими, — и не на шутку встревожилась.

Она повернула к дому, невольно ускоряя шаг, потому что в голову ей лезли всякие мысли, одна страшнее другой, и Мелия не знала, на какой остановиться. О жрецах бога-паука и их культовых обрядах ходило столько жутких историй, что, когда девушка невольно припоминала их, холодок пробегал по телу, несмотря на жару.

* * *

Паланкин остался на улице, а с ним и восемь темнокожих невольников, которым стигиец доверял перемещать по Шадизару свое укрытое от солнца бесценное тело. Их остались охранять двенадцать копеечников. С собой же жрец взял лишь тех, в ком нисколько не сомневался.

Извилистая, усыпанная красноватым песком дорожка провела его между деревьями запущенного сада. Рамсис остановился у входа в дом, а двое сопровождавших его жрецов замерли в паре шагов сзади. Четверо воинов расположились чуть в отдалении и теперь нервно переминались с ноги на ногу, с неодобрением поглядывая на своего господина: хоть и прибыли они в Шадизар недавно, но слухи о мрачных событиях, происшедших в этом доме, дошли и до них.

Жрец даже не обернулся, чтобы проверить, не взбрело ли кому-нибудь в голову отправиться за ним следом. Еще дома он принял необходимые меры, обострившие до невероятности все его чувства, и по ударявшим его в спину волнам недовольства, густо замешанного на страхе, понял, что останавливать никого не придется.

Он все хотел видеть сам, непременно в одиночестве, и не желал, чтобы из-за какой-то нелепой неожиданности кто-то из его подручных невольно узнал нечто такое, что знать им не положено. Как бы он ни доверял им, но каждый из его людей обязан знать свое место.

Что же касается неожиданностей, то тут Рамсис не питал иллюзий. Раз сам Великий Змей направил его сюда, значит, он должен идти один. Он все-таки не удержался и посмотрел назад, но, поймав на себе озабоченные взгляды, лишь высокомерно кивнул и равнодушно отвернулся.

Стигиец еще раз припомнил все, о чем говорил ему Сет, ощущал склянку за поясом, распахнул предварительно отпертую слугами дверь и едва успел войти в полутемный коридор и осмотреться, как почувствовал, что он здесь не один, хотя знал, что все его люди остались снаружи.

Жрец внимательно осмотрелся и в глубине коридора, уводящего внутрь дома, увидел слабо мерцающий силуэт. Впрочем, могло ли быть иначе, если сам великий Сет поведал ему о Неприкаянной Душе? Он едва заметно, одними уголками губ, усмехнулся. Ну до чего же все просто! А ведь в глазах обывателей все выглядит совершенно иначе: грозные и кровожадные духи несправедливо повергнутых в прах людей бродят вблизи места своей гибели, охраняя его от нескромных глаз. Горе рискнувшему приблизиться! Кара настигнет его неотвратимо и будет ужасна!

Стигиец еще раз ухмыльнулся, вспомнив невольный страх, застывший в глазах его стражей, опытных и умелых воинов, за плечами каждого из которых не один десяток сражений. Он вновь посмотрел на приближавшийся, больше похожий на полупрозрачное облако призрачной взвеси, силуэт и, уловив исходящую от него волну робости и немой мольбы, едва не расхохотался.

— Подойди ближе. Тебе не от кого прятаться.

Трусливое привидение — что может быть забавнее! Впрочем, призрак — это всего лишь слепок с души умершего, и если человек был трусом, то стоит ли удивляться, что такая и его по каким-то причинам не отошедшая на Серые Равнины душа? Да и не самый трусливый мог бы испугаться, почувствовав волну силы, исходящую от слуги великого Сета.

Призрак тем временем остановился в двух шагах от стигийца, не решаясь заговорить с ним, но Рамсис и без его усилий ясно слышал каждую мысль, посещавшую его немого собеседника.

Жрец с интересом воззрел на Неприкаянного. Он вовсе не сочувствовал этой душе, выдранной из чьего-то тела, но где-то в недрах слабо мерцающей оболочки, доступной лишь

взглядам посвященных, пряталось знание фактов, которые он любым путем должен вытянуть из стоявших перед ним жалких останков, прежде чем отправится к Харагу.

Так сказал великий Сет, и так будет!

Стигиец тут же пожалел, что не может столь просто проделать того же и с человеком, чьи сокровенные тайны надежно защищены живой плотью. Правда, есть особые методы, но все они сложны, отнимают уйму времени, не говоря уже о необходимости предварительно подавить волю человека, без чего успех невозможен.

Проклятая воля!

Благословенная воля!

Как много от нее зависит в жизни каждого! Вот только далеко не всякий подозревает об этом. Рамсис вновь посмотрел на туманный силуэт:

— Кто ты, Неприкаянная Душа? Вернее, кем был?

«Мое имя Фабиан. Я знатен... Был знатен. Меня убили недавно в этом доме».

Рамсис задал свой вопрос, как сделал бы это при разговоре с живым человеком, и мгновенно уловил ответ. Услышал его мозгом, а не ушами, и хотя призрак старательно открывал рот, пытаясь произнести фразу вслух, ни звука не раздавалось в полутемном коридоре.

— Так ты знаешь, что произошло здесь?

Дух едва заметно шевельнулся:

«Если ты говоришь о событиях, связанных с Незримым и Талисманом Силы, то да».

Рамсис кивнул и тут же подумал, что они уже обменялись несколькими фразами, а дух ни разу не назвал его господином, что явно свидетельствовало о его принадлежности к знати, у которой принято к любому обращаться как к равному. Это разозлило жреца, сына простого ремесленника, который был вынужден долго и болезненно пробиваться к занимаемому сейчас положению.

— Расскажи мне, что произошло здесь! — резко приказал он. Быть может, более резко, чем следовало бы.

«Охотно, но лишь если ты поможешь мне обрести новое тело».

Это был вовсе не тот ответ, который обязан давать каждый смертный могущественному слуге Сета. Тем более какой-то трусливый дух! Хотя жрец прекрасно понимал, что бедняга вполне естественно жаждет нового воплощения и ничто иное его не интересует. Однако ему было мало дела до чужих бед, его интересовали лишь свои проблемы, и кто-то посмел противиться осуществлению его планов. Рамсис нахмурился, и желваки заиграли на его скулах. Его руки непроизвольно коснулись пояса, а грозный взгляд уперся в призрачный силуэт.

— Ты скажешь мне все, что я потребую, — отрезал он. «Только в обмен на тело!»

Привидение вовсе не склонно было уступать, и это еще больше разозлило жреца, никак не ожидавшего сопротивления от трусливого духа. Он уже приготовился без труда узнать обо всем, что его интересовало.

— Условия ставлю я!

Рука сама собой вытащила из-за пояса небольшую плоскую склянку и бросила ее под ноги незримому собеседнику стигийца. Жалобно звякнув, тонкое стекло разбилось, и невидимая в полумраке жидкость разлилась по каменным плитам пола, источая резкий, неприятный запах.

Непроизвольно ноздри жреца чуть заметно дрогнули, а губы недобро искривились в некоем подобии улыбки, когда его внимательный взгляд встретился с бегающими в страхе глазами ничего не понимающего призрака.

Повеяло холодом. Стены едва заметно засеребрились инеем. Рамсис отступил на шаг, с наслаждением наблюдая, как проявляется Неприкаянная Душа, словно замороженная колдовским снадобьем в воздух. Холод набирал силу, и одновременно призрак становился все зримее. Правда, и теперь его можно было заметить лишь с трудом, но внимательный взгляд различил бы едва заметную муть посреди коридора, и если бы невольному наблюдателю пришла в голову мысль отойти подальше, он с удивлением отметил бы, что мутное пятно напоминает фигуру огромного ростом и необыкновенно широкого в плечах молодого мужчины.

Он смог бы даже различить черты его лица и, возможно, нашел бы его красивым.

Жрец удивился: это было необычно. Впрочем, он ведь совсем недавно стал духом, и тонкое тело, в точности повторяющее очертания плоти, еще не успело рассосаться, потерять форму. «Вскоре он усохнет и станет неотличим от прочих Неприкаянных», — по привычке отметил про себя Рамсис.

— Ты скажешь все! — злоратно прошипел жрец, уловив бешеный хоровод кружившихся в голове призрака панических мыслей.

Ему, и прежде ясно видевшему своего собеседника магическим зрением, теперь дух предстал почти облаченным в физическую плоть. Рамсис подошел к нему вплотную и заглянул в наполненные ужасом глаза, устремленные мимо него, куда-то в невообразимые дали пространства.

— Условия ставлю я! — повторил он.

«Да, да! Я скажу все!» — прокричал призрак, и во взгляде его мелькнуло отчаяние: он понял, что не может шевельнуть губами.

Несколько долгих мгновений стигиец наслаждался паническим страхом, который сменил слабое и недолгое сопротивление Неприкаянного.

— Ты уже не можешь говорить, но я знаю, что слышишь меня, а я читаю каждую твою мысль. Теперь ты знаешь, что я волен поступить с тобой как мне заблагорассудится, и, если не хочешь, чтобы тебя постигла более страшная участь, рассказывай, что здесь произошло, да побыстрее.

Жрец услышал безмолвный вздох облегчения и весь обратился в слух, как только призрак начал рассказывать. Перед глазами его поплыли картины происшедших здесь событий. Стигиец не просто слушал рассказ, он видел все глазами живого Фабиана. Он тонко чувствовал, где правда, а где Неприкаянный лукавил, пытаясь скрыть собственную трусость, или слабость, или похоть. Тогда он заставлял призрака возвращаться к неприятному для него эпизоду и пересказывать его заново.

По правде говоря, его мало интересовали переживания умершего мужчины, но он хотел знать все, что было известно Фабиану, понимая, что любая упущенная мелочь может сыграть впоследствии неожиданно важную роль.

Эпизоды следовали один за другим, иногда складываясь во вполне связные рассказы. Иногда же образы хаотично сменяли друг друга, и в водовороте событий поначалу трудно было разобраться, с кем борются люди. Постепенно картина прояснилась, и стало ясно, что из пятерых людей, чьих судьба свела той ночью в доме, лишь двое выживших были достойны такого финала, хотя основным борцом оставался огромный варвар-киммериец, нанятый, чтобы украсть Талисман Силы. Остальные вели себя как стадо идиотов, выпущенных на свободу.

Молодой человек, погибший первым, похоже, сам упорно шел к страшному концу и не заслуживал даже мимолетного внимания. Стоявший перед жрецом молодой красавец оказался отъявленным трусом. Его резкие и непонятные перепады настроения казались необъяснимыми, но лишь до тех пор, пока Рамсис впервые не услышал о Незримом.

Сперва он не поверил своим ушам, хотя это и ставило все на свои места. Древний демон — пожиратель душ вновь вернулся в мир, и человек, освободивший Незримого из тысячелетнего плена, стал его первой жертвой.

Молодая колдунья тоже выглядела не лучшим образом... Впрочем, для нее, похоже, все эти магические книги и талисманы были всего лишь игрушками, а с такими вещами не шутят! Это правило она должна была усвоить с самого начала, но не сделала этого, и расплата не заставила себя ждать.

Постепенно все события выстроились стройной чередой, за исключением одного — как вообще кому-то из них удалось уцелеть? Он с нарастающим интересом ждал развязки, которая сперва поразила его, а потом заставила задуматься: кто этот человек, осмелившийся не просто противостоять могучему творению Сета, но и победить его! И если не уничтожить, то заточить в плен не менее надежный, чем

тот, из которого ему чудом удалось вырваться. И все это заняло лишь одну ночь — от заката до рассвета!

А ведь в свое время, когда Незримый набрал огромную силу — слишком большую, как показалось богам, — потребовалось вмешательство самого Митры, повелевшего одному из своих слуг заточить демона в темницу. И это оказалось совсем непросто! С тех пор прошел не один десяток веков, и о Незримом остались лишь смутные предания, в которые мало кто верил.

Рассказ подошел к концу, и Рамсис задумался.

Только что поведанная ему история, краткая и неправдоподобная, могла даже непосвященного повергнуть в изумление. Для него же, человека, привыкшего бережно относиться к вещам, так или иначе связанным с магией, признававшего бесценность всего, что создали предки, происшедшее выглядело просто дико.

Сперва молодая колдунья. Ей в руки попала книга мудрости, о которой сам он не подозревал, но за которую уплатил бы сколько угодно, ибо знания, хранившиеся в ней, попросту бесценны. А эта юная идиотка оставила священный фолиант без присмотра, что само по себе немислимо, и спокойно ушла!

Оставшемуся в одиночестве молодому повесе хватает времени на то, чтобы напиться до такого состояния, когда невольно испытываемый любым нормальным человеком страх перед высшими силами без следа улетучивается, и он решает шутки ради прочесть какое-нибудь заклинание!

Просто так! Чтобы скоротать время!

Он пьян настолько, что даже не задумывается о том, что за этим может, нет, должно последовать! Но и этого ему мало — он читает заклинание дважды...

В то, что такое могло случиться на самом деле, Рамсис никогда бы не поверил, если бы только сам не заставил Неприкаянного листать перед ним книгу своей памяти и читать из нее избранные места, а книга эта никогда не лжет. С другой стороны, для такого недоверия были основания, ведь жрец не мог знать о том, что Эмерик, случайно вытащив Незримого из бездны небытия, спокойно заснул

счастливым, пьяным сном, а потому не видел вызванных его глупостью последствий.

Впрочем, подумав, он, скорее всего, поверил бы в этот нескладный рассказ: трудно на заказ придумать столь идиотскую историю. К тому же несколько силовых штормов, пронесшихся той памятной ночью над Шадизаром и вызвавших его недоуменное смятение, прекрасно укладывались в дурацкую картину, нарисованную Неприкайнным.

Рамсис еще раз покачал головой. Он знал, что Шадизар слышет воровской столицей мира и половина города здесь населена ворами. Теперь он узнал, что вторую его половину населяют кретины.

Жрец вновь задумался. Как видно, в этом доме в ту ночь столкнулись интересы высших сил, иначе этой череды невероятных событий не объяснить. Но такое случается, хотя и не слишком часто. На этот раз пересеклись пути Талисмана Силы и Незримого.

Теперь, по крайней мере, Рамсис понял, почему Великий Змей не захотел ничего объяснять, а лишь направил в нужное место, чтобы дух Фабиана, видевшего все собственными глазами, рассказал ему о происшедшем, ведь даже боги не в силах уследить за всем.

И он понял еще одно, и это было очень важно.

Незримый — порождение Сета, а сила Талисмана, светлая сила Митры, накопленная им за прошедшие века, теперь скована демоном, и освободить ее не так просто. Нужны мощь Сета и его дозволение, для того чтобы освободить его создание. Без этого задача неимоверно усложняется. Это может оказаться сильным козырем в предстоящем разговоре со жрецами Затха.

Эта мысль словно пробудила его, подсказав, что пора действовать. Он огляделся: стены покрывал толстый слой инея. Инеем же покрылась и фигура, все так же неподвижно стоявшая в коридоре, теперь больше походившая на вылепленного из снега человека, каких, говорят, делают для своей забавы дети в далекой Киммерии. Каждый выдох жреца повисал в стылом воздухе медленно рассеивавшимся туманным облаком.

Обернувшись к Неприкайнному, он окинул его насмешливым взглядом.

— Ты, кажется, мечтал о теле? Жаль, здесь нет зеркала, но, поверь, тебя не отличить от человека, правда, смертельно замерзшего! — Удовлетворенный своей шуткой, он расхохотался. — Тебя даже можно потрогать!

В подтверждение своих слов он схватил фигуру за кисти рук и сжал их. Раздался хруст, и осколки льда попадали на выстланный инеем пол.

— М-да. — Рамсис скептически покачал головой. — Вышло так, что я тебя обманул. Все-таки до человека тебе далеко, — философски заметил он, — быть может, расколоть тебя, раз все равно не получилось? Впрочем, — он усмехнулся, — Митра учит нас быть милосердными. Оставляю тебя как есть. Ты заслужил свободу.

Он быстро покинул дом, и оба жреца, терпеливо дожидавшиеся на солнцепеке его возвращения, вскинулись в ожидании приказаний.

— Мой паланкин! Быстро! — Он повернулся к десятинику: — И скажи своим людям, что я не желаю вновь пробиваться сквозь толпу черни, как по пути сюда! Если история повторится, каждый получит по сотне палок!

* * *

— Мама!

Мелия вбежала в комнату и бросилась на шею матери.

— Что случилось, дочка?

Она подождала, пока девушка немного успокоится и, тихонько отодвинув ее от себя, встревоженно заглянула в испуганные глаза. Совсем недавно она потеряла младшую, Зиту, но к той трагедии была готова, смолodu зная о пророчестве Памелы — проклятия их рода. Не ведала она, лишь когда и в каком обличье заглянет к ним беда, как не знала и того, с кем из дочерей произойдет предсказанное.

Она сознательно старалась держать дочерей на расстоянии, желая уменьшить грядущее горе, хотя сердце ее и обливалось кровью. В результате старшая, любимая, дочь отошла от семьи, как казалось матери, навсегда, и она по-

няла, какую глупость совершила, забыв о том, что все предначертанное так или иначе должно совершиться. Раз ей суждена боль, то ее не уменьшишь ничем.

Как ни странно, смерть Зиты вновь сблизила мать и дочь, и Аниэла вознесла благодарение Иштар за то, что богиня услышала ее мольбы и сжалась, вернув любовь старшей, после того как Митра забрал жизнь младшей.

— Я была в городе, искала Конана.

Попав домой, почувствовав на себе целительную нежность рук матери, Мелия вздохнула свободней, хотя сердечко ее никак не могло успокоиться.

— Этого... парня, с которым вы выбрались из дома?

Голос принадлежал сухонькой старушке, лет восьмидесяти пяти, невысокой и не по годам бодрой. Начав говорить, она запнулась, подыскивая слово, которое не обидело бы чувств внучки. Мелия молча закивала.

— Где же ты искала его? — требовательно спросила старушка, подозревая самое худшее.

— В Пустыньке, — полушепотом ответила девушка, переводя испуганный взгляд с бабки на мать.

— Совсем потеряла стыд нынешняя молодежь! — покачала головой почтенная Сиотвия. — Девки бегают за парнями, которые прячутся от них по помойкам! Фу! Какой стыд!

Мелия горестно вздохнула, но промолчала. Да и что она могла сказать? Наверное, так оно и выглядело со стороны!

— Ну зачем ты так, мама! — с укоризной посмотрела на мать Аниэла. — Девочке и без того плохо. И потом, с чего ты взяла, что он прячется?

— Ха! — Старушка гордо вскинула голову. — Знаю я, как это бывает. Сама была молодой! Получил свое и в кусты! Получил ведь?!

Она грозно посмотрела на внучку, та густо покраснела и спрятала лицо на груди матери.

— Ма-ма!

Аниэла с укором посмотрела на мать, но та не унималась:

— В нашем роду корявых нет, и ты это знаешь, сама еще способна крутить головы мальчишкам! Не должна была забыть, как это случается!

— Ма-ма!

— Что мама? — Старушка в сердцах топнула ногой. — Этот, как его, Конан, должен был бы сейчас валяться у меня в ногах, вымаливая руку Мелии, а где он?! — Глаза ее гневно сверкнули. — Молчишь?! Вот то-то и оно!

Мелия, смущенная, оторвалась от груди матери, прижавшись к которой выслушивала эту перепалку, подошла к разбушевавшейся Сиотвии и обняла ее, прекрасно зная, что буре этой суждено пронестись мимо.

— Он любит меня, бабушка, любит. Просто... Он очень гордый.

— Гордый... — проворчала старушка вполне миролюбиво, потом подняла седую голову и посмотрела Мелии в глаза. — Точно любит?

— Любит, — кивнула Мелия, — я знаю.

— Ну что ж, — взгляд бабки потеплел, — за любовь нужно бороться! — Мелия обрадовалась неожиданной поддержке. — Но не след забывать и о гордости! Больше ты туда не пойдешь, — возвестила она и свысока посмотрела на внучку. — А что касается нелепой слежки, которую ты, скорее всего, просто придумала сгоряча, — Сиотвия пожала плечами, — даже если и так, не в первый раз. Не понимаю, чего ты испугалась.

— Это был жрец. — Лицо Мелии помрачнело.

— Жрец? — Аниэла посмотрела в глаза дочери, и в груди ее шевельнулось нехорошее предчувствие, хотя она и не понимала, чем это может обернуться.

— Да. Жрец Затха.

— Но что Затху могло понадобиться от тебя?

— Не знаю, — Мелия покачала головой, — но я сразу вспомнила предания о нашей знаменитой прабабке, и мне сделалось страшно.

— Но какая связь?

Сиотвия меньше дочери и внучки была подвержена эмоциям и в первую очередь задумалась о возможных причинах.

— Не знаю.— Мелия покачала головой.— Я тоже сразу подумала об этом, но ничего не придумала, и мне стало еще страшнее.

— Да, это верно. Там, где мелькнула пронирливая фигура жреца, не жди ничего хорошего. Уж я-то знаю.

Старуха задумалась, и Мелии с матерью, одновременно обеим, явилась одна и та же мысль: она думает о чем-то таком, о чем они обе не имеют ни малейшего представления.

Так оно и было на самом деле, но старшая из трех женщин, собравшихся в этой комнате, не спешила делиться с ними своими мыслями.

— Нужно немедленно послать гонца в Арэнджун, и хотя лично я уверена, что от Тефилуса не будет проку, может оказаться нелишним, если и он хоть иногда станет принимать участие в семейных делах! — Она посмотрела на дочь и посчитала нужным высказать до конца свое отношение к зятю.— Он строит из себя героя, но там, где не добиться успеха криком, его возможности подозрительно быстро иссякают. Пусть проявит себя и докажет, что это не так. Прости, дочка, но неудачного ты выбрала себе мужа, а это означает, что рассчитывать мы можем лишь на самих себя. Так что же нам делать? — Она вопросительно взглянула на внучку и дочь.— Молчите, курицы?

— Мама! — Аниэла укоризненно покачала головой.

— Бабушка, я не узнаю тебя! — Глаза Мелии изумленно округлились.

— Не узнаешь? — Старушка усмехнулась.— Это хорошо — не терплю быть одинаковой! Но к делу. Я скажу вам, как быть. Нужно пойти к твоему Конану. Если я правильно тебя поняла, он и силен, и умен, а это как раз то, что нам нужно.

Мелия устало вздохнула:

— Где же его найдешь...

Почтенная Сиотвия усмехнулась и снисходительно, но ласково потрепала внучку по щеке.

— Ты помнишь заведение, где мальчишка бегал узнавать, на месте ли твой друг?

— Помню...— Мелия недоуменно посмотрела на бабушку.— Там еще было такое длинное и смешное название, что я невольно запомнила его. Звучит оно так: «По-настоящему пьяным станешь лишь в этом духане!». Я еще подумала, что духанщик, похоже, обладает чувством юмора и склонен к рифмоплетству.

Старушка поморщилась, потом рассмеялась.

— Название говорит о желании духанщика выделиться из толпы. Уверена, что внутри гораздо чище, чем в прочих местах, где ты побывала.

— Верно! — удивилась девушка.

— Значит, там он и ночует,— уверенно заключила Аниэла.— Сейчас же иду туда.

— Правильно, дочка. Ты еще красива, но уже умна — ты уговоришь его!

— Бабушка! — Мелия бросилась к старухе.— Ты неподражаема!

* * *

Двое слуг, склонившись в вежливом поклоне, открыли перед ней дверь, и Аниэла вошла в заведение, над дверьми которого висела вывеска, утверждавшая, что именно здесь она сможет напиться как надо.

Она еще осматривала довольно чистый и просторный зал, а пара ее слуг уже освободила от прикорнувшего пьянчужки уютный столик в углу, справа от входа, еще двое заканчивали переговоры с хозяином заведения, а двое оставшихся замерли перед ней в ожидании приказов.

Она расположилась на жесткой деревянной скамье с таким достоинством и величием, словно то был трон королей Заморы, а не простое сиденье в одном из духанов Пустыньки, пусть и не самом бедном.

Духанщик и сам уже успел рассмотреть красивую, выглядевшую не более чем на тридцать пять лет женщину в сопровождении шестерки вышколенных слуг, но не подал виду, что знает, кто она такая. Впрочем, случалось, и не столь уж редко, когда люди высшего круга интереса ради,

в поисках новых ощущений, появлялись в воровском квартале, но обычно это была молодежь.

Однако, когда двое из шестерки, сопровождавшей странную посетительницу, прямо заявили ему, что хозяйка желает переговорить с ним с глазу на глаз, он не замедлил исполнить ее просьбу и мгновение спустя уже стоял перед дамой, удивительно напоминавшей девушку, которая утром искала здесь Конана, и согнулся в почтительном поклоне.

Дама с интересом посмотрела на него, приветливо улыбнулась и кивнула.

— Присядь. — Она подождала, пока он устроится на краешке скамьи. — Я могу говорить с тобой откровенно, не боясь, что кто-нибудь нескромный нас услышит?

Хозяин заведения судорожно сглотнул:

— Безусловно, госпожа. Я весь внимание.

— Я ищу одного человека. Его зовут Конан.

Она пристально смотрела в глаза духанщика, но ни один мускул не дрогнул на лице прохожи.

— Никогда не слышал о таком.

Ни единым движением не выказав разочарования, Аниэла положила на стол увесистый золотой кругляш, и вновь вопросительно посмотрела в плутоватые глаза духанщика, словно не расслышав его ответа.

— Мне говорили, что он иногда ночует здесь.

Почтенный Кирилл бросил мимолетный взгляд на полновесную туранскую монету. Это была подходящая тема для разговора.

— Да простит меня госпожа, но он ночевал у меня лишь раз, прошлой ночью, оттого я и не сразу вспомнил названное тобой имя. Прошу прощения, как ты его назвала?

— Я сказала: Конан, — спокойно ответила Аниэла. — А как зовут тебя, духанщик?

— Кирилом кличут, ваша милость. — Он почтительно склонил голову.

— Послушай, Кирилл, — вновь заговорила гостья, — я хочу встретиться с Конаном.

Раскосые глаза на круглом лице посмотрели в разные стороны, видимо изображая разочарование, и Аниэла на мгновение растерялась: она не поняла мимики собеседника. К счастью, духанщик не заметил ее реакции.

— Конан — человек непростой, — ответил почтенный хозяин, когда глаза его закончили исследовать противоположные углы комнаты и вернулись на место, — его здесь знают все, но попробуй сынци киммерийца, когда он нужен, — простодушно добавил он, немало не смущаясь тем, что всего несколько мгновений назад уверял свою собеседницу в том, что никогда не слышал такого имени.

Впрочем, он не чувствовал за собой вины. У него был товар: кой-какие знания о молодом варваре. У этой знатной женщины были деньги для того, чтобы купить его товар, и его задача — взять за него хорошую цену.

Однако дело это было более деликатным, чем выглядело на первый взгляд, ведь Конан не тот человек, о котором можно распространяться направо и налево. Нужно сперва выяснить, не причинит ли он вреда киммерийцу, да и вообще — не рассердится ли варвар на него, а то рука у северянина тяжелая, меч острый и расправа быстрая, и если он окажется недоволен... Тут уж никакие деньги не помогут.

Похоже, дама, сидевшая напротив, хоть и не могла знать всего, подспудно угадала его опасения, потому что на первый кругляш аккуратно легли два таких же.

Едва Кирилл услышал легкое позвякивание, лицо его приняло странное выражение. Правый глаз процелыги продолжал выражать прежнее сожаление, в то время как левый с любопытством воззрился на заметно подростшую стопку желтых кругляшей.

— Если он появится здесь, — поспешил заверить духанщик, — я тотчас дам ему знать.

То, что лежало на столе, составляло сумму, которую ему вовсе не хотелось терять. За такие деньги, пожалуй, можно даже рискнуть...

— Он нужен мне не когда-нибудь, а срочно.

Еще три монеты, мелодично звякнув, увеличили стопку. Едва это произошло, правый глаз Кирилла перестал печалиться.

литься и присоединился к левому, чтобы получше рассмотреть неожиданное богатство. «Похоже, все без обмана», — решил духанщик и облизнул пухлые губы.

— Можно послать кого-нибудь поискать Конана, — выпалил он и тут же насторожился: — А зачем он тебе? Да еще так срочно!

Кири́м подозрительно взглянул на женщину. Он хорошо знал о неразворотливости дознания в Шадизаре, но знал он также и о том, скольким влиятельным в этом городе людям успел досадить киммериец, и кое-кто из них вполне мог пойти на значительные траты и непривычные уловки, лишь бы поймать знаменитого вора и предать его публичной казни.

— А какая тебе разница? — удивилась светлейшая Аниэла.

— Это может существенно повлиять на быстроту поисков, — веско заметил духанщик, и лицо его на миг приняло серьезное, естественное выражение, но тут же вновь исказилось хитроватой гримаской. — Исполнить твою просьбу, госпожа, непросто.

— Хорошо. Я буду говорить прямо. Я жена Главного Королевского Дознателя, Аниэла. Моей дочери, Мелии, угрожают, но мужа нет в городе, и нас некому защитить. Мы решили нанять Конана, с которым моя дочь знакома.

— Конан не занимается подобными делами! — выпалил духанщик и тут же подумал, что не его это дело. Его задача решить, свести их или нет, а там дальше пусть киммериец сам разбирается, как ему поступить.

— Да, я слышала, — вздохнула женщина, — но нас просто некому защитить, кроме Конана. — Она вновь поймала бегающий взгляд хитрых глаз духанщика. — Я бы очень хотела видеть его.

Дверь хлопнула. Вошел щуплый человечик с такими же хитрыми, бегающими, как и у хозяина, глазами, и на его вопросительный кивок коротко ответил:

— Все чисто.

Вслед за этим кабатчик вновь услышал ласкающий ухо мелодичный звон и, скосив глаза, увидел, что стопка

монет выросла вдвое, превратившись во внушительных размеров столбик. Тут же до его ушей донесся мягкий голос женщины:

— Я хотела бы увидеть его еще сегодня.

— Если так, то эти деньги мои?

Последовал величественный кивок. Кири́м облегченно вздохнул и быстрым движением сгреб кругляши в карман.

— Чего проще.

Глаза прекрасной Аниэлы округлились от удивления, когда она услышала эту фразу и увидела, как хитрый Кири́м сгреб в карман ее золото.

— Эй, Лисенок! — Духанщик посмотрел в глубь зала. — Не делай вид, что тебя здесь нет! Я знаю, что ты подслушиваешь!

Тут же дверь во внутреннюю часть дома отворилась, и в ней показалась рыжеволосая голова мальчишки лет десяти. Его шкодливого, веснушчатого лица улыбалось, а внимательные, цепкие глаза тут же впились в княгиню изучающим, любопытным взглядом.

— Ты все слышал, так что дуй наверх и скажи Конану, что к нему пришла дама.

Мальчишка мгновенно исчез. Аниэла изумленно посмотрела на духанщика:

— Так все это время Конан был здесь?

— Да, госпожа, — скромно ответил Кири́м.

— Почему же ты не позвал его сразу, плут?

— Конан пришел как раз перед тобой, госпожа, и поднялся, чтобы переодеться. Он все равно не смог бы спуститься не одетым. И потом... — Кири́м сморщился, изображая некое подобие улыбки. — Ведь это мое заведение, и всякий пришедший сюда непременно должен оставить здесь толику своих денег. Иначе я просто пойду по миру. — Он сокрушенно развел руками.

Изумление княгини было настолько велико, что она не выдержала и рассмеялась.

— По миру?! Да если б мне кто предложил дюжину туранских золотых за короткий разговор, я бы и то не отказалась, хотя и не бедна!

Лицо Кирима расплылось в приветливой улыбке.

— И я был рад беседе. Если госпоже нужно будет узнать еще о ком-то, милости прошу!

В это мгновение послышались тяжелые шаги, дверь резко распахнулась и в проеме появился гигант с головой, увенчанной гривой иссиня-черных волос. Плечи же его были столь широки, что застряли в проеме, и ему пришлось развернуться, чтобы пройти в зал.

— Ну, старый пройдоха, кому ты меня продал на этот раз?

— Что ты, Конан, как можно?! Мать Мелии, почтенная Аниэла сильно хотела тебя увидеть и привела столь весомые доводы, что я не смог отказать!

Он кивнул в сторону углового столика. В несколько шагов Конан оказался там, и двое чернокожих невольников преградили ему путь, но резкий окрик Аниэлы заставил их отступить.

— Садись, Конан.

Киммериец сел и сразу обернулся к Кириму:

— Что стоишь, старый хитрец? За те деньги, что ты вытянул из госпожи, мог хотя бы угостить ее фруктами и вином. На дворе жара, не продохнуть.

Лицо духанщика снова сморщилось в характерной улыбке.

— Уже несут.

Это было правдой. Не успел он закончить фразы, как люди духанщика засуетились, и на столе, словно по волшебству, появился огромный серебряный поднос, на котором живописной горкой были уложены румяные яблоки вперемежку с янтарными грушами. Отдельно лежали сливы и алыча, несколько огромных, дышавших свежестью, кистей полупрозрачного винограда от янтарно-желтого до почти черного. С краю выстроилось пять узких и высоких графинов с вином на любой вкус. Рядом стояли два пузатых хрустальных бокала.

Конан вопросительно взглянул на женщину, которую видел впервые, но та, взяв со стола персик, отрицательно покачала головой, и он налил только себе.

— Кром! Вот уж не ждал в твоём свинарнике увидеть нечто подобное,— проворчал Конан, наполняя объемистый бокал.

Кирим скромно потупился:

— Чего не сделаешь ради порядочных гостей.

Конан попробовал вино и, узнав в нем свое любимое пуантенское, сделал большой глоток. Аниэла подождала и, видя, что собеседник ее не отличается многословием, заговорила сама:

— За Мелией следят.

Конан пожал плечами:

— За хорошенькой девушкой всегда следят.

— Ты не понял. Это не просто тайный воздыхатель.— Аниэла попыталась поймать взгляд киммерийца, но ей это не удалось.— Она боится.

— Прикажи слугам отлупить нахала.

Конан знал, что уже несколько дней Мелия ищет его по всей Пустыньке, но старательно избегал этих встреч, что было не так уж сложно сделать. И теперь он видел в приходе ее матери всего лишь еще одну попытку девушки добиться своего. Поэтому он пил вино и продолжал старательно избегать ее взглядов. Аниэла вздохнула:

— Боюсь, это не поможет.

Конан ухмыльнулся:

— Поможет, еще как поможет!

— Ты не понял, это не воздыхатель,— повторила она,— это жрец Затха!

Конан поставил на стол кубок, из которого только что собирался отпить, и впервые посмотрел знатной даме в глаза.

— Что понадобилось жрецам Затха от твоей дочери?

— И нас это заинтересовало.

— Ну, и?..

— Мы не знаем. Мелия боится. Очень боится. Она хочет, чтобы ты защитил ее. Она просит...

Конан покачал головой:

— Я уйду из Шадизара.— Он помолчал и добавил: — Обратись к наместнику. Его прямая обязанность — защищать жителей города.

— Я готова заплатить. Любую сумму.

Аниэла настаивала, но Конан лишь снова покачал головой:

— Я ухажу.

— Когда?

В ее взгляде впервые промелькнула обреченность, и Конан поспешно отвел глаза.

— Еще не знаю.

— Ну что ж...— Женщина поднялась, показывая, что понимает бессмысленность дальнейшего разговора, и напоследок попросила: — Не откажи мне в просьбе.

— Хорошо.— Конан кивнул.— Что же за просьба?

— Пообещай встретиться со мной завтра, здесь, в это же время.

Киммериец поморщился, но слово было сказано, а отступать он не привык.

— Обещаю.

Она кивнула ему на прощание. Двое слуг открыли перед ней двери, и, царственно величественная, она удалилась.

* * *

Хараг встал навстречу вошедшему:

— Рад приветствовать тебя, мой брат. Мы давно не виделись, и мне приятно узнать, что ты по-прежнему в добром здравии. Что привело тебя ко мне на этот раз?

Хараг лицемерил. Он прекрасно понимал, зачем явился Рамсис, но желал услышать, что тот скажет.

— Я пришел за камнем, любезный Хараг, и льщу себя надеждой не услышать, что ты не знаешь, о каком именно камне идет речь.

Он улыбнулся улыбкой змеи, предвкушающей сытный обед, и посмотрел жрецу Затха в глаза. Тот понял, что разговор предстоит серьезный, и улыбнулся еще шире.

— Я понимаю.

— Рад слышать.— Рамсис кивнул.— Надеюсь, ты не откажешься его вернуть.

Хараг начал злиться, но, быть может, именно поэтому улыбка словно приклеилась к его лицу. Как человек

рассудительный он не желал ненужной стычки и готов был на уступки, но на разумные уступки, а не на потерю всего.

— Вернуть? — Улыбка наконец покинула его лицо, уступив место удивлению.— Разве Талисман Силы прежде принадлежал тебе? — И, видя, что Рамсис готов вспылить, предостерегающе поднял руку.— Прежде чем применять силу, давай попробуем договориться, ведь когда-то мы неплохо понимали друг друга.

Некоторое время Рамсис стоял, словно обдумывая его слова, пока не решил, что Хараг прав и забрать Талисман силой он всегда успеет.

— Говори!

— Хорошо.— Хараг кивнул.— Ты наверняка знаешь, что Талисман создан Памелой, жрицей Затха, а значит, и принадлежит Затху. Разве не так?

— Не так, и по двум причинам,— спокойно возразил Рамсис.— Ты должен помнить, что жрецы Затха сожгли Памелу за неповиновение, исключив тем самым из своих рядов. А сила, заключенная в Талисмане, не принадлежит ни Сету, ни Митре, ни тем более Затху! Сила нейтральна до тех пор, пока ее не заставят служить. Лишь тогда она становится чьей-то.

— Что ж,— усмехнулся Хараг,— в твоих словах есть доля правды, но если ты так блистательно доказал, что Талисман не имеет никакого отношения к Затху, хотя создан его жрицей, пусть и бывшей, то расскажи мне о своих правах на него.

И он внимательно посмотрел на стигийца, ожидая, что тот скажет. Рамсис сжал челюсти, ибо понял, что ему ничего не собираются отдавать. От него хотят лишь мирно отделаться!

— Я послал человека, который нанял одного из здешних воров, уплатив ему сполна, а ты, судя по всему, перехватил его! Так?

— Так,— спокойно согласился Хараг.

— Значит, ты украл его у меня!

— Не совсем.— Хараг улыбнулся и довольно потер руки.

— Хватит! — Рамсис нахмурился. Взгляд его словно прицелился в противника. — Мне надоели твои увертки! Верни украденное, или я заберу его силой!

— Ну, ну, уважаемый, умерь свой пыл. Нам ли, облеченным силой и властью, вступать в постыдные споры, уподобляясь простым смертным?! Дойдет и до драки, — он улыбнулся, словно вел обычную светскую беседу, — быть может. — Внезапно лицо его посерьезнело. — Ты силен, я знаю, но здесь не Стигия. Здесь я в своем праве. — Тут он вновь улыбнулся и закончил: — А пока дело не приняло иного оборота, давай договорим.

Рамсис взял себя в руки:

— Я слушаю.

— Так вот, никакого ограбления не было. Твой человек или не человек, впрочем, это неважно, сам отдал его мне. Не считаешь ли ты, что это сильно меняет дело?

Неожиданно улыбнулся и Рамсис, и это не понравилось Харагу. До сих пор все шло так, как он задумал. Он заранее предвидел приход жреца Сета. Он знал, что Рамсис силен, но был уверен, что тот не пойдет на открытое столкновение, не попытавшись получить то, что считает своим, путем переговоров, под которыми понимает набор требований, подкрепленных угрозами. Он знал, что может позволить себе зайти достаточно далеко, потому что, несмотря на наглость и несдержанность, Рамсис умен и не может не понимать, что тот, кто решился противиться ему, должен обладать реальной силой. Именно поэтому, памятуя о том, что гнев — плохой советчик, он сознательно разжигал в своем противнике злость, надеясь, что Рамсис совершит какую-нибудь ошибку. Он сознательно шел на то, что расстанутся они врагами, но при этом он останется с Талисманом, а стигиец уйдет ни с чем.

Это была опасная игра, но до сих пор все шло так, как он задумал, и вот произошел сбой. То ли противник разгадал его игру, оказавшись умнее, чем он думал, то ли приготавливал ответный удар.

Хараг ничем не выдал своих мыслей. Он стоял и спокойно смотрел в лицо Рамсису, ожидая, как тот поведет себя.

— Я предлагаю прекратить спор, — сказал вдруг стигиец.

— Ты решил отказаться от претензий? — Хараг недоверчиво покосился на служителя Сета.

— Вовсе нет, — Рамсис улыбнулся, — просто я предлагаю разрешить это дело без споров. Насколько я знаю, ты должен был увести из Шадизара девушку, душа которой оказалась в Талисмане? Без нее тебе нет пути назад?

— Верно. — Хараг был неприятно удивлен осведомленностью Рамсиса в его делах, но никак не выдал этого.

— Так вот, ты не получишь эту душу, если не отдашь Талисман мне. — Он улыбнулся. — Тебе не обойтись без помощи, так прими же ее и отдай камни! Пусть каждый из нас получит то, что ему нужно!

— Я не нуждаюсь ни в чьей помощи! — гневно вскричал Хараг, сам не заметив, как оказался в роли, уготованный им противнику. — Затх сам справится со своим делом!

— Порождения Сета послушны лишь Сету! — наставительно произнес Рамсис. — Чтобы добраться до души Зиты, нужно справиться с Незримым, и ты, конечно, сможешь сделать это, но есть ли у тебя на это время? Подумай.

Рамсис замолчал. Он сказал все, что хотел, и теперь ждал.

Хараг тоже не спешил. Он понял, что попался в ловушку, которую в спешке просмотрел, а раз так, не мешало заново взвесить все за и против. А он-то мнил себя хитрецом! Впрочем, ловушка ли это? Разве имеет Рамсис отношение к драме, происшедшей в заброшенном доме? Вряд ли он стал бы так все усложнять.

И все равно он допустил досадный промах, не подумав о том, что избавиться от Незримого — задача действительно не из простых. Он прикинул, что сможет справиться с этой трудностью, и тут же забыл о ней, не подумав о проклятом времени, которого на самом деле становилось все меньше и меньше. Тут, пожалуй, стигиец прав. Как ни жаль, но в его положении не принять предложенную помощь было бы самоубийством.

— Хорошо, — он улыбнулся, словно не произошло ничего необычного, — признаю, что твоя помощь мне нужна, а потому даже не стану говорить, что делаю тебе одолжение.

— Рад, что ты это понял. — Рамсис сдержанно кивнул.

— Но мне кажется, что Талисман — слишком высокая плата за помощь.

— Что предлагаешь ты?

— Я получаю душу Зиты. Ты получаешь Незримого. — Их взгляды встретились. — Разве это несправедливо?

Рамсис сделал вид, что задумался. Не потому, что его не устраивало предложение заморийца, но он рассчитывал завладеть и самим Талисманом и теперь прикидывал, как вести себя дальше.

Хараг же принял его размышления за колебания.

— Ты не согласен? Но ведь ты остаешься в явном выигрыше. Незримый — невероятно мощная сила. Душа же Зиты всего лишь послужит удовлетворению прихоти Грабаха, жалкого глупца, не понимающего, что между принесением в жертву Памелы и ее воплощением в теле этой девушки огромная разница. Жертвоприношение обратится дешевым представлением и не принесет ничего, кроме стыда.

— Не скромничай, мой друг. — Рамсис улыбнулся. — В любом случае ты на коне. Либо приношение обернется фарсом, как ты сказал, и ты станешь Верховным Жрецом Затха, либо оно удастся, и тогда нужно подумать, как обернуть дело себе на пользу. Я мог бы помочь тебе в этом, но ты сам понимаешь...

— Тебе понадобится для этого Талисман. — Рамсис согласно кивнул. — Впрочем, с Талисманом я и сам управлюсь со своими затруднениями. На самом деле все еще проще. Ты правильно заметил, что жертва может и удасться. Я не собираюсь рисковать.

— Что ты хочешь сказать?

— Грабах приготовился к встрече, но я уверен, что, как только попаду в Большой Жертвенный Зал в Йезуде, тут же окажусь не у дел.

— Что ты собираешься делать?

Хараг немного поколебался:

— Ты когда-нибудь слышал об Изгнанниках?

— Тех, что пятнадцать веков назад ушли в горы?

— Верно. — Хараг с уважением посмотрел на стигийца. — Я, Глава Малого Круга, возглавляю их. Я мечтал сбросить Грабаха и объединить братьев, но если великий Затх хочет иначе... Мы отправимся в Сура-Зуд и там освободим силу Талисмана, решим его судьбу и принесем жертву!

— И это окажется тем проще, что я буду один, в окружении преданных тебе людей! — иронично воскликнул Рамсис.

— Ты мне не веришь?

— Верю, конечно, но хочу быть уверенным. — Стигиец задумался. — Поступим так: я составлю договор, скреплю его властью Сета, и мы оба его подпишем. По этому договору ты получишь душу девушки, я — Незримого.

— А Талисман? — Хараг в волнении облизнулся.

— Он останется в общем владении до тех пор, пока мы не договоримся, как с ним быть. Попытавшийся единолично воспользоваться силой Талисмана в трехдневный срок отойдет на Серые Равнины.

— Но камень будет храниться у меня! — выпалил Хараг, не без оснований опасавшийся подвоха.

— Камень будет храниться у тебя. — Лицо стигийца вновь стало похожим на морду улыбающегося питона. — До тех пор, пока договор будет действовать, мы сможем пользоваться им только сообща.

— А если мы не договоримся? — быстро спросил замориец.

— Если мы не договоримся, то опять-таки сообща сожжем договор, который будет действовать после этого еще три дня, и по истечении этого срока любой из нас сможет в одиночку воспользоваться его силой.

— Хитришь, змеепоклонник! — Хараг хищно оскалился. — Этак через три дня я становлюсь полноправным владельцем Талисмана! И ты идешь на это добровольно?! Что-то здесь не так!

— Верно, — спокойно согласился стигиец. — Не все так просто. Ты забыл о трех днях, в течение которых должен будешь исхитриться не утратить две вещи.

— Какие же? — Глаза Харага яростно сверкнули.

— Камень и жизнь, — усмехнулся Рамсис. — Я тебя убедил?

Жрец Затха задумался. То, что он услышал, мало походило на непродуманное предложение и еще меньше на глупую шутку, а гораздо сильнее смахивало на правду.

— Хорошо.

Как только он произнес это, Рамсис достал из широкого рукава свернутый в тонкую трубочку свиток и, развернув его, подал Харагу.

— Вот текст. Надеюсь, ты уже видишь, что на нем нет никаких обманных заклинаний. Только те знаки, что нанесены на пергамент вполне обычным способом. Прочти и убедись в том, что текст соответствует нашему уговору.

— Ты даже это предусмотрел? — удивился замориец.

— Правильнее будет сказать, что как раз с этим я и шел, — усмехнулся Рамсис и добавил: — Ведь если бы я надеялся на силу, то не появился бы здесь.

Хараг кивнул, бегло пробежал документ глазами, перече-
л его еще раз, но уже внимательнее, обмакнул калан в раствор чернильного орешка и вывел на пергаменте затейливый вензель. Рамсис повертел в руках предложенное ему тростниковое перо и поставил рядом свой росчерк.

— Ну что ж, — стигиец выглядел довольным, — камень остается у тебя. Надеюсь, ты не против, если договор останется у меня?

И, не дожидаясь кивка Харага, спрятал его обратно. В это мгновение в зал, низко кланяясь, вошел один из жрецов Затха.

— Я ведь приказал меня не тревожить!

Глаза Харага полыхнули огнем, но услышанное тут же остудило его гнев.

— Прошу прощения, мой повелитель, но новость показалась мне важной. Только что пришла Сурия — молодая

служанка из дома Мелии. Ее мать, Аниэла, отправилась просить Конана охранять дочь.

Хараг помрачнел и жестом отпустил слугу, но Рамсис остановил его.

— Подожди, ты еще понадобишься. — Он повернулся к заморийцу. — С твоего дозволения.

Тот кивнул, и стигиец спросил:

— Не тот ли это Конан, что сковал Незримого? Он может сильно помешать нам!

— Клянусь, ты больше не услышишь о нем! — зло огрызнулся замориец. — Я сейчас же пошлю людей, и Шади-зар избавится от присутствия грязного варвара!

— Постой! — остановил его сообщник. — Сила не всегда хороша, а с этим северянином справиться не так-то просто, не говоря уже о том, что его еще нужно отыскать.

— Чего ты хочешь? — недовольно проворчал Хараг, которому совсем не нравилось, что разговор происходил в присутствии слуги.

— Я предлагаю действовать хитростью. Зачастую хитрость приводит к цели быстрее силы. Я знаю, что последние несколько дней Конан встречается с Марленой, дочерью одного из королевских советников. Она мне понадобится.

— Ты ее получишь! — коротко бросил Хараг.

— Когда?

— Еще сегодня! — отрезал жрец бога-паука, и стигиец довольно кивнул.

— Значит, Конан не доживет до утра. И еще одно, пока я не ушел. В твоём доме находится один мой должник, и я желаю получить долг.

— Кто это? — заинтересовался замориец.

— Тот, кто нес камни! — зло процедил Рамсис.

— Он твой! — Хараг обернулся к замершему в ожидании приказаний жрецу. — Ты все слышал. Немедленно пришли ко мне Тхон-Тона. Ничего ему не говори. Любым способом доставишь сюда Марлену. Сроку тебе — два часа. Кого-нибудь помирнее видом отправь в дом Мелии. Пусть предложит ей добровольно стать жрицей великого Затха. Дашь ей два дня на размышление. Все!

— Ты всерьез веришь, что она согласится?

— Нет, — пожал плечами Хараг. — Но раз уж они знают... Надежды мало, но ее согласие избавит нас от множества неудобств и сэкономит немало времени.

— Что ж, мысль здравая.

Дверь вновь отворилась, и, согнувшись в поклоне, на пороге возник другой жрец.

— Тхон-Тон, повелитель.

И, так же согнувшись, удалился.

Стигиец вошел и, едва увидел Рамсиса, замер. Бледно-желтое лицо его сделалось серым.

— Я вижу, ты узнал меня? Тем лучше. — Голос Рамсиса звучал ровно, без тени злости или раздражения. — Значит, ты должен помнить и о том, что я предупреждал тебя, какая судьба ждет предателя.

— Я не предавал, — почти беззвучно, одними губами прошептал несчастный.

— Вот как? Не предавал? — расхохотался прекрасно понявший его Рамсис.

Бедняга, увидев, что никакие оправдания не помогут ему, повернулся к Харагу.

— Ты обещал помочь мне!

— Я обещал лишь подыскать тебе новое тело и вселить в него душу, но не более того.

Он равнодушно пожал плечами и посмотрел на Рамсиса.

— Какую же смерть ты заслужил? — заговорил стигиец. — Быть может, сжечь тебя? Или посадить на кол? Выбери! — Злобная улыбка застыла на его лице. — Молчишь? Тогда выбирать буду я. Петля или плаха — все это слишком милосердно.

Тхон-Тон стоял не шевелясь, застыв от страха, а стигиец продолжал говорить, и ужас потихоньку начал проникать даже в душу Харага.

— Бездну веков твоя брменная плоть пролежала в песках, пока я не нашел ее и не вдохнул в твои никчемные останки искру жизни, а пообещал еще больше, попросив взамен лишь твою верность. Чем же ты отплатил мне?

Предательством. — Он помолчал. — Так изойди прахом! Песком, который уходит сквозь пальцы дураков, не способных удержать его в ладонях!

Он поднес руки к лицу, сделал странный жест, закончившийся движением, каким выпускают птицу на волю, и успокоился.

Прошла минута, другая — ничего не происходило. Приговоренный недоверчиво озирался, не понимая, помиловали его или нет. Он посмотрел в лицо стигийцу, и тот злобно ухмыльнулся. Тхон-Тон почувствовал что-то неладное, но что именно, еще не мог понять.

Он поднял руку и посмотрел на ладонь, попробовал пальцы на ощупь — все оставалось по-прежнему. Разве что кожа показалась ему еще суше. Он потер палец о палец, и мелкий песок тонкой, едва заметной струйкой посыпался на пол.

Несчастный опустил голову и увидел, что пол вокруг ног уже покрылся тонким слоем мелкого песка, и лишь тогда впервые почувствовал легкий зуд. Он пошевелился, и легкая ткань обожгла его, словно огонь. Тхон-Тон лихорадочно рванул с себя тогу и бросил ее на пол — тела опять коснулось разъяренное пламя.

И тогда он завопил, страшно и протяжно. В крике этом не было ничего человеческого, словно голос принадлежал некоему магическому существу. Оно выло от боли, кричало о своих страданиях, и было их столько, что даже Хараг болезненно поморщился. Рамсис сделал еще один жест.

— Мертвецу не пристало издавать непристойные звуки!

Крик оборвался, но не прекратились страдания. Обнаженное тело дрожало мелкой дрожью, исходя песком, который все обильнее сыпался на пол, и так же нарастала боль. И без того тощее тело мумии превратилось в костяк, покрытый лишь тонким слоем сохшейся плоти, пока не исчезла и она.

Мгновение спустя посреди зала остался трясущийся скелет с запрокинутым черепом и отвисшей в немом крике невыносимого страдания нижней челюстью. Отдельные кости начали отваливаться одна за одной, мягко падая в песча-

ную горку, выросшую у ног, пока наконец весь он не осыпался вниз. Оскалившийся череп откатился в сторону, но в следующее мгновение и он превратился в горстку серого праха.

* * *

— Мама, он согласился? — Мелия с надеждой посмотрела в глаза матери.

— Нет.

Аниэла виновато отвела взгляд, словно не сделала всего, что можно было требовать от нее. Девушка вздрогнула, как от удара хлыстом.

— Но почему? — В голосе ее послышались обида и отчаяние.

— Он считает, что опасности нет, — Аниэла устало вздохнула, — что все это лишь пустые страхи.

Мелия без сил опустилась в кресло и обреченно пролепетала:

— Это конец.

Мать упала перед ней на колени и, лихорадочно покрывая лицо дочери поцелуями, зашептала:

— Успокойся, милая, все будет хорошо.

Мелия разрыдалась, а вслед за ней и мать. Она обняла дочь, прижала ее к себе.

— Успокойся, милая, завтра я пойду к управителю, он поможет. Он обязан помочь!

Она повторяла слова Конана, сама в них не веря, цепляясь за них, как утопающий в панике хватается за что попало, не видя реальной возможности спастись.

Некоторое время обе молчали, пока немного не успокоились. Молчала и Сиотвия. Она не проливали слез, она ждала, пока наплачутся дочка с внучкой.

— Хватит слезы лить, слушайте, что я скажу. — Взгляд ее был суров, а губы плотно сжаты. — Ни к какому управителю ты не пойдешь: он и пальцем не шевельнет, если не завалить его золотом по самую макушку, а у нас нет таких денег, значит, не стоит и времени тратить понапрасну.

Пока она говорила, мать с дочерью немного пришли в себя. Аниэла горестно вздохнула:

— Тефилус должен приехать.

Она виновато посмотрела на мать.

— Брось! — Старуха махнула рукой. — Твой муженек годится лишь горло драть!

— Но, мама!

— Да, да, и не спорь со мной. — Сиотвия топнула ногой. — Только горло драть, да и то если уверен, что не получит сдачи!

Аниэла замолчала, понимая, что, как это ни печально, а мать права. Сиотвия тем временем продолжала:

— Ты знаешь, что, пока тебя не было, приходил жрец, который таскался за Мелией?

Аниэла вздрогнула:

— Он сказал, что ему надо?

— Сказал, сказал, — проворчала почтенная Сиотвия, а Мелия вновь залилась слезами, — но лучше бы не говорил. Он хочет, чтобы Мелия стала жрицей Затха. Не больше и не меньше! Каков нахал!

— И что ты ему ответила? — с трудом выдавила из себя Аниэла.

— Я сказала ему, что, если он заявится еще раз, я прикажу рабам гнать его палками через весь город! — с гордостью выпалила старуха.

— Ах, мама, мама! — Аниэла укоризненно покачала головой. — Ну зачем ты! Быть может, нужно было...

— ...Вина ему предложить — на улице такая жара! — ехидно закончила за нее Сиотвия, и тут же взгляд ее посуровел. — Пусть уходит откуда пришел и скажет, что здесь его никто не боится!

— Ну хорошо, — вздохнула дочь. — Что же он тебе ответил?

— Дал два дня на размышление, наглец! — фыркнула она и тут же сменила тему: — А что тебе ответил Конан?

— Сказал, что уезжает из Шадизара.

Мелия ахнула. Старушка уперла руки в сухонькие бока:

— И ты его отпустила!

— А что я могла сделать?

Но Сиотвия уже не слушала ее.

— Твою дочь грозят забрать эти паучьи прихвостни, а ты отпускаешь единственного человека, способного защитить ее?!

— Завтра мы встретимся еще раз, быть может, тогда...

— Свидание, значит, назначила. — Старушка смерила дочь ехидным взглядом.

— Мама, как ты можешь! — Анизла вспыхнула от стыда и возмущения, а Мелия, несмотря на то что всего минуту назад редела на плече у матери, не выдержала и рассмеялась.

— Я завтра пойду! — Старуха топнула ногой. — А ты мне его покажешь!

Глава четвертая

Если бы сознание, изгнанное черным снадобьем, не покинуло тела, то обладатель его обнаружил бы, что затекшие руки намертво закреплены в цепях, свисающих с потолка, а онемевшие ступни притянуты к крючьям, вделанным в пол. Случись это, страх неизбежно сковал бы разум, а может, и наоборот — побудил бы к поискам спасения. Если бы... Но сознание спало.

Второе тело было точно так же сковано в десяти локтях справа, но разум его обладателя не дремал, а глаза на выражавшем полнейшее безразличие лице внимательно следили за тем, что происходило вокруг.

Цепи, растягивавшие конечности, жрец укоротил до предела — так ему было удобнее — и теперь сосредоточенно рисовал на теле несчастного загадочные знаки, понятные лишь посвященным в тайные знания. Рамсис уже и сам не помнил, как долго это длилось: окунувшись с головой в работу, он полностью отрешился от всего. Это был тяжелый, кропотливый труд. Магия не прощает небрежности, и это жрец Сета твердо усвоил с младых ногтей и на всю жизнь. Он знал, сколько неудач потерпели его предшественники из-за допущенных в самый ответственный момент неточностей.

Сегодня неудачи быть не должно. Не для того он потратил столько сил и столько лет, чтобы теперь в конце очередного, очень важного, этапа пути все пошло прахом, а ошибиться было очень просто.

Не только каждая часть тела, но и каждый орган, скрытый внутри него, надо скрупулезно описать, а это не просто. Когда вторая мерная свеча уже догорала, вся поверхность тела покрылась затейливым узором, придав коже необычный вид змеиной чешуи.

Наконец последний значок лег на свое, известное лишь жрецу, место, и Рамсис, устало разогнувшись, удовлетворенно осмотрел результат своего труда. Он несколько раз обошел закрепленное на растяжках тело, выискивая неточности, но все было сделано, как всегда, идеально.

Видя, что дело закончено и стигиец отошел к столу, чтобы смочить пересохшее горло вином, Хараг мрачно кивнул: чужое мастерство, даже когда оно не относилось к магии, всегда вызывало у него острое чувство зависти.

— Что теперь?

Стигиец ничего не ответил. Лишь поставил пустой бокал на стол и посмотрел на Харага взглядом, заставившим того прекратить расспросы.

Он еще раз медленно обошел вокруг, в последний раз проверяя, не упустил ли чего, потом взял со стены факел и ткнул им в висевшее тело, которое тут же вспыхнуло, словно то была кукла, набитая соломой, а не живой человек из плоти и крови.

Лишь теперь, в последний предсмертный миг, сознание вернулось, оглушив несчастного острой болью. Крик, полный ужаса и невыразимого страдания, ударил по ушам, и Рамсис, поморщившись, раздраженно крикнул:

— Молча! Молча подыхай!

Крик смолк, и жрец тут же пожалел о своей несдержанности. Теперь творение его будет лишено голоса.

Глаза второго человека округлились, и лицо его впервые непроизвольно дрогнуло, когда он почувствовал холодное прикосновение страха, ибо понял, что теперь настал его черед, но чего ждать, не ведал.

Рамсис посмотрел на пылающее факелом тело и вернулся к столу. От волнения у него вновь пересохло в горле, и он налил себе вина — ледяного стигийского, которое приятно освежало и утоляло жажду.

Он знал действие этого колдовства и, не дожидаясь, пока жертва догорит, начал готовиться к следующему этапу. Подойдя к другому несчастному, он попробовал цепи и нащел их недостаточно натянутыми. Тогда он взялся за рукоять ворота, несколько провернув ее, зафиксировал в новом положении и повернулся ко второй жертве.

— Замри.

Это простое приказание было немедленно выполнено. Человеческое существо только что с ужасом взидало на живой факел, который уже догорел и осыпался теперь серым пеплом, но, едва прозвучал голос жреца, посмотрело на него и вдруг застыло, словно живая статуя, с ужасом осознавая, что не в силах не только шевельнуть ни рукой, ни ногой или повернуть голову, но и даже просто отвести взгляд.

Лишь чувства по-прежнему жили в нем, и он ощутил, как что-то влажное, липкое и холодное медленно, равномерным слоем покрывает тело, наплывает на него, стремясь поглотить. Ощущение оказалось настолько омерзительным, что волосы на голове поднялись дыбом, но ни крика, ни даже стоны не вырвалось из плотно сомкнутых уст.

Рамсис обошел неподвижную фигуру, внимательно оглядывая ее, и удовлетворенно кивнул, не обнаружив ни одного пятнышка, не покрытого составом. Все тело, начиная с макушки идеально выбритой головы и заканчивая стянутыми стальными браслетами ногами, стало грязно-зеленым. Лишь глаза на равнодушной маске оставались живыми, и в них плескался страх.

Однако Рамсису не было дела до чувств жертвы. Он бережно собрал остатки пожранной пламенем плоти и начал посыпать облепленную неведомым Харагу составом фигуру. Пепел ложился таким ровным слоем, что, казалось, будто омерзительно пахнувший состав на теле живой статуи сам притягивает буровато-серый порошок, не позволяя даже мельчайшим крупинкам его упасть на пол.

После изнурительно долгого ожидания, когда Рамсис разберется с первым телом, Хараг приготовился к столь же длительному и нудному второму этапу, но эта часть работы заняла у стигийца несравненно меньше времени. Жрец Затха

не успел даже толком рассмотреть все ее детали, а тело уже покрылось ровным слоем порошка.

Он вопросительно взглянул на своего сообщника.

— Конеч, как я понимаю, будет тем же? — спросил он, и вопрос его породил дикий ужас в глазах несчастного.

— Ты, как всегда, проницателен.

Рамсис усмехнулся и некоторое время стоял перед растянутым в цепях телом, наслаждаясь страхом жертвы, и, когда зрачки бедняги расширились настолько, что глаза его стали черными, ткнул факелом в обращенное его колдовством в живой камень тело, и оно вспыхнуло так же мгновенно, как и первое. Но не тем ослепительным, яростным пламенем, что так скоро пожрало первую жертву, обратив ее в бурый порошок, а неярким, мертвенным, призрачно-зеленоватым огнем, какой можно иногда видеть на болоте, в местах, где нечисть, вызванная из его зловонных недр черным колдовством, выходит на поверхность для свершения своих гнусных дел.

Не в силах преодолеть наложенного колдуном заклятия и пошевелиться, тело дрожало мелкой дрожью, сотрясаемое приступами неодолимой боли.

Прошло совсем немного времени, и пламя поменяло цвет. Мгновение назад четко различимые контуры тела стали расплывчатыми. Их словно поглотила пелена полупрозрачного тумана, тонким слоем укутавшего тело. Мимолетное удивление накатилось волной, но в следующий миг Хараг понял, что это было. Порошок начал исходить белесым дымом, который становился все гуще, укутывая собой плоть, пряча ее от взглядов людей.

Рамсиса мало интересовали эти превращения. Его волновал лишь конечный результат, а для этого нужно было время, поэтому он разлил вино по кубкам и один протянул Харагу.

— За удачу нашего общего дела!

Они подняли бокалы, и Хараг жадными глотками выпил вино, лишь теперь поняв, что его давно уже мучит жажда.

— Твое колдовство впечатляет. — Хараг оторвался от бокала и вопросительно посмотрел на стигийца. — Но что должно получиться в итоге?

— Что должно получиться? — переспросил Рамсис.

Ничем не выдав своих мыслей, он был немало удивлен тем, что жрец Затха, рвущийся к верховному владычеству, обладает столь неповоротливым мышлением.

— Да.

Рамсис прикинул про себя, что времени прошло достаточно, чтобы колдовство его подошло к успешному завершению, и позволил себе усмехнуться.

— Посмотри назад!

Хараг резко обернулся, и глаза его округлились от изумления и восторга.

— Великий Сет! — только и смог прошептать жрец Затха.

* * *

Конан не спал, но причиной тому были не бессонница, ему вовсе не знакомая, не ночная духота, которую он научился просто не замечать. И уж никак не могла повлиять на его сон усталость, хотя нынешней ночью Марлена, и прежде не отличавшаяся умеренностью, была особенно ненасытна и похотлива. Сегодня же она сумела измотать даже его, не знавшего себе равных в таких делах. Впрочем, о том, какой она бывала обычно, киммериец вряд ли мог судить правильно, ведь это была всего третья ночь, которую они провели вместе.

Киммериец не знал, откуда появилась эта женщина. Быть может, сама судьба свела их для каких-то своих, только ей ведомых целей. Его последняя подружка уехала на пару дней по делам, и он уже подумывал о том, кого из крутившихся вокруг красоток выбрать на ночь, как вдруг встретил ее...

Северянин невольно припомнил тот вечер.

Мгновение назад жизнь в духане текла своим чередом. Привычный, монотонный гул голосов нарушался лишь нечастыми выкриками перебравших посетителей да звоном посуды, не считая изредка возникавших ссор.

Конан отвлекся всего на миг и тут же по повисшей в шумном зале тишине понял, что произошло нечто из ряда вон

выходящее. Он резко обернулся, приученный к тому, что, как правило, неожиданности оказываются неприятными.

То, что он увидел, или, вернее, та, кого он увидел, оказалась достойной того, чтобы о ней говорили во всех тавернах и духанах Пустыньки все три дня, пролетевшие с того памятного вечера.

Гордая и прекрасная, она ступала неторопливо, величественно и снисходительно оглядывая присутствующих, словно сошедшая к людям Держато, и три десятка воров, убийц и прочего люда, промышлявшего разбоем, восторженно смотрели на нее, забыв, кто они и зачем пришли сюда.

А она, с видом победительницы оглядев оторопевшую толпу, направилась прямо к киммерийцу, и отчаянные головорезы, не привыкшие отступать ни перед кем, невольно расчищали ей дорогу.

— Я пришла к тебе, Конан.

Голос ее оказался бархатистым и завораживающим, и как только он прозвучал, все поняли, что северянину опять улыбнулись боги.

Зал тут же зашумел и завозился, наполняясь привычными суетой, гомоном и хохотом, словно ничего не произошло: никому не хотелось показывать ни своего раздражения, ни зависти, ни тем более разочарования. Особенно из-за того, что каждый знал: ничего подобного прежде ни с кем не случилось.

Сцена эта до сих пор стояла перед глазами Конана, словно все было сегодня вечером, а тогда, три дня назад, они поднялись к нему в комнату, так ни слова и не сказав друг другу: оба и без того знали, чем закончится этот вечер.

Утром, когда женщина ушла, Конан удивлялся лишь тому, откуда она вообще знала о нем, но, когда прознал о ее знакомстве с Мелией и о том, что они виделись накануне, все встало на свои места.

На следующий вечер все повторилось, и вторая ночь пролетела, как мгновение.

Сегодня он весь вечер поглядывал на дверь, ожидая ее прихода, но Марлены все не было. Приятели уже начали подтрунивать над ним, говоря, что вчера он, как видно,

поленился сделать все как следует. Киммериец огрызался, но больше для порядка, а когда шутки остряков стали наиболее изощренными, она вошла, и повторилась сцена, которую Кирилл уже наблюдал двумя днями раньше.

Не открывая глаз, Конан усмехнулся про себя, вспомнив, с какими глупыми рожами смотрели на нее шутники.

Он дышал спокойно и ровно, не заметив, как погрузился в странное оцепенение, называвшееся дремотой, то блаженное состояние, когда усталое тело расслабляется, отдыхая, словно во сне, мысли ворочаются размеренно и неторопливо, а незаснувший мозг тщательно, с наслаждением обсасывает каждую из них.

Но вот, дойдя в своих воспоминаниях до сегодняшнего вечера, он почувствовал, как начал исчезать волшебный ореол таинственности, до сих пор окутывавший их отношения, которые теперь неожиданно для него самого приняли неприятный, мрачноватый оттенок.

За две предыдущие ночи Конан привык к тому, что Марлена даже в большей степени, чем он сам, молчалива, но сегодня она вообще не произнесла ни слова. Киммерийцу это показалось странным, но и только. Он сам предпочитал помалкивать, предоставляя другим возможность соотрять воздух словами.

И все-таки не сказать вообще ни одного слова — очень уж неестественно, и он, как ни старался, не мог выкинуть это из головы. Быть может, он и сумел бы справиться со своими сомнениями, если бы эта странность оказалась единственной. Тем более, что, поднявшись с ним наверх, Марлена быстро заставила его позабыть обо всем, но вот теперь, лежа в темноте, он старался понять, что же не так. Неожиданно его осенило.

Рядом с ним лежала *другая* Марлена!

Да, внешне она оставалась все той же божественно прекрасной, царственно величественной, надменной и пресыщенной, неистово желавшей его. Он знал, что не просто нравится ей. Быть может, она даже любит его, насколько вообще такая женщина способна любить кого-то, кроме себя.

Конан чувствовал это во всем. Во взглядах пылающих глаз, устремленных на него, в обжигающих страстью поцелуях, в изгибах извивавшегося под ним ненасытного тела, в редких словах, больше похожих на крики страсти и стоны блаженной усталости, говорившие на языке изголодавшейся плоти больше, чем можно было выразить словами привычного человеческого языка.

И в этом не было ничего удивительного, ведь когда человек чувствует, что любим, он редко ошибается, какое бы обличие ни принимала эта любовь.

И вот сейчас Конан понял, что изменилось. Он понял, что провел нынешнюю ночь не с Марленой. Он в упоении ласкал тело ненасытной суки, человеческой самки, пошлой и вульгарной, жадной и прожорливой. И если две предыдущие ночи он провел с богиней страсти, то нынешнюю, сам того не ведая, с демоном похоти.

Эта мысль неприятно поразила Конана.

Он не успел подумать, что могла означать такая перемена, когда почувствовал, что Марлена осторожно шевельнулась рядом. Ложе едва слышно качнулось. Он ощутил, что ее уже нет на прежнем месте, и по едва слышному скрипу половиц под ногами понял, что она подошла к окну.

Произожди это накануне, киммериец несколько не встревожился бы, но сейчас эти естественные звуки казались ему зловещими проявлениями враждебной воли, таившими в себе угрозу. Умом он понимал, что это блажь, игра возбужденного усталостью воображения, плод долгого ночного бодрствования, на который не стоит обращать внимания, но инстинкт подсказывал ему, что это не так...

Едва Конан подумал об этом, как услышал еще один звук, который невозможно было спутать ни с чем. Он мгновенно узнал этот тихий шорох: так его меч выскальзывал из кожаных ножен.

Киммериец насторожился. Это были уже не досужие страхи, внушенные неизвестно чем. Он понял, что дело принимает серьезный оборот, но не подал виду, продолжая лежать в прежней позе, и дыхание его оставалось ровным, едва слышным.

Какой-то миг, быстрый, почти неуловимый, Конан колебался, не окликнуть ли девушку и не спросить ли, зачем ей понадобился ночью его тяжелый двуручный меч. Сейчас для этого было самое подходящее время, но что-то остановило северянина, подсказав ему, что, если он действительно хочет найти ответ на свой вопрос, нужно просто подождать еще немного.

После краткого затишья половицы вновь скрипнули, и он принялся считать шаги. Первый из шести шагов, которые потребовались бы ему самому, уже был сделан. Впрочем, Марлене наверняка придется ступить никак не меньше девяти раз.

Половица скрипнула вторично, и Конан подумал, что, быть может, стоит рискнуть и приподнять веки, чтобы не допустить рокового промаха, но как назло луна светила прямо ему в лицо, и варвар отказался от этой затеи, поняв, что малейшее движение тут же выдаст его.

Звук третьего шага заставил лежащего напрячься, хотя внешне он выглядел все тем же расслабленно посапывающим, блаженно улыбающимся ночным грезам огромным варваром. Ни один мускул на его теле не шевельнулся — он продолжал «безмятежно спать».

Когда половица скрипнула в четвертый раз, киммериец был полностью готов ко всему. И, хотя он лежал обнаженный, а девушка, он знал это, держала в руках двуручный меч, киммериец ни на миг не усомнился в том, что сумеет не просто уцелеть, но выйти победителем. Все-таки Марлена была всего-навсего девушкой, слабой и неумелой, а он сильным, опытным воином.

На пятом шаге Конан отбросил все лишние мысли и сосредоточился. Теперь удар мог последовать в любой миг, и варвар внимательно прислушался к своим ощущениям, интуиции, которая никогда не подводила его.

Его тело отреагировало на безмолвный приказ внутреннего сторожа быстрее, чем он успел понять, что пора — по его подсчетам в запасе оставалось еще три шага. Самое малое — два! Он бросился вбок и скатился на пол, скорее почувствовав, чем увидев или услышав, как тяжелый меч

опустился на то место, где он только что лежал, талантливо изображая дрыхнувшего придурка.

Ну, погоди!

С быстротой молнии он вскочил на ноги, но увидел занесенный над головой меч и облако пуха из распоротой подушки, заполнившее собой всю комнату.

Раздумывать было некогда. Он бросился обратно на кровать, и вторая подушка, направленная его рукой, развалилась надвое, когда меч со свистом рассек воздух перед его лицом.

Дело принимало нешуточный оборот. Конан понял, что ему предстоит всерьез позаботиться о собственной жизни. Передрыга, в которую он угодил, оказалась гораздо серьезнее обычной мести, о которой он было подумал вначале, недоумевая, чем она могла быть вызвана.

Он постоянно менял позиции, уворачивался от сыпавшихся на него ударов — в результате комната оказалась словно затянутой туманом, настолько плотным, что, стоя у одной стены, нельзя было разглядеть другую.

С одной стороны, это облегчало его положение, предоставляя прекрасную возможность спрятаться, а с другой — усложняло его, ибо в любой миг из плотного пухового облака могла вынырнуть смертоносная сталь его собственноручного клинка.

Конан избежал очередного удара мечом и пропустил увесистый удар в челюсть, отбросивший его к стене, чего он, признаться, никак не ожидал. Он сумел откатиться и вскочить на ноги, но лишь для того, чтобы тут же нырнуть вбок, почувствовав спиной холодок от пронесшегося совсем близко клинка, который лишь чудом не вспорол его, словно подушку.

Он ждал, когда противник устанет, но девушка орудовала мечом, как заправский рубака, и киммериец едва успевал уворачиваться от бесконечных выпадов, проклиная все на свете и свою неосторожность в первую очередь.

Он кидался вправо и влево, совершал умопомрачительные прыжки, сочетая их с кувырками и отскоками, зачастую действуя интуитивно и чувствуя, что лишь чудом избежал раны.

Если бы удалось поднырнуть и схватить ее! Тогда бы она заплатила за все, но такой маневр требовал точного расчета, а проклятый пух не позволял даже как следует сориентироваться!

Тогда он попытался добраться до оружия или до дверей, но девушка, которую он считал слабой и неумелой, со сноровкой опытного бойца преградила ему путь.

Внезапно все кончилось. Увернувшись от очередного удара, Конан настороженно замер и услышал звук упавшего тела. Раздавшийся вслед за этим голос Тушки вернул его к действительности.

— Эй, Конан, ты где? Вытряхивай свою задницу на середину — мне не терпится посмотреть на тебя!

«Туман» медленно рассеивался. В коридоре захлопали двери, послышались звуки шагов. Конан стоял посреди комнаты голый, злой, запыхавшийся, покрытый с головы до ног пухом, который облепил потное тело.

Он нутром чуял, что в дверях уже столпилась вся ватага его собутыльников, с которыми он кутил последние дни и которые ночевали здесь же, в духане Кирима.

Как только дверь открылась, пух сквозняком начало выносить в окно, и маленький рыжий паршивец, протиснувшийся между ногами столпившихся в дверях мужчин, залился заразительным смехом.

— Ой, не могу!

Следом хихикнул Кирим, оказавшийся в первых рядах зрителей, за ним стоявший рядом Тушка, а после этого уже ничто не могло удержать от смеха остальных. Они так и замерли небольшой гогочущей толпой, одетые скудно, но разнообразно — кто что успел напялить, вскочив с постели, — и гоготали, словно безумные.

Конан обвел их суровым взглядом, но они никак не реагировали. Он сплюнул в сердцах и подошел к зеркалу. Вид у него и в самом деле был комичным: здоровенный верзила, покрытый равномерным слоем белоснежного пуха.

Ни слова не говоря, он принялся счищать с себя содержимое подушек, чувствуя непреодолимое желание промочить горло и нырнуть в какую-нибудь лужу, когда кто-то

за спиной — ему показалось, что это был все тот же Тушка,— спокойно заметил:

— Тебе что, киммериец, женщин мало?

Кром! Этого еще не хватало!

Он резко обернулся и только тут увидел лежавшего на полу обнаженного мужчину с его мечом, зажатым в руке. Острие длинного, узкого кинжала торчало из его груди. Конан узнал зингарский клинок Тушки, видимо, первым подоспевшего сюда.

— Плохо, Конан.— Кирим укоризненно посмотрел на молодого варвара.— Если по городу поползет слух, что в моем духане тайно собираются поклонники немедийской любви...

Не договорив, он покачал головой, но остальные его прекрасно поняли. Раздались сдержанные смешки, тут же погасшие под тяжелым взглядом киммерийца.

— Кром! Вы что, не видели, с кем я сюда поднялся?!

— Мы-то видели,— ехидно ухмыльнулся духанщик,— но покойника надо вынести отсюда, и мне придется объяснять, кто этот голый мужик, где его одежда, как попал сюда и отчего умер! То есть я хотел сказать, кто помог ему умереть?

— Не строй из себя идиота,— взгляд Конана полыхнул холодным пламенем,— если не хочешь, чтобы поутру отсюда вынесли два тела!

— Отстаньте от Конана! — Зул был серьезен. По крайней мере, выглядел серьезным.— Ему теперь не позавидуешь.— Все притихли, не понимая, к чему клонит здоровенный негр, на черной морде которого не отражалось ни единой мысли, а преданные глаза не отрываясь смотрели в глаза киммерийца.— Я не спрашиваю, Конан, как можно провести ночь в постели с мужиком и не почувствовать этого. В конце концов, всякое бывает.

— Клянусь Белом,— не выдержал киммериец,— еще слово, и я за себя не ручаюсь!

— Плохо другое,— как ни в чем не бывало продолжал чернокожий,— теперь тебе придется либо полностью отказаться от женщин, либо убивать после ночи любви каждую,

не дожидаясь, пока она схватится за твой меч. Хотя... Слышал я, что жил на востоке владыка, придерживавшийся второго правила.

— К Нергалу! — взревел Конан.— Что же мне теперь проверять, какого они могут стать пола? И как это сделать?

Маленький паршивец, ничуть не опасаясь угроз своего огромного покровителя, залиvisto хохотал, не в силах остановиться. Тушка беззвучно смеялся, и многочисленные складки на его груди и животе весело и ритмично подпрыгивали, отчего он был похож на огромный кусок трясущегося желе, вот-вот готового растаять. Нахальный Зул смотрел на него с неподдельным сочувствием, Кирим ехидно ухмылялся.

Конан обвел всю братию тяжелым взглядом, сплюнул в сердцах и пошел одеваться.

* * *

Конан в одиночестве сидел за тем же столом и коротал время за кувшином вина, поджидая мать Мелии, которая накануне обещала навестить его еще раз. После ночного происшествия он понял, что вчерашний разговор с Аниэлой не был еще одной попыткой Мелии сблизиться с ним, как он подумал вначале. Он понял, что дело серьезно и, скорее всего, события этой ночи и опасность, угрожавшая девушке, связаны.

Благополучно покинув проклятый дом, в одну ночь унесший три жизни, и передав камень стигийцу, он думал, что все уже позади, но, по всей вероятности, ошибся. Он еще не знал о вчерашнем визите жрецов в дом Тефилуса и не представлял, как теперь развернутся события, но в том, что опасения Мелии — не пустые девичьи страхи, у него пропали всякие сомнения.

Киммериец не хотел встречаться с Мелией, хотя и любил ее. Наверное, он мог бы жениться и осесть в Шадизаре, но такая жизнь была не по нему. Быть может, когда-нибудь, лет через двадцать... Но не теперь. Он жаждал приключений, хотел повидать свет, и не было для него звука

приятнее веселого звона мечей, и цели желаннее победы над врагом!

Эта жажда вела его по жизни, придавала сил, не позволяла раскисать и надолго задерживаться на одном месте. Он и так засиделся в Шадизаре, давно уже получив здесь все, на что мог рассчитывать. Его слава самого умелого и удачливого вора Заморы начала приносить неприятности вместо денег, а это было не то, к чему он стремился.

Конечно, Конан не боялся трудностей и готов был преодолеть любые невзгоды, если дорога вела к желанной цели, но он вовсе не желал становиться игрушкой в полной опасностей игре непонятных сил, о которых не имел ни малейшего представления.

А он многого не знал.

Не знал он и о том, что Хараг и Рамсис, сыгравшие с ним милую шутку давешней ночью, жестоко просчитались. Стоило им оставить молодого северянина в покое, и их цель — устранить киммерийца со своего пути — была бы достигнута сама собой.

Он никому не позволил бы уговорить себя задержаться в Шадизаре и покинул бы город, так и оставшись в блаженном неведении относительно истинных причин последних событий, и не его вина или заслуга, что все обернулось иначе. На словах рассуждая о предпочтительности хитрости, на деле оба жреца, не задумываясь, применяли силу. По крайней мере, когда сталкивались с обычными людьми. «Жалкими людишками», как любил говаривать Рамсис. И ночное нападение на киммерийца, которое Рамсис называл про себя изящным этюдом, для Конана было лишь покушением на его жизнь, пусть и необычной, но вульгарной и пошлой попыткой резать спящего.

И чего жрецы добились? Теперь, когда Конан понял, что страхи Мелии не надуманны и не беспочвенны, у него и мысли не возникло о том, чтобы покинуть Шадизар. Он твердо решил остаться.

...Двое слуг вежливо распахнули двери духана, и в зал вошла сухонькая старушка в сопровождении Аниэлы. Едва

минут полдень, и посетителей было мало. Старушка окинула зал надменным взглядом и подошла к киммерийцу.

— Ты Конан?

— Я Конан!

Она посмотрела на него оценивающе. Он на нее удивленно.

— Моей внучке угрожают. Я хочу, чтобы ты защитил ее. — Она ткнула в него сухоньким пальцем. — Цену назовешь сам, когда все закончится. Ты согласен?

— Я согласен.

Конан покорно кивнул. Она повернулась к дочери и надменно посмотрела на нее, словно говоря: «Видишь, как надо было действовать?» Конан улыбнулся уголками губ: старуха ему понравилась. Она же обернулась и, коротко бросив: «Следуй за нами!» — направилась к выходу.

* * *

Дом Тефилуса, или, если быть точным, Сиотвии, которая владела и домом, и шестью усадьбами, разбросанными вокруг Шадизара, по сути был небольшим поместьем, расположенным в центре города. Он занимал небольшой квартал, обнесенный массивной каменной стеной и с четырех сторон ограниченный улицами.

С одной стороны, это было и неплохо, так как, случись беда, отсюда легко было скрыться, но зато такое огромное пространство и охранять было непросто. Слишком много людей требовалось расставить вдоль стены, чтобы не сомневаться: ни один ловкач не перемахнет через стену под покровом ночи.

По крайней мере, сам Конан мог проделать это запросто, что и сделал не так давно, когда похитил из тайника хранившуюся в доме прекрасную диадему старинной работы.

Теперь он смотрел на дело совсем иначе. Если раньше он думал о том, как проникнуть внутрь, минуя охрану, то на этот раз задача менялась на противоположную, и это будет сделать посложнее. Тут у него сомнений не возникало. Все эти мысли пронесли в голове киммерийца, когда они подходили к дому.

Наконец высокие кованые ажурные ворота отворились, и он отметил напоследок две немаловажные детали, искренне поразившие его. Во-первых, хорошо было то, что стена оказалась высокой, не менее семи, а то и десяти локтей в высоту, а значит, с ходу ее не перемахнешь. А во-вторых, ни с одной из четырех сторон не росли деревья, в густых кронах которых можно спрятаться. Правда, противоположная сторона всех четырех улиц утопала в зелени, но это было не столь важно.

Зато неприятно поразило другое. Над верхней кромкой стены высились раскидистые кроны деревьев, высаженных внутри. Они появились совсем недавно, иначе Конан прекрасно помнил бы о них. Тогда, в прошлое свое посещение, он как раз сетовал на их отсутствие, не понимая, почему в пыльном и жарком Шадизаре так мало зелени. Теперь варвар выругал в душе хозяев дома за то, что они поспешили с садом. Ну что стоило им подождать еще пару лет? С этими мыслями он вошел внутрь. Лисенок бежал рядом, успевая по пути сунуть свой любопытный веснушчатый нос во все подозрительные дыры, и вечно взлохмаченная голова его непрерывно вертелась по сторонам, а внимательные глаза примечали все.

Конан взял мальчишку с собой, потому что просто не мог оставить его одного. К тому же пара зорких глаз и чутких ушей не могла оказаться лишней, не говоря уже о том, что рядом постоянно должен был находиться кто-то, кого можно было послать за подмогой или просто с поручением, и этот кто-то должен быть знать, где найти нужного Конану человека, да и друзья варвара доверяли Лисенку и могли не опасаться, что их заманят в ловушку.

Очутившись внутри, он увидел, что все здесь осталось по-прежнему, не считая того, что с появлением растительности эта усадьба в сердце города обрела наконец обжитой вид. Киммериец беззлобно выругался про себя, понимая, что теперь не удастся обойтись лишь парой глаз с каждой из четырех сторон двора.

Единственным утешением могло служить то, что со стены было никак не перебраться на деревья, а это уже

хорошо. Конан остановился, осматриваясь. Лисенок встал рядом, продолжая все так же стрелять глазами по сторонам. Аниэла и Сиотвия также остановились, с любопытством наблюдая за киммерийцем, ожидая, что он скажет.

Оставшиеся за спиной стоявшие на страже у ворот двое рослых рабов, вооруженных, видимо, найденными в кладовке мечами и копьями, с интересом смотрели на огромного молодого варвара, богато, хотя и небрежно одетого, с огромным двуручным мечом за спиной.

Внезапно варвар резко развернулся к ним, и, так и не сообразив, как это произошло, они увидели меч в его руках, словно по собственной воле выскочивший из-за спины киммерийца.

Оба парня испуганно захлопали глазами, а когда клинок начал описывать перед их лицами круги и восьмерки, а потом вдруг словно вырезал одним быстрым движением их как бы нарисованные на бумаге тела, едва ли не погладив при этом по бокам, оба зажмурились от страха, лишь сильнее стиснув древки копий.

Правда, сделали они это тоже с опозданием, уже тогда, когда меч киммерийца прыгнул в ножны за спиной, а сам он спокойно повернулся к двум застывшим в изумлении женщинам.

— Насколько я понимаю, эти двое оказались самыми бойкими среди домашних.

Конан не спрашивал, он говорил то, что и так было ясно.

Первой от изумления оправилась Сиотвия:

— Теперь ты видишь, что нас некому защитить. Правда, Тефилусу отправили письмо с гонцом, но когда он прибудет, да и дошло ли вообще письмо, нам неизвестно.

— Что ты думаешь, Лисенок?

Аниэла удивленно, а Сиотвия с интересом посмотрели на мальчишку, с которым Конан вполне серьезно советовался как с равным. Мальчуган лукаво прищурился:

— Я думаю, днем опасаться нечего — вряд ли кто-нибудь попытается проникнуть внутрь иначе как через ворота.

— Верно, — кивнул киммериец, — а ночью?

Мальчишка оглянулся и шмыгнул носом.

— Ночью нам за всем не углядеть.

— Что ты хочешь сказать, Конан?

Лицо Аниэлы побледнело, и киммериец понял, что об этом она раньше просто не думала. Киммериец пожал плечами:

— Пока ничего. Дождемся жреца. — Он посмотрел на Аниэлу. — Я хочу знать пределы своей власти.

Однако, к удивлению его, ответила ему Сиотвия:

— Ты можешь делать все, что считаешь нужным.

— А когда придет Тефилус? — попытался уточнить Конан.

— Все здесь принадлежит мне! — отрезала старуха.

— Рабы? — не унимался киммериец.

— Я сказала — все!

— Значит, я вступаю во временное владение?

Она не колебалась ни мгновения:

— Да.

Двое у ворот округлившимися от удивления глазами смотрели на почтенную Сиотвию, одобрительно кивавшую Аниэлу и огромного чужака, в чью собственность они поступали, если их черные уши правильно услышали сказанное. Довольно улыбавшегося мальчишку они просто не замечали.

— Об этом должны знать все, — напомнил Конан.

— Все об этом узнают. Ты доволен? — Сиотвия вопросительно посмотрела на него.

— Да, но это не все.

— Что же еще? — Аниэла удивленно посмотрела на киммерийца, не понимая, чего же еще он может требовать, но Конан не замедлил все поставить на свои места.

— Если прибежит Лисенок и скажет, что я распорядился снести стену, то все должны немедленно взять по кирке и заняться именно этим.

Брови старухи удивленно взлетели на лоб, но колебалась она недолго.

— Пусть будет как ты хочешь. Это все?

— Нет. Деньги!

И тут почтенная Сиотвия впервые покраснела с досады:

— Денег нет, ведь несколько десятков золотых тебя не устроят?

Конан отрицательно покачал головой. Аниэла поглядела на мать:

— Можно продать одну из усадеб.

Конан вновь покачал головой:

— Это займет слишком много времени. — Он помолчал. — Оставим это. Надеюсь, сегодня ночью к нам никто не полезет, а к завтрашней я что-нибудь придумаю.

Конан хотел сказать еще что-то, но осекся, увидев Мелию, идущую по дорожке от дома, и у него невольно захватило дух, так она была хороша.

Девушка только что увидела Конана. Поглощенная своими делами, она не обращала внимания на разговор за окном, пока внезапно не узнала в одном из говоривших киммерийца. Она бросилась во двор, желая как можно скорее увидеть его, но, пока бежала, вспомнила, сколько унижений пришлось ей испытать, когда она металась по воровскому кварталу, разыскивая его, а он, судя по всему, все это время прятался от нее, и невольный гнев пробудился в ее душе.

Аниэла и Сиотвия также обернулись на звук шагов.

— Вот и твой защитник, дочка!

Мелия шла, словно и не слыша слов матери, пристально глядя в глаза своему возлюбленному. Она остановилась в шаге, все так же не отводя глаз, и никто из присутствующих не понимал смысла этой немой сцены.

Внезапно лицо ее исказилось. Она размахнулась и залепила звонкую пощечину своему защитнику. За первой последовала вторая, за ней третья... Так же неожиданно Мелия развернулась и пошла прочь.

Молодые рабы, только что наблюдавшие, как молодая хозяйка лупит по морде нового хозяина, выглядели вконец одуревшими.

Почтенная Сиотвия, как всегда, первой пришла в себя и вприпрыжку бросилась следом за внучкой:

— Стой, паршивка! Сейчас же вернись!

Анизла шагнула к Конану и в волнении сжала его руку:

— Прости ее, Конан. Она просто сильно напугана, да и все мы изнервничались.

Киммериец опустил глаза и подмигнул Лисенку. Веснушчатое личико расплылось в улыбке.

— Зубы-то целы, отец родной?

* * *

Конан с Лисенком уютно устроились в тени молодого дуба рядом с воротами, болтая о разных пустяках, когда в размеренный шум городской жизни, доносившийся из-за стены, вплелся нараставший гул строевого шага воинов, к которому примешивались цокот копыт и лай собак.

Сперва Конан подумал, что это отряд городской стражи делает обход, хотя и не очень верил в такое объяснение и тут же отказался от него. Слишком уж много их было, да еще собаки... Отряд остановился у ворот, и Конан с Лисенком переглянулись.

— Почему ворота закрыты? — прокричал властный голос. — Эй, кто-нибудь!

Конан поморщился: ему совсем не хотелось вылезать из тени на солнцепек. Однако делать было нечего. Он встал и не торопясь вышел на середину открытого для взора пространства.

— Чего надо?

Человек, сидевший на коне и, как видно, возглавлявший отряд, побагровел.

— Немедленно отоприте ворота, иначе я прикажусыпать тебе сотню палок!

Конан поморщился. Сотня палок — это было явно многовато, но по грозному тону киммериец понял, что не иначе как почтенный Тефилус прибыл из Арэнджуна, да не один, а с сотней пехотинцев и сворой мастафов. Правда, по мнению северянина, это не давало ему права так орать. Сам же он разомлел в теничке и вступать в перебранку не собирался.

Он пригляделся повнимательнее к человеку, спрыгнувшему с коня. Так и есть. Высокий, сух, широк в плечах, с густой проседью в черных, коротко стриженных волосах. Злой, колющий взгляд глубоко посаженных под нависшими густыми бровями глаз впился в Конана. Лицо волевое, но несущее на себе отпечаток тяжелого и злобного характера. «Наверняка страдает желудком», — подумал Конан.

— Ты что, не слышал, что тебе сказано, раб?!

Было видно, что он сдерживается из последних сил, а дорожная пыль, густо налипшая на обильно струящийся по лицу пот, не добавляла хорошего настроения, но на киммерийца все это не произвело впечатления. Он-то здесь при чем?

— Назовись или проваливай! — Конан, как обычно, был предельно лаконичен.

Впрочем, собеседник и не располагал к многословию. Зато Конан с удовольствием увидел, что ответ его произвел нужное впечатление. Стоявший по ту сторону ворот судорожно глотнул воздуха, словно утопающий перед последним погружением, и разразился гневной бранью.

— Дерьмо Нергалье! Насмерть запарю, сучий выродок! Отпирай, сын верблюда и свиньи!

Свора огромных мастафов, прибывших вместе с ним, поддержала своего владельца грозным и не менее злобным, чем его голос, лаем.

Ага! Похоже, его хотели оскорбить! Это был вызов. Конан довольно улыбнулся, и второй ответ его, к огромному удовольствию Лисенка, был еще лаконичнее первого.

— Проваливай!

То, что случилось вслед за этим, было трудно описать. Несколько мгновений молодому варвару казалось, что собеседника его хватит удар. Лицо его побагровело, потом побелело. Все это время он лишь молча ловил ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег. Вскоре он покрылся багровыми пятнами, и тогда наконец его провало:

— Ублюдок волосатый, дерьмо шакалье! Отпирай немедленно, отрыжка Нергалова, или я утоплю тебя в осли-

ной моче, смрадный пес, а печень твою скормлю мастафам! Отпирай, недоумок!

Судя по всему, запас ругательств у гостя был неисчерпаем и вовсе не ограничивался сказанным, но проверить на деле, так ли это, Конану не довелось: на шум из дома выбежала почтенная Сиотвия. Она жестом оборвала словозлияния своего зятя и обернулась к киммерийцу:

— Отвори. Это почтенный Тефилус, муж моей дочери.

С каменным лицом Конан отпер ворота и отошел в сторону, пропуская внутрь усадьбы отряд, молча протопавший мимо, свирепо лаявшую свору пятнистых мастафов и почтенного Тефилуса, который продолжал отчаянно браниться, несмотря на все увещевания Сиотвии.

Наконец брань его затихла, поглощенная стенами и дверьми дома, и старая княгиня обернулась к северянину.

— Что ты сказал ему?

Киммериец пожал плечами:

— Я велел ему назвать себя или убираться.

Старая аристократка печально вздохнула и собралась уходить прочь, но Конан остановил ее:

— Быть может, теперь во мне отпала надобность?

Она покачала головой:

— Нет.

— Мы с ним не поладим,— счел нужным предупредить ее варвар.

— Пусть.— Она подумала.— Ты же видел, у него есть зубы и злобный нрав, но я чувствую, что этого окажется мало.— Она помолчала.— В конце концов, я здесь хозяйка. Если он не поймет этого, уйти придется ему.

* * *

Тефилус возбужденно ходил из угла в угол, а три женщины сидели в креслах и ждали, что он скажет. В самом начале разговора Мелия, к огромному удивлению матери и бабушки, спокойно выслушала первую, как обычно, изобиловавшую ругательствами тираду своего родителя и спокойно ответила:

— Отец, ты приехал ради меня, и мне это приятно, но если ты не перестанешь браниться, то или уйду я, или уйти придется тебе.

Она замолчала, и замолчал Тефилус, чем немало удивил и Аниэлу, и Сиотвию. Некоторое время он ходил из угла в угол, несколько раз порываясь заговорить, но останавливался, видимо, не в силах составить непривычную для себя фразу. Наконец он собрался.

— Что здесь делает этот варвар?

— Я наняла его,— спокойно ответила Сиотвия.

— Хорошо,— кивнул мужчина.— Я понимаю, это было необходимо, но теперь, когда я привел сотню умелых бойцов и десяток свирепых псов, мне кажется, можно избавить дом от его присутствия?

— Нет.

Ответ был столь же категоричен, сколь и краток. Тефилус задумался. В этом разговоре ему приходилось прибегать к голосу рассудка, с которым он не очень-то привык считаться. Это было непривычно, и он решил подойти к делу с другого конца.

— Вы знаете, что он вор?

Три женщины спокойно кивнули.

— А вам известно, что два года назад он похитил из этого дома ожерелье?

Это был решительный удар, которым он надеялся сразить их наповал, но ответ Аниэлы поверг его самого в шок.

— Именно поэтому он останется здесь.

— Как понимать тебя?

Тефилус недоумевающе посмотрел на жену, но вместо нее ответила Сиотвия:

— Если твою дочь попытаются похитить, никто не сможет защитить ее лучше человека, знающего, как это делается.

— Мне кажется, для этого не нужно особого ума, достаточно и силы.

— Ты уже говорил об этом пару лет назад.

Лицо Тефилуса побагровело, но он сдержался.

— Хорошо.— Он повернулся к Сиотвии: — Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы вы действовали сообща.
— Чтобы я общался с этим ублюдком? — Возмущение было столь велико, что он не смог сдержаться от оскорбления. — Ни за что!

— Отец, я предупреждала тебя!

Мелия встала с репительным видом. Тефилус примири-тельно поднял руки:

— Прости меня, дочка, вырвалось. Останься.

Мелия села, а Тефилус, помолчав немного, произнес:

— Я согласен не замечать его присутствия, пока опасность не минует. Большого от меня требовать никто не вправе.

— Большого и не нужно.

Сиотвия удовлетворенно кивнула. Аниэла взяла со стола молоточек и ударила в маленький бронзовый гонг. Дверь отворилась, и вошла молодая рабыня.

— Ступай и позови Конана.

Едва дверь за девушкой закрылась, Тефилус спросил:

— Как ее звать?

— Сурия, — ответила Аниэла, — я купила ее неделю назад.

— У тебя мало рабынь?

Но жена его лишь пожала плечами:

— Я случайно прогуливалась мимо невольничьего рынка. Ее хотели продать в храм Затха. Девушка так жалобно смотрела на меня, и я не выдержала. Ты ведь сам знаешь, что ее ждало бы там.

Конан вошел и остановился в шаге от двери, поочередно оглядев всех присутствующих, пока взгляд его не встретил-ся со взглядом Сиотвии.

— Ты волен делать все, что хочешь, и никто не станет вмешиваться в твои действия. Точно так же Тефилус и его люди могут поступать, как посчитают нужным, — это их право. Но ни один из вас не должен мешать другому. Ты согласен с этим?

Конан молча кивнул.

— Ты будешь придерживаться этого договора?

Сиотвия повернулась к Тефилусу, тот закусил губу.

— Ну?! — Она требовательно нахмурилась.

— Согласен, — выдавил он из себя и отвернулся к окну.

Некоторое время все молчали. Конан спокойно ждал окончания разговора, нисколько не тяготясь присутствием Тефилуса, хотя и предпочел бы ему общество Лисенка.

— Я могу идти?

Вопрос был обращен к Сиотвии, но она не успела ответить — ее опередил отец Мелии.

— Постой... Конан, — Тефилус говорил через силу, словно глотал жабу. — Мне тут говорили о тебе, как о большом... — он вновь поморщился, — знатоке подобного рода дел. Что нас ожидает?

— Мне неизвестно, что нужно жрецам, но если Мелию захотят выкрасть... Мы ведь этого опасаемся?

Он вопросительно посмотрел на Аниэлу, и та кивнула.

— Ее выкрадут, — закончил Конан лаконично.

Мелия обмерла, ее мать и почтенная Сиотвия выглядели не лучше, даже бравый Тефилус хмуро молчал. Никто из них не ожидал такого ответа, и дело было даже не столько в мрачности предсказания Конана, а в том, каким деловым и спокойным тоном он это сказал.

— Во всяком случае, — добавил киммериец, — если бы мне заплатили хорошие деньги, я бы сделал это.

— Даже если бы ее охранял такой знаток своего дела, как Конан? — Тефилус уже пришел в себя и не замедлил поддеть ненавистного варвара.

— Да. — Конан спокойно посмотрел на него. — Нельзя предусмотреть всего. В любой защите найдется слабое место. Не на десятый раз, так на сотый.

— Неужели все бессмысленно? — Аниэла с надеждой посмотрела на Конана. Ей не верилось, что все так плохо.

— Ты спрашиваешь, можно ли спасти дочь, и хочешь знать, как это сделать? — Он обвел взглядом присутствующих. — Нужно увести Мелию.

— Как... Куда?

Аниэла выглядела растерянной. Мелия подавленно молчала. Тефилус не выдержал.

— Ты! Варвар без роду и племени! Тебе легко рассуждать!

Конан пожал плечами:

— Это верно, и потому я говорю: лучше провести остаток жизни в Кордаве, чем закончить ее в Йезуде!

Пораженные мрачным пророчеством, все вновь замолчали, но Конану отчего-то казалось, что его здравому совету никто не собирается следовать.

— Неужели нельзя ничего придумать, чтобы не уезжать?

Конан с сожалением посмотрел на Мелию. Даже она, хоть и очень боялась, не понимала всей серьезности положения, считая лишь более или менее крупной неприятностью смертельную беду, стоявшую у порога.

— Можно попробовать отсидеться здесь, — ответил он со вздохом.

— Ты говорил, что умный вор обязательно найдет способ получить то, что нужно.

Тефилус упорно хотел показать всем несостоятельность Конана.

— Верно, — кивнул киммериец, — но кое о чем я не упомянул.

— Что же это?

— Время, — ответил он спокойно, и все поняли его мысль.

Даже Тефилус вновь умолк, задумавшись о том, что проклятый варвар прав, и все в самом деле зависит от находчивости вора и времени, отпущенного ему на перебор вариантов. И оттого, что такая простая мысль не пришла в голову ему самому, разозлился еще больше.

Он не признавался себе в этом, но подспудно чувствовал превосходство над собой молодого северянина, в сущности выражавшееся до сих пор лишь в трезвой оценке происходящего. Он видел, что, несмотря на все старания, остается в глазах жены и дочери на вторых ролях, а память упорно подкидывала воспоминание о той давней краже и порожденном ею унижении, скорее, надуманном, но не дававшем покоя ни на миг.

— И сколько, по-твоему, у нас времени?

— У них, — поправил Конан Сиотвию. — Об этом нам скажет жрец.

* * *

— Я пришел за ответом.

Жрец стоял у ворот, мрачно глядя на воина, который, следуя указаниям Конана, без лишних слов отпер замок и впустил его во двор, однако, когда слугитель Затха хотел проследовать в дом, решительно преградил ему путь.

— Не велено!

— Вот как! — зло прошипел жрец. — Ну так пошли кого-нибудь в дом!

Стражник обменялся взглядом со своим напарником, и тот быстро зашагал вглубь усадьбы.

— Надеюсь, мне не придется ждать слишком долго?

Вопрос его повис в воздухе, так и оставшись без ответа, но ждать слишком долго действительно не пришлось. Стражник еще не успел соскучиться по своему товарищу, как дверь отворилась, и он показался вновь, идя на этот раз не один, а в сопровождении почтенного Тефилуса.

Он остановился в двух шагах от незваного гостя и, не ответив на почтительный поклон последнего, что в данном случае было вполне уместно, задал не очень вежливый, но зато вполне естественный вопрос:

— Чего надо?

Выражение его надменного лица, носившего отпечаток постоянного недовольства, как нельзя лучше соответствовало этому разговору со столь же бесцеремонным, как и он сам, гостем.

— Я пришел за ответом, — напомнил жрец.

— Я не знаю вопроса.

Взгляд Тефилуса был тяжелым.

— Великий Хараг требует твою дочь!

— Зачем?

Тефилус оставался на удивление спокоен, хотя все внутри у него бурлило от ярости.

— Ее ждет почетная участь! — напыщенно, но совершенно неопределенно ответил жрец. — Многие мечтали бы увидеть свое дитя на ее месте!

— Вот пусть эти многие и займут его, а я не привык разбрасываться детьми! — Ответ Тефилуса был вполне логичен, но не понравился гостю.

— Хараг не привык к отказам!

— Это его трудности. — Тефилус пожал плечами.

— Ты не понял, человек, — гордо объяснил жрец. — Мой бог не принимает отказов!

— Мой ему придется принять! — не сдержавшись, выкрикнул Тефилус.

— Ты просто глуп. То, что мой бог не получает добром, он берет силой!

— Шакалий кал, твой Хараг! Возвращайся к нему, смрад-ный пес, и передай, что, если еще хоть один паучий выкор-мыш появится здесь, я скормлю его кишки мастафам!

Жрец зло сверкнул глазами и повернулся к выходу, на прощание бросив через плечо:

— Твоя дочь все равно умрет.

Вот это жрец сказал зря, ибо тут выдержка, качество, непривычное и неестественное для Тефилуса, окончательно изменила ему. Каким бы человеком ни был Тефилус, а дочь свою он любил, а потому, услышав столь недвусмысленную угрозу, выхватил у стоявшего рядом воина меч и проткнул им злосчастного слугу Затха.

— Умри, пес!

За мгновение до смерти жрец понял свой промах. Глаза его округлились от страха, рот исказился в беззвучном крике, когда он понял, еще не почувствовав боли, что острая сталь впивается ему в поясницу.

Он так и не закричал, лишившись жизни быстро и глупо, но безболезненно. Тефилус вытащил из его тела окровав-ленный клинок, и мертвое тело повалилось в пыль.

— Уберите эту падаль.

Он обернулся, так и не заметив, когда рядом появились Конан и три женщины: жена, ее мать и дочь.

— Не нужно было убивать жреца, — произнес Конан.

Их взгляды встретились, и что-то в глазах киммерийца удержало Тефилуса от ругани. Быть может, он увидел в них понимание и сочувствие?

— Не твое дело, — мрачно огрызнулся он и посмотрел на жену, ища у нее поддержки.

Что-то подсказывало ему, что он допустил ошибку и произошел перелом, что он мечом своим провел кровавую разделительную черту между тем, что было до сих пор, и тем, что ждет их в будущем. Мелия и Сиотвия мрачно смотрели на валявшийся в пыли труп, и тяжелые предчув-ствия рождались в их душах.

— Не нужно было убивать жреца, — повторил Конан. — Еще до захода солнца об этом узнают в храме Затха, а мы не готовы.

Тефилус бросил на него злобный взгляд и на этот раз ничего не ответил.

Все невольно смотрели на солнце, клонившееся к кры-шам домов, готовое вот-вот нырнуть за линию горизонта, край неба над которым зловеще окрасился алым предза-катным огнем.

— Нужно ждать гостей, — спокойно бросил Конан и скрылся в доме, а вместе с ним и Лисенок.

Киммериец был зол как никогда, и ему надо было дать выход душившей его злости, но он не хотел делать этого в присутствии Мелии и ее родственников. Глупость люд-ская всегда злила его. Этот напыщенный придворный павлин, мнящий себе умнее всех, приехал из Аренджуна, чтобы спасти дочь, но действовал так, словно целью его было погубить ее!

Таскать Нергала за хвост — опасная игра, и если уж в тебе живет страсть к дурацким шуткам, будь готов увер-нуться от удара копытом в лоб! Сам Конан всегда придержи-вался этого правила, стараясь следовать первой его по-ловине, памятуя о том, что даже осел никогда не сунется на чужую территорию, не разведав предварительно путей к отступлению.

Одним словом, не умея плавать, не лезь в глубину. Этот же вельможа с легкостью играл жизнью любимой дочери,

жертвуя ею в угоду своей гордости и необузданному нраву, а в том, что Тефилус любил дочь, Конан не сомневался.

Киммериец ворвался на кухню, и толстая повариха, напуганная его свирепым видом, округлившимися глазами смотрела, как он огромными глотками вливает в себя запас пуантенского, приготовленный к господскому ужину.

— Что, вина больше нет? — удивленно спросил Конан, ставя на стол пустой жбан.

— С-сейчас принесут, — ответила она заикаясь, переводя изумленный взгляд с молодого варвара на опустевший объемистый сосуд.

— Отец...

Мелия испуганно посмотрела на Тефилуса.

— Не бойся, дочка. Он просто хочет казаться умнее. Ему не нравится, что я здесь и он перестал быть твоим главным защитником, от которого зависит все.

— И все-таки... — начала было Аниэла, но муж оборвал ее:

— Не о чем беспокоиться. Я сейчас же велю выпустить мастафов, и хотел бы я увидеть человека, которому удастся отойти от стены больше чем на два шага! Брун! — Он обернулся к сотнику. — Спускай собак с привязи!

— Да, господин.

Ночь близилась к концу. Скоро утренняя заря полыхнет над крышами домов и начнется новый день. Что он принесет им? Теперь, когда позиции сторон прояснились, казалось бы, Конан мог действовать с большей уверенностью, но он понимал, что далеко не все так просто.

Намерение жрецов Затха выкрасть Мелию теперь, после признания убитого Тефилусом жреца, стало непреложным фактом, но говорить о том, что ситуация упростилась, явно рано.

После покушения вчерашней ночью на него самого Конан понял, что затеяна крупная игра и противник их далеко не так прост, как о том думает Тефилус. Более того — он смертельно опасен. Он силен настолько, что может позволить себе разыграть дешевую балаганную пьесу, подослав к нему превращенного в девицу опытного воина. Как видно,

их противникам помимо девушки хочется получить удовольствие от самой игры, раз они пошли на нее. Насколько проще было бы нанять человека, который пырнул бы его ножом в спину и скрылся в толпе! Ан, нет...

Ну что ж, каждый развлекается, как может, и, если кому-то хочется повеселиться за чужой счет, он не может этого запретить! Киммериец никогда не отказывался от хорошей шутки, не собирается отказываться и теперь, но горе шутнику, когда ответ Конана достигнет цели!

Но все это утром. Сейчас он знает цель и силу противника. Это немало, но это не все. Он не знает средств, которыми располагает «шутник», да и своих средств в виде наличных денег у него маловато.

Ну что ж, Конан пожал плечами, не впервые ему приходится недостаток денег восполнять смекалкой. Что же касается врагов, в таком городе, как Шадизар, трудно что-то утаить надолго! Завтра он все узнает.

Занятый своими мыслями, Конан не сразу заметил странную тишину, повисшую снаружи. До сих пор мастафы беззлобно и нечасто перекликались, но теперь киммериец поймал себя на том, что уже какое-то время не слышит собачьей перебранки.

Он осторожно уложил на лавку прикорнувшего у него на плече Лисенка и прикрыл его медвежьей шкурой: не смотря на дневную жару, ночи все еще были прохладными. Мальчишка сладко причмокнул во сне губами и уютно свернулся калачиком под толстым теплым мехом, и его шкодливая рожица даже во сне чему-то плутовато улыбалась.

Варвар направился к выходу так тихо, что ни одна половица не скрипнула у него под ногами.

В доме было два входа: парадный, через который ходили хозяева, и черный для прислуги. Парадная дверь была закрыта на засов — Конан сам проверил это, и попасть через нее в дом было невозможно. Заднюю же он специально запер лишь на крючок, который легко отпирался снаружи. Оставить ее просто открытой было бы опасно: слишком похоже на ловушку.

И все-таки Конан опасался, что ночные гости пожалуют через окна, а их даже на первом этаже было немало, не говоря уже о двух верхних. Он выругал себя за то, что не остался снаружи, устроившись на ночлег в пустующем флигеле позади дома, но тут же приказал себе успокоиться. Поступи он так, и риск оказаться не у дел был бы гораздо больше.

Он замер у двери, прислушался. Стояла мертвая тишина. Конан выругал себя еще раз. Ну что он в самом деле всполошился! Ведь все же продумано еще с вечера. Он сам проверил окна. Запоры их были вполне надежны и не внушали опасений, а если злоумышленник и попытается выдавить стекло, он непременно услышит.

Если же кто-то решит проникнуть через верхние этажи, то столкнется с теми же трудностями. Нужные двери внутри дома были оставлены приоткрытыми, и Конан не сомневался, что узнает о предполагаемом визите гостя еще до того, как тот сумеет пробраться в дом. Так что самым вероятным путем внутрь оставалась задняя дверь. Единственным, что смущало Конана в его умозаключениях, была излишне очевидная привлекательность такого шага.

Впрочем, остановил он себя, не слишком ли многого он хочет от наемного вора, цель которого — побыстрее сделать дело, получить деньги и убраться восвояси? Он прислушался и, услышав тихий, натуженный скрип, понял, что кто-то проверяет прочность оконных запоров.

— Конан! Лезут! — раздался очень тихий шепот, и детская ручка коснулась его руки.

Киммериец невольно вздрогнул: он-то был уверен, что Лисенок уютно посапывает под теплой медвежьей шкуркой. Он понял, чему его маленький товарищ улыбался во сне — все-таки обмануть самого Конана это не просто!

— Оставайся здесь, — так же тихо ответил киммериец и, бесшумно пройдя через зал, остановился рядом с дверью.

Теперь он видел Лисенка — не потому, что тот плохо спрятался, а потому что киммериец знал, где он стоит, а видеть мог почти в полной темноте — и ему стало спокойнее. Он не собирался убивать вора, а значит, возможна

потасовка. Киммериец был уверен в своих силах, но, если бы Лисенок угодил под случайный удар, никогда не простил бы себе этого.

Оставалось только ждать. Теперь Конан не сомневался, что, попробовав окна, посетитель наверняка попытается пробраться через дверь, прежде чем лезть вверх. Сам бы он даже не стал проверять окна первого этажа, обитатели которого ждут ночного гостя, но воришка, как видно, не отличался умом, а может быть, просто посчитал, что хозяева полностью положились на верность и свирепость псов. Что ж, может быть.

Скрип повторился у следующего окна, ближе к двери, но на этот раз незнакомец решил не утруждать себя бесплодными попытками и, убедившись, что окно заперто, почти сразу прекратил их.

Конан приготовился. Он понял, что теперь гость направится к двери, и в следующее мгновение услышал осторожные шаги на наружных деревянных ступенях. Конан посмотрел на засов и увидел тонкую стальную спицу, просунутую в узкую щель между дверью и стояком.

Киммериец хорошо знал это приспособление, которым сам не раз пользовался. С его помощью можно было поднять засов даже на двери, отпирившейся внутрь дома. Именно это сейчас и происходило — повинувшись руке взломщика, дверь тихонько заходила взад-вперед, облегчая ход засова, и тяжелый язык медленно пополз вверх.

Послышался легкий скрип, который тут же замер. Человек снаружи подождал немного, но все было спокойно. Скрип повторился, на этот раз без перерыва. Дверь пропела свою жалобную песнь и остановилась, оставив достаточно места человеку, бесшумной тенью скользнувшему внутрь.

Незнакомец вошел и прикрыл дверь.

В доме было гораздо темнее, чем снаружи, и он остановился, привыкая к темноте, настороженно оглядываясь, ориентируясь в незнакомой обстановке.

Ни оглядеться толком, ни тем более сориентироваться он не успел. Могучие руки варвара стальными капканами сомкнулись на его теле — одна на правой руке, державшей

узкий, остро отточенный кинжал, другая на горле, не только лишив его возможности позвать на помощь, но даже просто что-то прохрипеть.

Человек отчаянно заизвивался, пытаясь свободной, левой рукой достать Конана, стоявшего сзади. В это время киммериец увидел темный клубок, прокатившийся по полу. Через мгновение ноги незваного гостя оказались крепко связанными, а конец веревки уже обвился петлей вокруг свободной руки и накрепко примотал ее к туловищу.

Мгновением позже, так и не издав ни единого хрипа, незнакомец обмяк в руках киммерийца и начал сползать на пол. Конан принялся связывать пришельца понадежнее, а Лисенок, повинуясь его безмолвному приказу, осторожно скользнул в дверь.

Проверив, жив ли его подопечный, и вставив ему аккуратный кляп, киммериец принялся вязать замысловатые узлы. Он устал и перед тем, что предстояло ему поутру, хотел поспать хотя бы несколько часов. Ему вовсе не улыбалось, проснувшись, обнаружить вместо пленника моток узловатой веревки на полу, а потому он не ленился.

Глава пятая

Где этот трижды проклятый Сетом варвар?! — Тефилус не мог устоять на месте и как заведенный бегал вдоль строя своих воинов. — Я прикажу шкуры спустить со всей сотни твоих козлов! У тебя не воины, а шакалье дерьмо! Вонючий киммериец, обезьяний выкормыш, отравил моих псов! Я хочу лично выпустить из него кишки! — Он грозно уставился на сотника. — Ты доставишь мне его к полудню, или, клянусь зубами Сета, я всех отправлю к Нергалу!

Тефилус был зол настолько, что ничего вокруг не замечал. Брун и его воины безмолвно и мрачно взирали на своего хозяина, боясь слово молвить поперек. Даже Сиотвия, несмотря на ранний час стоявшая здесь же с дочерью и внучкой, не находила слов. Десять огромных мертвых псов, уложенных в ряд позади дома, выглядели угнетающе, а непрерывные крики Тефилуса лишали окружающих способности здраво мыслить.

Конан, позевывая, стоял в дверях небольшого флигеля, уютно расположившегося в кустах сирени, позади дома. Никто не обращал на него внимания, и некоторое время он молчал, пока наконец ему не надоело слушать бредни Королевского Дознавателя.

— Кроме! Я слышал, ты обвиняешь меня в отравлении?!

Тефилус осекся, словно с разбегу налетел на каменную стену, и тупо уставился на невесть откуда взявшегося варвара. Лицо Мелии, как, впрочем, и Сиотвия с Анизлой, осветилось улыбкой, а в глазах всех троих Конан без труда

прочел искреннее облегчение — этого ему было вполне достаточно.

— Кто же тогда?

Киммериец пожал плечами, досадуя на очевидную бессмысленность вопроса.

— Тот, кому они мешали.

Он посмотрел в лицо Тефилуса и разочарованно покачал головой: тот не верил ни одному его слову. Больше того, киммериец понял, что в покрытой сединой голове зреет какая-то мудрая мысль, готовая вот-вот вырваться наружу, и почувствовал, что сейчас последует новый взрыв ярости.

Для Конана стало совершенно очевидно, что отец Мелии не собирается прислушиваться к голосу рассудка, а здравый смысл не относится к числу его советчиков, а потому не стал дожидаться очередной порции ругани.

— Тебе нужен отравитель? — Он поймал взгляд Тефилуса и понял, что опередил его всего на миг, но этого хватило, чтобы остановить новую вспышку гнева. — Изволь.

Варвар шагнул внутрь флигеля и, ухватив валявшегося на скамье верзилу за шиворот, вытащил его наружу. Он увидел, как побледнела Мелия, а Аниэла закрыла рот рукой, сдерживая готовый вырваться крик. Лишь Сиотвия, единственная из трех женщин, выглядела спокойной. Она одобритительно кивнула Конану, давая понять, что он вполне оправдал ее надежды.

На самом деле она была не просто удовлетворена. Старуха терпеть не могла своего зятя и была рада, что не он, а именно Конан захватил незваного гостя. Она знала, что удача киммерийца вызовет неизбежную злость Тефилуса, но надеялась, что она же вынудит его помалкивать и, стиснув зубы, переживать свою неудачу.

— Надеюсь, у тебя есть люди, умеющие развязывать языки?

Северянин вопросительно посмотрел на Бруна. Тот молча кивнул.

— Тогда оставляю его тебе, а я что-то проголодался за ночь. — Он собрался уходить, но в последний миг обернул-

ся. — У меня только одно условие — он должен остаться жив.

— Зачем это тебе? — подозрительно покосился на него Тефилус.

— Смерть — единственное, чего нельзя исправить, — спокойно ответил варвар.

— Ну и что?

Конан пожал плечами:

— Если он ничего не скажет, пока жив, то мертвым уж точно не заговорит. Вчера ты мог сам убедиться в этом.

Конан вернулся через полчаса. Еще на подходе к флигелю он услышал сдавленное мычание, перемежающееся стонами, и понял, что люди Бруна времени даром не травили.

Войдя во флигель, он обнаружил яростно расхаживающего взад и вперед Тефилуса и красного от злости Бруна. «Человек, умеющий развязывать языки» взмок от непрерывной получасовой работы, но, судя по хмурому выражению его лица, добиться ничего не сумел.

Пленник висел на вывернутых назад руках. Время от времени ему задавали вопросы, но он упорно молчал. Так же молча он получал очередную порцию плетей и выслушивал вопрос — тот же самый или другой. Потом все повторялось сначала.

— Как успехи?

Конан остановился в дверях, критическим взглядом окинув присутствующих.

— Никак! — огрызнулся Тефилус. — Если бы не твое непонятное желание оставить этому мерзавцу жизнь...

— То что? — равнодушно спросил киммериец, ковыряясь щечкой в зубах.

— Он бы у меня живо заговорил! — зло прошипел Королевский Дознаватель. — И не таким языки развязывали!

— Интересно — как? — все так же равнодушно поинтересовался молодой варвар.

— Я бы его на куски нарезал!

Тефилус хмуро уставился на пленника. Конан поморщился:

— Не любишь ты людей, Тефилус! Клянусь Кромом, все можно сделать гораздо проще.

Он подошел к висевшему на импровизированной дыбе и вынул из его рта кляп.

— Ты знаешь, кто я? — миролюбиво спросил он, не переставая жевать свою щепочку.

— Ты Конан. Слышал о тебе, — помолчав отозвался пленник.

— От жрецов? — уточнил Конан.

— Я сам жрец, — невесело усмехнулся пленник, и крупная капля пота сорвалась с его мокрого лица и упала на пол. Он со злостью посмотрел на молодого варвара. — Ты Конан, — повторил он, словно лишь теперь эта мысль дошла до его сознания. — Мне следовало быть осторожнее.

Киммериец искренне удивился.

— Тебе не следовало приходить, — сказал он убежденно, — но теперь это неважно, раз ты здесь.

— Я ничего не скажу. — Жрец упрямо поджал губы.

Конан усмехнулся и выплюнул щепку на пол.

— Ты говоришь, что слышал обо мне, значит, должен знать, что я слов на ветер не бросаю. Так вот, обещаю: ты мне скажешь все, — проговорил он убежденно.

— Ты обещал не убивать меня! — воскликнул жрец и тут же замолчал, со злостью уставившись на варвара, ибо понял, что своей несдержанностью выдал себя.

— Не совсем так, — ухмыльнулся Конан, — я просил их не убивать тебя до моего прихода.

Киммериец повернулся к людям Бруна:

— Снимите его.

Те посмотрели на своего сотника. Брун утвердительно кивнул. Тотчас груз с ног был срезан, а еще через мгновение и сам пленник безвольно повалился на пол.

— Поставьте его на ноги.

Двое подхватили жреца под руки и подняли, но стоять он был не в состоянии. Наверное, если бы его сейчас отпустили, он бы и шагу ступить не смог.

Конан молча выхватил из болтавшихся на поясе Бруна ножен кинжал и подошел к пленнику сзади.

— Я не стану тебя убивать, по крайней мере, пока.

Он просунул кинжал под пояс пленника и рванул на себя. Одежда повалилась на пол, и тело жреца оголилось по пояс.

Конан кивнул воинам.

— Бросьте его на скамью.

Те исполнили приказ, но бедняга-жрец не удержался и соскользнул коленями на пол. Тефилус молчал. Лицо Бруна не выражало ничего, кроме удивления. Конан с усмешкой протянул ему кинжал и вновь кивнул воинам:

— Держите его, чтобы не вырвался.

Те, не понимая, что он собирается делать, выполнили приказ, гадая, что же сейчас последует. Конан шагнул вперед и неожиданно выхватил из-за спины меч. Холодная острая сталь коснулась тощего зада жреца.

— Мне стоит сделать лишь одно небольшое движение, и тебя с удовольствием возьмут в любой из гаремов Турана.

— Во имя Затха! Ты не сделаешь этого!

Он попытался оглянуться, но, придавленный к скамье, не мог сделать этого. Брун поморщился.

— Во имя Крома, я сделаю это, — спокойно возразил Конан. — Ну? Будешь говорить?!

— Да! — выкрикнул тот, и державшие его воины сдавленно гоготнули.

— Так-то лучше. — Конан убрал меч. — Зачем понадобилась Мелия Затху?

— Ее собираются принести в жертву.

— Когда?

— В ближайшее новолуние.

— Что еще?

— В Арэнджуне наняли людей.

— Сколько?

— Не знаю, но им дали два дня.

Жрец оставался в прежней позе и старался говорить как можно быстрее и лаконичней.

— Так мало?
— Да, и это предельный срок.
— Пожалуй, это все, что я хотел знать. Теперь ваш черед спрашивать.

Он кивнул Тефилусу и собрался уходить, но тот остановил его.

— Ты по-прежнему настаиваешь, что он должен жить?
— Да. — Конан обернулся и серьезно объяснил: — Я еще не повидался с пославшим его.

* * *

— Я никуда не пойду.
— Поздно упорствовать, ты уже рассказал нам все, что знал.

— Ты не понимаешь, — жрец ненавидяще посмотрел на Конана, — если я появлюсь в храме, меня ждет смерть.

— Смерть — серьезная неприятность, клянусь челюстями Затха! — расхохотался Конан. — Ты меня убедил, жрец. — Он на миг задумался. — Давай договоримся иначе: ты доведешь меня до места и скажешь, как найти... этого... Харага. А чтобы по дороге ты не потерялся, с нами отправится четверка воинов Бруна.

Киммериец вопросительно посмотрел на Тефилуса, и тот кивнул, показав, что не возражает, а Конан продолжал:

— Тебя отпустят, как только я выйду из храма.
При упоминании об этом условии жрец мгновенно сник.
— Тебя не пропустят в святилище.
— Ничего. Надену твой плащ, и разницы не заметят.
— Ты не знаешь пароля.
— Но его знаешь ты!
Жрец кивнул и обреченно сник.
— Хорошо.

Конан хорошо знал святилище Затха — старинное здание в центре города, украшенное бесчисленными изображениями бога-паука, в разных позах и с разных сторон, когда то роскошное, а теперь запущенное, загаженное птичьим пометом.

— Ждите.

Он коротко кивнул на прощание бледному как смерть жрецу и, перейдя уже шумевшую в этот час рыночную площадь, начал подниматься по выщербленным мраморным ступеням широкой, во все здание, лестницы.

По правде говоря, ему вовсе не нужен был жрец, для того чтобы совершить задуманное. Со свойственной молодости самоуверенностью, помноженной, правда, на трезвую оценку и опыт, он не сомневался, что, стоит лишь ему назвать себя, Хараг появится без всяких паролей. Он лишь опасался возможных пакостей со стороны ночного гостя, отпусти он его раньше времени.

Киммериец вошел в огромный круглый зал и подумал, что прежде, похоже, здесь бывалолюдно, но времена эти давно в прошлом. Он был один. Он оглядел ряд колонн серого мрамора, подпиравших тянущийся по периметру балкон и, шагнув вперед, оказался у чаши для жертвоприношений. Варвар бросил серебряную монету, и мелодичный звон наполнил огромное помещение.

Это было удивительно, но Конан так и не заметил, откуда взялся слугитель. «Видно, стоял за одной из колонн», — решил он.

— Я рад раннему посетителю. — Жрец, улыбаясь, оглядел гигантскую фигуру киммерийца, но во взгляде его хитрых глаз варвар заметил настороженность. — Не видел тебя здесь прежде.

— Немудрено, — проворчал Конан, — я здесь впервые.

— Затх рад каждому новому приверженцу.

Лицо жреца расплылось в слащавой улыбке, как жидкое тесто на сковороде.

— Я почитаю только Крома, запомни это, жрец.

— Так зачем же ты пришел сюда, варвар? — прошипел слугитель, и лицо его мгновенно сделалось злым.

— Я Конан, — киммериец сбросил на пол позаимствованный плащ, — и если тебе мое имя ничего не говорит, назови его Харагу и скажи, что я хочу встретиться с ним.

— Хараг занят важными делами! — надменно ответил жрец.

— Скажи и увидишь, что для меня он время найдет!

Жрец еще раз внимательным взглядом окинул гиганта-незнакомца, и что-то подсказало ему, что тот действительно пришел не просто так.

— Жди меня здесь.

Конан кивнул, и жрец удалился.

Ожидание продлилось недолго. Киммериец еще не успел соскучиться, когда почувствовал слабый ток воздуха, словно где-то рядом открылся невидимый проход, и мгновенно обернулся.

В паре локтей от него отворилась потайная дверь, и в проеме показался коротышка толстяк в жреческой мантии. Чутким слухом киммериец уловил едва слышное бряцание оружия внутри, но никто больше не появился, и дверь закрылась, так что Конану осталось лишь гадать, что случилось бы, не обернись он вовремя.

— Гостю Харага нечего опасаться в храме Затха! — словно угадав мимолетные мысли молодого варвара, поспешил успокоить его коротышка и с любопытством посмотрел на молодого варвара. — О чем ты хотел говорить со мной?

— Меня наняли охранять Мелию.

— Никогда не слышал о такой.

— Брось юлить, паук! — Лицо Конана посуровело. — Сегодняшней ночью я уже выловил одного. Он умер нехорошо, но перед смертью рассказал много чего интересного.

— Ты поднял руку на жреца Затха! — взревел толстяк, и лицо его побагровело.

Конан спокойно кивнул, недвусмысленно давая понять, что да, поднял.

— Значит, слышал о Мелии, — заключил он.

— Ее должны принести в жертву в нынешнее полнолуние, иначе все пропало! — вдруг выпалил жрец.

— Что ты вдруг разоткровенничался? — удивился киммериец. — Странно это.

— Я просто хочу, чтобы ты понял: ее ничто не спасет! — прошипел он. — Пусть приходит сама. Этим она облегчит жизнь всем!

Конан наклонился к жрецу, и тот испуганно отпрянул.

— Если с головы Мелии упадет хотя бы волос, клянусь Кромом, я разорю вашу поганую паучью нору в Йезуде!

— Твоя девка все равно умрет! — зло прошипел коротышка, который, похоже, нормально говорить не умел вовсе. — Ты ничего не сможешь сделать, хвастун!

Еще никто не называл Конана хвастуном. Кровь прихлынула к его лицу.

— Я могу всех нас избавить от проблем.

Он шагнул к жрецу. Лицо киммерийца было страшным, и толстяк, почувствовав недоброе, попытался скрыться в потайную дверь, из которой вышел, но было уже поздно.

Руки Конан стальным капканом сомкнулись на голове жреца и резко рванули ее в сторону. Раздался хруст, показавшийся оглушительным в огромном, пустом зале, и Конан разжал руки. Безжизненное тело комком тряпья упало на пол.

— Прекрасно проделано! — Раздавшийся откуда-то сверху голос был молодым и веселым. — Затху нужны умелые воины. Почему бы тебе не сменить нанимателя?

Конан вышел из-за ряда колонн. Молодой высокий жрец, стоявший на кольцевом балконе, был совершенно не похож на низкорослого толстяка, явившегося на зов варвара. Вероятно, он и был Харагом. Впрочем, Конан не жалел о сделанном: одним пауком стало меньше, а значит, воздух в Шадиаре станет лишь чище.

— Вероятно, ты и есть Хараг?

— Конечно. — Весельчак ухмыльнулся. — Неужели ты думал, что я лично выйду выслушивать объяснения какого-то вора?

— Однако ж ты здесь, клянусь лапами Затха! — усмехнулся киммериец, и улыбка сползла с лица жреца.

— Ты не ответил на мой вопрос! — резко бросил он.

— Отчего же не наняться? — Конан посмотрел в лицо Харагу. — Однако не раньше, чем закончу нынешнее дело. Всему свой черед. — Он сделал паузу и усмехнулся. — Если, конечно, ты к тому времени будешь еще жив.

Гнев искажил довольно приятное лицо Харага.

— Ты смеешь говорить это мне, варвар?!

В голосе его послышалась угроза, но Конан не отвел взгляда.

— Ты слышал, что я сказал этому мешку с дерьмом? — Он указал на валявшееся на полу тело толстяка. — Выбирать тебе!

— Значит, ты не уйдешь отсюда!

Едва услышав эту угрозу, Конан отпрыгнул в сторону и обернулся. Меч будто сам собой вынырнул из-за спины и привычно улегся в ладонях. Похоже, за каждой из колонн была спрятана потайная дверца, потому что Конан оказался вдруг окруженным кольцом воинов и понял, что если дать им сойтись, они просто задавят его массой.

— Убейте его!

Свой приказ Хараг сопроводил картинным жестом.

Конан замахнулся на двоих воинов, стоявших ближе всех к выходу, и тотчас услышал сзади топот бегущих.

Воины загородились щитами и отвели мечи для удара, но Конан не стал ждать, когда они нападут, не стал нападать и сам. Вместо этого он кувырнулся через голову и, проскочив таким образом между ними, совершенно неожиданно для нападавших оказался за их спинами. Мгновенно вскочив, он как-то по-особому крутанулся на правой ноге. Последовали два молниеносных удара, слившихся в одном движении, и две головы в шлемах, беспорядочно вращаясь, разлетелись в стороны.

Кровь брызнула двумя фонтанами, окрашивая алым мрамор зала и доспехи воинов, которые на миг замерли в оцепенении, но этого мига хватило Конану, чтобы двумя прыжками выскочить наружу.

* * *

До полудня было далеко, дневная жара еще не вступила в свои права. В таверне Абулетеса было пусто, царил приятная прохлада, и, пользуясь утренним затишьем, хозяин подсел к Конану, чтобы поделиться с ним последними новостями.

— Слышал я, что Маргаб ищет тебя. Похоже, все-таки он прибыл по твою душу.

Абулетес вопросительно посмотрел на молодого киммерийца, но тот лишь равнодушно пожал плечами:

— Мне сейчас не до него.

— Если меня об этом спросят, я могу так ответить.

Северянин кивнул:

— Чего еще слышно?

— Говорят, появились аренджунцы.

— Что значит — говорят? — удивился Конан. — Сколько их? Зачем прибыли? Где остановились?

Абулетес недовольно поморщился. Он любил показывать свою осведомленность во всем, что касалось событий, происходящих в Шадизаре, и терпеть не мог, когда что-то оказывалось не до конца ясным. В упомянутом же им деле вопросов было больше, чем ответов.

— Не знаю, Конан. Несколько человек видели их мельком. Никто не обратил на них особого внимания, а они, едва появившись, тут же пропали, словно и не было никого. Это-то и настораживает. Появились и исчезли! Ты ведь знаешь, у меня везде свои люди, но сколько я ни старался, так ничего узнать и не смог. Ни где остановились, ни за чем приехали! Как в воду канули!

— А Маргаб? — поинтересовался киммериец. — Этот тоже прячется?

— Маргаб? Нет. Тот приехал раньше и живет себе спокойно. Хочет тебя видеть. — Абулетес значительно посмотрел на Конана, но тот думал о своем, и кабатчик вздохнул. — Встреться с ним, Конан, может, у него дело какое?

— Мне недосуг, — отмахнулся северянин.

— Ну, недосуг так недосуг, — согласился Абулетес, — тебе виднее.

— Ясно одно, — заговорил о своем варвар, — интересы у них разные.

— Это верно, — кивнул кабатчик.

— Впрочем, куда они подевались, я знаю, важнее, кто они и сколько их.

— Ну, — Абулетес помялся, — думаю, их около десятка. По крайней мере, так говорят те, кто их видел, — поспешно добавил он, — а что касается имен, так в лицо

узнали только двоих: Эль-Карам и Бен-Сауфа. Ты знаешь эту пару.

Конан действительно знал обоих. Похитители людей. Два партнера, долгие годы работавшие вместе, они не оставались до тех пор, пока не выполняли порученного им дела. Пожалуй, более опасных противников Конан найти бы не смог. По крайней мере, среди тех, кого знал. Не то чтобы он испугался. Киммериец вообще не боялся никого и ничего, но и недооценивать опасности положения он не хотел.

— Что ты знаешь о Тефилусе? — вдруг спросил он.

— Отце Мелии? — уточнил Абулетес.

— Да.

Кабатчик ненадолго задумался, видно припоминая, что ему известно. Конан терпеливо ждал.

— Где он родился, не знаю, но он из черни. Плод любви какого-то заезжего туранца и немедийки. От папаша он унаследовал вспыльчивый, необузданный нрав, а от мамочки невероятную дотошность, непомерное самомнение, ну и все такое. Кстати, имя ему при рождении дали отчего-то не туранское и не немедийское — Викторин. Похоже, за этим что-то кроется, потому что младенцу не исполнилось и месяца, когда молодой папаша прирезал мать своего ребенка, а младенца подкинул жрецам Митры.

— Откуда ты все это знаешь? — удивился Конан.

— Ну, — Абулетес снова помялся, — видишь ли, такие дела не всегда удается удержать в тайне. Важно другое. Мальчишка подрос и сменил имя: решил, что старое приносит ему несчастье. И что ты думаешь, удача действительно улыбнулась ему. Он стал Королевским Дознавателем. Сперва младшим, но быстро пошел вверх, женился на Аниэле, и если бы не злобный нрав...

— А, так вот отчего он взъелся на меня, — проворчал Конан, только теперь связавший профессию Тефилуса с той давней кражей.

— А ты как думал! — ухмыльнулся Абулетес. — Обокрасть Главного Королевского Дознавателя — это не шутка!

Он продолжал что-то говорить дальше, но это уже не интересовало киммерийца, который надолго задумался.

Учитывая то, что продержаться, судя по всему, нужно только три дня, самым надежным было бы нанять побольше людей и расставить их живым забором вокруг дома. Вероятно, Тефилус и рассчитывал на это. С другой стороны, и Хараг не может не видеть этого простого и надежного средства и, если хочет добиться своего, должен что-то предпринять.

Объяснять это Тефилусу Конан не собирался, а значит, рассчитывать ему придется лишь на себя: на свои силы и на свои деньги.

Ну и ладно! Не привыкать!

Он еще раз подумал о предстоящем дне и предстоящей ночи. О дальнейшем пока не стоило беспокоиться, слишком многое к тому времени неизбежно должно измениться.

Видя, что Конан собирается уходить, Абулетес забеспокоился:

— Эй, Конан! За тобой должок!

Киммериец положил на стол золотую монету. Сказанное стоило того. Кабатчик схватил ее, попробовал на зуб и с довольной ухмылкой сунул за пояс.

— Спасибо, конечно, но это не все!

— Что же еще? — удивился молодой варвар.

— Ты забыл сказать, где остановились аренджунцы!

Конан на миг задумался и решил, что вреда от этого не будет никакого. В конце концов, именно таким способом Абулетес и добывает факты, которыми пользуется и он тоже.

— Они остановились в святилище Затха.

— Вот как! — Лицо кабатчика вытянулось от удивления.

— Может, тебе и ни к чему это знать, но я только что оттуда, и тремя паучьими выродками теперь стало меньше. Так что, если придет кто-то от них, скажешь, что я все знаю и мои планы не переменились.

* * *

У Конана было еще одно дело в городе, и ему пришлось потратить на него пару часов. Оно не требовало большого

времени, но варвар не мог просто так уйти от людей, от доброго расположения которых зависело слишком многое в его планах.

Киммерийцу пришлось влить в себя не один кубок вина, пока он рассказывал, зачем ему потребовалось имущество хозяев и какой опасности оно может подвергнуться, но, когда история была рассказана до конца, он не пожалел о потраченном времени. Ему дали не только то, о чем он просил, но и кое-что еще, объяснив, что это пригодится ему ничуть не меньше.

Затем он осушил еще один кубок за здоровье почтенного Тулгун Сада, потом еще один за здоровье и богатырскую силу Могучего Северного Барса. После этого он не мог не выразить уверенности в процветании дела хозяина, который тут же велел вновь наполнить кубки, и они выпили за успех предпринятого Конаном дела.

Следующие несколько тостов он забыл и, возвращаясь, старательно пытался припомнить их, пока наконец не осознал тщетности своих усилий. Опомнился он уже у ворот дома Мелии и, войдя внутрь, остановился, словно громом пораженный. Что-то произошло, но что именно, сразу понять он не мог.

Потом он увидел Мелию с заплаканным лицом, склонившуюся над маленьким неподвижным телом, и в груди у него похолодело. Хмель и благодушие мгновенно выветрились из головы. Он бросился на колени и подхватил на руки маленькое тельце.

— Лисенок, что с тобой? Скажи хоть слово!

Но рыжеволосая голова мальчишки безвольно моталась из стороны в сторону, глаза оставались закрытыми. Он и не смог бы открыть их: лицо мальчика превратилось в сплошную синяк. Конан рванул рубаху, припал ухом к маленькой детской груди — сердце билось тихо-тихо, словно отсчитывало последние удары, перед тем как окончательно остановиться.

Варвар поднял голову и тяжелым взглядом обвел трех плачущих женщин и десяток воинов, с мрачными лицами стоявших тут же, и каждый, на ком останавливался его

взгляд, невольно отступал на шаг, так велика была ярость, горевшая в глазах варвара.

— Что с ним случилось?! — прохрипел Конан.

Но женщины не могли говорить, лишь тихо плакали. Вперед вышел пожилой воин, имени которого киммериец не знал.

— Только что, как раз перед самым твоим приходом, у ворот остановилась карета. Из нее выбросили мешок и крикнули, что это подарок тебе от Маргаба.

Конан не видел, как при упоминании имени Маргаба Тефилус вздрогнул и тихо, не замеченный никем, ушел в дом.

Брун неслышно подошел сзади.

— Я послал за лекарем, но мальчика нужно устроить поудобнее. Позволь, — он протянул руки, — я сумею о нем позаботиться.

Конан с сожалением отдал ему мальчика и повернулся к воину, рассказавшему о Лисенке.

— Пойдешь в таверну Абулетеса, найдешь человека по прозвищу Тушка и приведешь его сюда.

Тот кивнул и без лишних разговоров вышел за ворота. Киммериец повернулся к женщинам:

— Мой друг позаботится о Мелии.

— Куда ты? — забеспокоились те.

— Маргаб хотел видеть меня. Клянусь клыками Нергала, я отправлю этого ублюдка на Серые Равнины!

— Когда ты вернешься?

— О том ведомо лишь Крому! — мрачно ответил варвар.

* * *

Тушка вошел внутрь усадьбы и остановился.

Одежда его не отличалась изысканностью. На нем были просторная белая полотняная рубаха и заправленные в невысокие сапоги мягкой кожи синие шаровары. Длинные черные волосы, узлом завязанные на затылке, придавали его облику и вовсе странный вид.

Открывшие ворота воины сразу почувствовали, что места рядом с ними поубавилось. Не то чтобы он занимал

собой все свободное пространство, но размеры его невольно поражали воображение. Воины стояли сзади, смотрели на необъятную фигуру и улыбались, не понимая, какая польза может быть от этого человека где бы то ни было, кроме как за столом.

Лицо вышедшего из дверей Тефилуса налилось кровью.

— Кто такой? — спросил он, хотя прекрасно знал это.

Лицо Тушки сморщилось в характерной улыбке.

— Ваш человек пришел за мной и передал просьбу Конана заменить его на время отсутствия.

Он учтиво поклонился, ожидая, что сейчас ему все объяснят и покажут — короче, введут в курс дела, но вместо этого услышал совсем иное.

— Что?! — совершенно неожиданно взревел седовласый незнакомец, и лицо его исказилось непонятным Тушке гневом. — Избавиться от одного вора и тут же взамен получить другого? Вон отсюда!

По простоте душевной Тушка подумал, что человек неправильно понял его, приняв за кого-то другого.

— Прошу прощения, но мне сказали, что я должен делать работу Конана, пока он не вернется.

Кровь отхлынула от лица Тефилуса, сделав его бледным, как полотно. Он лишь сейчас увидел, что, привлеченные его криками, начали собираться люди. За спиной его стояло уже примерно три десятка воинов Бруна, а значит, сила была на его стороне.

— Взять мерзавца!

Тушка растерянно оглянулся — ворота оказались уже запертыми. Когда он повернулся назад, то увидел, что на него идут плотной стеной никак не меньше двух десятков воинов. Правда, никто из них не потрудился взять в руки оружие, считая это явно излишним.

Тушка был человеком благоразумным и в отличие от Конана, который всегда охотно бросался в драку, старался избегать потасовки, если к тому была хотя бы малейшая возможность, но путь к отступлению был отрезан, а это значило, что возможности такой ему не оставили.

Он быстро осмотрелся: врагов было слишком много, и у одного из них, стоявшего где-то далеко за спинами наступавших, он увидел копье.

— Живее! Шакальи отродья! За что я вам деньги плачу?!

К нему бросились как раз в тот миг, когда он сам, с оглушительно нараставшим криком, который переходил в низкий рев, рванулся навстречу противникам, расставив руки, больше похожие на кабаньи окорока. Их оказалось, пожалуй, около трех десятков — небольшая толпа вооруженных людей, сквозь которую Тушка пробежал, сметая их со своего пути, как набежавшая морская волна смывает валяющийся на берегу мусор.

Совершенно неожиданно он остановился возле воина, державшего в руке копье, и, взявшись за его древко, толкнул парня в грудь. Тот никак ни ожидал, что легкий толчок может придать ему ускорение, подобное выстрелу из катапульты.

Нелепо размахивая руками, он побежал спиной вперед, но шагов через десять споткнулся и повалился на спину, очумело тряс головой, тщетно сясь понять, как такое с ним могло произойти?

Тушка обернулся и, уперевшись древком копья в землю, замер в расслабленной позе, насмешливо взирая на поверженное воинство.

Второй день Тефилус находился в Шадизаре, и второй раз с ним происходила одна и та же история — он вновь прошел через все стадии ярости. Вновь, как и при первой встрече с Конаном, лицо его сперва покраснело, потом побледнело, а теперь пошло багровыми пятнами. Только что он с таким трудом избавился от проклятого варвара, так теперь на смену ему пришел его дружок!

— Убейте его, потомки шелудивого верблюда!

«Убейте его!» Вот это да!

Тушка понял, что дело принимает серьезный оборот, но виду не подал. Однако, когда наемники повскакивали и бросились на него, стремясь окружить со всех сторон, а в руках у них блеснули мечи, Тушка вдруг преобразился.

Теперь он никому уже не казался не только смешным обжорой, но даже просто толстым человеком. Он вдруг стал могучим бойцом, а копье — оружие, безусловно, грозное, но малополезное против полусотни вооруженных мечами воинов — завращалось в его руках, превратившись в полупрозрачный диск, с грозным гулом застывший над головой великана.

Нападавшие остановились в десятке локтей, боязливо поглядывая на грозного одиночку, который замер в центре круга воинов. Казалось, ничего не стоит наброситься на него сзади, но что-то подсказывало нападавшим, что это лишь кажущаяся простота.

Они боялись послушаться Тефилуса, но еще меньше им хотелось нападать на друга Конана, который обязательно вернется, и тогда... На что способен киммериец, рассказал один из четверых, сопровождавших его в храм Затха.

Он стоял у входа и видел, как молодой варвар, даже не ввязавшись в схватку, которой, казалось, было не избежать, вдруг без всяких видимых усилий с его стороны прорвался сквозь цепь храмовых охранников и очутился за спинами окруживших его воинов, мимоходом снеся головы двоим, по несчастью оказавшимся рядом. А ведь все знают, что жрецы бога-паука не нанимают кого попало!

— Вперед, дохлые клячи! Или каждый пятый сядет на кол!

Толпа пришла в движение. Самые отчаянные рванулись вперед, но копье бойца-одиночки разило без промаха, награждая каждого ударом, от которого он либо падал, либо поспешно отбегал, выронив меч и потирая ушибленную руку.

Тушка закрутился, стараясь никого не пропустить: ни тех, кто бросался под ноги, ни нападавших сзади.

Низкий грозный вой перешел в визг, и едва заметный круг над головой великана стал насыщенней и темнее. Временами словно темная молния вырывалась из его неведомой плоти, и очередной нападавший получал удар.

Удары не были смертельны или опасны для здоровья. Оборонявшийся вкладывал в них ровно столько сил, сколько нужно было, для того чтобы остановить очередного на-

падавшего. Вскоре это поняли все, а когда эта простая мысль дошла до Тефилуса, он не оценил ни искусства, ни благородства гостя. Он понял лишь одно — его оскорбили. Оскорбили смертельно, и смыть это оскорбление можно лишь одним способом...

Он открыл было рот, чтобы отдать приказ, но сказать ничего не успел.

— Что здесь происходит?

Все невольно обернулись на голос. Почтенная Сиотвия неслышно подошла и остановилась рядом с Тефилусом.

— Этот выродок перекалечил половину моих воинов!

Он махнул рукой в сторону застывшей в неподвижности фигуры.

— Вероятно, это тот человек, о котором говорил Конан?

— Мне плевать, кто этот ублюдок! Я не успокоюсь, пока...

— Пока не вылетишь из моего дома, — спокойно договорила за него Сиотвия.

Тефилус замер, словно громом пораженный. Некоторое время он молча смотрел на мать своей жены, потом грязно выругался и ушел. Сиотвия оглядела людей Бруна, потиравших ушибы, и удовлетворенно кивнула.

— Я была уверена, что Конан не пришлет кого попало.

— Этот парень силен драться. — Стоявший тут же сотник покачал головой. — В жизни не видал подобного, а ведь он явно старался никому не причинить вреда.

Тушка удовлетворенно кивнул и воткнул древко копья в землю.

— Ты просто не видел в деле Конана.

— Как зовут тебя, друг Конана?

— Друзья кличут меня Тушкой, — спокойно ответил гигант.

— Тушка! — Мелия, вместе с матерью выбежавшая вслед за бабушкой, рассмеялась. — Какое смешное прозвище!

Толстяк спокойно пожал плечами:

— Я ведь знаю, что, обращаясь ко мне так, они вовсе не хотят меня обидеть.

Мелия перестала смеяться и серьезно посмотрела на него.

— Наверное, это так.

— Это так.— Великан гордо посмотрел на них, и во взгляде его раскосых глаз они прочли достоинство и спокойствие.— Меня любят все, кого люблю я.

— А остальные? — поинтересовалась Мелия.

— Остальные мне безразличны.

Ответ был вполне в духе говорившего.

— А Конан? — не унималась девушка.

— Конану я задолжал.

— Много? — спросила Аниэла, и Тушка обернулся, чтобы увидеть впервые заговорившую с ним женщину.

— Жизнь.

Он сказал об этом просто и вместе с тем необыкновенно веско. Мелия вдруг подумала, что впервые сталкивается с тем, что всего одно слово несет в себе такой глубокий смысл. Безграничную благодарность, глубокую братскую любовь и готовность вернуть долг в любую минуту. Немногие могли похвастать тем же.

— А имя у тебя есть? — спросила Аниэла.— Мне не хотелось бы пользоваться прозвищем. Мне кажется, я не имею на это права.

Тушка улыбнулся. Лицо его расплылось от удовольствия, а раскосые глаза стали совсем узкими, как две щелочки.

— Мне будет приятно, госпожа, если ты станешь называть меня Акаямой.

— Это твое имя?

Сиотвия удивленно вскинула брови. Она считала, что знакома с именами всех народов, разве что кроме населявших юг Черного Континента, но такое слышала впервые.

— Так называла меня мать.

* * *

Огромная зловещая фигура в сером хитоне грубой ткани с капюшоном, несмотря на жару, накинутым на голову, подошла к воротам. В руке пришелец держал холщовый мешок, на дне которого угадывалось что-то круглое.

— Чего надо? — грубо осведомился страж у ворот и беспокойно оглянулся, но не увидел никого, кроме напарника. Как назло, все разбрелись, начиная с сотника и кончая хваленым Тушкой, как нарочно, именно сейчас решившим проведать избитого мальчугана.

— Я хочу видеть почтенного Тефилуса. Мы договорились о встрече.

Незнакомец говорил громким хриплым шепотом. Охранник кивнул напарнику:

— Ты слышал? Сходи в дом.

Тот не заставил себя упрашивать, а оставшийся в одиночестве молодой парень тут же пожалел, что не сообразил вовремя и сам не отправился за хозяином. Он старался не смотреть на незнакомца, но не мог удержаться, и после каждого невольного взгляда озноб пробегал по коже. Странная, непонятная сила исходила от незнакомца в плаще. Казалось, если он захочет войти, его не удержат и ворота.

Парень крепче сжал рукоять висевшего на поясе меча. Испытание, однако, закончилось прежде, чем страх его решил допустимую границу.

Двери дома открылись, и вышел его напарник, а вслед за ним гораздо больше народа, чем рассчитывал увидеть парень: Тефилус, все хозяйки и Тушка с сотником. Он думал, что это все, но следом появились шестеро воинов из их отряда.

Парень вздохнул с облегчением, сразу почувствовав себя увереннее, хотя и удивился столь явному вниманию к не известному пришельцу, но тут понял, что одет человек как жрец Затха. Это объясняло все.

Именно так подумали и хозяева, когда за ними пришли с известием о странном посетителе. Они решили, что теперь, после неудачной ночной попытки, все наконец выяснится.

Тефилус, шедший впереди, остановился в паре локтей от ворот.

— Кто ты такой и зачем пришел? — спросил он надменно.

— Ты обещал мне десять тысяч монет за голову варвара,— прошипел незнакомец,— я пришел за деньгами.

Он поднял мешок со зловещим содержанием.

Тефилус побледнел как смерть. Он боялся признаться в заключенной сделке, боялся посмотреть на жену и дочь, не говоря уже о Сиотвии, но еще больше он боялся нарушить условия договора. Человек, справившийся с Конаном, достал бы его и на краю света — на этот счет он не строил иллюзий.

— Я жду!

Стараясь ни на кого не глядеть, Тефилус повернулся и пошел к дому.

Мелия упала на грудь матери. Тело ее сотрясали рыдания, и Аниэла, поняв, что дочери не годится оставаться здесь, повела ее в дом.

— Пойдем, милая.

Она что-то ворковала дочери на ухо, прекрасно понимая, что никакие утешения не помогут. И еще она поняла: только что муж ее лишился дочери, независимо от того, удастся спасти ее от хищных лап жрецов или нет.

Наконец появился и Тефилус. Он проклинал свою сделку, но все же шел, тяжело согнувшись под тяжестью десяти объемистых кожаных мешочков, увязанных попарно и перекинутых через плечи. Вернувшись на прежнее место, он сбросил свою ношу под ноги незнакомцу.

— В каждом из них тысяча монет. Можешь не пересчитывать.

Незнакомец молча кивнул и вытряхнул содержимое мешка в пыль. Некоторое время все молчали, потом Сиотвия вдруг зашлась веселым молодым смехом.

— Но ведь это не Конан!

Выдохнул Тефилус, еще не сообразив, что произошло. Капюшон слетел с головы незнакомца, и непокорная грива черных как смоль волос пала на плечи. Синие, как далекое северное небо, глаза киммерийца, встретившись с глазами Королевского Дознавателя, яростно полыхнули ледяным пламенем.

— Ты оцениваешь мою работу дешевле?!

Тефилус не сказал ни слова. Он стоял и смотрел в лицо этого непонятного для него молодого человека — пьяницы и вора, как он называл его про себя, — и со всей ясностью понял вдруг, что этот варвар выше и чище его самого, считавшего себя образцом, до которого далеко всем остальным.

Он молча повернулся и пошел в дом. Уже второй раз всего за один день он получил удар, от которого впору сломаться и более сильному человеку.

* * *

— Ну и что ты скажешь о нем? — Рамсис с интересом смотрел на Харага. — Хорош?

— Жаль, что придется его убить. — Жрец Затха брезгливо поморщился, всем своим видом показывая, что не считает проблему неразрешимой. — Как только настанет время, он сполна получит свое.

— Не так-то это просто, — возразил стигиец. — Ты знаешь, что я пробовал действовать по своему усмотрению и потерпел полный провал. Ты действовал по-своему, но с тем же результатом.

— А! — отмахнулся его собеседник. — Просто твой воин, которому ты столь искусно изменил внешность, допустил промашку, а мои люди были застигнуты врасплох и не успели собраться.

— Ты прав, — неожиданно согласился Рамсис, — но ведь в жизни так и бывает. Допустил промашку и получил нож в спину, не успел собраться и расстался с головой. Как все просто, не правда ли, мой друг?

— Уж не хочешь ли ты сравнить нас с нашими нерадивыми слугами?!

— О! — Рамсис рассмеялся и примирительно поднял руки. — Я ничего не хочу сказать, но, раз уж ты коснулся этой темы, ответь: что стало бы с тобой сегодня утром, не убеди я тебя остаться наверху. Со мной.

Хараг побледнел, вспомнив обмякшую фигуру своего помощника с неестественно развернутой к спине головой и, мгновением позже, два фонтана крови, бьющих из обезглавленных варваром тел.

Он промолчал, впервые не найдясь, что ответить на простой вопрос, и не потому что не знал ответа, он был слишком очевиден, а потому что понял: стигиец прав, если не сказать больше.

Он невольно потер шею и посмотрел в глаза своему сообщнику.

— Жаль, что придется его убить. Он мог бы быть весьма полезен.

— Это верно, — согласился его собеседник, — но, к сожалению, трудновыполнимо. Я знаю таких людей. Конан не станет никому служить, и сломать его невозможно, а убить не так-то просто.

— Тем более он достоин смерти. — Хараг упрямо поджал губы.

— Правильно, — не стал спорить стигиец, — и на твоём месте я подумал бы об этом всерьёз.

— Что ты имеешь в виду? — встревожился Хараг, хотя и не понял сразу, к чему клонит стигийский змей.

— Тебе нужна Мелия? Прекрасно! Но помни об угрозе Конана. Не знаю, как насчет того, чтобы разорить Йезуд, но до тебя он попытается добраться — это точно!

Сказав это, Рамсис тихонько, почти беззвучно рассмеялся, и было в его смехе что-то змеиное, отчего мороз пробежал по коже Харага. Он посмотрел в черные, ничего не выражающие глаза стигийца и понял, что тот прав. Как бы ни обернулось это дело, а к нему, Харагу, оно поворачивается своей нелицеприятной стороной, и ничего здесь не поделать.

— Я советую тебе перебраться ко мне, — сказал стигиец уже серьезно, — хотя бы на время.

— Я сумею позаботиться о себе! — Он упрямо поджал губы. — Служителю Затха не пристало прятаться от врагов!

Как бы там ни было, а Хараг не собирался терять лица.

— Не сомневаюсь, что ты сможешь расправиться с варваром, — Рамсис оставался серьезен, — но это не должно отвлекать нас. У нас другая цель, и она — не варвар! Не забывай об этом!

Конан пребывал в мрачном расположении духа.

Он даже не пожелал принять участия в дружеской попойке, которую, с благословения Тефилуса, как видно чувствовавшего за собой вину, в его честь устроили воины Бруна. Сурию послали на рынок, и теперь в доме рекой лилось сладкое и хмельное пальмовое вино.

Конан не любил пальмового вина. К тому же он находился в мрачном расположении духа, а потому послал к Нергалу явившихся за ним гуляк, впрочем, подкинув им десяток Тефилусовых золотых на выпивку, и теперь пир в доме шел горой, и настроение вокруг царило праздничное.

У всех, кроме молодого северянина. А ведь день начался совсем неплохо, и ничто с утра не предвещало неприятностей! К утру он выпытал у ночного гостя все, что ему нужно было знать, после чего наведалься в храм и предостерег паукопоклонников.

Конечно, надежд на то, что проклятые жрецы просто так откажутся от своих гнусных планов, киммериец не питал. Быть может, даже не стоило этого делать, но он предпочитал вести открытую игру, а одна свернутая набок голова и две отсеченные, на его взгляд, должны были ясно показать, что безнаказанно воровать людей в Шадизаре не позволено никому!

По крайней мере, если их охраняет Конан.

Вроде бы и дальше все шло неплохо. Почтенный Тулгун Сад, которому северянин в свое время оказал несколько серьезных услуг, избавив от покушавшихся на его добро злоумышленников, не отказал в просьбе и даже пообещал больше, чем рассчитывал киммериец. Все шло как нельзя лучше, и все-таки день оказался безвозвратно испорченным.

Не помогало даже сознание того, что мерзавец в прямом смысле слова поплатился головой — слишком быстро и легко все получилось. Конану никогда не доставлял удовольствия вид умирающего врага, никогда не привлекали его картины чужих мучений.

Для него враг оставался врагом лишь до тех пор, пока был жив, а после этого превращался в ничто, и Конан забывал о его существовании.

На этот раз все было иначе. Конан искал Маргаба, а перед лицом его стояло милое личико Лисенка, превращенное в сплошной синяк, и киммериец с наслаждением перебирал в уме способы, которыми собирался умертвить мерзавца, жалея только о том, что сделать это можно лишь один раз.

Но случилось все гораздо быстрее, чем он мечтал, и намного проще, чем рассчитывал Маргаб.

Конан вспомнил осветившееся радостью лицо убийцы, когда тот увидел вошедшего Конана, и сменивший ее ужас, когда он прочел в глазах киммерийца свой смертный приговор.

Смерть трусливого негодяя не принесла молодому варвару той радости, которую он надеялся испытать. Его противник не успел взяться за оружие, и они сошлись в рукопашную, но борьбы не получилось.

Маргабу удался его знаменитый удушающий захват, из которого еще не удавалось вырваться никому. Возможно, не удалось бы и киммерийцу, если бы мощная шея туранца, на которой сидела бритая наголо бородатая голова, не переломилась раньше, отвратительно хрустнув напоследок.

Конан не испытал ни удовольствия, ни тем более гордости. Слишком несоизмеримыми оказались боль, что причинил киммерийцу этот выродок, и принесенная им в уплату долга вира.

Лишь позднее он понял, что все гораздо проще. Нельзя испытать радость, раздавив паразита, даже если тот способен лишить тебя жизни ядовитым укусом, а Маргаб никак не мог считаться достойным противником, хотя и был неимоверно силен, по-звериному жесток и смертельно опасен.

Теперь это уже не имело значения.

Солнце клонилось к закату, когда охранявшие вход в усадьбу воины слышали топот копыт и скрип колес в конце улицы. Конан, хоть и расположился на отдых в глубине двора, в

тени деревьев, и не мог слышать их, сразу понял по тому, как засуетились стражники у ворот, что что-то случилось.

Оцепенение мигом слетело с него, он мгновенно оказался рядом и, отперев ворота, выглянул наружу.

Медленно, со скрипом к нему приближались четыре подводы в сопровождении десятка зуагиров в пестрых джуббэ, бритые головы которых венчали не первой свежести сарыки. Впереди шел немолодой уже мужчина, и его стоптанные чарыки ясно указывали на то, что дорог ими исхожено немало. У ворот человек остановился и неожиданно весело посмотрел в глаза киммерийцу.

— Привет тебе, светлейший, от господина нашего, почтенного Тулгун Сада.

Он склонился перед Конаном, но тут же выпрямился и посмотрел на киммерийца смеющимися глазами.

— Господин мой, да продлит Эрлик его дни, долго смеялся, рассказывая, что замыслил ты, и можешь не сомневаться, выбор, сделанный мною, прольет на сердце твое потоки блаженства. Ты сможешь убедиться в этом, как только увидишь все своими глазами.— Он сделал паузу и вновь посмотрел на Конана, словно вот-вот не выдержит и рассмеется.— Где разгружаться-то?

Как ни тяжело было на душе киммерийца, но и его невольно заразила веселость позднего гостя. Он улыбнулся и махнул рукой.

— В правом дальнем углу за домом.

Улыбчивый старик что-то крикнул гортанно своим людям, подводы вновь заскрипели давно несмазанными колесами, и процессия проследовала через ворота.

В считанные минуты на указанном Конаном месте выросла пара загонов с кормушками и поилками. Рядом с загоном аккуратной кипой легло несколько мешков корма, огромная булькающая, отдающая тиной бочка и десять бочонков красного пуантенского, а вслед за тем, с шумом и криками, начали вылезать и будущие обитатели загородок.

Белогрудые гуси налево, пестрые широкогрудые козлы направо.

— Сколько с тобой людей? — Конан обратился к молодому старику.

— Вместе со мной пятнадцать будет.

Конан отсчитал пятнадцать монет:

— Выпей за мою удачу, а если купишь себе новые башмаки, — он посмотрел на стоптанные чарыки старика, — я тоже не обижусь.

— О, господин!

Старик склонился в поклоне, но Конан бросил небрежно:

— Не надо!

Старик разогнулся и, обернувшись, вновь выкрикнул гортанную фразу, после чего опять посмотрел на Конана:

— Прежде чем уйти, я должен сказать тебе еще кое-что очень важное. И те и другие, — он по очереди указал на обладателей перьев и копыт, — твари своенравные и лучше просто так на дороге им не попадаться. Они слушаются лишь своих вожakov. Зовут их Рогчар и Клинго. Между собой они ладят, но всех прочих тварей, как четвероногих так и двуногих, на дух не переносят. Так что постарайся подружиться с вожаками, иначе тебе придется туго.

С этими словами он повернулся и, не оборачиваясь, пошел к выходу, нагоняя своих.

Ворота за ними закрылись, и воцарилась прежняя тишина. Привлеченный шумом, из дома вышел Брун, чтобы посмотреть, в чем дело, а заодно и проверить посты. Киммериец как раз стоял между загонами, глядя то вправо, то влево, когда сотник подошел к нему сзади. От крайнего изумления Брун замер, ошарашенно глядя то на гусей, то на козлов, то на Конана.

Тот довольно ухмыльнулся:

— Вот, решил скотиной обзавестись.

В это время к углу загона, рядом с которым остановился северянин, подошел один из козлов и требовательно посмотрел на варвара. И тотчас в другом загоне, расположенном рядом, к примыкавшему углу вперевалку подобрался огромный гусь с белой грудью и черными крыльями.

«Ага, — подумал киммериец, — похоже, это и есть Рогчар и Клинго». Он вспомнил совет зуагира поскорее поладить с вожаками и, перегнувшись через перегородку, наклонился к Клинго.

Похоже, главарь гусиной банды понял человека как-то не так, потому что мгновенно попытался ущипнуть Конана за нос, но северянин не зря был варваром. Молниеносно отпрянув, он схватил своего противника за длинную шею. Не слишком сильно, но достаточно для того, чтобы показать серьезность своих намерений.

Захрипев, обладатель черных крыльев звонко щелкнул клювом и скосил на Конана черную бусинку глаза. Внутреннее чутье шепнуло забияке, что в этой драке ему не победить, а богатый опыт подсказал, что превосходящего тебя силой врага нужно превратить в друга, и выгода окажется неоспоримой.

Конан наклонился к нему:

— Еще раз покажешь мне свой нрав, задавлю.

Брун пьяно хмыкнул:

— Что он может понимать? — Сотник пожал плечами. — Для жаркого он, пожалуй, сгодится, а больше...

Конан разжал кулак, и Клинго встряхнулся всем телом, поправляя примятые перья, а затем, ткнул Конана клювом в протянутую ладонь. На этот раз вполне дружелюбно.

Киммериец ехидно глянул на сотника:

— А ты говоришь — тупая тварь.

Он зачерпнул пригоршню головастиков из большой бочки и протянул ее гусю. Тот не заставил себя уговаривать, а когда угощение кончилось, потрепал Конана клювом за большой палец, то ли требуя продолжения, то ли благодаря.

Брун покачал головой и вернулся в дом. Ему хотелось остаться с молодым северянином, поболтать с ним, но он опасался гнева Тефилуса, к тому же именно сегодня его отчего-то клонило в сон сильнее обычного.

Конан посмотрел ему вслед. Удостоверившись, что сотник ушел, он повернулся ко второму загону и тут же встретился взглядом с огромным пестрым козлищем.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, и Конан невольно поразился мощи животного. Приземистый, необычайно широкогрудый, он больше походил на небольшого, обросшего шерстью бычка. Он посмотрел на молодого варвара тяжелым взглядом и коротко пробасил: «Бы!»

Это было нечто среднее между козлиным блеянием и бычьим мычанием. Это был Рогчар.

— Ну что, будем знакомиться?

Он открыл дверцу загона и выпустил животное. Как это ни странно, но Рогчар оказался настроен гораздо миролюбивее Клинго. Даже не попытавшись оспаривать главенство человека, он миролюбиво ткнулся мокрым носом в ладонь Конана, но вдруг замер и начал шумно принюхиваться, понемногу передвигаясь поближе к бочонкам с пуантенским. Однако к желанному запаху потихоньку примешивался аромат тины и лягушатины. Тогда он громко фыркнул, изгоняя его из ноздрей, пока не понял, что искомый запах исходит из десятка относительно небольших емкостей, а гадость из одной огромной.

— Клянусь Кромом, я понял тебя, приятель! — Конан усмехнулся. — Похоже, наши вкусы сходятся.

Он вытащил затычку одного из бочонков и принюхался — аромат стал оглушающим. Собратья Рогчара заволновались. Конан усмехнулся, вытянул наружу одну из поилок и плеснул в нее изрядную порцию багряной жидкости.

Рогчар, словно собираясь с силами, возбужденно вдохнул в себя побольше воздуха и припал к пьянящей влаге.

— Ты с ума сошел, варвар!

Быть может, Тефилус и вышел, чтобы дружески поболтать с Конаном, перед которым после сегодняшнего печального происшествия с Лисенком чувствовал вину, но лишь увидел очередную безрассудную выходку киммерийца, как всегдашняя злость вспыхнула в нем. И все-таки он сдержался. Похоже, последние два дня, когда его одергивали чаще, чем за предыдущие двадцать лет, невольно приучили его держать себя в руках.

— Ведь они не люди! Что ты делаешь с несчастными козлами?

— Иди! Занимайся своими!

Конан махнул рукой в сторону дома и припал к кубку, который только что наполнил из того же бочонка — вино оказалось превосходным.

Клинго заволновался в своем загоне — старый приятель явно обошел его. Конан не заметил вовремя тревожных признаков, и, когда наклонился и голова его оказалась в пределах досягаемости, длинная гусиная шея просунулась сквозь щель в стене загона, черный клюв открылся, и в ухо Конана ворвался поток отборной гусиной брани.

Что именно хотел сказать Клинго, варвар разобрать не успел. Ему показалось, что мозги его выдрали из головы, встряхнули, как хозяйки встряхивают отжатое белье, и сунули обратно. Когда к нему вернулась способность сообщать, он увидел наглую гусиную морду и черные бусинки, ехидно глядевшие ему в глаза. Белоперые выродки в загоне одобрительно загоготали, как видно, целиком и полностью одобряя действия своего главаря.

— Кр-ром!

Конан помотал головой и, подождав, когда мысли его придут в порядок, молча поднялся и наполнил гусиную кормушку до краев. Потом вытащил и не подумавшего сопротивляться, словно он прекрасно понимал все действия человека, Клинго и, сунув ему под нос полную до краев кормушку, уселся между двумя главарями, не забыв предварительно оделить сполна каждого из оставшихся в обоих загонах.

Только теперь, когда никто не имел причин для недовольства, он наполнил свой кубок и повернулся к Клинго.

— Еще раз сделаешь так, и на добавку не рассчитывай!

Они прекрасно коротали время, понимая друг друга без слов. Конан дважды вставал, чтобы наполнить опустевшие кормушки и поилки своих новых друзей, прежде чем заметил, что от дома отделилась стройная фигура в пышном платье, но не подал виду.

Несколько мгновений спустя все еще восхитительная несмотря на унесшие молодость годы, Аниэла остановилась перед прекрасно ладившей троицей. Она подняла на Конана свои изумительные глаза.

— Я пришла, чтобы пригласить тебя к нам. Пора прекратить глупые стычки между тобой и Тефилусом.

Конан помотал лохматой гривой волос:

— Завтра.

На такой ответ впору было бы обидеться, но Аниэла была умной женщиной.

— Почему не сейчас?

— Я зол и гожусь лишь для драки,— хмуро ответил варвар.

— А если ее не будет?

Конан пожал плечами:

— Можно напиться.

Лицо Аниэлы болезненно дернулось, она поджала губы.

— Ну так хоть пил бы с людьми!

Конан посмотрел на нее неожиданно трезвым взглядом, хотя произносимые им слова были тяжелыми, словно грозовые тучи над Кезанкийскими горами.

— После общения с твоим мужем, госпожа, мне на людей глядеть тошно.— Он говорил спокойно, с трудом выдавливая из себя каждое слово.— Клянусь Кромом, уж лучше скоты! Эти не предадут и... не продадут.

Аниэла закусила губу.

— Завтра,— сказал Конан, больше из жалости к ней, чем из желания скрасить сказанное,— если смогу.

Она молча повернулась и пошла прочь. Прекрасная и одинокая, исполненная тревоги за дочь и копившейся годами досады на мужа, а теперь невольно обиженная этим человеком, который, она прекрасно понимала это, вовсе не желал ее обидеть.

Конан следил за ее удалявшейся фигурой, пока она не пропала за углом дома. Тогда он встал и в очередной раз наполнил опустевшие кормушки.

Рогчар шагнул было к своей, но потом уклонился в сторону, нюхнул тины из бадейки своего приятеля и гром-

ко фыркнул, обдав белогрудого смесью слюны и вина. Такого снести было никак нельзя, и Клинго, нагнувшись, оглушительно дунул в ухо рогача.

Конан, зная, какой эффект это должно было произвести, невольно поморщился. Рогчар по достоинству оценил талант своего приятеля, потому что очумело затряс головой.

Конан уже понял, что должно произойти дальше. Как видно, подобные перебранки происходили между ними не впервые и были чем-то вроде своеобразного ритуала, на который сейчас не было времени.

— Ну-ка, успокойтесь!

Он примирительно потрепал обоих.

— Каждому свое! Говорят, аквилонцы потребляют и то, и другое!

Клинго горделиво посмотрел на своего подвыпившего дружка, а Рогчар недоверчиво воззрился на киммерийца.

— Клянусь Кромом! Там лягушек едят!

Рогчар не стал настаивать,— кто их знает, этих людей? — вместо этого припав к поилке с пуантенским. Конан еще не раз доливал Рогчару и остальным, равно как и добавлял в опустевшие гусиные кормушки лакомство, так любимое Клинго и аквилонцами.

Всякий раз, когда киммериец наполнял вином опустевшую бадью Рогчара, тот вопросительно смотрел на киммерийца и не трогал новой порции, пока варвар не наполнял и свой кубок. Конану сделалось смешно — эта скотина собиралась перепить его, Конана! Ну что ж, посмотрим! Он доливал и доливал, пока не осознал, что вокруг стало слишком темно.

Солнце село, а это значило, что теперь в любое мгновение могли нагрянуть и незваные гости. Киммериец резко встал. Рогчар и Клинго удивленно уставились на него. Человек открыл загородку. Сородичи Клинго словно знали, зачем их привезли сюда, и деловито разбрелись во все стороны.

Рогчар вопросительно посмотрел на варвара.

— Нужно предупредить наших.

Конан встал и пошел к воротам. Рогчар шагал рядом, словно равный с равным. Отойдя шагов на десять, они

услышали истошный призыв Клинго. Обернувшись, Конан увидел, что и гусь поплелся следом, но явно не поспевал за своими длинноногими собратьями и, отчаявшись догнать их, дал об этом знать.

Конан остановился, и дальше они шли уже втроем.

— Идите в дом,— лаконично и веско бросил Конан двоим у ворот.

— Но Брун...

— К Нергалу Бруна! Идите в дом,— повторил он и пошел прочь, нимало не заботясь о том, последовали ли они его совету. В конце концов, его дело предупредить.

Разношерстная компания, возглавляемая киммерийцем, вернулась на прежнее место, когда Конан понял вдруг, что что-то его тревожит. Он огляделся. Хмель как-то слишком быстро, словно он и не пил вовсе, выветрился из головы варвара, когда он понял: во дворе нет никого, кроме двух молокососов у ворот!

Это было странно, и это было совсем не похоже на Бруна, который каждый вечер добросовестно расставлял посты, лично проверяя, все ли в порядке. Он вспомнил, что и сегодня вечером видел сотника и даже разговаривал с ним, но это было еще до того, как пришло время расставлять во дворе стражу на ночь, а Брун уже плелся как сонная муха.

Конан хотел было побежать в дом и поднять тревогу, прекрасно понимая, что в одиночку ему не уследить за всем, но тут же остановился. Если кто-то подсыпал охранникам сонного зелья, а ничем иным он не мог объяснить себе отсутствие стражи во дворе и странной сонливости их начальника, то он лишь напрасно потратит время.

Варвар вернулся к загонам, открыл вторую загородку, и остальные девять животных — все почти такие же широкогрудые, как Рогчар, но все-таки уступавшие ему — по одному вышли наружу и обступили своего вожака.

— Ты уверен, что твои парни на местах? — обратился киммериец к Клинго, словно тот был человеком и мог ответить ему.

Гусь расправил крылья и, укоризненно посмотрев на Конана, что-то проворчал, давая понять, что лишь у людей

и козлов принято жрать вино во время работы. После этого он высокомерно отвернулся, всем своим видом показывая, что нет поводов для беспокойства.

— И все-таки пойдем проверим.

Клинго встряхнулся всем телом и, взглянув на Конана, словно приглашая его за собой, вперевалку зашагал вперед.

Рогчар гордо стоял во главе ватаги таких же, как он, рогачей и тоже поглядывал на Конана, а когда тот пошел следом за Клинго, степенно двинулся за ними.

Солнце садилось. Его уже не было видно за крышами домов. Если бы Конан захотел, он мог бы, выйдя из ворот, полюбоваться закатом, но киммерийцу было не до красот. Судя по всему, ему предстояла бурная ночь. Конечно, он был далек от мысли, что усадьбу станут брать приступом, но то, что ночная стража так и не появилась, не оставляло поводов для сомнений в том, что человек, с которым он беседовал утром, не откажется просто так от своих намерений.

Конан, безусловно, не боялся столкнуться лицом к лицу с двумя, тремя, пятью бойцами, но понимал также и то, что, как бы ни старался, не сможет в одиночку уследить за всем. Абулетес говорил о десятке аренджунцев. Он упомянул имена Аль-Карама и Бен-Сауфа, а эти люди знали свое дело. И хотя киммериец был уверен, что его им не обмануть, но опять-таки понимал, что ожидаемых гостей может оказаться просто-напросто слишком много.

Пока он станет разбираться с двумя-тремя первыми появившимися для отвода глаз неопытными юнцами, кто-нибудь, кто действительно знает свое дело, запросто успеет проникнуть в дом так, что даже он не заподозрит неладного, пока не станет слишком поздно что-либо предпринимать.

Быстро темнело. Погруженный в свои мысли Конан заметил, что обошел вокруг дома, только тогда, когда увидел перед собой левую стену флигеля, спрятавшегося в тени деревьев у задней наружной стены.

Клинго все так же неторопливо плелся вперевалочку, изредка оглядываясь, чтобы посмотреть, не отстал ли человек, а может быть, и спрашивая, доволен ли он.

Доволен ли?

Хоть и занятый своими мыслями, Конан отмечал в сгущающихся сумерках небольшие комки, словно специально разложенные кем-то через равномерные промежутки, от каждого из которых при их приближении высеивалась им навстречу клювастая голова. Но что самое удивительное, проходя мимо очередного сторожа, Клинго что-то тихонько кричал, и тот успокаивался, длинная змеиная шея делала обратное движение, голова пряталась под крыло, после чего Клинго глядел на человека и, дождавшись его одобрительного кивка, спокойно шел дальше.

На какое-то время в голову Конану закралось сомнение — а сможет ли гусь, уютно спрятавший голову под крыло, услышать едва различимые шаги осторожно пробирающегося к цели опытного вора?

Впрочем, тут уж ничего нельзя было изменить. Еще вечером он отправил Тушку восвояси, отдав ему Лисенка и один из Тефилусовых мешков с золотом. Этого в любом случае должно было хватить надолго. Теперь он остался один.

На всякий случай, больше для очистки совести, он заскочил в дом и потряс за плечо Бруна, которого сон сморил прямо у дверей, но тот был малоотличим от трупа, и Конан не стал повторять опыт, заранее уверенный в результате.

Он постарался трезво оценить свое положение — один против десятка профессиональных похитителей людей, которых возглавляют два опытных негодяя, доживших до седых волос и ни разу до сих пор не потерпевших неудачи. Два мерзавца, за которыми Тефилус, Конан знал это, гонялся не первый год.

Правда, киммериец знал и другое — гусь более чуток и осторожен, чем сторожевой пес, хотя сторожевых гусей не держал при себе никто. Люди предпочитали собак — быстрых зубастых хищников, способных не только поднять тревогу, но и защитить хозяина.

А что мог гусь?

Рогчар шагал рядом, изредка поглядывая на поглощенного невеселыми мыслями киммерийца, а позади них, отстав на пару шагов, следовало все стадо. Наверное, они

представляли собой комичное зрелище: гусь-проводник впереди, за ним человек в сопровождении десятника-козла, а сзади девять рогачей.

Так, дружной компанией, они и вернулись назад, к бочкам. Конан наполнил вином опустевшие емкости и уселся на прежнее место. Рогчар похлебал маленько и улегся напротив человека. Остальные последовали его примеру.

Стало тихо. Тихо и темно.

Солнце зашло, а месяц еще не поднялся над крышами домов. Конан подумал, что настало самое опасное, а значит, и самое подходящее для злоумышленников время. Он лежал, изредка прихлебывая из пузатого серебряного кубка, а ничего не происходило. Наконец взмошел подросший месяц и стало значительно светлее, хотя до полнолуния было еще далеко. Вокруг стояла мертвая тишина.

Конан усмехнулся. Так и должно быть. Слишком очевидным был бы такой ход, а те, кто затаился где-то за этими стенами, хотели дожидаться, когда все в доме уснут наверняка. Что ж, вполне разумно. Быть может, и сам бы он действовал в подобной ситуации так же.

Конан потерял счет времени.

Он выпил уже не один кубок вина, стараясь быть умеренным, пару раз, чтобы развеять напавшую на мозг, словно предутренний туман, сонливость, обходил дом и, к его удовлетворению, каждый из стражей, как ни осторожно он ступал, мгновенно и беззвучно вытаскивал голову из-под крыла, но, признав его, спокойно укладывался, возвращаясь к прерванному отдыху. Оба раза при его возвращении Клинго недовольно ворчал, словно сетуя на его недоверчивость.

Месяц добрался уже до наивысшей своей точки, залил все призрачным серебряным светом, когда варвар скорее почувствовал, чем услышал, что гости здесь.

Он бесшумно переместился в тень флигеля, став совершенно незаметным с пары шагов, но чуткий гусь мгновенно выпростал голову из-под крыла и уставился на киммерийца, словно на дворе стоял ясный полдень.

Конан приложил палец к губам, и Клинго, казалось, понял его. Быстро повертев головой, он оглядел двор и уставился

в угол, расположенный как раз между ними и воротами. Конан тихонько вытащил меч и насторожился.

Он увидел вылезавшую длинную шею гуся и услышал его негромкое недовольное гоготание. Киммериец пригляделся. Ствол одного из деревьев показался ему очень уж неправильной формы. В следующее мгновение уродливый нарост отделился от дерева, вернув ему былую стройность, и осторожно двинулся к дому.

Пернатому сторожу это явно не понравилось. Он встал и, вытянув в направлении незнакомца шею, зашипел, предупреждая, что шутить не намерен. Но незнакомец пришел сюда вовсе не для того, чтобы разбираться с животными. У него было важное дело, и он не собирался тратить времени попусту.

— Тихо, тварь! — прошипел он, и Конан увидел, как незнакомец взмахнул рукой, явно целясь в гусиную голову. Сделал он это зря.

Собрат Клинго грозно раздвинул крылья, затем, вытянув шею и широко раскрыв огромный черный клюв, взял короткий, но быстрый разбег и прыгнул на обидчика, вцепившись тому в лицо.

Конан не видел, в какое именно место вцепился клюв гуся, но отчего-то подумал, что, скорее всего, это мог бы быть нос. Похоже, это был коронный номер каждого бойца стаи.

Человек, гнусаво ругаясь, пытался освободиться, когда Клинго каркнул в ухо Рогчару, давая знать, что пришел его черед браться за дело.

Козел вскочил и пьяными глазами уставился на Конана. Где-то он уже видел этого человека... А может быть, и нет. Он наклонил рога и взрыл землю копытом.

— Но ты, пьяная шваль! — Конан отвесил Рогчару увесистую оплеуху. — Рога поотшибаю!

Два расплывчатых Конана медленно воссоединились. Рогчар встряхнул головой, припоминая: они точно встречались.

Клинго потерял остатки терпения и, наклонившись к самому уху приятеля, прогудел свое знаменитое «кря!», в один присест выдув из козлиной башки остатки хмеля.

«Точно встречались, — мелькнуло в голове Рогчара, — вчера вместе пили, значит, свой!» Рогчар развернулся.

В это мгновение с разных мест раздались тревожные сигналы остальных сторожей, к которым тут же примешались человеческие голоса. Люди, изрыгавшие проклятия, забыли об осторожности.

Конан вскочил. Дальше медлить было нельзя. Похоже, эта мысль пришла не только ему в голову. Клинго задрал голову и протрубил общую тревогу.

Козлиный десятник увидел первого обидчика и рванулся вперед. Как раз в эту минуту человек пинком освободился от назойливого гуся и схватился за изуродованное лицо, на время позабыв обо всем, когда его настиг чудовищный удар в спину, и если рога Рогчара не показались из груди мертвеца, то лишь потому, что были коротковаты.

Удар оказался сильным настолько, что бедолага, пролетев с десятков локтей, ударился о стену и лишь после этого упал на землю. Когда Конан подбежал, человек был еще жив, но не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

Кликнув Рогчара, киммериец побежал вперед. Он должен был удостовериться, что никто не проник в дом, но опасения его оказались напрасны: обжав вокруг дома, он увидел, что повсюду шла охота.

Люди в панике метались по двору, пытаясь спрятаться за деревьями и за старой утварью, в изобилии сваленной за домом. Это были не убийцы, а воры, но почти каждый имел при себе кинжал, и когда произошло первое потрясение, вызванное неожиданным отпором, они попытались отбиться от не оставлявших их в покое животных, но оказалось, что это не так-то просто сделать.

Чтобы убить стремительно несущееся на тебя животное, нужно нанести сильный и точный удар, а этого никто из оборонявшихся сделать не сумел. В результате несколько бойцов Рогчара оказались ранеными, но это только разозлило их.

Начало светать, а вокруг по-прежнему раздавались треск ломавшегося дерева, топот копыт, проклятия людей, побед-

ный рев то одного, то другого четвероногого воина, и этот шум битвы людей со зверьми не затихал ни на миг.

Самым удивительным в этой потасовке оказалось то, что и собратья Клинго не остались в стороне от схватки и не ограничились ролью сторожей. Они смело бросались на противника, в нужный миг отвлекая его внимание от основной, ударной силы. Не говоря уже о том, что не один и не двое противников держались за изуродованные их сильными клювами лица.

Конан с Рогчаром не торопясь обходили дом раз за разом, после каждого круга пропуская по чарке и вмешиваясь в драку лишь там, где помощь их была необходима. Правда, этим занимался в основном Рогчар, так что Конану так и не пришлось воспользоваться мечом.

Неудивительно, что люди, разбуженные невообразимым шумом, стали высовываться в окна и, любопытствуя, что же происходит, уже не могли оторваться от этого зрелища. Теперь, когда солнце поползло вверх, все окна в доме были открыты настежь и из каждого торчало не меньше двух голов — все-таки вместе со стражей и прислугой их было почти полторы сотни.

Один из молодых воинов Бруна вылез в окно, желая помочь Конану навести порядок, но едва успел вскочить обратно, чуть не поднятый на рога одним из бандитов Рогчара, не делавших исключения ни для одного из двуногих, кроме молодого варвара да краснолапых забияк Клинго.

Постепенно непрощенные ночные гости поняли, что спасения можно искать лишь на деревьях, и то один, то другой из них начали исчезать из пределов досягаемости вошедших в раж четвероногих разбойников, скрываясь в густой листве.

Однако это вовсе не охладило пыла бойцов, как того можно было ожидать, а наоборот, еще больше озило их, когда рогатые драчуны сообразили, что люди сумели спрятаться. Глаза их налились кровью, они рыли землю копытами, но поделаться ничего не могли — законная добыча ушла.

Лишь пернатые забияки Клинго еще пытались достать врага. Они взлетали, но их грузные тела были слишком велики, чтобы добраться до противника, укрывшегося в густой листве.

Армия Конана желала крови, и лишь сам полководец, единственный из всех, порадовался, что скоро все успокоится и он сможет отправить в загоны верно послуживших ему соратников, но в это мгновение шествовавший рядом с ним Рогчар нашел выход.

Один из спрятавшихся в кроне излишне энергично отмахивался от наседавшего на него гуся и сумел задеть его. Дело осложнилось тем, что пострадавшим оказался Сам Великий Клинго. Не случись этого, все кончилось бы хорошо, но теперь сражение завертелось с новой силой.

Рогчар жаждал немедленно отомстить за обиду, нанесенную верному соратнику, с которым они выдержали ночную битву, и смело ринулся в бой. Как известно, беда не приходит одна — ствол дерева оказался не самым толстым, да к тому же подпорченным изнутри. От удара сломался не лоб, а ствол.

Раздался страшный треск. Дерево накренилось. Подоспел еще один рассвирепевший рогач. Удар повторился, дерево зашаталось и повалилось набок. Бедняга не сумел вовремя выбраться из переплетения ветвей, и участь его оказалась незавидной.

Конан бегал как угорелый, пытаясь утихомирить разярившихся сверх меры животных, но безрезультатно. И особую злость его вызывало то, что лоботрясы в окнах подзадоривали животных. Добрая сотня глоток орала и улюлюкала, и животные словно понимали, что от них требуется.

Огромные козлы с неослабевающим упорством таранили стволы деревьев, укрывавших в своих кронах остатки грозной банды Эль-Карама и Бен-Сауфа. Неизвестно, чем кончилось бы дело, если бы не остановившиеся у ворот подводы. Конан опрометью бросился отпирать, благодаря Крома за столь своевременное вмешательство.

— Клянусь кишками Нергала — вовремя! — воскликнул он, распахивая створки.

Обутый в новые чарыки, его вчерашний собеседник ошарашенно остановился, некоторое время не в силах ответить изумленного взгляда от царившего во дворе разгрома.

С обратной стороны здания, где не знали еще о прибытии владельцев, продолжали раздаваться подбадрывающие крики зрителей и тяжелые удары чугунных лбов участников боя.

Снова послышался треск сломавшегося дерева, а вслед за ним — человеческие крики, не похожие на предыдущие, которые быстро стихли под торжествующее то ли «бе-е», то ли «му-у».

Это вывело зуагира из состояния шока. Последовала гортанная команда, и полтора десятка его людей бросились исполнять приказание. Прошло не слишком много времени, когда груженные повозки покинули двор, и Конан с зуагиром остановились в воротах, чтобы обменяться прощальными словами.

— Не стоит огорчаться, светлейший. Раны животных не опасны. — Старик покачал головой. — Никогда бы не подумал, что они способны на такое. Все-таки гусиные бои это одно, козлиные — это другое, но война между людьми дело особое, не похожее ни на первое, ни на второе.

Конан кивнул.

— Шесть трупов — это многовато, но с другой стороны, их никто не звал. Возьми, — он протянул мешок, наполненный золотом, — передай это почтенному Тулгун Саду вместе с благодарностью от меня и сожалением, что не могу выразить ее лично.

Мешок утонул в объемистом хурджуме зуагира. Он кивнул на прощание киммерийцу, развернулся и быстро пошел прочь по пыльной улице вслед удалявшимся повозкам.

Глава шестая

Конан еще стоял посреди улицы и провожал взглядом повозки, увозившие его четвероногих помощников, когда его окликнула Сурия и, восторженно глядя на молодого варвара, сказала, что госпожа желает его видеть.

— Которая? — простодушно спросил Конан.

— Звала старая Сиотвия, хотя там все трое, и господин с ними, — ответила девушка и вновь посмотрела на него взглядом, говорившим, что ее желание видеть киммерийца не менее сильно, но обещает гораздо больше.

Неожиданно для самого себя он попытался обнять девушку, но она легко выскользнула и, смеясь, танцующей походкой пошла к дому.

— Иди за мной!

Киммериец усмехнулся и пошел следом.

Они вошли через парадный вход, миновали прекрасную бронзовую статую Деркэто, мимо которой северянин никогда не мог пройти равнодушно. Всякий раз ему невольно казалась, что богиня оживает, стоит лишь повернуться к ней спиной, и с любопытством смотрит на него.

Вместе с девушкой киммериец пересек овальный зал, поднялся по широкой лестнице розового мрамора, огибающей его с двух сторон вдоль дальней стены, чтобы сойтись посредине, но уже на уровне второго этажа, и вошел в дверь. Балюстрада лестницы была составлена из украшенных затейливой резьбой балясин, которые у Конана всякий раз не хватало времени рассмотреть.

Войдя в дверь, он оказался в сплошь застекленном со стороны наружной стены коридоре, превращенном Мелией в цветник.

Девушка свернула налево, и Конан последовал за ней.
— Сюда, господин.

Пока они шли, девушка говорила мало, отдельными фразами и только то, что должна была говорить, зато глаза ее кричали об ином, обещая все радости, которыми только может одарить мужчину молодая рабыня. Однако, стоило лишь отвориться двери, лицо ее словно окаменело, и эта внезапная перемена немало озадачила Конана.

«Впрочем, — сам объяснил он себе, — имея такого господина, как Тефилус, научишься любым трюкам».

Он вошел в открытую девушкой дверь и остановился, оглядываясь: все семейство действительно было в сборе, но кроме Тефилуса и трех женщин тут же находился Брун. Конан остановился. Тефилус жестом отпустил служанку и мрачно устоялся на варвара.

— Как ты объяснишь ночное происшествие?

Конан пожал плечами:

— Жрец сознался, что Хараг нанял аренджунцев. Правда, мне сказали, что их будет всего десяток, а оказалось вдвое больше.

— Даже так? — Лицо Тефилуса налилось кровью. — Почему ты не сказал ничего мне?

— А зачем? — Северянин снова равнодушно пожал плечами. — Твои люди все равно спали.

Брун покраснел со стыда и сжал рукоять меча так, что пальцы его побелели, но промолчал.

— Ах вот как?

Киммериец видел, что Тефилус разъярялся все сильнее, но пока еще удерживался от ругани.

«Видно, дал слово Мелии», — подумал варвар.

— А может быть, ты сам подсыпал нам сонного зелья?

— Кром! — невольно вырвалось у Конана. Он смотрел на Тефилуса едва ли не с восторгом: подобной нелепости он не ожидал даже от него. — Что-то не возьму в толк, к чему это мне?

— Чтобы выглядеть героем в глазах моей дочери! — выпалил тот, пылая гневом.

Конан подумал, что, видимо, почтенный хозяин вполне мог поступить так, окажись он лет двадцать назад в подобной ситуации.

— Когда жена твоя попросила меня защитить дочь, я ответил, что уезжаю из Шадизара, — спокойно ответил Конан, посчитав этот довод вполне достаточным, чтобы показать несуразность обвинения.

— Но, поразмыслив, решил остаться! — зло воскликнул Тефилус, обрадовавшись, что удалось так легко раскусить варвара.

— Задержаться, — поправил его Конан.

— Даже так! — вновь повторил Королевский Дознаватель, не скрывая злой иронии, всем своим видом показывая, что истинные намерения варвара ему видны как на ладони.

— Перестань, Тефилус! — оборвала его Сиотвия. — Если ты действительно веришь в то, что говоришь, то мне тебя жаль. Ясно как день, что не он подсыпал в вино сонного зелья.

— Кто же тогда?! — не желал униматься Тефилус. — И почему ты единственный не заснул?!

Он вновь обернулся к киммерийцу, желая услышать ответ немедленно.

— Потому что я не пил того, что пили вы, — просто-душно ответил Конан. — Я вообще не пью пальмового вина, если есть иное!

— Вот как? — вновь спросил тот, и северянин подумал, что, похоже, это любимая фраза Главного Королевского Дознавателя. — Это почему же?

— Оно слишком сладкое для меня. — Варвар слегка поморщился. — Хотя по крепости вполне удовлетворяет.

— Я же сказала: отстань от него! — повторила Сиотвия. — Он даже в дом не заходит.

— Но кто же тогда? — вновь задал свой вопрос Тефилус и обвел всех вопросительным взглядом. Конан пожал плечами, и тут в глазах Дознавателя мелькнула догадка. — Кто покупал вино?

— Сурия ходила вчера на рынок,— спокойно ответила Аниэла.

— Ага! — торжествующе воскликнул Тефилус, которому вновь все стало ясно как день.— Ее и купили совсем недавно!

Конан нахмурился. Если этот обделенный богами умом Дознаватель возьмется за рабыню...

— Зачем ей травить хозяев? — Он пристально взглянул на Тефилуса.— Разве что-то пропало?

— Это жрецы Затха! Они подкупили или запугали ее! — убежденно настаивал на своем Тефилус.

— Подкупили бы повариху,— Конан ухмыльнулся,— чего прощел!

Хозяин устался на Конана, напряженно соображая. Он никогда не вникал в домашние дела, считая это ниже своего достоинства, но даже он знал, что все в доме имеют постоянные обязанности. Знал он и то, что девушку купили недавно, и из слов жены понял, что они с дочерью попали на рынок случайно. Проклятие Сета! Ну почему ненавистный варвар все схватывает на лету, а ему до тех же выводов приходится доходить путем долгих размышлений!

— Но кто же тогда?! — обреченно повторил он и устался на Конана, словно говоря: «Раз ты такой умный, так расскажи нам, как было дело».

— Торговец,— сказал Конан убежденно,— ей наверняка продали уже подготовленное вино, а привлечь девушку, впервые отправившуюся за покупками, скажем, низкой ценой совсем несложно.

Северянин замолчал. Он чувствовал, что убедил подозрительного сверх всякой меры Дознавателя. Так оно и было. Тефилус, оставаясь недовольным, понимал, что проклятый варвар прав, и ничего с этим было не поделать.

— Почему ты отдал животных? — внезапно спросил он.

— Чтобы их не постигла участь твоих псов,— спокойно ответил киммериец.

— Они могли бы...

Конан понял, о чем он собирается говорить, и отрицательно покачал головой.

— Жрецы не станут повторяться.

— Откуда тебе знать?

— Нет смысла в повторении неудавшегося хода. Они придумают что-то новое.— Конан внимательно посмотрел в глаза отца Мелии, следя за его реакцией.— Тефилус, скажи честно: Маргаб был единственным, кого ты нанял, чтобы убить меня?

Киммериец увидел, как побледнела Мелия, Аниэла удивленно уставилась на него, а Сиотвия требовательно посмотрела на главу семейства.

— Он был один,— поспешно ответил Тефилус.— А почему ты спрашиваешь?

Конан отвел взгляд и пожал плечами, так ничего и не поняв по поведению Тефилуса. Нергал его знает, врет он или нет. Может, просто поспешил успокоить женщин, с которыми не хотел лишний раз ссориться, особенно после памятного разговора с Сиотвией.

— Вчера я заметил, что за мной следят.

Он вновь посмотрел на Дознавателя, и на этот раз ему показалось, что в глазах того мелькнула злорадная ухмылка, которая, впрочем, тоже, учитывая их отношения, ни о чем не говорила, хотя могла означать и иное...

— Я думаю, это жрецы,— спокойно заметил Тефилус,— узнали, что тебя наняли, и решили последить.

Конан кивнул:

— Я тоже сперва так подумал, но позже понял, что ошибся.

— Как ты можешь быть уверен?

— Все просто.— Северянин пожал плечами.— Они знают, кто я, знают, что меня наняли, знают, где меня искать. К чему им понапрасну тратить время на слежку?

— Они ищут способ,— Королевский Дознаватель посмотрел в глаза молодому варвару, словно радуясь его трудностям,— устранить тебя.

— Хвала Крому, если так.— Конан равнодушно зевнул.— Я боюсь иного.

— Чего же? — удивилась Сиотвия.

— Неизвестности.

И он вновь внимательно посмотрел на Тефилуса, словно говоря: «Еще не поздно все рассказать», но тот поспешно отвернулся.

— Хорошо. Ты прав. Со временем это выяснится, а пока пусть все остается как есть. Брун, пойдем со мной.

Тефилус кивнул женщинам и вышел, даже не посмотрев на Конана. Он понял кое-что очень важное. Все его умозаключения, несмотря на их стройность и правдоподобие, никак не могли быть правдой, а скорее напоминали бред. И так будет до тех пор, пока он не обнаружит чего-то нового, чего не знал до сих пор.

Мелия с тихой грустью смотрела на Конана. За те два дня, что он провел в доме, они не перекинулись и парой слов: им никак не удавалось остаться наедине, постоянно кто-то мешал, а при людях она намеренно оставалась по отношению к нему холодна и надменна.

Аниэла улыбнулась ему:

— Не сердись на мужа. Я знаю, вы не ладите, но он жаждет защитить дочь и оттого бывает несправедлив.

Киммериец прекрасно знал, почему Тефилус ненавидел его, понимал и вполне естественное желание Аниэлы наладить их отношения и ничего не имел против этого.

— В одном твой муж прав, — сказал он и, увидев искреннее недоумение на лицах всех трех женщин, пояснил: — в доме действительно есть предатель.

— Ты... Ты уверен в том, что говоришь? — Аниэла не верила своим ушам.

— Совершенно. — Конан убежденно кивнул.

— Но почему ты не сказал Тефилусу? — спросила она.

Конан поморщился:

— Он измордовал бы рабов, не говоря уже о воинах Бруна, и ничего бы не добился.

— Верно, — согласилась Сиотвия, — нельзя допустить, чтобы нас возненавидели люди, защищающие нас. — Она помолчала. — Но откуда ты знаешь?

Конан протянул ей листок.

— Что это?

Сиотвия удивленно вскинула брови. Аниэла и Мелия подошли, чтобы посмотреть.

— План дома.

Аниэла вздохнула с облегчением.

— Ах, Конан! — Она весело взглянула на киммерийца. — Успокойся, план дома может составить любой из побывавших у нас, а таких в Шадизаре сотни! — Она улыбнулась ему обворожительной улыбкой, которая даже теперь могла свести с ума кого угодно.

Конан невольно вздохнул:

— Значит, любой может нарисовать?

— Конечно! — радостно подтвердила она.

— И план первого этажа, который весь, за исключением овального зала, отдан в распоряжение прислуги? — спросил Конан, не сводя с нее пристального взгляда.

Улыбка застыла на лице Аниэлы.

— Вплоть до погребов и кладовок, где в случае надобности можно спрятаться? — продолжал он.

Женщина побледнела.

— Ты прав, Конан, — вместо дочери ответила Сиотвия, — мы будем приглаживать за слугами, но вот воины Бруна...

— Воины Бруна ни при чем, — убежденно ответил он. — Это было бы слишком.

— Но ведь сегодняшние ночные гости — аренджунцы? — возразила Сиотвия. — Если жрецы наняли их, могли нанять и еще кого-то.

— Верно, — кивнул Конан, — но Эль-Карам и Бен-Сауф — знаменитые похитители людей. Именно поэтому к ним и обратились.

— Но что если...

— У них просто не было времени.

Конан упорно стоял на своем.

— Хорошо. — Сиотвия решила прекратить ненужный спор. — Сегодня должен появиться Мэгил. Мы просили его выяснить все, что можно, и надеюсь, его приход прояснит наше положение окончательно. — Она обернулась к Конану: — Ты хотел сказать еще что-то?

Киммериец кивнул:

— Я хотел спросить: вы убедились в серьезности и настойчивости наших врагов?

— Мы и не сомневались в этом. — Сиотвия ответила за всех.

— Тогда я хочу повторить и свое предложение: Мелия должна уехать.

— Нет. — Мелия побледнела и умоляюще посмотрела на могучего варвара, впервые заговорив с ним. — Как только мы покинем Шадизар, мы станем беззащитными, и меня уже ничто не спасет. Я боюсь...

Киммериец посмотрел на Аниэлу и Сиотвию и, хотя обе молчали, понял, что они согласны с девушкой.

— Хотя мы и не можем рассчитывать на защиту Управителя, но здесь, по крайней мере днем, никто не отваживается нападать на дом Главного Королевского Дознавателя. Это уже немало.

Сиотвия серьезно посмотрела в глаза Конану:

— Будь я молодой женщиной, я бы согласилась на твоё предложение. — Она лукаво улыбнулась северянину. — Но я бабушка Мелии и тоже говорю: «Нет». В степи или в горах, неважно, на вас немедленно будет объявлена охота.

— Полное единство. — Он беспомощно развел руками, все трое, как по команде, улыбнулись ему, и Конан невесело покачал головой. — Так, может, сделаем вид? Пусть Хараг думает, что Мелия покинула Шадизар!

— Ничего не имею против.

* * *

— Конан! Опять Конан!

Хараг ходил из угла в угол, не находя себе места от душившей его злости. Достигнув почти вершины власти, он привык к слепому повиновению, к тому, что любое его желание немедленно выполнялось, а малейшее непослушание, да что там непослушание, только мысль о нем, просто проявление недовольства жестоко и немедленно карались.

Теперь же какой-то мелкий воришка, по которому давно плачет топор палача, этот варвар, спустившийся с Киммерийских гор, смел противиться ему! Противиться?! Он нару-

шил все его планы, сначала поймав его жреца, специально обученного для таких дел, а потом — нанятую им банду похитителей людей из Арэнджуна! Лучшую во всей Заморе!

Рамсис сидел в кресле, с удовольствием потягивая кисло-ватое ледяное стигийское вино, которое предпочитал всем прочим, и с интересом наблюдал за своим приятелем. Впрочем, приятель — не совсем верно. У жреца Сета не было друзей, приятелей, возлюбленных — всего того, к чему стремятся прочие люди. По крайней мере, люди обычные.

У него были рабы, слуги и наложницы, которых он изредка одаривал, если они умели ублажить его как следует, или наоборот — приносил в жертву своему мрачному богу, и последнее случалось гораздо чаще.

Но иногда он словно вспоминал, что между людьми бывают и иные отношения — не только рабское подчинение, но и равноправное сотрудничество, правда случалось такое редко и исключительно в силу необходимости. К тому же такие отношения не нравились стигийцу, ведь с равноправным партнером приходится делить плоды победы, и тут он был бессилен что-либо изменить, утешая себя мыслью, что мир, к сожалению, еще несовершенен.

Сейчас Рамсису приходилось вести себя с Харагом на равных.

Не то чтобы жрец Сета не смог бы обойтись без заморийца, но Хараг владел тем, что необходимо было стигийцу. Взвесив все за и против, он посчитал, что договориться будет выгоднее, чем действовать силой. По крайней мере, до поры, до времени, а там видно будет...

Так он посчитал с самого начала, едва узнал, что Хараг заманил к себе Тхон-Тона и завладел Талисманом. Однако за прошедшие несколько дней замориец все больше разочаровывал его. Рамсис недовольно поморщился — ему надоело слушать стоны жреца Затха.

— Я говорил, что хитрость действенной силы. — Он улыбнулся, поставив высокий хрустальный бокал на стол, долил себе вина и улыбнулся снова. — Почти всегда действеннее.

Хараг замер на месте и возмущенно уставился на стигийца, чем доставил ему немалое удовольствие.

— Но я не действовал силой! — гневно воскликнул он.
— Ты не действовал и хитростью! — возразил Рамсис все с той же мягкой улыбкой.

— Я все сделал как надо!

Он посмотрел на стигийца, требуя, чтобы тот немедленно подтвердил сказанное, но поклонник Сета лишь прихлебнул вина, слегка кивнул, и кивок этот можно было понять и как согласие со всем сказанным, и как простое уведомление о том, что он все слышал, но остается при своем мнении. По крайней мере, змеиная улыбка, не покидавшая лица жреца Сета, говорила именно о последнем.

— Проклятый варвар! — вернулся к самобичеванию Хараг. — Если бы не он, Мелия уже была бы у нас!

— Кажется, ты обещал, что я больше не услышу его имени, — словно мимоходом заметил Рамсис.

— Ты же сам отговорил меня от этого, — вспыхнул Хараг. — И если уж кто и виноват в том, что он продолжает ставить нам палки в колеса, то имя этого человека не Хараг!

Он устоял на своего гостя, ожидая его ответа, ибо обвинение, высказанное им, было совершенно недвусмысленным. Он ожидал всего: возмущения, взрыва негодования, но вместо этого увидел все ту же улыбку, упорно не желавшую покидать лица Рамсиса. Правда, она стала неподвижной, словно маска, но в своем возбуждении Хараг не заметил этого.

— О силе и хитрости я упомянул неспроста, — заговорил наконец стигиец. — Ты предпринял две попытки, позволь теперь действовать мне.

— Мне порой кажется, что сам Сет помогает проклятому киммерийцу, — проворчал Хараг и пожал плечами. — А впрочем, действуй.

— Сет помогает мне, и только мне! — Глаза Рамсиса гневно сверкнули, но Хараг не смотрел на своего собеседника и не уловил зловещего сочетания милой улыбки и злобного блеска глаз. — Очень скоро ты сможешь убедиться в этом!

Лишь теперь замориец, привлеченный последней фразой Рамсиса, с интересом посмотрел на него. Тот вновь привет-

ливо улыбался, и ничто уже не указывало на бурю эмоций, совсем недавно бушевавшую в его черной душе.

— Я буду действовать силой, но применять ее стану с хитростью, — продолжал тем временем стигиец медленно, словно обдумывая только что пришедшую в голову, но необыкновенно удачную мысль.

— Как ты намерен избавиться от киммерийца? — поинтересовался его собеседник.

— Никак! — просто ответил Рамсис. — Пусть делает, что хочет. На сей раз его меч не сможет поразить моего посланца!

— Что ты задумал? — Глаза Харага завистливо и возбужденно заблестели.

— Увидишь, — коротко бросил Рамсис, взгляд которого горел торжеством. — Но ты должен помочь мне, ведь ты понимаешь, что здесь, в Шадизаре, я лишен почти всех атрибутов, необходимых для колдовства.

— Что я должен делать?

Харагу не терпелось узнать, что же такое задумал стигиец. Особенно после его первого колдовства, которое хоть и не привело ни к чему, но было весьма эффектно. Узнай об этих мыслях Рамсис, и они немало позабавили бы жреца Сета, гордившегося замысловатостью своих выдумок, но на первое место все-таки ставившего их ответственность.

— Пока ничего, но ночью мне понадобится твоя помощь.

* * *

Копейщик был мертвецки пьян. То есть он был пьян настолько, что еще мог делать два дела: вливать в себя очередную порцию вина, которое с завидным упорством подливал ему Зул, внимательно следивший за тем, чтобы кубок новоявленного приятеля не оставался пустым, да бездумно, но правдиво, в этом надо ему отдать должное, отвечать на вопросы Тушки.

А денег Зул не жалел. Накануне Конан выдал ему мешок, который приятно оттягивал плечо, пока Зул нес его, а бро-

шенный на пол, соблазнительно звякнул. Негр развязал стягивавшую его тесьму и изумленно присвистнул.

Впрочем, это было в духе киммерийца. Сегодня не иметь ни гроша за душой, а завтра отвалить друзьям тысячу полновесных кругляков, на которые, правда, Шадизара не купишь, но напоить его население можно запросто. Тем более одного копейщика!

Зул усмехнулся и подлил вина в опустевший бокал. Ему уже давно хотелось спать, и он поймал взгляд своего необъятного приятеля, намекая ему, что от их сегодняшнего собутыльника уже не будет толку. Тот кивнул, соглашаясь.

Хвала Митре!

Он махнул Кириму, и на столе появился кувшин хмельного пальмового вина. Сейчас они вольтят в окосевшего стражника пару кубков, и он повалится под стол, а когда проспится, то и под страшными пытками не признается ни в чем. Просто ничего не сможет вспомнить!

— Пора кончать.— Зул посмотрел на Тушку.— Скоро зайвится Конан.

— А-а! Конан! — обрадовался пьяница.

— Конан? Кто такой Конан?

Тушка сделал удивленное лицо и посмотрел на ожившегося пропойцу, а Зул досадливо крикнул: он никак не ожидал, что их собутыльник еще способен соображать.

— Сегодня Конану придет конец! — авторитетно заявил копейщик, и Тушка мгновенно насторожился, а Зул с удивлением поймал себя на том, что спать ему почему-то расхотелось.

— Вероятно, ты говоришь о том Конане, что, как я слышал, охраняет дочку Королевского Дознавателя? — вспомнил Тушка, старательно изображая на лице напряженную работу мысли, словно только сейчас ему на ум пришло мельком слышанное имя.— Кажется, Мелию! — воскликнул он радостно.

Кирим забрал со стола пустую посуду и пошел прочь, качая головой — во дают! Со стороны послушать — дураки дураками! Последние несколько дней об этом деле только

и разговоров, а уж кто не знает в Шадизаре Конана, он и вовсе представить себе не мог!

— Точно, о Мелии! — обрадовался копейщик, который даже стал вроде несколько трезвее.— Сегодня ночью ее непременно выкрадут! Только тс-с-с! — Он приложил палец к губам.— Это секрет!

Тушка вяло махнул рукой, давая понять, что секрет этот известен всем.

— Ничего у твоего хозяина не получится. Два раза не получилось, и сегодня не получится.

— Ты откуда знаешь? — вдруг забеспокоился пьяница, запоздало поняв, что сболтнул лишнее.

— Да об этом весь город говорит,— успокоил его Тушка и обернулся к нескольким посетителям, забредшим спозаранку пропустить стаканчик, другой,— верно?

Те согласно закивали. Все здесь знали Конана и его друзей, а значит, все, что они говорят, безусловно верно и не подлежит сомнению.

— А сегодня ночью будет, как я сказал! — Воин успокоился, на него единодушные случайных посетителей произвело нужное впечатление.— Сегодня мой хозяин сговорился с Рамсисом, так что ничто теперь не спасет проклятую девку! Ха-ха-ха!

Он залился пьяным смехом, брызгая слюной в свой кубок. Тушка брезгливо поморщился и поспешно подхватил со стола свой.

— Так выпьем за успех твоего хозяина! — поддержал его Зул, влив в кубок копейщика очередную порцию пальмового.

— Да, да,— пьяно закивал тот.— За это непременно нужно выпить!

Зул подлил Тушке и себе, и все трое выпили за удачу славного Харага и его приятеля, добрейшего Рамсиса.

* * *

Мэгил понравился Конану сразу и безоговорочно, равно как и сам киммериец пришелся по нраву этому высокому, улыбчивому жрецу. Точнее, бывшему жрецу, или вольному

жрецу, как предпочитал называть себя он сам. С детства воспитывался он при храме Митры, а когда пришла пора делать выбор, не задумываясь, ушел, хотя непокорного юношу и пытались заставить остаться сперва уговорами, а затем угрозами и даже силой.

Так или иначе, но, оказавшись на свободе, Мэгил ни разу не пожалел о сделанном выборе. Он стал, как он сам это называл, вольным жрецом, откликаясь на зов любого, кому лень или недосуг было тащиться в храм, и выполняя все необходимые обряды на дому, ведь знания-то у него отобрать не мог никто.

Это занятие обеспечивало ему не только кусок хлеба, но и кое-что получше, не говоря уж о стаканчике вина, без которого вольный жрец считал просто зазорным приступить к трапезе.

Ему было уже под сорок, но годы, казалось, проносились мимо, никак не сказываясь ни на лице его, упорно не желавшем покрываться морщинами, ни на густой шевелюре, в которой нельзя было заметить ни одного седого волоса, ни на подтянутой фигуре.

Прожив полжизни, он не разочаровался в людях, о чем ясно говорили его простое лицо и открытый взгляд. Короче — он понравился Конану.

Зато Тефилус невзлюбил его с первого взгляда. Можно было бы еще раз перечислить все вышесказанное, чтобы объяснить, почему Мэгил не понравился Главному Королевскому Дознавателю, но это было бы ни к чему. Просто все то, что расположило к нему Конана, оттолкнуло Тефилуса.

Неудивительно и то, что северянин тоже сразу понравился бывшему жрецу, научившемуся хорошо разбираться в людях. Ему вообще нравились мужчины не просто сильные, но и умные, а в том, что молодой варвар обладал обоими этими качествами, умудренный житейским опытом Мэгил не сомневался.

Более того, он видел, что киммериец относится к той малочисленной категории людей, кто, не забывая о своих интересах, готов рискнуть жизнью за дружбу, за любовь...

Вполне понятно, и почему с Тефилусом он не нашел общего языка с первой же встречи, с которой минуло уже немало лет. В Королевском Дознавателе сразу угадывался человек, всю жизнь пробивавшийся к власти собственным, правда, трудом, но не гнушающийся на этом нелегком пути продать, предать, а быть может, и убить...

Все это было ясно написано на его лице, и Мэгил не мог понять, как Аниэла, женщина, несомненно, умная, тонко разбиравшаяся в людях, не разглядела этих качеств своего мужа... «Да,— подумал он,— правильно, видно, говорят, что любовь слепа!»

— Ты узнал, что хотят от моей дочери? — Аниэла с тревогой и надеждой смотрела на Мэгила.

— Да, госпожа.

Он склонился в учтивом поклоне. Улыбка впервые покинула лицо жреца, и это сразу заметили все. Мелия замерла, боясь вздохнуть, почтенная Сиотвия нахмурилась, Аниэла сжала подлокотник кресла так, что пальцы ее побелели от напряжения.

— Ее собираются принести в жертву Затху, и произойти это должно не позднее нынешнего полнолуния, а точнее, именно в полнолуние. Раньше нельзя, а позже это станет бессмысленным, но как раз в ограниченности срока наша надежда.

Он подробно описал всю историю Памелы, ее тайные замыслы и заговор жрецов. Тогда все тоже решало время — либо она, либо они. Жрецы оказались хитрее, а может быть, им просто повезло, но результат известен: жрицу-отступницу сожгли на костре, но перед смертью она изрекла пророчество, и вот теперь потомки жрецов хотят повторить все то, что не удалось сделать их далеким предкам.

Некоторое время в комнате висела тягостная тишина, которую никто не решался прервать.

— Но при чем здесь я?

Мелия растерянно посмотрела на жреца, словно он мог знать ответы на все вопросы. Тот пожал плечами.

— Не знаю.— Он задумался.— Им нужна была сила Памелы, чтобы оживить чудовищного паука — свое божество.

ство. Они не смогли сделать это против ее воли. Тогда не смогли,— уточнил он задумчиво.— Видно, за прошедшие века многое изменилось, и теперь им не нужно согласие обладателя силы.

— Но при чем здесь я? — еще тише спросила девушка.

— Не знаю,— повторил Мэгил,— быть может, стоит еще порыться в библиотеке старого дома, хотя,— он пожал плечами,— я уже десять раз бывал там. Кроме того, что вы в родстве, я ничего сказать не могу, но, как видно, это значит очень много, иначе со смертью Зиты тебя оставили бы в покое.

При упоминании о погибшей сестре что-то в груди Мелии болезненно сжалось, слезы подступили к глазам, готовые в любой миг побежать по щекам девушки.

— А не может найтись что-то полезное в потайном алтаре? — неожиданно спросил Конан.

— Откуда ты знаешь про алтарь? — оживился жрец и обернулся к Аниэле, объясняя: — Я знал о его существовании и сто раз пытался отыскать, но безуспешно.

— Я открыл его.

Киммериец равнодушно пожал плечами, словно не видел в этом деле ни малейшей трудности.

— И что ты там увидел? — Мэгил замер в волнении.

Конан снова пожал плечам:

— У меня не было времени рассматривать. Я едва успел схватить камень с запекшимся в середине пауком, как меня вытолкнуло наружу, а позже...

— Да, да, я знаю,— перебил его Мэгил,— но, значит, там все осталось! Нужно немедленно идти туда! Ты ведь не откажешься сопровождать меня?

— Конечно! — рассмеялся Конан.— Раз это поможет. Сейчас полдень,— он повернулся к Тефилусу,— я думаю, днем вряд ли что случится.

Тот высокомерно кивнул, показав, что не возражает, но ничего не ответил.

— Чуть не забыл.— Мэгил повернулся к Мелии и, порывшись в кармане, протянул ей какую-то вещицу на цепочке.

— Какая прелесть! — Девушка всплеснула руками и принялась рассматривать статуэтку со всех сторон, сразу став похожей на маленькую девочку, получившую неожиданный подарок.

— Это изображение Иштар,— улыбнулся жрец.— Говорят, оно обладает магической силой и способно защитить пригланувшегося человека, но лишь в том случае, если зов исходит от любящего сердца.

Мелия удивленно посмотрела на жреца, но тот лишь пожал плечами:

— Я знаю, что ты скажешь, это всего лишь красивая сказка. Просто я слышал эту историю и решил рассказать ее тебе, потому что ты любишь их.

Мелия кивнула и вновь посмотрела на статуэтку. Искусно вырезанная из слоновой кости вещица казалась почти живой. Почти... Словно лишь крохотной искры жизни не хватало ей для того, чтобы доказать, что это и на самом деле так.

— Когда смотришь на нее, кажется, что так и есть,— очарованно произнесла Мелия, не заметив, что говорит вслух.

— Ах, дочка, если бы боги защищали от зла хотя бы чистые души, насколько мир бы стал светлее! — Аниэла нахмурилась.— К сожалению, иногда мне кажется, что лишь Сет печется о своих почитателях... Но не будем об этом.— Она обернулась к Конану.— Сходите,— Аниэла улыбнулась.— Ты, Конан, еще молод, а Мэгил многое повидал в жизни, и тебе, несомненно, могут помочь его советы.

* * *

Все было так же, и все было иначе.

Теперь, при свете дня, дом выглядел по-другому, может быть, и не весело, но, по крайней мере, и не столь мрачно, как прежде, и если бы не трагедия, приключившаяся здесь чуть больше недели назад, Конан и вовсе не имел бы ничего против его посещения. По правде говоря, он и сейчас не протестовал — надо, значит, надо. Во всяком случае, сравнение с каменным гробом, пришедшее ему на ум в ту роко-

вую ночь, теперь могло родиться разве что в голове безумца.

— Говорят, лишь благодаря тебе Мелия осталась жива в ту ночь.— Мэгил улыбнулся, словно говорил о чем-то необычайно веселом.

— А остальные отправились на Серые Равнины,— мрачно отозвался киммериец.

— Брось! — Жрец улыбнулся еще шире.— Ты же так не думаешь!

— Верно,— согласился Конан,— я просто стараюсь не вспоминать ту ночь, но, когда такое случается, меня начинает одолевать неприятная смесь злости и бессилия! Своего бессилия изменить что-либо и злости на четверых молодых идиотов, словно сговорившихся погубить друг друга! — Он помолчал.— Кром! Плохое чувство — злость к мертвецам, заплатившим за свою глупость самую высокую цену.

— Не повезло.— Мэгил пожал плечами.

— Да, не повезло,— согласился киммериец,— но меня не покидает странное ощущение, что все происшедшее не случайно. Мелия, единственная из всех, вела себя разумно и осталась жива.

Конан не привык говорить подолгу и теперь, когда возбуждение, вызванное нахлынувшими воспоминаниями, улеглось, вновь замолчал.

Мэгил стоял отвернувшись. Он смотрел на дом, слушал рассказ спутника и думал о своем. Конан давно закончил говорить, а Мэгил все стоял, словно прислушиваясь к чему-то, что слышал только он.

— Я чувствую отзвук страшной трагедии, разыгравшейся здесь. Эти стены хранят боль и страх, а может быть, и еще что-то. Не знаю.— Он обернулся.— Ты не мог бы подождать еще немного, пока я подготовлюсь? Мне не хотелось бы соваться внутрь просто так.

Конан кивнул:

— Я прогуляюсь вокруг.

— Отлично! — Жрец явно обрадовался тому, что Конан не станет мешать ему.— Не задерживайся нигде специально, но и не торопись, и когда ты вернешься, я буду готов.

Конан пошел вдоль стены. Окна первого этажа были зарешечены и забраны ставнями, окна второго защищали ажурные кованые решетки, но ставен на них не было, окна третьего не были защищены ничем. Видимо, высоту строения посчитали достаточным препятствием для злоумышленников.

Киммериец прошел вдоль стены и, свернув за угол, увидел огромное окно с высаженными стеклами. Это окно, единственное из всех на первом этаже, не было закрыто ставнями, скорее всего, из-за размеров. Оно впрямь было огромно и протянулось на десяток локтей вдоль фасада и в высоту до перекрытия второго этажа.

Стекол так никто и не вставил.

Это было неудивительно — времени прошло мало, а забот сразу навалилось хоть отбавляй. Погибли трое молодых людей, и все они принадлежали к шадизарской знати.

Поначалу предстоящие похороны начали стремительно превращаться в скандал, особенно когда родители молодого Эмерика потребовали объяснить, куда делось тело их сына, а родные Фабиана не верили глазам своим, когда вместо молодого богатыря, пусть и мертвого, увидели сморщенного столетнего старика. Впечатление усиливалось тем, что рядом лежало обнаженное тело прекрасной юной девушки, дважды проткнутое мечом.

Кто-то из родственников сгоряча все попытался объяснить злонамеренными действиями Конана, известного шадизарского вора. Это заявление прозвучало настолько абсурдно, что не нашло никакой поддержки у остальных, понимавших: что бы ни делал киммериец в доме и будь он хоть трижды вором, но не он же превратил Фабиана в ссохшуюся мумию!

К тому же Мелия заявила, что он к этому непричастен. Фабиан перед смертью убил ее сестру, а виноват во всем Эмерик, случайно наткнувшийся на книгу заклинаний, о которой они не имели ни малейшего представления. Он прочел одно из них и поплатился за это жизнью.

Рассказ получился путаным, и поначалу никто не хотел верить в него, но Мелия убедила всех, что она такая же

жертва, как и прочие, которой лишь стараниями Конана удалось остаться в живых, и она не может объяснить того, чего сама не понимает.

Конан знал еще меньше. Он лишь дрался с монстрами, о происхождении которых понятия не имел.

— И победил их! — иронично заметил кто-то.

На что Конан демонстративно пожал плечами и просто ответил, что внезапно вспыхнувшая заря освободила оставшихся в живых от этого кошмара, а поскольку приглашенный кем-то жрец Митры тут же громко воздал хвалу всепобеждающей силе Подателя Жизни, то никто не осмелился оспаривать его утверждения.

Понемногу все успокоилось.

Как это ни странно, но Фабиана, несмотря на морщины и прочие необъяснимые изменения, сразу узнавали все, кто видел, так что в этой части подлинность рассказа Мелии никто не подвергал сомнению.

Раз так, то поневоле пришлось поверить и в остальное. Однако, поскольку происшедшее было настолько странным, что вызвало бы неизбежные толки, тела предали огню тайно и быстро. Теперь никто уже при всем желании не смог бы выразить ни удивления, ни сомнений в истинности слов Мелии, не говоря уж об обвинениях в занятии колдовством, чего семья Фабиана опасалась более всего!

О странной быстроте и скомканности похорон поговорили немного и перестали, поскольку пища для языков оказалась скудной и не давала возможности измыслить хотя бы мало-мальски интересную сплетню. Любителям перемывать кости знакомых поневоле пришлось успокоиться, хотя и с мучительным сожалением о чужой тайне, не давшейся в руки.

Конан и сам не заметил, что остановился, припоминая прошедшее, и давно стоит, хотя Мэгил и просил его не задерживаться. Он ускорил шаг и свернул за угол. Под ногой его вновь хрустнуло стекло. Киммериец поднял голову. Два окна на уровне третьего этажа оказались выбитыми. Он усмехнулся, припоминая, как героически пытался выбраться. Впрочем, это было не то окно. Он всего раз

ударил по нему, рама треснула, но осталась на месте. Здесь же дерево было измочалено, словно его жевали.

Это было чуть дальше от лестницы, в глубине коридора, где им наконец-то удалось избавиться от Незримого. Вновь Конан поймал себя на том, что невольно остановился. Да... Память... От нее никуда не деться. Он прибавил шаг и последний раз повернул.

— А я уж собирался искать тебя! — Мэгил улыбнулся.

— Подготовился? — спросил Конан лишь для того, чтобы сменить тему: меньше всего ему хотелось бы сейчас пускаться в объяснения, вслух повторяя то, что успело пролететь в мозгу.

— Вполне.

Улыбка вольного жреца сделалась еще шире, и Конан отчего-то подумал, что товарищ его прекрасно понял все и без слов и даже в душе добродушно подсмеялся над ним, но варвар, вместо того чтобы рассердиться, лишь улыбнулся в ответ. Мэгил кивнул, давая понять, что понял и это, и согласен с молчаливыми ответом киммерийца.

— Хорошо, что Кром дал тебе мужское тело, — неожиданно изрек варвар и отвернулся, прикидывая, что лучше — отпереть дверь или войти через выбитое окно с другой стороны дома.

— Митра. — Жрец назидательно поднял вверх указательный палец.

— Что Митра? — не понял киммериец.

— Митра дал тело, — пояснил жрец. — И это действительно хорошо. Мне оно нравится. Но я не вполне понял тебя.

— Жена, угадывающая мысли мужа... — Конан покачал головой. — Мало кому такое придется по вкусу!

— Ах вот ты о чем! — Мэгил рассмеялся. — Но успокойся: я ведь говорил, что мне надо подготовиться. Я не могу быть таким постоянно.

— Так ты что, занимаешься колдовством? — Северянин подозрительно покосился на своего товарища.

— Ага! Ты не любишь колдунов! — Его спутник вновь рассмеялся.

— А кто их любит? — проворчал Конан, впрочем, вполне миролюбиво: как бы там ни было, а Мэгил ему нравился.

— И совершенно напрасно, — уже серьезно сказал Мэгил киммерийцу. — У тебя вот за спиной тяжелый двуручный меч. Скажи-ка мне по совести: сколько жизней можно им загубить, попади он в умелые руки? А можно и спасти немало людей, если владелец его решится встать на пути зла. — Он замолчал, испытующе глядя на варвара, но тот не торопился с ответом. — То-то и оно. Все зависит от рук, принявших оружие, и неважно, острая ли то сталь, что весомым аргументом покоится за спиной, или способы применения силы, невидимой невооруженным глазом.

— В том-то и дело, что невидимой. Когда ты видишь рукоять меча у меня за спиной, то знаешь, что я вооружен, а учитывая мою силу, которая так же видна каждому, любой поймет, что я опасен. Твое же оружие не видно никому, пока ты его не применишь.

Конан выглядел весьма довольным — нечасто он позволял себе роскошь говорить столь гладко, а главное, длинно.

— Ты прав и не прав, — усмехнулся его собеседник. — Сталь тоже можно спрятать под одеждой, ведь это совсем не обязательно тяжелый двуручный меч. Гораздо меньший по размерам кинжал убивает столь же верно! Впрочем, успокойся. Я не колдун. Просто я знаю несколько полезных приемов применения силы. Тот, что я использовал сейчас, обостряет чувствительность, но действует относительно недолго.

— Ну так поторопимся, — усмехнулся Конан. — Мы и так потратили достаточно времени на разговоры.

К его удивлению, Мэгил достал связку ключей и отпер дверь. Конан толкнул ее, и они вошли в прохладную темноту здания.

Памятуя о предыдущем посещении, киммериец захватил с собой фонарь и теперь, дождавшись, пока пламя его, казавшееся тусклым после яркого полуденного солнца, разгорится, они пошли вперед.

Свернув за угол, Мэгил остановился, пораженный. Слишком разительным оказался этот переход от нормального

вида пусть и нежилого коридора к тому разгрому, что предстал его глазам, стоило ему свернуть за угол. Правда, запах гари оба почувствовали, как только переступили через порог, но одно дело чувствовать носом, что что-то горело, а совсем другое — увидеть пожарище своими глазами.

Жрец изумленно присвистнул:

— Ого! Здесь что, прошла небольшая война?

— Можно сказать и так.

Киммериец двинулся вперед по выгоревшему коридору, и пепел скрипел у них под ногами, словно только что выпавший снег. Восковые фигуры, расставленные вдоль стен, расплавились от жара и застыли безобразными лужами. Оружие, развешанное по стенам, почернело от копоти.

Он прошел большую круглую комнату, послужившую им убежищем, а затем ловушкой для Незримого. Демон тем не менее умудрился выбраться из нее, но как он это сделал, Конану уже не узнать.

Они пошли дальше, но и здесь все выглядело не лучше. Лишь добравшись до большого шестигранного зала с единственным не закрытым ставнями окном, они остановились.

Свет свободно попадал внутрь. Здесь не было пожара, хотя и остались следы костра посреди зала, зато можно было явственней представить, что тут произошло.

Мебель оказалась разрушенной и изрубленной. Посреди валялось тучело воина с застрявшим в доспехах арбалетным болтом. Огромная решетка, закрывавшая окно, оказалась выбитой, да так, что вырвала несколько каменных блоков, в которых была укреплена.

— Обещай, что когда-нибудь расскажешь мне, что произошло здесь.

Мэгил почти просительно посмотрел на киммерийца, но тот ничего не ответил, лишь кивнул в ответ.

Они свернули еще раз и наконец оказались возле лестницы. Постепенно они приближались к цели своего путешествия. Опять стало темно, и единственным источником света вновь оказался фонарь. Конан спускался, оборот за оборотом сокращая расстояние до цели.

— Ну вот,— сказал он, остановившись на нижней площадке,— теперь только вперед.

Киммериец и сам не заметил, как оказался рядом с железной дверью. На полу валялся переломленный меч, а проем стены рядом с дверью оказался раскрошенным, и впечатление было таким, словно кто-то размолот в песок прочнейший кезанкийский гранит.

— Ого! — Жрец изумленно присвистнул.

— Когти твари были словно из стали,— мрачно пояснил северянин.

Жрец вопросительно посмотрел на него, но тот отмахнулся:

— Брось! Не делай вид, что Мелия не рассказала тебе все.

Мэгил вздохнул и хотел шагнуть в пролом, но внезапно насторожился:

— Там кто-то есть.

Он замер, словно прислушиваясь, а когда посмотрел на киммерийца то, к удивлению своему, увидел у того в руках огромный двуручный меч, о котором они говорили перед тем, как войти внутрь дома.

— Нет, нет,— поспешил он успокоить своего спутника,— меч тут не поможет. То, что прячется там,— он указал рукой в темноту пролома,— не имеет плоти.

— Кром! Опять призраки!

Конан досадливо крикнул и бросил меч в ножны.

— Нет, не то.— Мэгил наклонил голову и стал похож на удивленную птицу.— Он напуган и хочет спрятаться.

Конан пожал плечами:

— Ну и что ты собираешься делать?

— Подожди меня здесь. Я попытаюсь договориться с ним.

Он поставил лампу на пол и шагнул в пролом. Конан пожал плечами и облокотился на стену, пытаясь угадать, что там умудрился почувствовать его товарищ и как он собирается договориться с тем, кто лишен плоти.

Ждать пришлось недолго. Киммериец не успел еще и соскучиться, как в проломе появилась голова его спутника и, уставившись на Конана, привычно уже улыбнулась.

— Ну что, договорился со своим духом? — ухмыльнулся варвар.

— Договорился.— Голова кивнула, словно решив подтвердить сказанное.— Идем со мной.— Лицо нырнуло в густую тьму, но тут же вновь показалось наружу.— Кстати, ты его знаешь. Это Фабиан.

Он вновь пропал, оставив Конана стоять с открытым ртом. Вот те раз — Фабиан объявился, покойничек! Его давно похоронили, а он, оказывается, сидит здесь, спрятавшись от всех, и... боится!

Конан покачал головой, подхватил фонарь и полез в пролом. И тут же оказался лицом к лицу с Мэгилом.

— Я уж испугался, что ты передумал.

Конан ничего не ответил и пошел вперед. Пройдя вторую половину коридора, они оказались у задней стены, точно так же раскрошенной, как и простенок рядом с металлической дверью.

Здесь Конан остановился:

— Не знаю, стоит ли пытаться открыть тайник — стена вся развалена. Попытайся пролезть в пролом. Тайник за стеной, снаружи дома.

Его напарник спокойно подошел к пролому и, опершись руками о его края, заглянул внутрь.

— Дай-ка лампу.

Он посветил себе, и киммериец услышал, как он восторженно присвистнул и нырнул внутрь, но голова его тут же показалась из пролома.

— Ты не возражаешь, если я на время оставлю вас без света? Здесь есть на что посмотреть.

— Что значит — вас? — хмыкнул киммериец.

— Ну, тебя и Фабиана,— спокойно объяснил жрец.

Кром! Конан и думать о нем забыл.

— Я нет, а как он — не знаю.

Конан огляделся, но никого не увидел и пожал плечами.

Мэгил глянул куда-то за спину киммерийцу и удовлетворенно кивнул.

— Он тоже не против! — провозгласил он и пропал.

— Не стой за спиной,— проворчал Конан,— я этого не люблю.

— Ага! — донеслось из пролома.— Я вижу, что вы уже подружились.

— Кой пес подружились,— буркнул варвар.— Темно, как в заднице Нергала. Эй, Фабиан! Что молчишь? Я ведь зла тебе не сделал, сказал бы чего!

— Да не может он,— голова Мэгила вновь появилась в проеме,— нечем ему.

Вслед за головой он появился и весь. Целиком. Молча сунул в руку Конану фонарь и принялся вытаскивать из пролома мешок. Мешок никак не желал пролезать. Как видно, в тайнике оказалось слишком много ценных вещей, которые можно использовать. Жрец уперся ногой в стену и потянул, но с тем же успехом. Тогда он сменил тактику и начал раскачивать мешок в проломе, надеясь, что содержимое его само собой уляжется поудобнее, но и это оказалось тщетным.

— Жадность не доводит до добра,— глубокомысленно заметил киммериец.

— Чем зубоскалить,— пропыхтел жрец, полуобернувшись,— лучше бы помог.

— Ты бы развязал шнурок,— спокойно посоветовал Конан, даже не шевельнувшись.

Жрец, словно и не слыша его, продолжал тянуть, пока наконец не понял, что ничего из этого не выйдет. Тогда он выпрямился и, проямлив: «Возможно, ты и прав»,— развязал тесьму, вынул с десятков вещей, увязанных в пергаментные свертки, испещренные защитными заклинаниями, и спокойно вытянул изрядно похудевший кожаный мешок.

Конан, молча наблюдавший за ним, скептически ухмыльнулся:

— Много взял?

— Все.

Ответ был прост и незатейлив и не оставлял сомнений в сказанном. Закончив увязывать все обратно, Мэгил виновато посмотрел на спутника.

— Никогда наперед не узнаешь, что может пригодиться в жизни.

Конан иронично хмыкнул и пошел к выходу. Он первым вышел через пролом и подошел к лестнице, когда шагавший следом жрец удержал его за руку. Конан оглянулся, спрашивая взглядом: «В чем дело?»

— Фабиан говорит, наверху кто-то притаился. Кто-то ждет нас. Моя вина. Я должен был подумать заранее, что не мы одни захотим заглянуть в тайник.

— Ты здесь ни при чем,— ответил Конан тоже шепотом.— И тайник. Просто за мной следят.

— Это кто же? — участливо поинтересовался Мэгил.

— Понятия не имею.— Конан пожал плечами, но, поскольку мысли о неизвестном соглядатае не очень-то беспокоили его, думал о другом.— Здесь есть еще одна комната, та, где мы впервые увидели Незримого. Не хочешь посмотреть?

— Не-а, не хочу.— Мэгил помотал головой.— Скучный ты человек, Конан. Везде, где побывал, оставил после себя лишь голое пепелище. Ну что там можно увидеть? — Он ехидно осмотрел приятеля с ног до головы, словно впервые увидел его.— Варвар ты, Конан, одно слово!

Он покачал головой, поднял мешок, и они пошли дальше. Киммериец посмотрел ему вслед и ехидно ухмыльнулся: прихватил мешок барахла, о котором мечтал, но дотянуться не мог, а раздобыл лишь благодаря ему, и он же еще варвар! Кому другому он не простил бы подобное замечание, но на вольного жреца почему-то рассердиться даже в шутку не мог. Наоборот, он чувствовал, что этот человек нравится ему все больше.

Конан подхватил фонарь и быстро нагнал удалявшуюся в темноте фигуру. Они молча поднялись по лестнице, и не потому, что говорить было не о чем, просто темнота и неудобство ее, когда идущий сзади видел лишь ноги идущего впереди, не располагали к беседе.

Мэгил уже ступил на площадку первого этажа, когда Конан чутьем дикаря почувствовал неладное.

— Берегись!

Он в два гигантских прыжка преодолел оставшийся оборот лестницы, но было уже поздно. Откуда-то из тени шагнула тень с отведенной для удара рукой. Блеснуло длинное, узкое лезвие кинжала, а Мэгил не успел даже сбросить со спины свой дурацкий мешок, в который вцепился обеими руками.

Кром! Ну что за проклятый дом!

Рука киммерийца потянулась за мечом, но так и остановилась на полпути. Мэгил успел лишь повернуться к нападавшему. Руки его были по-прежнему заняты, и он не смог бы заблокировать удар. Единственным выходом было уклониться, но он даже не попытался сделать этого.

Конан видел, что опаздывает, что сумеет лишь отомстить убийце. То, что произошло дальше, заставило его оторопело остановиться. Быстро шагнув к черной фигуре, коротким быстрым движением Мэгил «клюнул» нападавшего и тотчас отошел назад. Тот замер на миг с отведенной для удара рукой, а в следующую секунду рухнул, словно подкошенный.

Киммериец склонился над лежащим — лицо незнакомое. Он пощупал шею и разогнулся — парень был мертв.

— Я уж думал, тебе конец.

Его товарищ ухмыльнулся:

— Матушка всегда говорила мне: сынок, кулаками не многого добьешься в жизни — больше работай головой! А за меня ты мог не волноваться. Я ведь говорил тебе, что принял кое-какие меры предосторожности и почувствовал опасность задолго до того, как ты затопал сапожниками по лестнице!

Конан сплюнул в сердцах. Он-то неся на выручку и видел, что все равно опаздывает, а этот выкормыш жреческий, оказывается, принял меры и вновь довольно бренчит, как погремушка с хвоста Сета!

— Врешь ты все, забодай тебя Нергал, как ты этого парня! — в сердцах воскликнул Конан. — Не было у тебя матери!

— Мать бывает у всякого, — назидательно заметил Мэгил. — Я, конечно, понимаю, что тебе хотелось поработать

мечом, но если бы я стал дожидаться твоей помощи, то валялся бы сейчас на месте этого парня. — Он посмотрел на труп и забрал из его руки кинжал, а порывшись у того за пазухой, и ножны к нему. — Ему он больше не понадобится, — пояснил он Конану и вернулся к прежней мысли: — Так что злишься ты напрасно.

Сказав это, он повернулся и пошел дальше. Конан пожал плечами. Что он в самом деле взъелся на Мэгила? Он пошел следом и, когда нагнал жреца, понял, в чем дело: он впервые увидел того, кто таскался за ним по улицам, но так и не сумел узнать, кто это. Значит, опять он остается в неведении, но тут уж ничего не поделаешь. Не ждать же в самом деле было Мэгилу, пока ему воткнут клинок под ребра, ради того, чтобы Конан смог допросить незнакомца!

На душе у киммерийца сразу полегчало, и прежнее беззаботное настроение вернулось к нему.

— Ну и как, помогли тебе наставления матери? — участливо поинтересовался он.

— Ты разве не видел? — скромно потупился жрец.

— Да уж, — Конан усмехнулся, — результат сногсшибательный. Ладно, задержались мы здесь, я что-то проголодался. — Они уже вышли из дома, и Конан потушил фонарь. — Пора нам перекусить.

— Я не голоден.

— Зато я готов слопать быка, — возразил киммериец, который после потасовки всегда испытывал жажду и голод. Правда, сейчас подраться ему не удалось, но труп-то был!

— У меня нет денег, — напрямую заявил его спутник и отвернулся: ему было до смерти неловко признаваться, что последние несколько дней он на мели.

— Я думал, Аниэла снабжает тебя не только работой, но и деньгами... — искренне удивился северянин.

— Так-то оно так, — помялся жрец, — но долги! — Он вздохнул. — Сам понимаешь. — Он забавно развел руками.

— А как же совет твоей матушки? — не удержавшись, ехидно заметил Конан.

— Что ты имеешь в виду? — насупился Мэгил.

— Ты не пробовал применять голову как-то иначе? — спросил киммериец и с интересом воззрился на приятеля.

Мэгил печально вздохнул:

— Увы, это не принесло мне богатства.

Конан удовлетворенно хмыкнул. Они перебросились еще парой фраз на эту тему, потом вернулись к событиям, происшедшим в доме, и так за разговором не заметили, как оказались возле духана Кирима.

— Есть у тебя деньги или нет, — сказал варвар, открывая дверь, — но к Кириму мы зайдем непременно.

— Сделай это один, Конан. — Жрец сделал удивленно-встревоженное лицо, словно на ум ему внезапно пришла неожиданная мысль. — Я вспомнил о кое-каких делах, оставшихся со вчерашнего дня. Встретимся в доме Аниэлы.

— Подожди. — Киммериец схватил приятеля за руку, прекрасно понимая, что за дела возникли у него. — Меня здесь ждут двое приятелей, и я хочу, чтобы ты послушал, что они скажут.

Жрец пожал плечами и нехотя позволил втащить себя в духан. Как обычно, в самую жару посетителей здесь было мало. Киммериец повел приятеля в угол, к креслу, занимаемому обыкновенно Тушкой, которое теперь пустовало.

— Эй, Кирим! Не делай вид, что не видел, как я пришел!

Мэгил удивленно посмотрел на молодого варвара. Из-за занавеса появился толстяк и с хитрой улыбкой на плутоватом лице подошел к ним.

— Где Тушка? — первым делом осведомился северянин.

— Они с Зулом спят наверху, — ответил духанщик и зевнул.

— Это мои приятели, — пояснил Конан.

— Они что, немедийцы? — простодушно поинтересовался жрец.

— Кто немедийцы?! — взорвался Конан. — Клянусь Белом, следующего, кто заикнется об этом проклятом Деркэ-то народе, я прямоком отправлю в пасть Нергалу!

Он обвел грозным взглядом немногочисленных посетителей, и каждый, на ком останавливался его пылающий

гневом взор, кивал, молчаливо соглашаясь, что да, мол, поганый, извращенный народишко и не след вспоминать об их неприличных пристрастиях здесь, среди людей, способных по достоинству оценить женскую красоту, не говоря уж о прочих прелестях.

— Хорошо, хорошо! — поспешил успокоить приятеля Мэгил.

Он успел поймать мимолетную улыбку, промелькнувшую на хитром лице духанщика, мгновенно погашенную грозным взором киммерийца, и хотя не понял их немой игры, решил, что не стоит понапрасну упоминать о том, что неприятно его новому товарищу.

— Кром! — Конан немного успокоился, хотя взгляд его все еще оставался суров. — Чего это они дрыхнут днем?

Он вопросительно воззрился на духанщика. Тот пожал плечами:

— Всю ночь они пили, теперь отсыпаются.

По опыту Кирим знал, что на вопросы киммерийца следует отвечать четко и кратко, во всяком случае, когда тот не в духе.

— Надеюсь, что-то осталось и мне?

— Конечно, господин! — тотчас оживился Кирим, и Мэгил понял, что эта тема интересовала почтенного хозяина гораздо больше. — Они велели разбудить их, как только ты появишься.

— Так что ты болтаешься у меня перед глазами, как ослиный хвост? — Глаза варвара грозно сверкнули. — Марш наверх.

— За ними уже послали. — Лицо Кирима скрылось под привычной маской доброжелательной угодливости. Услышав за спиной поскрипывание несмазанной петли, он обернулся к двери, ведущей на верхний этаж. — Вот они.

Скрывавшие дверь занавеси в левом углу зала раздвинулись и, зевая и потягиваясь, вошли двое.

— Мы слышали твой голос, Конан, и поняли, что пора спускаться.

Говорил огромный бритый наголо негр, одетый лишь в короткие, выше колен, коричневой замши штаны. Больше

на нем из одежды не было ничего. Зато сзади у пояса висела внушительных размеров секира.

Мэгил повернулся в сторону говорившего, и глаза его невольно округлились от удивления. Могучий, быть может, не уступавший в силе Конану, негр выглядел невероятно живописно, но рядом со своим спутником, при взгляде на которого жрец сразу понял, кого из двоих зовут Тушкой, терялся. Такого же роста, как и Зул, тот был, что называется, поперек себя шире.

Мэгил оторопело смотрел, как приближалась облаченная в синие шелковые шаровары, заправленные в невысокие сапоги, фигура, и не мог вымолвить ни слова. Впрочем, улыбка незнакомца, несмотря на раскосые глаза и невиданную доселе жрецом прическу, состоявшую из тугим узлом затянутой на затылке копны смоляных волос, была приятной и вызывала расположение. Тушка сел в кресло, жалобно скрипнувшее под ним.

— Это Мэгил. — Конан по-приятельски похлопал жреца по спине. — Ну а как звать моих друзей, ты уже слышал, — сказал он сидевшему рядом бывшему служителю Митры.

Все трое улыбнулись друг другу. Кирим по-прежнему стоял рядом и ждал. Конан обернулся к Мэгилю:

— Так ты все еще отказываешься?

Тот отрицательно мотнул головой, и киммериец пожал плечами, показывая, что больше настаивать не намерен.

— Ну, а тебя я не спрашиваю, — сказал он убежденно, но все-таки вопросительно посмотрел на Тушку.

Тот широко улыбнулся:

— Ты ведь знаешь, что постоянное чувство голода — естественное состояние моего тела, а уж после сегодняшней ночи, когда мы с Зулом только пили, я голоден...

Он поморщился, подыскивая подходящее слово, и Зул решил прийти ему на помощь:

— Как волк?

Мэгил посмотрел на негра голодными глазами. Тот ждал ответа приятеля, но Тушка отрицательно помотал головой.

— Как волчья стая!

Жрец проглотил слюну, готовясь терпеть пытку голодом, сидя за столом, заваленным снедью.

— Тушка прав, — Зул кивнул Конану, — я вполне разделяю его чувство, хотя ты знаешь мою умеренность.

Конан расхохотался. Он прекрасно знал об «умеренности» дружка, ничуть, впрочем, не уступавшей его собственной, и повернулся к духанщику.

— Ты все слышал?

Тот расплылся в улыбке, ибо под сердцем у него сладко засосало, когда он попробовал прикинуть, сколько принесет ему этот обед.

— Для Конана у старого Кирима всегда найдется все необходимое, но вот сегодня могут возникнуть трудности.

Киммериец нахмурился:

— Уж не собираешься ли оставить нас голодными?

— Наоборот, — улыбка духанщика стала еще шире, — трудность в выборе. Ты ведь знаешь, я не беру товар на рынке — у меня свой поставщик. Накануне вечером пришли две подводы, и я изрядно пополнил свои запасы.

— Говори!

— Перепела и рябчики, — начал перечислять Кирим, — жирные голуби, несколько нежных поросят дожидаются своего часа в леднике...

Мэгил закрыл глаза, изо всех сил пытаясь казаться равнодушным, а духанщик продолжал:

— Есть оленина и свежая баранина, копченая свинина просто тает во рту, — он аппетитно причмокнул, и, к ужасу своему, Мэгил ощутил на языке божественный вкус нежнейшей ветчины и едва не застонал, — петушиные грешки, моченые в белом вине, и перепелиные яйца...

— Хватит! — отрезал Конан, чувствуя, как рот стремительно наполняется слюной. — Сегодня я плачу за всех! Значит, так...

Жрец резко открыл глаза.

— Почему ты сразу не сказал?

— А что? — Киммериец с интересом посмотрел на приятеля.

— Это сильно меняет дело,— молвил тот и скромно опустил глаза к столу, чувствуя, как уши его стремительно наливаются кровью, становясь похожими на злосчастные гребешки упомянутых хозяином петухов-неудачников. В это мгновение он впервые пожалел, что не обладает роскошной шевелюрой молодого северянина.

Проклятый негр раскатисто расхохотался, и это было обидно. Мэгил попытался скрасить испорченное впечатление, обрести утраченное достоинство.

— Почтенный хозяин так живописал предполагаемую трапезу, что мне тоже невольно захотелось съесть что-нибудь.— Он наивными глазами посмотрел на Конана и, как ни в чем не бывало, добавил: — Просто чтобы поддержать компанию. Скажем, бокал вина и немного фруктов.

— Вина и фруктов,— повторил Конан Кириму.— По правде говоря, в глотке и у меня пересохло.— Он задумался.— Поросятка мы бы съели.

— Поросятка нужно готовить,— возразил Кирим.

— Что есть прямо сейчас? — спросил Зул, которому тоже уже не терпелось.

— Десяток гусей жарится и будет готов совсем скоро,— ответил Кирим, чуть подумав.

— Гусятины я бы, пожалуй, поел...— задумчиво произнес Мэгил и добавил поспешно, поймав на себе ехидный взгляд северянина: — За компанию.

— Прости, Конан, но гусям еще нужно чуток дойти,— духанщик поморщился и виновато посмотрел на киммерийца,— самую малость.

— Кром! Ты что, издеваешься?! — взревел варвар.

— Совсем немного! — принялся оправдываться Кирим и тут же обрадованно закричал: — Зато баран совсем готов!

— Ага! — Конан мгновенно утихомирился.— Баранья нога — это совсем неплохо.

— Баранья нога...— мечтательно повторил Мэгил, и Конан мгновенно повернулся к нему.

— За компанию? — спросил он просто и бесхитростно, хотя в глазах притаился озорной огонек.

Тот все так же задумчиво кивнул, и Зул с Тушкой грохнули со смеху, а Конан кивнул Кириму:

— Ты все понял? Поторапливайся!

Духанщик развернулся и пошел на кухню, и тут Мэгил словно проснулся:

— Гребешков в вине принеси и копчености не забудь — их ведь не надо готовить!

Конан загоготал вместе с остальными, а Мэгил лишь посмотрел на него и пожал плечами — мол, чего уж там!

Вино и фрукты появились мгновенно, почти одновременно с мясом. Конан первым делом влил в себя объемистый кубок пуантенского, удовлетворенно крикнул и потянулся за куском ветчины.

— Ну, что молчите? — спросил он, когда увидел, что приятелям его понадобилась передышка перед очередным возлиянием.

— Плохо дело.— Тушка вернул на стол бокал, из которого только что собирался отпить.

— Что так? — Киммериец насторожился.

— Мы думали, что наш противник Хараг,— ответил за приятеля Зул,— но оказалось, что это не так.

Мэгил насторожился, а киммериец лишь пожал плечами:

— Клянусь ядовитыми клыками Затха, ты что-то напутал, приятель. Я видел ублюдка собственными глазами.

— Я не то имел в виду.— Негр помотал головой.— Мы думали, что Хараг действует один, но оказалось, что их двое.

— Что, два Харага? — невесело пошутил Конан.

— Перестань дурить.— Тушка отложил баранью ногу, над которой самоотверженно трудился, и серьезно посмотрел на киммерийца.— Рамсис здесь.

Тушка посмотрел другу в глаза и услышал, как сдавленно вздохнул сидевший рядом Мэгил.

— Это серьезно,— выдавил из себя жрец.

— А мы не знали! — огрызнулся северянин.

— Так вот,— Зул наклонился через стол к самому лицу киммерийца,— дело в том, что эти два мерзавца сговорились действовать сообща и на сегодняшнюю ночь задумали

нечто такое...— Он помялся.— В общем, стражник сказал, что к завтрашнему утру настанет конец и тебе, и Мелии.

— Ее надо увезти из Шадизара! — не выдержал Мэгил.

— Кром! — Конан ударил кулаком по столу, и многочисленные блюда, чаши, кубки и кувшины, стоявшие на нем, испуганно подпрыгнули.— Свежая мысль! Вот ты и скажи им об этом,— Конан залпом опрокинул в рот остатки вина и вытер губы тыльной стороной ладони,— а я уже устал от подозрений ее папаши!

— Но ведь ты говорил, что отдал Талисман, так чего им нужно от девушки? — Отставной жрец непонимающе взглянул на своего молодого друга.

— Ты меня об этом спрашиваешь? — Киммериец невольно усмехнулся.— Помнится мне, Аниэла говорила, будто некий жрец вернется из дальней поездки, и тогда прояснится все.— Он запустил руку в спутанную шевелюру.— Проклятье! Забыл его имя!

— Понимаешь,— Мэгил по примеру приятеля задумчиво поскреб лохматую голову,— если бы речь шла о Зите, все было бы понятно, но ума не приложу, как Мелия может заменить сестру.

— Значит, может! — отрезал северянин.

— Похоже на то.— Мэгил задумчиво покрутил губу.— Быть может, Фабиан сумеет что-то прояснить, ведь он был там.— И тут же засуетился.— Что ж я сижу? Время дорого. К тому же я кое-что обещал ему.— Он с жалостью посмотрел на недоеденный кусок: не подозревая, что уйдет так скоро, он старался держаться скромнее и ел мало.— Жаль только, что не удалось составить вам компанию.

— А ты возьми с собой,— посоветовал Зул,— и каждый глоток будет напоминать тебе, что мы незримо рядом.

Близился вечер, когда вернувшийся Мэгил застал троих друзей на прежнем месте за мирно текущей беседой. Вернулся он не один. На руке его, одетой в перчатку, гордо восседал сокол.

Жрец сел на покинутое, как ему показалось, вечность назад место и принялся за еду, словно снятый с потерпевшего крушение судна моряк, без еды дней десять пробол-

тавшийся в море. Сокол вспорхнул с его руки и, провожаемый удивленными взглядами приятелей, уселся на спинке кресла за спиной Тушки.

— Что за птица? — поинтересовался Конан.

— Долго рассказывать.

Мэгил неопределенно махнул рукой и вновь принялся за еду. Наконец он насытился и виновато посмотрел на Конана.

— Ты не поверишь, но эта птица,— он кивнул на мирно сидевшего за спиной Акаямы сокола,— сожрала баранью ногу, которую я взял для себя.

— Учитывая аппетит хозяина, несложно предположить, как могло изголодаться его бедное животное,— спокойно заметил Зул.

— Не называй его животным.

Конан нахмурился:

— Быть может, ты все-таки объяснишь, откуда он взялся?

Но Мэгил вновь отмахнулся:

— После. Есть более важный разговор.

— После так после,— проворчал киммериец, лишь мимолетно глянув на прожорливого сокола.

Тот внимательно смотрел на каждого говорившего, и северянин не мог отделаться от впечатления, что птица понимает их разговор. Это было непонятно, непривычно и неправдоподобно, но следующая фраза Мэгила отвлекла его от этих мыслей.

— Душа Зиты оказалась запертой в камне вместе с Незримым,— заговорил наконец Мэгил.

— Что это меняет? — хмуро поинтересовался варвар.

— Все.— Жрец убежденно кивнул.— Душа может покинуть тело, может вселиться в него вновь, и не обязательно в свое. Улавливаешь?

Конан мрачно кивнул:

— Ты хочешь сказать?..

Зул сжал челюсти. Его мало касались дела какой-то аристократки. Лишь то, что она дорога Конану, заставляло его участвовать в них, но услышанное сейчас меняло все. У

себя на родине он повидал людей, лишенных душ, и одним из них стал его брат... После этого Зул ушел на север, где, как он слышал, нет черного колдовства, но оказалось, что и здесь не избавился от этого кошмара.

— Да.— Жрец кивнул.— Они выкрадут девушку, посадят в нее душу сестры, и тогда уже ничто не помешает Памеле окончательно овладеть душой девушки и новым телом, и пророчество сбудется. После этого ее принесут в жертву Затху, время еще есть.

Конан поморщился:

— Как-то все это сложно и глупо.

— Что тебе кажется сложным? — не понял жрец.

— Кром! Да разве ты сам не видишь, что цепь превращений растянулась до бесконечности?

Жрец запустил пальцы во всклокоченные волосы и поморщился.

— Давай вернемся к началу.— Он дождался кивка Конана и продолжил: — Жрецы собирались оживить своего бога-паука, но для этого им нужна была сила Памелы. Однако отступница отказалась, и тогда, не желая искушать судьбу, ее сожгли на костре. Пламя уже лизало тело колдуньи, когда она изрекла пророчество, пригрозив воплотиться в одном из своих потомков через десять веков.

— Постой-ка! — остановил его киммериец.— Я сам слышал это пророчество из уст Зиты. Она говорила о рождении девочки, которая силой своей затмит знаменитую бабу!

— Да,— Мэгил кивнул,— это были последние слова Памелы, но я читал ее дневники, сохранившиеся в семейном архиве. Оказывается, колдунья предвидела для себя возможность трагического исхода, и со смертью тела душа ее не отлетела на Серые Равнины, а стала незримым хранителем семьи.

— Что-то я не заметил, чтобы в ту ночь нас кто-то охранял! — Конан невесело усмехнулся.— Скорее уж наоборот.

Жрец кивнул:

— Все верно. Она и не могла помочь вам ничем. Она уже была *внутри* Зиты.

Конан недоверчиво посмотрел на Мэгила, но жрец видел, что сомнения уже борются в нем с недоверием. Тушка и Зул молча слушали их разговор, предпочитая не вмешиваться, наблюдая, чтобы ничто из сказанного не достигло нескромных ушей, время от времени то наливаясь вином, то принимаясь за еду.

Конан вспоминал. Обе девушки понравились ему тогда, но Мелия безоговорочно, а в отношении Зиты что-то постоянно настораживало. Тогда он решил, что это его всегдашнее предубеждение против людей, владеющих колдовством, но теперь он думал, что если сказанное Мэгилом правда,— а судя по всему, так оно и было — то причина иная.

Он припомнил мысли, которые в ту ночь, очарованный красотой сестер, гнал от себя прочь. Он вспомнил, в частности, как не понравилось ему то, что Зита скрыла от Фабиана грозящую ему опасность. Трудно было предположить, что она не знала того, что знал безымянный жрец, направивший его самого в дом. По сути она хладнокровно приговорила своего воздыхателя к смерти.

Киммериец мрачно уставился на Мэгила:

— Ты уверен в том, что говоришь?

Тот кивнул:

— Я разговаривал с Мелией. Она не очень-то хотела говорить об этом, но потом сказала, что и ее неприятно удивили странные перепады в настроении сестры, которые начали случаться с ней после первого посещения дома, примерно луну назад. Прежде ласковая, эта по-детски наивная почти еще девочка вдруг начала временами проявлять жесткость в высказываниях и поступках, а временами и просто жестокость. Это тревожило Мелию, но вслед за этим Зита становилась прежней, и девушка все приписывала раннему взрослению сестры.

Конан поднял руку:

— Хватит. Я уже верю.— Он на миг задумался.— Значит, ты думаешь, что воплощение уже произошло?

— Нет. Это не так быстро, но вот в том, что душа Памелы слилась с душой Зиты и стала с ней неразделима, у меня сомнений нет. Все началось медленно и потихонь-

ку, но время шло, и процесс стремительно ускорялся. Я думаю, к полнолунию все должно завершиться. Не зря жрецы Затха назначили именно этот срок. К перевоплощенной Памеле вернутся все ее силы, но она еще не успеет полностью овладеть ни ими, ни новым телом, для того чтобы отстоять и защитить себя. — Он обвел внимательным взглядом присутствующих и остановился на Конане. — Теперь ты понимаешь, что они собрались сейчас проделать без ее согласия то, что им не удалось сделать прежде?!

Киммериец кивнул и налил вина себе и жрецу.

— Ополосни горло.

Тот благодарно припал губами к ледяной влаге, не сводя при этом глаз с киммерийца, который жадными глотками осушил свой кубок.

— Талисман ведь у них, — сказал киммериец, — что мешает им освободить находящуюся внутри душу? — Он вопросительно посмотрел на жреца, и тот утвердительно кивнул. — Ну и принесли бы ее в жертву.

Мэгил недовольно поморщился:

— Ты понимаешь, все жертвенные обряды созданы в расчете на принесение в жертву человека, а человек — это тело и душа, слитые воедино. Человек, приносимый в жертву, лишается жизни, которую забирает бог, таким образом овладевающий душой жертвы. Умерщвляют его, как правило, медленно и мучительно, чтобы богу легче было забрать жизнь, высосав ее по капле, а ослепленному болью человеку труднее воспротивиться этому.

Зул покачал огромной бритой головой. Киммериец налил себе еще вина и залпом выпил его.

— Клянусь рогами Нергала, знай я об этом вчера, Хараг не ушел бы от меня живым!

Мэгил тоже выпил, и вид у него был не менее мрачным, чем у молодого варвара.

— Я думаю, Зиту убивали бы очень медленно и очень болезненно.

Конан подумал, что если Мэгил прав и этим отродьям Затха удастся выкрасть девушку, то все предназначавшееся

Зите они обрушат на Мелию. Ее божественное тело, которое он ласкал, тело, дарившее ему свою любовь и нежность, каких ему вовек не забыть, станут извращенно, со знанием дела убивать, обрушив на него океан боли.

Непроизвольно он сжал кубок, и тонкая бронза, хрустнув, проломилась. Острые края излома впились в руку, и только тогда Конан очнулся, отогнав страшное видение корчившейся в невыносимых муках девушки.

— Дерьмо!

Он отбросил обломки в сторону.

— Успокойся, Конан!

Видя, что киммериец собирается броситься прочь, бежать неведомо куда, Мэгил схватил его за руку:

— Прошлого не воротить, но грядущее зависит от настоящего, которое творим мы своими поступками! Успокойся! Нельзя действовать необдуманно, ибо ошибка непоправима!

— Он прав, — Тушка потрепал друга по плечу, — согласись, пока ведь все идет нормально, а понадобится, так пойдем и передадим этот клоповник! Как его — Йезуд?

Молодой варвар начал успокаиваться.

Кирим, ни слова не говоря, принес новый кубок и собственноручно наполнил его. Конан выпил и, казалось, окончательно успокоился.

— Хорошо, ты меня убедил. Им нужно тело, в которое можно вселить душу, но зачем такие сложности? Взяли бы любую рабыню. Быстро и никаких хлопот.

Мэгил прожевал кусок и запил вином. Довольный тем, что удалось успокоить вспыльчивого киммерийца, он не спешил с ответом, давая ему дополнительное время успокоиться.

— Не все так просто. — Он сыто вздохнул. — Многие думают, что колдовством можно легко добиться чего угодно. На самом деле все гораздо сложнее.

— Кром! — воскликнул киммериец, однако на этот раз вполне миролюбиво. — Да ведь ты недавно говорил совсем иначе!

— Да, — кивнул жрец, — вселить можно любую душу в любое тело, но не удержать в нем против воли! — Он на-

зидательно поднял указательный палец. — Не забывай о том, что душа несет в себе отпечаток, как бы образ тела, и если новое тело — это тело сестры, настолько похожее на твое, что ты, очутившись в нем, не замечаешь разницы, то ты не заподозришь подвоха, а значит, у тебя и не возникнет желания покинуть его.

— Да разве душа Зиты не помнит, что с ней произошло, и не знает, что тело ее безвозвратно умерло и предано огню? — возразил северянин.

— Боюсь, что так, — вздохнул жрец.

— Не понимаю, — пожал плечами варвар.

— Тут все несколько сложнее. — Он вновь принялся тереть себя за губу, как делал обычно, когда не мог с ходу найти подходящий ответ. — Душа Зиты, соединившаяся с душой Памелы, скована силой Талисмана, и где-то там в таком же состоянии находится Незримый. Они как бы отрезаны от внешнего мира и погружены в сон, — он поморщился, словно сказанное не вполне соответствовало его мысли, — они как бы умерли на время, их души вмерозены в Талисман — не знаю, как сказать точнее. Но могу тебя уверить, что Зита не знает о том, что происходит в мире, равно как и Незримый.

— Ну хорошо, а дальше?

— Извлеченная из Талисмана душа сразу окажется в теле Мелии. Жрецы позаботятся о том, чтобы все прошло гладко, а для этого нужно освободить тело Мелии от ее собственного Я непосредственно перед вселением в него нового хозяина. — Он вздохнул. — Я думаю, что обряд будет длительным и болезненным, ведь если не удастся подавить волю Мелии страхом, все может сорваться.

— Хорошо, но ты не ответил на мой вопрос.

Мэгил вновь потерел себя за губу:

— Я представляю это так. Когда жрецы освободят душу Зиты, она некоторое время будет не способна трезво оценить ситуацию.

— Как так? — не понял Конан.

— Она очнется, словно от глубокого сна, понимаешь? Так возвращаются из страшного мира, навеянного чарами

черного лотоса. Ей понадобится какое-то время, чтобы окончательно сбросить дурман и понять, что происходит.

— Сколько на это потребуется времени?

— Не знаю, — Мэгил пожал плечами, — но это и не важно.

— Что ты имеешь в виду?

— Жрецы Затха тоже знают об этом и наверняка примут меры для того, чтобы не выпустить ее из этого состояния. Одурманенная душа Зиты вселится в тело Мелии. Она будет живой, но как бы полупьяной. Возможно, непосредственно перед тем, как принести в жертву, ей вернут ясность мысли, но не раньше, чем в последний миг, когда спастись уже не будет возможности.

Он замолчал. Молчал и Конан. То, что он услышал, сильно не нравилось ему. Получалось так, что если теперь они потерпят неудачу, то он не просто потеряет любимую женщину. Мир получит ожившего бога-паука! Останется плюнуть на все и отправиться в место, неподвластное ему... Если такое отыщется!

— Значит, если мы позволим выкрасть Мелию...

Он посмотрел в глаза вольного жреца, не зная, как договорить то, что хотел сказать, то, что чувствовал в глубине своей дикой души и что не мог выразить словами. Перед глазами его маячил призрак грядущего конца света, перед которым Большая Катастрофа, о которой он что-то слышал вскользь, покажется блаженным отдыхом от воцарившегося кошмара!

Конан не сказал этого, не знал, как сказать, но Мэгил прочел невысказанное в глазах киммерийца.

— Я не знаю, что ответить тебе, северянин. Никто не ведает, что ждет нас, пожалуй, кроме жрецов Затха. Я знаю лишь, что они надеются оживить своего бога-паука. Не спрашивай, возможно ли это, но раз они не расстались с этой идеей за десять пролетевших веков, значит, надежды их не беспочвенны, и о том, что будет, если их план удастся, я предпочитаю не думать.

Вновь воцарилось мрачное молчание. Киммериец посмотрел на Зула, на Тушку.

— Что скажешь, Акайма?

Он нечасто обращался к приятелю по имени, и сейчас был один из тех редких случаев.

— В моем мире поклоняются дракону. Дракон силен и мудр. Он может быть благороден, может быть коварен. Дракон способен на все! Но паук лишь пьет кровь. От бога-паука я не ожидаю ничего хорошего!

— Ты что скажешь, Зул?

— В моих краях поклоняются многим богам, и кое-кто из них будет похлеще паука! — Он равнодушно пожал плечами. — Я отношусь к этому спокойно, потому что у нас божки, не боги. Каждый из них имеет силу в лесу, в озере, на болоте — там, где живет племя, поклоняющееся ему, приносящее ему жертвы. Они не имеют силы на чужой территории. Здесь все иначе, и я согласен с Акаямой. — Он помолчал, и глаза его грозно сверкнули. — Я еще скажу. Моего брата лишили души... Можешь рассчитывать на меня.

Жрец же думал о своем:

— Плохо, что их двое, каждый силен и действуют они сообща.

— Вот это новость, клянусь Белом! А мы-то этого и не знали!

— Не злись, Конан. Я просто пытаюсь размышлять.

Мэгил примирительно взял его за руку. Киммериец посмотрел в глаза Акаяме и тот кивнул.

— Ладно, хоть кто-то что-то пытается сделать! — Он бросил в рот финик и замер, словно пораженный внезапной догадкой. — Слушай, — обратился он к жрецу, — может, это и не так плохо, что их двое?

— Что ты имеешь в виду? — не понял его Мэгил.

— А ведь он прав, — кивнул Зул, соглашаясь с невысказанной другом мыслью.

— Клянусь ядовитыми клыками Сета, мы стравим этих ублюдков!

— Верно! — обрадовался Мэгил. — Каждый выигранный день может оказаться решающим! Вот только как это сделать?! — Жрец с надеждой посмотрел на Конана и протянул ему финик. — На-ка съешь, может, еще чего придумаешь.

Конан принялся задумчиво жевать, и внезапно его разорвал смех. Он начал смеяться и, подавившись, закашлялся. Зул хлопнул его по спине, и косточка, вылетев, угодила прямо в горшок для костей, стоявший в углу. В горшок для сливовых косточек. Киммериец вспомнил Лисенка, и его разобрала злость, но он подавил ее.

Он выпил вина, протянутого Зулом, и, вытерев слезящиеся глаза, обернулся к Мэгилю:

— Не могу есть ничего, кроме мяса — сам видишь. — Он еще раз глотнул из кубка. — Помнишь, ты предложил увести Мелию?

Жрец кивнул:

— Это было бы лучшим выходом.

— Верно, — подтвердил киммериец, — но они и слушать об этом не захотели. Утром я предложил им сделать вид, что Мелия уехала, и они согласились.

— Совсем неплохо, — кивнул Тушка. — Погоня за несуществующей беглянкой может отнять у них несколько дней.

— Нет, — Конан махнул рукой. — Про это можно забыть.

— Почему? — удивился Зул. — Идея совсем неплоха.

— Предлагая это, я забыл о том, что в доме есть предатель, и, клянусь Белом, теперь об этой идее можно забыть!

— Да, — покачал головой Мэгил, — как говорят немедици — это не ест корошо. Кто же это?

— Не знаю. — Конан равнодушно пожал плечами и глотнул вина — в горле все еще першило. — Это может быть Сурия — ее купили недавно.

— Вряд ли, — поморщился жрец. — Слишком хитер должен был оказаться Хараг, чтобы загодя подослать в дом шпионку, да еще таким сложным способом.

— Верно. — Киммериец кивнул. — Проще подкупить или запугать кого-то из домашних. В одном я уверен — этот человек не пришел вместе с Тефилусом.

— Откуда ты знаешь? А ты уверен, что предатель вообще есть? — одновременно спросили Зул и Тушка.

Конан кивнул и бросил на стол смятую бумажку.

— Что это?

Все трое склонились над листком.

— План дома с кладовками, погребам, стенными шкафами — всем тем, о чем могут знать только свои.

— М-да,— Мэгил запустил пятерню в шевелюру,— и где это нашлось?

— В кармане жреца, которого я захватил в первую ночь.

— Плохо дело.— Мэгил помрачнел.— Это значит, что если в доме будет идти какая-то подготовка, то Хараг с Рамсисом тут же узнают об этом?

— Не забывай, что кто-то должен будет покинуть дом и сообщить им.

— Все равно тайну долго не сохранить.

Киммериец пожал плечами:

— Это верно.

— Что ты предлагаешь?

— Вы все подготовите,— он посмотрел на друзей,— и когда мы отобьем ночное нападение, Зул на карете подъедет к воротам и я вынесу связанную Сурию. Вы проедете мимо храма Затха и поддержите ее в укромном месте, пока все не утихнет.

— Вы сумеете отбиться? — с беспокойством посмотрел на приятеля Акаяма.— Судя по тому, что сказал копейщик, они приготовили нечто серьезное.

— Сумеем! — Ночной бой мало волновал киммерийца, но он опять вспомнил разбитое лицо мальчика и сжал кулаки.— Но придется почтенному Тефилусу братья за дело! Пусть поднимает свою сотню и ставит хоть по человеку у каждого окна!

— А ты уверен, что девушка согласится? — гнул свое Мэгил.

— Кром! Никто не собирается спрашивать ее об этом. Кстати, вам придется держать ее взаперти, на случай, если предавала она.— Северянин нацелился пальцем в Акаяму.— Подумай об этом.

— Будет ли прок? — с сомнением покачал головой Зул.— Как жрецы узнают о нашей шутке?

— Об этом не беспокойся,— усмехнулся Конан,— за домом следят. Кстати, если доносительница — Сурия, мы избавимся от шпионки.

— А если нет,— тут же возразил Тушка,— паучьи прихвостни утром узнают, что Мелия никуда не пропала, и проку от всей затеи не будет никакого.

— Я спрячу ее,— успокоил друга киммериец.— За домом есть флигель, в котором я обосновался. Укрою ее там.

— Со вкусом придумано,— ехидно ухмыльнулся Мэгил.— Кажется, это называется сочетать приятное с полезным?

Глава седьмая

Эта была та же просторная комната, в которой Конан утром познакомился с Мэгилом, и в ней находились те же люди.

В кресле у входа с мрачным лицом, которое выражало твердую решимость держать себя в руках, что бы ни произошло, сидел Тефилус. «Похоже, дочь умеет справляться со своим отцом», — усмехнувшись, подумал Конан. Справа от него, возле двери, стоял Брун. Четверо самых верных его людей остались в коридоре, готовые по первому зову ворваться внутрь, но в комнате были только свои. Свои и Конан с Мэгилом, да Брун — люди, которым доверяли безоговорочно.

Жрец стоял у камина и говорил. Говорил долго, подробно рассказывая все то, что Конан давно знал и без него, то, что киммериец узнал от него только сегодня, то, что сам узнал от северянина и, наконец, то, что поведала ему душа Фабиана, которая нашла себе пристанище в теле ручного сокола Мэгила, сидевшего тут же, на спинке кресла.

Сокол по очереди посматривал на каждого, подолгу задерживая взгляд на Мелии и Конане — тех, кто был рядом с ним в ту страшную ночь, словно напоминая о какой-то общей, лишь им троим ведомой тайне, невольно связывающей воедино их судьбы.

Мэгил все говорил, и по мере того как излагаемые им факты дополняли картину происходящего, окрашивая ее во

все более мрачные тона, лицо Главного Королевского Дознателя становилось хмурым.

Несмотря на свою привычку не верить никому, он понимал, что сейчас слышит правду. Дикую и выходящую за рамки разумного историю о том, что случилось на самом деле много веков назад и что имело страшное продолжение совсем недавно, унеся жизнь его младшей дочери, но не закончилось, а ожидало достойного финала с жертвоприношением старшей.

Он сам удивлялся своей непонятной доверчивости, но ничего не мог поделать с собой — он верил всему сказанному здесь и понимал, что сам не сумеет справиться с нависшей угрозой. Впервые в жизни ему стало страшно не за себя, а за дочь, которую он был не в силах защитить.

Случись все это не с ним, он никогда не поверил бы, что один-единственный варвар окажется полезнее и сильнее сотни опытных воинов, специально нанятых для охраны девушки. Проклятый варвар, смерть которого он уже оплатил столь щедро!

Сиотвия и Аниала не отрывали испуганных глаз от Мэгила. Хотя кое-что они знали и многое подозревали, но лишь теперь, когда самые мрачные предчувствия подтвердились, став реальностью, а не глупыми женскими страхами, как не раз говорил им Тефилус, поняли, что то чувство, что они испытывали прежде, не было страхом, а так, легким опасением за судьбу Мелии. Настоящий страх обе почувствовали только сейчас.

Мелия смотрела в окно, словно рассказ никак не касался ее. Конан лишь изредка бросал на нее невеселые взгляды. До сегодняшнего дня она ни разу не удостоила его вниманием, за исключением первого вечера. Киммериец невольно потер щеку, вспоминая о той встрече. Она ни разу не сказала ему ни слова, и ни взгляда не поймал он на себе. Правда, сегодня девушка заговорила с ним, но это было продиктовано страхом и в счет не шло.

Что ж, быть может, так и проще?

Теперь она стояла не шевелясь, словно восковая фигура из галереи проклятого дома. Правда, те изображали вои-

нов... Она же была богиней во плоти, которую он просто обязан защитить.

Мэгил замолчал и окинул присутствующих внимательным взглядом. Лица их были либо хмурыми, либо напуганными, и лишь Брун казался непоколебимым, но что можно было требовать от наемника? Как бы он ни относился к происходящему, все это мало касалось его, ибо эти люди оставались для него чужими.

— Чего нам теперь ждать? — Тефилус первым решился прервать гнетущую тишину.

Конан шевельнулся, и все как по команде повернулись к нему.

— Мои люди напоили одного из людей Харага, и он выболтал, что сегодня ночью придет конец и мне, и твоей дочери.

Киммериец посмотрел Тефилусу в глаза, но на этот раз не уловил в его взгляде ни ненависти, ни злобной радости.

— Ты можешь покинуть нас. Еще есть время.

Конан увидел, как замерли пальцы Мелии, до того медленно поглаживавшие подарок Мэгила, но сама она даже не пошевелилась.

— Кром! Да когда я боялся угроз? — Он рассмеялся. — Пусть идут, и клянусь рогами Нергала, у него сегодня будет полно гостей!

Однако смех его так и повис в воздухе, не поддержанный никем, хотя Конану и показалось, что во взгляде Тефилуса мелькнуло облегчение. Сокол жреца сидел на прежнем месте, все так же размеренно переводя взгляд с одного на другого, словно настоящая птица, не понимающая, о чем говорят люди, хотя северянин и подозревал, что это не так.

Он встал и подошел к большой птице. Сокол уставился на киммерийца немигающим взглядом.

— Он понимает нас? — Северянин обернулся к Мэгилу, и тот кивнул. — Кром! Никогда не поверил бы, что такое возможно! — Он вновь повернулся и посмотрел в черные бусины птичьих глаз. — Мы не были друзьями, но и врагами тоже! Ты ведь не держишь на меня зла?

Сокол склонил голову набок, словно внимательнее вслушиваясь в голос человека.

— Можешь быть спокоен, — вновь заговорил Мэгил, — мы успели переговорить с ним, пока он входил в новое тело. Он многое понял с тех пор и ко многому теперь относится иначе. И сожалеет сейчас лишь об одном: напрасно не верил раньше в то, что считает непреложной истиной теперь.

— Что же это?

Мелия впервые за весь вечер заговорила, и сокол, встрепенувшись, повернулся к ней.

— Он понял, что вся жизнь уместается в краткий миг. Он понял, что отдавать приятнее, чем брать. А последний урок, как ни странно, преподнес ему Рамсис, и это был его последний шаг назад, но Фабиана можно понять: соблазн был слишком велик. В обмен на сведения о том, что произошло в ту ночь в доме, ему пообещали тело, человеческое тело, но обманули. Отчего-то мне кажется, что Рамсис зря так поступил.

— Ты не жалеешь, что оказался в теле птицы?

Сокол перевел взгляд на Конана.

— Он не жалеет, — вновь ответил за него Мэгил, — я объяснил ему, что человеческое тело можно получить только силой черного колдовства и ничего, кроме горя, такое воплощение ему не принесет. Другое дело — бессловесная тварь. Конечно, многое он потерял, но многое и приобрел!

— Как звать его? — вновь спросила Мелия.

— Он не захотел расставаться со своим именем, но в то же время не хотел, чтобы у кого-то могли возникнуть ненужные подозрения, — объяснил жрец. — Короче, зовите его Фан!

* * *

Конан сидел во флигеле и ждал.

Мэгил хотел остаться с ним, чтобы обсудить кое-какие свои сомнения, но киммериец напомнил ему о предстоящем свидании с Мелией, и вольному жрецу пришлось убраться, ограничившись лишь кубком пуантенского.

Северянин припомнил окончание вечера. Мелия так и не удостоила его взглядом, но он улучил мгновение, когда все оказались чем-то заняты, и сунул ей в руку приготовленную заранее записку. Он хорошо помнил скользнувшее по ее лицу удивление, но тут же отошел в сторону, и они с Мэгилом отправились во флигель.

Сразу по окончании беседы Тефилус развил бурную деятельность. В результате вся сотня воинов Бруна облачилась в доспехи и расположилась перед домом, между входом и воротами. Тефилус сам собирался воззвать к их воинской отваге, но пока это было рано делать: солнце еще не зашло, жизнь в городе не замерла, а жрецы («Как, впрочем и воры», — отметил про себя это странное сходство Конан) предпочитали дневному свету ночную тьму.

Не знай киммериец сути дела, он мог бы подумать, что почтенный хозяин готовится к небольшой войне. Впрочем, он был доволен таким поворотом событий. Сто воинов — это сто воинов. Это значит, что на каждом углу, у каждой двери, у каждого окна будет стоять вооруженный человек, а это вовсе не помешает.

Во дворе не будет никого, за исключением стражи у ворот, и Конан вполне оценил этот шаг Бруна, против которого поначалу ополчился Тефилус. Опытный сотник правильно рассудил, что нет ничего проще, чем снять уставшего под утро часового и, накинув его одежду, помочь сообщникам пробраться в дом. И тогда жди беды.

А так любой появившийся извне — враг. Конечно, в этом тоже имелись свои отрицательные стороны, но в любом, даже очень хорошем, плане непременно найдется слабое место. Правда, его еще должен узнать противник. Узнать или предугадать. То, что предложил Брун, обеспечивало одно бесспорное преимущество: когда поднимется тревога, все будут знать, что нападение началось только что, и, значит, дальнейшее будет зависеть лишь от выучки воинов Бруна.

Все это Конан сказал Тефилусу, когда тот начал, брызгая слюной, доказывать сотнику его глупость.

Внезапно киммериец замер у окна, когда изящная девица фигурка легко выскользнула из задней двери дома и

побежала к флигелю. Киммериец обрадовался, но тут же насторожился. Девушка была еще на полпути к нему, когда он почувствовал: это не Мелия!

Несколько мгновений он лихорадочно соображал, кто это может быть и что ему делать, пока его не осенило — Сурия! Кром! И как он сразу не догадался?! То-то она как увидела его в первый день, так ни разу после этого не проходила мимо, чтобы не задеть его ненароком или не посмотреть со значением, а сегодня все утро терлась вокруг, словно кошка!

Но что же делать? Скоро должна прийти Мелия, если, конечно, не выбросила его записку! К Нергалу!

Он быстро долил в свой кубок пуантенского и спрятал бутылку, а вместо нее достал бутылку знаменитого пальмового, оставшегося у него в неприкосновенности с прошлой памятной ночи, и наполнил им кубок, из которого только что пил Мэгил. Едва он успел сделать это, как дверь беззвучно отворилась, легкая тень скользнула внутрь и без слов прильнула к нему.

Словно в лихорадке, дрожала она от возбуждения, ища губами его губы, и Конан почувствовал, как его захлестнуло сладостной волной, что еще немного, и он не в силах будет даже думать о чем-то ином.

— Кром! — Он с трудом оторвал от себя девушку. — У нас вся ночь впереди, милая...

— Я не хочу потерять ни мгновения!

Девушка вновь прильнула к нему, горя как в огне, но молодой варвар уже вполне овладел собой, решительно отстранил ее и раньше, чем в глазах Сурии появился огонек недоверия, объяснил:

— Я должен еще показаться в доме, иначе нам помешают в любой миг. На, охлади пока пыл.

Он взял со стола оба кубка и один протянул ей. Она улыбнулась и посмотрела на него взглядом изголодавшейся похотливой кошки.

— Это лишь разожжет его сильнее!

— Ну что ж, я не против, — усмехнулся Конан.

Они медленно пили, глядя в глаза друг другу, словно то был некий таинственный ритуал, и Конан видел, как зату-

манивается взгляд девушки. Допив вино, она едва не уронила кубок на пол, и киммериец понял, что своего добился. Он взял ее на руки и понес к огромному дивану. Она обняла его за шею, покрывая лицо поцелуями. Он по-отечески чмокнул ее в щеку и уложил поудобнее.

— Я сейчас вернусь. Думай обо мне, жди меня и никуда не уходи.

Северянин вышел в дверь и направился к дому. Ему никуда не нужно было уходить, но он справедливо рассудил, что, пока он рядом, Сурия угомонится совсем не скоро.

Почувствовав шаги за спиной, он насторожился.

— Знаешь, Конан, ты настоящий варвар. — Узнав голос Мэгила, он обернулся и увидел перед собой ехидно ухмыляющуюся рожу. — Приглашать на свидание хозяйку, а перед этим разминаться с ее рабыней!

Шутка, по его мнению, получилась удачной, и бывший жрец довольно расхохотался.

— Во имя Крома, умолкни! — Конан яростно оскалился. — Она с утра строила глазки, но мне и в голову не приходило, что к ночи девчонка заявится сама! Впрочем, все к лучшему!

— Ну это-то вполне понятно! — понимающе ухмылялся Мэгил.

— М-м-м! — прорычал киммериец.

— Хорошо, хорошо! Беру свои слова назад, — затормозился жрец. — Так что ты хотел сказать?

Северянин недоверчиво покосился на него:

— Я влил в нее кубок пальмового.

— Того самого? — поинтересовался Мэгил.

— Ага, — кивнул киммериец.

— Варвар он и есть варвар, — сокрушенно вздохнул жрец.

— Зато теперь она видит во сне то, зачем пришла, — ухмыльнулся Конан.

— Да ты, оказывается, философ? — Мэгил восхищенно посмотрел на приятеля, который предпочел пропустить его замечание мимо ушей.

— Когда настанет время, ничто не мешает нам передать ее Тушке.

— И циник, — сокрушенно вздохнул жрец. — Так воспользоваться беспомощным состоянием бедной девушки!

Желваки заходили по скулам киммерийца, но он сдержался.

— Ну, мне пора, скоро должна прийти Мелия.

— Ты так уверен в этом?

Мэгил оставил шутливый тон, и лишь поэтому Конан решил ответить на его вопрос.

— Если она прочитает записку, — просто сказал он.

— Она прочитала ее, — так же коротко отозвался жрец.

— Откуда знаешь? — Конан удивленно посмотрел на Мэгила.

— Видел, — бросил тот.

— Значит, придет, — убежденно кивнул северянин.

— Интересно, что ты такого написал, что она непременно должна прийти?

Конан пожал плечами:

— Написал, что жду ее.

— И все? — Мэгил удивленно воззрился на киммерийца.

— А чего еще? — не понял тот.

— М-да, — жрец покачал головой, — от такого приглашения действительно невозможно отказаться.

* * *

Солнце клонилось к закату, и хотя Конан не видел самого светила, но света становилось все меньше, день угасал, а значит, близилась ночь, а вместе с ней и неведомая беда, уготованная им чужой злой волей.

Мелии не было.

Теперь, когда день подошел к концу, а Мелия все не приходила, он понял, что Мэгил прав: его послание вряд ли способно заставить кого-либо, потеряв голову, броситься сюда, особенно принимая во внимание непростые их отношения. И все-таки он верил, что Мелия придет, не может не прийти. Он чувствовал, что их связывает нечто большее, чем одна ночь, проведенная вместе.

Каким-то неведомым ему образом судьбы их переплелись, и хотя каждый из двоих был по-прежнему вправе поступать так, как считает нужным, но обязан был при этом учитывать и желания другого. Это значит, что если просьба услышана, то должна быть удовлетворена. И было еще ощущение: многое отныне определялось кем-то другим, но кем, Конан не знал. Он лишь чувствовал постоянное присутствие рядом чужой воли.

Он не знал ее целей, но у него возникло ощущение, что отныне все, что должно произойти с ним, с Мелией, всеми, кто находится рядом, предопределено и, как бы он ни пытался, ничего изменить нельзя. Он может лишь отдать все силы, чтобы это неведомое, но предопределенное свершилось, независимо от того, каким будет финал, что он принесет — радость или горе. Это чувство очень не нравилось киммерийцу, но отделаться от него он не мог.

В дверь тихонько постучали. Конан вздрогнул, и странное ощущение пропало. Было уже совсем темно, и он не увидел лица вошедшей, но знал и так, что это Мелия.

Она замерла в двух шагах от киммерийца. Они долго стояли напротив окна, и на лица их падал лишь рассеянный свет звезд. Ее губы шевелились в беззвучном шепоте, но он и без слов понимал сказанное.

— Я так тоскую по тебе, я так люблю...

Ее руки протянулись к нему, но не касались тела, а словно ласкали его на расстоянии, даря свою нежность каждой его частице. Ее глаза глядели в его глаза и не могли наглядеться, говоря больше слов, маня, зовя, соблазняя...

Конан шагнул к ней. Он сгорал от желания схватить ее, смять в объятиях, впиться горящими губами в ее пылающие уста, но когда ощутил прикосновение ее рук, почувствовал их нежность, возбуждавшую едва ли не сильнее самых сильных объятий, то понял, что не может этого сделать. Лишь когда эта сладостная пытка стала сильнее его воли, он привлек ее к себе.

Мелия почувствовала прикосновение его рук и замерла в ожидании того неизбежного и желанного, чего жаждала

каждая клеточка ее тела и что она стремилась отдалить, ибо знала: все, даже самое прекрасное, неизбежно кончается...

Их губы соприкоснулись, и мир взорвался и перестал существовать.

Ей казалось, что она горит в огне, который вместо боли дарит восторг и наслаждение, ибо то было не всепожирающее пламя костра, а всемогущий огонь любви. Она уже не чувствовала горячих объятий Конана, а ощущала его всем телом, каждой клеточкой его, словно став с ним единым целым, и эти новые частички ее плоти ласкали ее собственные огненным прикосновением.

Ей уже не хватало воздуха, она судорожно вздыхала, и грудь ее высоко вздымалась. Ей хотелось увидеть лицо любимого, и тогда она томно открывала глаза, но не видела его, словно магией любви они перенеслись туда, где не существует ничего, кроме двух слившихся в любовном порыве тел, в мир, созданный специально для них...

Кем? Ей было все равно...

Зато она слышала его дыхание, и каждый выдох пробегал по ней волной обжигающей страсти, прокатывавшейся по готовому раствориться телу приступом острого наслаждения, лаская его восторгом слияния, не позволяя угаснуть огню желаний. Ей казалось, что она раскачивается на качелях, которые то вздымаются вверх, к вершинам блаженства, то падают вниз, к тянувшемуся вечно краткому мигу сладкого ожидания, и вновь вверх, к желанной боли, которую хотелось продлить навечно, и тут же вниз, в негу отдыха, без которого не выдержать следующего взлета...

* * *

— Полночь, мой повелитель.

— Можешь идти.

Слуга, согнувшись в глубоком поклоне, пятясь удалился, и, дождавшись, когда дверь за ним закроется, Рамсис обернулся к Харагу. Тот кивнул и дважды хлопнул в ладоши.

Вошли двое жрецов в серых балахонах и внесли нечто накрытое куском черной материи. Один из них сделал

неуклюжий шаг, неловко споткнулся о выступающий край плиты и едва не упал. Рука Харага взметнулась в предостерегающем жесте.

— Осторожней, пожива для Нергала, если не хотите угодить в Яму Ожидания! Ставьте сюда!

Двое поставили принесенную вещь на стол и, приниженно согнувшись, пятясь, как и жрец, покинули зал.

Рамсис протянул руку, но Хараг поспешно остановил его:

— Не нужно!

Стигиец удивленно оглянулся:

— Что-нибудь опасное?

Глаза его подозрительно сверкнули.

— Нет. Это всего лишь Зрачок Затха, в котором мы сможем увидеть то, что нам нужно, — гордо объяснил Глава Малого Круга. — Но заклинания уже произнесены, и, как только Око увидит свет, оно начнет действовать. Тогда нельзя будет отрывать от него взгляда. Иначе волшебство умрет.

— Это не очень-то удобно, — заметил Рамсис.

— Да, — согласился Хараг, — но тут уж ничего не поделаешь.

— Значит, — стигиец улыбнулся своей змеиной улыбкой, — одному из нас придется неотрывно смотреть в Око, поддерживая магию Затха. А теперь прошу тебя не мешать мне какое-то время — я должен задать Сету вопрос и получить на него ответ.

Рамсис подошел к жертвенному алтарю, вырезанному из цельного куска черного гагата, на котором застыл огромный бронзовый змей, замерший в причудливой позе. Голова его возвышалась над свившимся в сложном вензеле огромным, сильным телом, покрытом сверкающей чешуей.

Это был Великий Змей, и лишь в этот миг Хараг впервые осознал это и невольно замер, завороченно наблюдая за действиями жреца Сета.

Рамсис мягко опустился на колени и застыл в благоговении, подняв вверх обращенные к своему божеству ладони. Мгновение назад это был живой человек, но теперь Харагу казалось, что перед ним стоят две статуи — змеи и

человека — словно в противоборстве воли смотрящие друг другу в глаза.

Чтобы видеть глаза своего божества, Рамсису пришлось задрать голову и глядеть почти вертикально вверх.

Гигантская плоская голова змея тяжело нависла над своим верным слугой. Огромная хищная пасть с ядовитыми клыками была чуть приоткрыта, и края ее изогнулись в жестоком оскале. Черный раздвоенный язык выдвинулся вперед, ощупывая окружающее пространство. В больших выпуклых глазах горело застывшее на время всепожирающее пламя.

Хараг потряс головой.

Может, это кажется ему, а на самом деле это лишь отсвет факелов, освещавших жертвенный зал? Он перевел взгляд на Рамсиса.

Фигура жреца словно окаменела. Мир перестал существовать для него, мысли сузились в точку невысказанного вопроса, а сам он обратился в зрение и слух. Он знал, что, раз вопрос задан, последует и ответ. Неважно, сколько времени это займет. Все зависит от того, насколько важным почитает Великий Змей дело, ради которого его потревожили, но в том, что рано или поздно он ответит, сомнений не было.

Теперь оставалось только ждать.

Время остановило свой стремительный бег, окружающий мир поблек и расплылся серым туманом, когда наконец настал миг, ради которого он и затеял все. Рамсис почувствовал, что тело его расплывается в серой клубящейся дымке колдовства, а черное облако души постепенно перемешивается с окружающей бледной мглой, сливаясь с ней, становясь частью ее. Как всегда, именно в это мгновение пришло ощущение единства, не сравнимого ни с чем.

Стигиец вновь обрел способность мыслить, и в то же время продолжал чувствовать блаженное единство со своим божеством. Теперь, когда он ощутил свою причастность к Сету, хотя и сознавал, что он лишь крохотная частица, растворенная в могучем повелителе, он увидел перед собой ожившую морду Великого Змея Ночи.

Что это?

Хараг вздрогнул. Быть может, ему это почудилось? Бронзовое тело змея, которого он считал лишь символом великого Сета, но не более того, шевельнулось. Жрец замер и сам стал подобен изваянию.

Хищная пасть сомкнулась, черный язык засновал взад-вперед.

— Ш-ш-ш! Ты не оди-ин!

— Это Хараг! — Рамсис говорил, не оборачиваясь. — Если ты поможешь нам, он станет Верховным Жрецом Затха! Без его помощи мне не обойтись!

— Ты не один! — вновь повторил змей, словно обвиняя своего жреца в измене.

— Выслушай меня, Отец Тьмы! Хараг владеет Талисманом Силы!

— Я слыш-шал о таком! — Черные глаза змея сверкнули черным же пламенем. — Что хочет слуга Затх-ха?

— Силой Талисмана нельзя воспользоваться, она скована Незримым. Возвращение демона в мир — его плата за освобождение силы камня. Сейчас нам нужно...

— Я зна-аю, что вам нужно.

Сказав это, змей замер, и Харагу на мгновение показалось, что он вновь обратился в мертвую бронзу.

— Ты поможешь нам? — Рамсис впервые забеспокоился, видимо, подумав так же.

— Помолчи-и, я думаю...

Рамсис умолк, а Хараг вновь задумался о величии происходящего. До сих пор он считал, что статуя Сета — не более как символ стигийского бога. Подобных изображений Затха полно в святилищах бога-паука, и служат они лишь олицетворением божества, чтобы верующий мог обратиться к нему, но доходит ли молитва до ушей бога... Одному Затху о том известно.

До сих пор, по крайней мере, ни он сам и никто другой не удостоивались ответа своего бога. Некоторые испытывали озарения, — или думали, что испытывают их, — принимая его за ответ на вопрос. Таких вестников божественной воли было немного. Они пользовались почетом и уважени-

ем прочих жрецов, хотя сам Хараг никогда не верил, что бог таким способом передает свои повеления.

Он видел причину подобного равнодушия бога к своим почитателям в том, что паук спит. Спит и не знает об их нуждах. Он, Хараг, разбудит великого Затха, и живой бог придет в мир, заставив его содрогнуться от своей мощи! И горе тогда жалким глупцам, дерзнувшим выбрать себе иного властителя дум!

Внезапно рассуждения его оборвались. Он увидел, как змей начал менять позы, делая это то плавно, то мгновенными перестановками. Хараг почувствовал, что мысли его путаются, душа наполняется восторгом, преклонением перед чужим божеством, подчиняется его воле. Он подумал было, что не должен допустить этого, но не успел — мысль эта оборвалась, и великий Хараг замер безжизненным изваянием, не ведая о том, что происходит вокруг.

Змей замер, и теперь лишь сновавший между зубами язык свидетельствовал о том, что он еще не покинул мир людей.

— Ты должен завладеть Талисманом для меня-а! — прошипел он. — Не бойс-ся, он не с-слыш-шит нас-с! Ты владеешь камнем даже ценой свободы Незримого!

— Но повелитель... — начал было Рамсис, но Темный Бог прервал своего слугу.

— Не все боги соглас-сны с его возвращ-щением, а пока придвинь ко мне паучий глаз, — в голосе Сета слышалось пренебрежение, и Рамсис невольно обернулся, но Хараг по-прежнему был неподвижен, — и разбуди жреца.

Рамсис поднялся.

— Хараг! — тихонько позвал он.

Жрец встрепенулся, словно очнувшись от легкого обморока, и вопросительно посмотрел на стигийца.

— Мой повелитель желает видеть, что происходит в доме.

Хараг даже не заметил короткого беспамятства. Ему лишь показалось, что в какой-то миг слегка закружилась голова, но головокружение тотчас прошло, едва Рамсис обратился к нему с вопросом. Без лишних слов он подошел к столу, и они вдвоем, не прибегая к помощи слуг, слегка

передвинули его и чуть развернули укутанное покрывалом Око.

Оба жреца встали с двух сторон змея.

— Покажите мне дом-м...

Рамсис покосился на Харага. Хараг рывком сорвал покрывало и сосредоточился. Рамсис впился взглядом в Зрачок Затха.

Это оказался круглый, величиной с голову человека, непроницаемо черный шар, разделенный как бы надвое, и если задняя половина его была матово-черной, то передняя искрилась в тусклом свете факелов, словно состояла из неисчислимого количества зеркал, настолько крохотных, что каждое из них в отдельности рассмотреть было просто невозможно.

Шар искрился и переливался в тусклом свете, и Рамсису чудилось, что сияние его разгорается все ярче. В какой-то миг ему показалось, что еще немного, и он ослепнет. Но свечение тут же оборвалось, и передняя половинка шара словно перестала существовать. Рамсис никогда прежде не видел Зрачка Затха, но уже знал, что должно произойти дальше. В густой темноте полوى сферы начало появляться изображение, медленно, но верно обретая зримые очертания.

Перед ними появилась роскошная усадьба, посреди которой стоял большой двухэтажный дом с мраморными колоннами вдоль всего фасада, больше походивший на ар-госский храм, чем на жилище.

— Войди-и в него-о...

Краем глаза Рамсис увидел, как вновь сосредоточенно напряглось лицо Харага, и фасад приблизился. Они стремительно пронеслись сквозь ряд колонн и прошли через запертую дверь. Они незримо очутились внутри большого овального зала с роскошной лестницей драгоценного розового мрамора, с двух сторон поднимавшейся вдоль задней стены. Великолепная бронзовая статуя Деркэто застыла напротив входа, протянув руки в приветственном жесте. Вокруг сновали вооруженные воины, но они мало интересовали жреца.

— А-ха-ха! — Смех был неторопливым, в нем слышалось явное удовольствие от увиденного. — Моя служба-анка-а! И по-прежнему рада каждому! Весьма-а кстати. Услыш-шь меня!

Хараг вздрогнул: ему показалось, что глаза статуи ожили и уставились прямо в его глаза.

— Чего хочешь ты?

Хараг услышал этот вопрос, хотя вокруг оставалось совершенно тихо.

— Мне нужна девуш-шка... — прошипел змей.

— Мне нужен Конан! — ответила богиня.

— Хорош-шо... — последовал ответ Сета, — повинуйся Рамсису.

В тот же миг жрец Сета почувствовал, как мир перевернулся, и он увидел внутренность зала глазами Деркэто, глядевшими во входную дверь. Он мысленно воззвал к повелителю, но услышал лишь: «Ухожу!» — и понял, что Сет покинул их, отправившись по своим, более важным делам.

Рамсис стоял неподвижно, как статуя Деркэто по ту сторону Зрачка Затха, и чувствовал, что не в силах пошевелиться, не видя ни Харага, наблюдавшего за происходящим с другой точки, ни магической сферы.

Он сделал еще одно отчаянное усилие, и губы его шевельнулись в едва слышном шепоте.

— Хараг, куда мне идти? — Он нутром почуял страх находившегося где-то рядом жреца и поспешно воскликнул: — Не оборачивайся! Направляй Деркэто!

Он не знал, что все это вранье о том, что нельзя отрывать взгляд от Ока, Хараг выдумал специально для него, а сам стоял теперь и ошалело смотрел на стигийца, замершего в неестественной позе с вытянутыми перед собой руками. Наконец Хараг немного оправился и обернулся к Зрачку Затха, ругая себя последними словами. Счастье еще, что Рамсис не видел его вытянутого от удивления, как у послушника-первогодки, лица!

— За спиной у тебя лестница. Поднимись по ней!

Он смотрел в Зрачок Затха, но там ничего не происходило, и обернулся к Рамсису, чтобы не без ехидства поин-

тересоваться, кого он должен направлять, когда услышал сдавленный стон. Только теперь он понял, что стигиец пытается, но никак не может пошевелиться, словно на него надет стальной панцирь.

Он обернулся к картинке в шаре, тайно надеясь увидеть там нечто иное, но и внутри сферы все оставалось прежним: сновали по своим делам люди, а статуя богини застыла с поднятыми в приветственном жесте руками. Лишь глаза ее жили, хотя этого и не видел никто, кроме него. Только глаза? Услышав сдавленный стон за спиной, он вгляделся повнимательней. Правая рука медленно-медленно опустилась, но этого не заметил никто из сновавших по залу людей.

Он оглянулся, чтобы посмотреть на Рамсиса. От напряжения лицо жреца налилось кровью, дыхание вырывалось с хрипом. Стигиец опустил вторую руку. Он поспешно обернулся и увидел внутри зрачка статую Деркэто, стоявшую на прежнем месте, но уже с опущенными руками, и Харагу показалось, что второе движение заняло меньше времени.

Двое воинов, проходивших мимо по своим делам, вдруг остановились перед бронзовой статуей богини, застывшей у задней стены зала.

— Слушай-ка, сдается мне, что еще утром она стояла с поднятыми руками!

Прияель говорившего окинул фигуру богини насмешливым взглядом и снисходительно заметил:

— По правде говоря, хоть я и прошел мимо не меньше сотни раз, не припомню, что было у нее с руками, меня гораздо больше интересовали другие части ее тела.

Он подмигнул приятелю, но тот не принял шутливого тона.

— Я точно помню, что руки у нее не были опущены.

— Приглядишься к ней, придурок, — расхохотался весельчак, — это же бронзовая девка! Кабы она могла двигаться, я уже давно познакомился бы с ней поближе!

— В том-то и дело, что бронзовая, а руки опустила.

Скептик не желал сдаваться, и балагур разочарованно вздохнул. Такой прекрасный во всех смыслах повод позу-

боскалить! Ан, нет! Шевелит статуя руками, и все тут! Он еще раз вздохнул.

— По-моему, ты просто перепил за ужином, — изрек он, погрузнев.

Все вновь стало скучно и неинтересно: нужно идти на пост, а он так надеялся хоть ненадолго оттянуть этот момент. Внезапно парень оживился — в дверях показался Брун, а значит, можно еще раз попытаться разнообразить службу.

— Сотник!

Брун остановился и вопросительно посмотрел на молодого парня, которого явно тяготили строгость и однообразие воинских будней.

— Крин говорит, что Деркэто застоялась на месте и решила немного размяться!

Тот перевел взгляд на Крина, серьезного мужчину в годах, опытного воина, который прослужил под его началом больше десяти лет и к мнению которого Брун всегда прислушивался.

— Я понимаю, Брун, что это звучит нелепо, — заговорил ветеран, — но попасть мне под копыта Нергала, если еще в полдень, когда я в последний раз проходил здесь, руки ее были подняты.

Его напарник соорудил гримасу, всем своим видом показывая, что у старика не все в порядке с головой. Брун молча посмотрел на статую, а за ним следом и оба спорщика. И в этот миг, будто привлеченная их разговором, Деркэто медленно повернула, слегка наклонив, голову и, словно бы удивленно, посмотрела на троих онемевших от изумления воинов.

Хараг не видел происходящего внутри дома, хотя именно это он должен был делать по их взаимному уговору. Он не мог отвести взгляда от постоянно меняющегося лица Рамсиса, и изменения эти были воистину ужасающими.

Он вперился взглядом в только ему видимую точку пространства, и жилы на его шее напряглись, а лицо сделалось алым. Хараг увидел, как опустилась одна рука стигийца. Синева начала подниматься от груди, а глаза полезли из орбит, когда вторая рука медленно последовала за

первой. Синева поднялась выше, белки налились кровью. Жрец медленно повернул голову, посмотрел на него, и рот Рамсиса раскрылся в злобном оскале.

Хараг стоял ни жив, ни мертв. Рука медленно поднялась, и замориец не мог отвести от нее парализованного ужасом взгляда. Когда же она сдвинула пальцы, словно схватив что-то, и сделала вращательное движение, лишь тогда он понял, что стигиец видит не его, а что-то иное, и взгляд его устремлен на что-то неведомое ему, находящееся в том доме.

Страх отступил прочь. Хараг выругал себя и обернулся к Зрачку Затха.

Трое замерли. Никто из них еще не успел испугаться, они были просто удивлены, и лишь когда взгляды их встретились с грозным взором Богини Страсти и ее прекрасные черты исказила гримаса злобной радости, страх шевельнулся в сердцах трех воинов, сковав тела холодом ужаса, лишив способности трезво мыслить.

Словно объятые черным колдовством, они зачарованно следили, как поднимается тяжелая бронзовая рука богини. Выше... Выше... Еще выше. Вот могучая длань сомкнулась на голове молодого насмешника. Легкий поворот кисти, и что-то отвратительно хрустнуло. Рука разжалась, выпустив бездыханное тело, комком безжизненной плоти рухнувшее на пол.

И словно разбилась невидимая стена — реальность вернулась. Брун и Крин отскочили, мгновенно обнажив клинки, еще не отдавая себе отчета в том, что их жалкое оружие бесполезно в борьбе с бронзовым монстром. И как раз вовремя — вторая рука описала широкий полукруг и неминуемо переломала бы ребра обоим, останься они на месте.

В зале в это время находился человек двадцать, и все замерли в оцепенении, но окрик сотника привел их в чувства.

— А ну очнитесь, Нергаловы отродья, или к утру ваши трусливые шкуры вывесят на просушку на Серых Равнинах! Шом и Нук! Один к хозяину, второй к апартаментам

молодой госпожи! Скажите — бронзовая девка сошла с пьедестала!

Однако приказ его запоздал. Тефилус уже выскочил на площадку, где сходились воедино обе лестницы, и замер, не веря своим глазам. И все-таки он не потерял способности мыслить, как того можно было ожидать, хоть и побледнел, как полотно.

— Брун! Что будем делать?

— Драться! — последовал ответ, быть может, достойный уважения, но ничего не объяснявший.

На шум и крики начали сбегаться воины со всего дома. На площадке рядом с Тефилусом появились Аниэла с Сиотвией, заспанные и растрепанные. В дверях под ними показались рабы, и толстая чернокожая кухарка округлившимися от ужаса глазами смотрела, как бронзовая статуя, которую она лишь утром любовно протирала от пыли, размахивает руками, словно парой мечей, и уже три бездыханных трупа валяются у ее ног.

Люди продолжали беспорядочно нападать на неожиданного врага, налетая одновременно со всех сторон, словно борзые, обложившие логово медведя, наконец-то дождавшиеся, когда он выберется наружу.

Удары сыпались со всех сторон. Бронзовая фигура размахивала руками, разворачиваясь то вправо, то влево, и с каждым взмахом, с каждым поворотом движения ее становились все легче, размашистей. Она начала приседать и отклонять туловище то в одну, то в другую сторону, чтобы убийственной дланью захватить большее пространство.

Ей удалось схватить за щиколотку еще одного воина, но она не стала тратить на него время, как то было с первыми тремя жертвами, а крутанула его, словно палицу, мощным ударом размозжив голову о мраморные ступени.

Оставшиеся товарищи убитого с удвоенной яростью бросились в бой.

— Брун!

Сотник отскочил, тяжело дыша, и поднял голову.

— Ты не должен участвовать в этой свалке! Поднимись ко мне!

Старый воин тяжелым взглядом посмотрел на сражавшихся и с сожалением убрал меч в ножны, но, когда поднялся наверх, к Тефилусу и двум женщинам, происходящее представилось ему совсем в другом свете. Он видел, что сопротивляться бессмысленно. Пока еще они сдерживают грозного противника, но скоро начнут уставать, и картина боя неизбежно изменится. Сотник понял, что, если что-то не придумать прямо сейчас, его сотня ляжет задолго до рассвета.

Брун не зря гордился своими воинами. Он долго и тщательно подбирал бойцов в свой отряд, в котором теперь не было случайных людей. Все они были прекрасно выучены и знали свое дело. Оправившись от вполне естественного первоначального шока, ни один не проявил трусости, хотя боялись, в этом не было сомнений, все. Они умело уклонялись от ударов, вовремя делали выпады. Удары их достигали цели, и, если бы им противостояло живое существо из плоти и крови, оно давно было бы мертво.

Крик боли вывел его из задумчивости. Крик упал на пол, но вовремя успел отползти, волоча разбитую ногу. Брун не мог сверху оценить, насколько серьезна его рана, но понял, что этому пора положить конец, если только цель их не массовое самоубийство.

— Держите расстояние, Сетовы прихвостни! Не позволяйте ей достать вас и не наваливайтесь кучей! Шом! Нук! Следите, чтобы одновременно нападало не больше десяти ублюдков, иначе так дружной толпой и отправитесь к Нергалу в гости!

Прокричав команду, он обернулся:

— Прошу простить, госпожа.

Сиотвия понимающе кивнула, но Аниэла словно и не слышала его, лишь подняла на старого воина полные ужаса глаза.

— Брун, мы теперь все умрем? Да? — прошептали ее губы.

— Ну что ты, дорогая! — натужно рассмеялся Тефилус, обнимая жену за плечи. — Сейчас мы просто уйдем отсюда, и все!

— Конечно, решать тебе, господин, но я думаю, что они только этого и ждут.

Брун посмотрел в глаза Королевскому Дознавателю, и вымученная улыбка покинула лицо Тефилуса.

— Бежать нужно было раньше, когда советовал Конан и для этого была возможность.

— Ты считаешь...

Брун кивнул:

— Теперь такой возможности у нас нет.

— Интересно, а где сейчас этот умник?!

При упоминании о Конане лицо Тефилуса вспыхнуло от гнева. Он даже перестал обращать внимание на бой внизу.

— Успокойся, господин. Я говорил с ним перед заходом солнца. Он будет там, где посчитает нужным, чтобы защитить молодую госпожу! Ведь для этого его наняли?

Он вопросительно посмотрел на Сиотвию и та кивнула зятю.

— Возьми себя в руки. Этот парень знает, что делает.

— Но меня интересует, где он?! — не унимался Тефилус, и почтенная Сиотвия горестно вздохнула — нашел время!

— Не знаю, — Брун пожал плечами. — На его месте я бы увел Мелику и спрятал ее где-нибудь.

— Трусливые шакалы! Прятаться?! Да воины вы или бабы?!

Но сотник оставался спокоен, показывая, что не принимает обвинений.

— Если тебе нужно, чтобы мы все легли там, — он указал рукой вниз, на продолжавшуюся схватку, — прикажи, и тебе не придется никого упрекать в трусости, но твоей дочери это не поможет. Для ее спасения требуется совсем другое!

— Что?! — выкрикнул Королевский Дознаватель.

— Пока не знаю, — просто ответил сотник. — Это зависит от того, что ей нужно, но очень похоже на то, что нам хотят подсказать мысль о бегстве. Посмотри — она стоит на месте. Нас просто хотят напугать или дождаться, пока все мы падём от ее руки, и тогда можно будет взять усадьбу без особых затруднений.

Хараг смотрел в Зрачок Затха. Он видел, что статуя богини сошла с постамента, но не продвинулась ни на шаг, а лишь отбивалась от наседавших на нее воинов Бруна, которые уже вполне пришли в себя и теперь действовали осмотрительно, не подставляясь под удары, хотя и несли потери, когда кто-то по запальчивости оказывался в пределах досягаемости смертоносных рук богини.

Жрец оглянулся на Рамсиса и мгновенно понял, что на самом деле все обстоит гораздо хуже, чем он думал. Хотя оружие нападавших и не могло причинить никакого вреда бронзовому телу Деркэто, но он с ужасом увидел, как при каждом удачном выпаде против нее содрогается тело стигийца, словно Рамсис получает удары, предназначенные статуе.

— Наверх!

Он увидел, что жрец замер, будто не расслышал сказанного, и точно так же, не веря в передышку, замерли воины в зале, тяжело дыша и недоверчиво переглядываясь.

— Наверх, Рамсис! Наверх! И не подпускай к себе выродков, иначе погибнешь!

Стигиец вздрогнул и пошел вперед. Некоторое время Хараг не мог оторваться от необычного зрелища. Он видел, как рядом с ним медленно, размеренно шагает жрец, оставаясь в то же время на месте, а в Зрачке Затха наблюдал иную картину: бронзовая статуя Богини Страсти степенно шагала по залу, находящемуся в другом конце города.

Когда зловещая фигура внезапно замерла, воины, тяжело дыша, остановились, с тревогой и надеждой наблюдая за ней, втайне надеясь, что это конец.

— Господин!

И Тефилус, и Брун, и обе женщины как по команде опустили взгляды и замолчали.

— Что это значит? — прошептал сотник, но лишь только он произнес эти слова, как Деркэто развернулась и медленно, размеренным шагом направилась к лестнице.

— Ну вот и все, — заключил сотник.

— Что... Все?

Тефилус был белее простыни на кровати, с которой его поднял шум боя.

— Спектакль кончился, — убежденно сказал воин. — Они поняли, что так ничего не добьются.

— И что теперь? — Сиотвия гордо вскинула голову.

Брун не сомневался в том, что старая женщина боится, но не собирается ни раскисать, ни тем более сдаваться. Она направила опытного воину.

— У них есть план дома. — Брун был спокоен. — Я думаю, она направила в покои Мелии.

— Бежим! — закричал Тефилус и бросился к двери.

— Мы с вами! — отозвались женщины.

Обе хозяйки были настроены вполне решительно, но сотник угрюмо глянул на них, и они замолчали.

— Прошу прощения, но помочь вы не сможете ничем, только усложните нашу задачу. Господин, я думаю, тебе нужно позаботиться о женщинах.

— Там моя дочь! — Тефилус упрямо сжал губы.

— Нам нельзя быть вместе. — Брун начинал закипать. Его наняли для охраны этих людей, но он не собирался плясать под их дудку, когда речь шла о жизни и смерти. — Уходите, или я велю своим людям увести вас силой!

Их взгляды встретились, и на какое-то время воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерной поступью бронзового божества.

— Идем, Тефилус. — Сиотвия редко обращалась напрямую к своему зятю. — Брун прав, тебе лучше подумать о том, как помочь дочери спуститься из окна и где ее спрятать.

Тефилус понял наконец: что бы ни напештывали ему отцовские чувства, но драку лучше оставить воинам. Он посмотрел на поднимающуюся по лестнице бронзовую богиню и быстро спустился по второму крылу лестницы, забрав с собой обеих женщин.

Брун скользнул в дверь, из которой выглядывали его люди, и, захлопнув ее за спиной, быстро огляделся: два десятка воинов, но ничего из мебели, которой можно было бы завалить дверь. Лишь пара легких диванчиков, но и это лучше, чем ничего.

— Вперед! — махнул рукой Брун, наспех закрепив дверь.

Двадцать воинов бросились к покоям Мелии, полные решимости защитить ее даже ценой собственной жизни. Они вошли в просторную гостиную, когда услышали первый сокрушительный удар, от которого содрогнулись стены дома.

Тефилус спустился вниз и посмотрел на замерших в ожидании его приказа людей.

— Шом, возьми десять человек и быстро под окна Мелии. Сейчас Брун разбудит мою дочь, и ты должен будешь поймать ее, когда она прыгнет вниз.

Шом отправился было выполнять приказ, но в это время раздался первый тяжелый удар. Людям показалось, что это стены дома рушатся прямо у них над головами. Они отбежали к середине зала и молча смотрели, как прекрасная Богиня Страсти мощными размашистыми ударами крушит дверь. Щепки летели во все стороны, но дверь еще держалась.

— Что ты стоишь?! — разъярился Дознаватель. — Марш!

Воин опрометью бросился выполнять приказ, а сам Тефилус вновь посмотрел на дверь, от которой теперь остались лишь изломанные доски, безобразными кусками болтавшиеся на петлях.

— Нук, возьми еще десять человек и, когда эта тварь пойдет обратно, постарайся помешать ей.

Наконец он повернулся к жене:

— Я думаю, вам обоим следует найти рабынь, привести их в чувство, и пусть займутся ранеными. Сдается мне, что в них недостатка не будет.

Брун вошел в небольшую гостиную и постучал в дверь спальни не очень сильно, но вполне, на его взгляд, достаточно для того, чтобы разбудить мирно спящую девушку, хотя и удивился, что ужасный грохот ломаемой двери уже не сделал этого за него. Однако и на его стук ответа не последовало. Он постучал еще раз, но с тем же результатом.

Внезапно удары за спиной смолкли.

— Брун! Она вошла! — крикнул кто-то из его людей.

— Ломайте двери! — приказал сотник, понимая, что дольше ждать нельзя.

За спиной уже слышались тяжелые шаги. Два дюжих плеча ударили в двустворчатую резную дверь, распахнув ее с первого раза, однако внутри никого не оказалось. Постель была аккуратно застелена, но в нее никто и не думал ложиться.

— Заприте вход!

Они едва успели сделать это и подпереть дверь тяжелым дубовым шкафом, когда снаружи вновь обрушились удары.

Окно распахнулось, и Брун выглянул наружу, на поджидавших его с факелами в руках воинов во главе с Тефилусом. Два десятка бойцов попрыгали вниз, не очень-то заботясь о ногах — то, что надвигалось сзади, казалось неизмеримо опаснее.

— Ее нет, господин, — спокойно сказал пожилой сотник, поднявшись с земли, словно такие полеты были для него не в диковинку.

— Как нет?

Тефилус побледнел еще больше и начал испуганно озираться. Он не знал, что и думать. Нужно спасать дочь, а как это сделать, если никто даже не знает, где она. Он обернулся к воинам:

— Быстро...

Неизвестно, какое приказание он собирался отдать, если бы сотник не прервал его:

— Ты забыл, господин, твоя дочь наверняка с Конаном.

— Значит, нужно найти его. Если эта тварь доберется до них, без нас ему не справиться.

— С нами тоже, — возразил сотник. — Сила не на нашей стороне, хоть нас и много. Вся надежда на хитрость.

— Правильно, — раздался за их спинами чей-то голос.

Тефилус обернулся и увидел подошедшего Мэгила, которого любил ничуть не больше Конана. Впрочем, сейчас ему было не до того.

— Я знаю, где Конан и Мелия, — продолжил бывший жрец. — Мы должны увести эту тварь подальше от них.

Надо выиграть время, ибо ни одно колдовство не может длиться бесконечно.

Рамсис рвался вперед. Тело жреца горело огнем от боли многочисленных ран, нанесенных проклятыми людьми. Раны не могли убить его, но были весьма болезненны. Он уже не помнил себя от ярости, лишь крушил все на своем пути. Он не нуждался в подсказках Харага, хотя один из его советов и оказался полезен, когда стигиец слишком увлекся, ввязавшись в бессмысленную драку. Он прекрасно помнил план дома. Второй этаж, крайняя дверь в левом крыле.

Рамсис проломился сквозь жалкий заслон и пошел дальше. Перед ним был коридор, и он знал, что теперь его ничто не остановит. Еще несколько мгновений, и он у цели. Нужная дверь оказалась запертой, но он вышиб ее со второго удара, отбросив прислоненный с внутренней стороны шкаф с такой силой, что тот вышиб окно и только чудом не вылетел наружу.

Именно в этот миг он обратил внимание на чей-то голос, назойливо звучащий в мозгу. Он прислушался и едва сдержался, чтобы не зарычать от злости.

— Рамсис! Ее нет там! Ее нет! Она во флигеле!

Мэгил ворвался в нижний зал как раз в то мгновение, когда Нук со своими людьми заканчивал работу. Теперь оба крыла роскошной лестницы больше походили на горы хлама, пробраться через которые было бы непросто.

— Уходите быстрее, сейчас она вернется!

Люди замерли, на миг прекратив работу, и в наступившей тишине услышали приближающиеся тяжелые шаги. Они тут же вновь заторопились, укладывая в кучу последние стулья, диваны — все то, что нашли в ближайших к залу комнатах и сумели быстро перетащить сюда. Едва спина последнего из них скрылась в широком проеме входной двери и створки ее закрылись, как изнутри послышался нарастающий грохот — Деркэто начала расчищать себе путь.

— Скорее! Несите все, что попадется под руку!

Люди бросились врассыпную, и Мэгил, оглянувшись, увидел лишь суровое лицо Тефилуса.

— Быть может, все-таки стоит предупредить их?

Жрец усмехнулся и покачал головой:

— Я думаю, этот грохот поднял на ноги если не половину Шадизара, то ближайшие несколько домов точно.

Пространство между рядом колонн и дверью начало быстро наполняться ненужной утварью, в основном старой мебелью. Кто-то догадался забраться на второй этаж, и теперь в открытое окно летели роскошные предметы убранства. Гора быстро росла, грозя если не остановить, то надолго задержать взбесившуюся статую, и Тефилус облегченно вздохнул, но Мэгил вдруг нахмурился.

— Ты что? — невольно насторожился Дознаватель.

— Слышишь, как стало тихо? — Мэгил резкими движениями поворачивал голову и прислушивался. — Не нравится мне это.

— Что ты хочешь сказать?

Жрец так и не успел рассказать о своих опасениях, когда из дома донесся оглушительный удар, а вслед за ним треск и скрежет. Лицо Мэгила налилось кровью.

— Проклятие Сета на мою голову! — закричал он. — Мы забыли о заднем выходе!

Они опрометью бросились вокруг дома к флигелю, расположенному как раз напротив, за домом.

* * *

Мелия не видела лица Конана, но образ любимого стоял перед глазами девушки, и слезы счастья катились по ее щекам. Она больше не чувствовала ни наслаждения, не-отличимого от боли, ни боли, причиняемой наслаждением — все слилось воедино. Ее тело парило в потоках блаженства, словно невесомая пушинка под ласковыми лучами солнца в баюкающих ладонях едва слышного ветра. Само время остановило свой бег, и девушке показалось, что это будет длиться вечно.

О, Конан...

Где-то глубоко в недрах ее лона начало нарастать, казалось, давно забытое ощущение, которого ее измученное тело уже не могло выдержать. Мелия глубоко вздохнула и по-

пыталась сдержать себя, но вместо этого последняя волна, которой она так боялась и так желала, стремительно нахлынула, захлестнув сознание, накрыв его черным бархатным покрывалом беспамятства. На лице девушки застыло выражение блаженства, и она протяжно застонала.

Долго ли длилось блаженное беспамятство, Мелия не знала, но очнуться ее заставили нараставшие удары пульсирующей в висках крови. Они становились все громче и громче, пока не стали болезненными, и она поняла, что это не кровь. Она не чувствовала, а слышала эти удары, роковым набатом сотрясавшие тело.

Тревога еще не коснулась ее души, но беспокойство, пока смутное и ленивое, уже родилось, и она, преодолевая ослабленность, открыла глаза и улыбнулась. Первым, кого она увидела, был он, Конан. Она вновь закрыла глаза, мгновенно забыв обо всем. Ах! Чего бы только она ни отдала, чтобы так начинался каждый день!

Однако тревожный набат не унимался, снова напомнив о себе. Мелия вновь посмотрела на своего избранника, на этот раз уже осмысленно, и не на шутку встревожилась: киммериец стоял почти полностью одетый, с тяжелым двуручным мечом в руках и смотрел в окно.

— Что случилось, милый?

Мелия была не на шутку встревожена, но в голосе звучала только любовь. Конан посмотрел на нее и вздохнул с облегчением:

— Хорошо, что ты проснулась. Похоже, за тобой пришли.

Слова эти подействовали на нее, словно ушат холодной воды. Сердце девушки, только что замиравшее от любовного томления, тревожно забилося. Она быстро оделась и встала рядом с возлюбленным, схватив его за руку. Издалека доносились крики людей и треск ломаемого дерева, но ничего не было видно из-за дома, громадой высившегося в паре десятков локтей от флигеля и загораживавшего собой все пространство.

— Что там происходит? — прошептала девушка и теснее прижалась к своему защитнику.

— Не знаю.

Северянин покачал головой, не сводя внимательного взгляда с двери для прислуги, через которую две ночи назад забрался первый посланец Харага. Раздался мощнейший удар, и дверь затрещала. Конан почувствовал, как вздрогнула прижавшаяся к нему Мелия, а следующий удар заставил ее тело мелко задрожать.

— О, пресветлая Иштар, спаси меня, спаси Конана! — лихорадочно зашептали губы девушки.

Она попыталась найти маленькую фигурку, утром подаренную ей Мэгилом, но не находила, и это приводило ее в отчаяние.

— Кром! — прошептал киммериец и на миг замер, увидев, как вылетела выбитая невероятно мощным ударом дверь и вслед за ней на пороге появилась бронзовая фигура богини Деркэто, еще утром мирно стоявшая в овальном зале дома. Однако замешательство его длилось лишь краткий миг. В следующее мгновение он молниеносным движением закинул меч в ножны за спиной и, подняв голову, быстро осмотрелся.

— О, всемогущая Иштар, помоги, спаси нас! — продолжала шептать, стоя рядом с ним, Мелия.

Конан явно не был склонен полагаться на помощь прекрасной богини. Он верил лишь в Крома, но знал, что и его суровый бог пальцем не шевельнет, разве что, услышав молитву, посмотрит, не зря ли он двадцать весен назад оставил жизнь этому парню? Киммериец готов был доказать, что не зря. Он понимал, что драться с бронзовой богиней может лишь глупец, и уже принял решение, но, посмотрев в окно, неприятно поразился.

Деркэто была уже здесь. Еще пара шагов — и она войдет во флигель. Где-то вдалеке слышались приближающиеся крики воинов Бруна, спешивших на выручку. Помощь близка, вот только что они смогут?

Он подхватил девушку на руки и бросился в соседнюю комнату.

Рамсис рвался вперед. Он чувствовал себя способным на что угодно. Как жаль, что эта легкость не пришла к нему сразу, когда люди были напуганы и растеряны! Он не

потерял бы понапрасну столько драгоценного времени! Но ничего! Теперь они от него не уйдут! Вот он — флигель, где прячется проклятая девка со своим варваром. Сперва он свернет шею мужчине, посмевавшему досаждать ему своим сопротивлением, потом возьмет девушку и...

Внезапно жрец почувствовал, что его бронзовое тело налетело на каменную стену. Мысли оборвались, он едва удержался на ногах, не в силах понять, что же произошло, пока взгляд его не уперся в маленькую фигурку, повешенную за цепочку на ручку двери...

Не может быть!

Злоба вскипела в нем с новой силой. Прочь! Он махнул рукой, пытаясь сбить крохотную фигурку Иштар, осмелившуюся преградить ему путь, но не достал, и тут произошло немыслимое: жалкое костяное изваяние словно выросло, обернувшись прекрасной богиней, грозной в гневе.

— Как смеешь ты противиться моей воле, жалкий червь?!

Она сурово свела брови, и глаза ее недобро сверкнули, хотя мягкий голос звучал ровно.

— Прочь с дороги! — прорычал Рамсис. — Я следую воле Сета!

Он вновь махнул рукой, но, как и в первый раз, не достал.

— Вон отсюда!

Призрачная фигура махнула рукой, и Рамсис, жрец Сета, могущественный маг, почувствовал, как мир перед глазами поблек и закружился. Он падал, и мир вращался перед глазами, а падение длилось бесконечно долго, так долго, что, казалось, не кончится никогда. Планеты и звезды неслись мимо, а среди них бесчисленные сонмы миров, прекрасных или ужасных, но живых. Он чувствовал, как сохнет кожа на его лице и иссушается плоть, превращаясь в ничто. Скоро и сам он станет ничем, повергнутый в прах... Последним всплеском мысли обратился он к повелителю своему, могущественному Сету, требуя, вызывая, моля его о помощи.

И в этот миг все прекратилось.

Он снова почувствовал, что падает, но на этот раз падение было обычным. Звезды исчезли. Он падал в святилище, где в

полночь свершилось его колдовство. В падении он налетел на стол, и если бы не помощь Харага, свернул бы его.

Жрец Затха усадил стигийца в кресло и налил в кубок вина. Преодолевая боль, Рамсис открыл глаза и с трудом принял протянутый кубок. Болело все, словно он и в самом деле почти достиг царства Нергала и лишь благодаря силе своего властелина в последний миг избежал смерти.

— Не получилось, — слабо прошептали его губы.

— Я знаю, — кивнул Хараг. — Но почему?

— Ты разве не понял? — чуть слышно прошептал стигиец и устало закрыл глаза. — Стояла глубокая ночь, а в доме горели огни, да и люди были на ногах. — Он помолчал какое-то время и, открыв глаза, мрачно посмотрел на Харага: — Нас ждали.

— Не хочешь ли ты сказать...

— Да, кто-то из твоих или моих людей предал нас.

* * *

— Ну и что ты скажешь обо всем этом?

Конан пожал плечами:

— А что тут скажешь? Все и так понятно.

Он протянул руку к покрытому многочисленными рубцами бронзовому телу Деркэто, но Мелия испуганно повисла на нем, изо всех сил стараясь удержать. Киммериец усмехнулся:

— Ну, ну, милая! Не стоит беспокоиться. Это всего лишь статуя.

Девушка зябко поежилась. Так-то оно так, но она только что собственными глазами видела, как эта статуя вышагивала, направляясь к ним в гости!

— Но что ее остановило? — Тефилус осматривался, словно ждал, что богиня сейчас оживет и двинется дальше, чтобы закончить прерванную работу.

— Кто знает? — Конан вновь пожал плечами.

— По-моему, я могу ответить.

Мэгил нагнулся и снял с ручки двери маленькую фигурку слоновой кости. Мелия вспыхнула и подхватила ее.

— О, Иштар! Ты услышала меня! — Она прижала фигурку к груди. — Я молилась ей, просила о помощи, но не помнила, где оставила ее!

— Ты оставила ее в подходящем месте, — усмехнулся Мэгил, — и нечасто бывает, чтобы боги откликнулись на просьбу смертного о помощи!

— Ах, дочка!

Они не заметили, как Аниэла с Сиотвией, узнав о том, что все кончилось благополучно, пришли и теперь бросились к Мелии, рыдая от счастья.

— Конан, ты не забыл? — Мэгил кивнул на спавшую девушку. — Я уже отправил Фана.

Киммериец выругался про себя. Ему вовсе не хотелось уходить от Мелии в эту прекрасную ночь, когда все было так восхитительно, а опасности остались позади, но подделать ничего не мог. Он подхватил Сурию на руки.

— Накиньте на нее что-нибудь, чтобы лица не было видно.

Вдалеке уже нарастал топот копыт и грохот колес по камню мостовой, далеко разносившиеся в ночной тишине. Конан побежал.

— Куда это он? И куда он понес Сурию? — беспокоилась Мелия.

— Успокойся, госпожа. — Мэгил мягко тронул ее за руку. — Пусть думают, что тебя похитили. Пока Рамсис и Хараг разберутся друг с другом, пройдет немало времени, а это как раз то, что нам нужно.

* * *

Хараг вышел из святилища Сета, о котором мало кто знал в городе. Его сопровождали десять воинов, двое из которых несли Зрачок Затха, накрытый куском плотной материи. Остальные охраняли их, хотя опасность того, что какой-то безумец отважится, пусть даже ночью, напасть на слугителя бога-паука, была ничтожно мала.

Паланкин уже ждал его, и двое рабов согнулись в поклоне, отодвинув боковые занавеси. Он не спеша подошел и собирался уже сесть, когда какой-то звук привлек его

внимание. Он прислушался. Сомнений быть не могло — стремительно нараставший топот копыт трудно спутать с чем-то иным.

Жрецу стало интересно, кто это затеял ночью скачки в центре города?

Он повернулся в сторону, откуда доносился теперь уже и грохот повозки, и через мгновение увидел показавшуюся из-за поворота колесницу, запряженную парой вороных. Возница нещадно погонял, но, увидев его, словно испугался чего-то и свернул в сторону, за дом, из которого только что вышел Хараг. Внезапно стало тихо.

«Странно, — подумал жрец Затха, усаживаясь на удобное мягкое сиденье и принимая из рук охранников драгоценный груз. — Очень странно, похоже, к моему другу Рамсису прибыл гонец. Интересно было бы узнать, что за новости привез он? Как жаль, что я ушел так рано! Быть может, вернуться, притворившись, что забыл сообщить нечто важное?»

Некоторое время он размышлял об этом, но потом решил, что не стоит: возница наверняка уже сказал Рамсису о том, что его заметили, и тот придумает отговорку. Жаль, жаль... Но делать нечего. Он вздохнул и вяло махнул рукой:

— К дому.

Мягким, тщательно отработанным движением, так что занавеси даже не шелохнулись, рабы подняли паланкин и плавно понесли его прочь.

Оставшись один, Рамсис долго сидел в кресле, размышляя о случившемся. Он кряхтя встал и направился в свои покои. Он шел, как обычно, сдержанным, неторопливым шагом, хотя все кости ныли и мышцы болели, а вокруг не было никого, кто мог бы увидеть его слабость.

Он остановился у огромного зеркала, вделанного в стену, и скинул на пол одежду. Плохо дело. Все тело превратилось в сплошной синяк. В пылу борьбы он не обращал внимания на удары, но теперь нужно что-то срочно сделать, если он не хочет к утру слечь. Тогда все планы его пойдут прахом.

Он подошел к столу и трижды ударил в маленький бронзовый гонг.

— О, господин!

Лекарь склонился в низком поклоне, не в силах отвести от жреца испуганного взгляда. «Мог бы нагнуться и понижее», — отметил про себя Рамсис, но решил не обращать внимания на этот маленький промах.

— К утру я должен быть на ногах, — коротко сказал он.

— Ты должен лечь, господин, — мягко ответил лекарь.

— К утру я должен быть на ногах, — повторил жрец.

— Я поставлю тебя на ноги, — лекарь вновь склонился в поклоне, — но ты должен лечь, господин.

Свеча успела догореть до половины, когда лекарь, пятась, вышел в дверь. Рамсис засыпал, наслаждаясь тем, что боль отступала.

Мысли его путались, и он уже давно уснул бы, если б не один вопрос: не зря ли он затеял все это? В конце концов, девушка нужна не ему, а Харагу. Стоило ли тратить свои силы, чтобы потерпеть столь болезненную неудачу? Конечно, если бы все закончилось благополучно, то после двух неудачных попыток Харага он несомненно заслужил бы еще большее уважение с его стороны, но он не подумал, что сам может проиграть.

Интересно, кому он обязан этой потерей? Потерей особенно заметной на фоне того триумфа, на который он не без оснований надеялся. Он непременно узнает имя виновного, и тогда горе ему!

Это была сладкая мысль, и с ней Рамсис погрузился в блаженный сон, не сомневаясь, что завтрашний или, в крайнем случае, послезавтрашний день — все равно, какой из них, — непременно возместит ему все потери.

Ведь он, Рамсис, жрец Великого Сета!

— Повелитель, повелитель!

— Ну что еще?

Рамсис приходил в себя с трудом, словно после тяжелой, изнурительной болезни, и это было неудивительно. Хотя лекарь своими притираниями и снял боль с его тела, но раны оставались ранами.

— Войди!

Безымянный слуга пал перед ним на колени, коснулся лбом пола:

— Беда! Беда, господин! Большая беда!

— Что такое?! — нахмурился жрец. — Говори яснее!

— Наших людей убивают! — вскричал тот и протянул к нему руки, словно моля о защите.

— Что?! — Рамсис мгновенно забыл о боли, и остатки сна выветрились из его головы. — Кто смеет поднять руку на слуг Великого Змея Ночи?!

— Не знаю, господин, но сегодня утром, как всегда, рабы в сопровождении двух воинов и одного жреца отправились за снедью, а вернулся лишь один из воинов, да и тот ранен!

— Пришли его ко мне!

Слуга, пятась, вышел, а жрец встал и, ожидая, пока рабыни облачат его тело в одежды, задумался. Кто посмел? Он задавал себе этот вопрос и не находил ответа. Гнев начал овладевать им, но он по-прежнему не знал, что и думать. Неужели Конан, этот жалкий червь, осмелился тягаться с ним? Если так, он заставит варвара жестоко пожалеть об этом, и очень скоро, а на легкую смерть пусть не надеется!

Глава восьмая

Хараг почти не спал в эту ночь. Он хорошо знал распорядок дня Рамсиса и поднялся значительно раньше стигийца, как раз настолько, чтобы успеть приготовить своему бывшему союзнику «приятную неожиданность» к пробуждению. Теперь он, по своему обыкновению, в нетерпении ходил из угла в угол, ожидая известий от своих людей, отправившихся на рынок.

После третьей ночи, которая как и две предыдущие, принесла неудачу, он вернулся поздно или, скорее уж, рано. Небо над Шадизаром просветлело, еще когда он покинул дом Рамсиса. Домой же Хараг вернулся еще позже, потому что не любил тряской и шумной езды, предпочитая бережные руки рабов резким рывкам лошадей, хотя такое передвижение имело и отрицательные стороны: людям не сравниться с конями в скорости бега.

Но нет худа без добра. Зато он вовремя узнал новость, успел отдать необходимые распоряжения и теперь ждал результатов. Да, новость была хуже некуда, но все-таки такие новости лучше узнавать как можно раньше. Хотя бы для того, чтобы достойно отвечать на них.

Его люди, следившие за домом Мелии, рассказали ему, что полночи оттуда доносились шум и звуки боя, а под утро к воротам подкатила колесница, запряженная парой гнедых, в сопровождении шестерых всадников, ворвавшихся внутрь и очень скоро вернувшихся обратно с девушкой на руках!

Кони взяли с места в карьер и понеслись по улицам ночного города, а погоня, почти сразу пустившаяся следом, все-таки отстала, что, в общем-то, было и неудивительно, учитывая события, свидетелем которых Харагу довелось стать непосредственно перед этим.

Жрец вспомнил колесницу, во весь опор мчавшуюся к святыни Сета, когда он покидал его, и ему все стало ясно. Быть может, если бы не эта сцена, полностью объяснявшая, что за гость прибыл к стигийцу, и таким образом подтверждавшая коварство его бывшего союзника, он еще сомневался бы.

Теперь же известные факты сочетались как нельзя лучше, все получалось очень гладко, и сейчас, по прошествии времени, он должен был признать, что Рамсис мастерски провел его, предусмотрев каждую мелочь. Все, кроме одной — его люди должны были возвращаться кружным путем. Тогда Хараг остался бы в полном неведении, хотя... Быть может, и это сделано не случайно? Быть может, так он решил известить бывшего товарища, что все кончено?

О, великий Затх! Каким идиотом он показал себя, поверив в то, что неповоротливая, бронзовая баба, которую можно запросто водить за собой хоть всю ночь, сумеет отобрать у сотни ловких, быстрых воинов девушку! Ведь неуязвимость бронзовой девки не сделала ее более ловкой, но зато оказалась столь впечатляющей, что заставила его не заметить очевидного!

А он, всегда гордившийся своим умом, попался на такой дешевый трюк! А главное, позволил себе поверить в порядочность двуличного по своей природе жреца! Правда, надо отдать должное и Рамсису. Змеопоклонник разыграл прекрасный, продуманный в деталях спектакль, в то время как его люди подкрадывались к дому, готовясь похитить девушку!

Харага никак не покидало ощущение, что Рамсис не просто обманул его, а еще и открыто посмеялся над своим сообщником. Ни в первом, ни во втором у заморийца не возникало теперь и тени сомнения.

Недаром проклятый Сетов выкормыш говорил о двух попытках! Он и совершил их! Только одна прошла на его, Харага, глазах, и в ней Рамсис предстал героем, пожертвовавшим собой ради общего дела, а о второй жрец Затха узнал, лишь вернувшись, но обе достигли своих целей, ведь первая была всего-навсего спектаклем! Великолепно разыгранным спектаклем, который полностью удался!

Поначалу он просто не поверил в это. Мыслимое ли дело? Его, Харага, обманули! Обвели вокруг пальца, словно мальчишку! Правда, и сделал это не кто-нибудь, а сам Рамсис, но что с того? Поражение остается поражением. Даже думать не хотелось о том, что он станет говорить Грабаху, как оправдываться.

Нет, такого допустить нельзя. Пусть он проиграл начало сражения, но ведь бой еще не кончен! Время есть, Рамсис в Шадизаре и не выберется из города, пока не одумается, а если не одумается... Что ж, тем хуже для него! Здесь Замора, а не Стигия. Это Хараг сказал при их первой встрече и готов повторить теперь! Скоро, очень скоро он заставит надменного стигийца горько пожалеть о содеянном, и произойдет это гораздо раньше, чем оживет бог-паук!

И все-таки что-то тревожило Харага, а потому он решил повременить и не наносить удар в полную силу, оставить Рамсису возможность исправить допущенную ошибку. Пусть явится просить мира! Тогда, быть может... Жрец улыбнулся своим мыслям. Если же нет... Что ж, сначала предатель лишится рабов, потом слуг и так дальше, пока не останется один! Там посмотрим, что с ним делать!

Здесь Замора, а не Стигия!

* * *

В доме Тефилуса царило вполне понятное оживление. Дом больше всего напоминал собой руины, а не жилище Главного Королевского Дознателя. Многие двери оказались выбитыми, равно как и окна, а о драгоценной мебели, которая шла на возведение преград, и говорить не приходилось. Редкая вещь из тех, что пошли в дело, осталась целой. В основном все превратилось в груды дров, и слуги, поднявшиеся

раньше хозяев, уже начали разбирать завалы, откладывая отдельно то, что еще можно было починить, бросая остальное, годившееся лишь на растопку, в общую кучу.

Те же семь человек, что участвовали в вечернем обсуждении, собрались вновь, но теперь настроение собравшихся было иным. Даже Тефилус старался не замечать, что дочь его не сводит восторженного взгляда с проклятого варвара, который не казался теперь Королевскому Дознателю столь отвратительным, как еще накануне.

Это было тем удивительнее, что Конан не участвовал в ночном сражении, а стало быть, и не мог рассчитывать на признательность Тефилуса, хотя и охранял Мелию. Обо всем этом почтенный глава семейства не задумывался. Несколько раз он даже обратился к Конану с какими-то вопросами, чем окончательно покорило сердце дочери.

Мелия, как, впрочем, и Аниэла с Сиотвией, витали в облаках, считая, что все уже кончилось, тем более что и Тефилус разделял их точку зрения, полагая, что теперь нечего бояться. Конану с Мэгилом с большим трудом удалось убедить их, что это далеко не так, хотя противники их и получили хороший урок.

— Конан, но чего ты опасешься?

Мелия, которая прежде не устаивала киммерийца и взглядом, теперь щебетала без умолку.

— Того же, чего и прежде.

Северянин оставался спокоен и сосредоточен, хотя и радовался вместе со всеми.

— Но ведь три дня, о которых говорил жрец, уже истекли. Разве теперь мы не можем чувствовать себя спокойно?

Она одаривала всех сияющими улыбками, распространяя вокруг себя атмосферу счастья и беззаботности.

— А-а, ты об этом...

Как ни старался, Конан не мог сохранить серьезность, постоянно ловя себя на том, что глупо улыбается.

— Конечно! — Мелия обрадованно всплеснула руками.

— В самом деле, — поддержала дочь сияющая от счастья Аниэла, которая, правда, выражала свою радость не столь бурно. — Разве мы не победили?!

— Кром! — выругался Конан, впрочем, совершенно беззлобно. — До полнолуния еще достаточно времени, чтобы выкрасть пол-Шадизара!

— Он прав, — поддержал друга Мэгил. — Рано расслабляться.

Однако женщины, казалось, пропустили его слова мимо ушей.

— Три ночи они пытались сделать свое черное дело, — заговорил Тефилус, — но все попытки кончились неудачно. К тому же в ближайшие несколько дней им будет чем заняться!

— Конан! — Мелия просияла и подбежала к киммерийцу. Глаза ее лучились восторгом. — Как здорово, что ты придумал это похищение! Да они успеют поубивать друг друга, пока разберутся, что к чему.

— Если только они поверят, что это не наша проделка.

Северянину ужасно хотелось плюнуть на все и радоваться с ними вместе, но он не мог себе этого позволить.

— Поверят, поверят, — рассмеялся Тефилус, и даже его вечно хмурое лицо вдруг показалось симпатичным. — Не могут они не поверить! Что ни говори, а придумано все было здорово!

— Но и тогда у нас будет от силы пара дней передышки. — Мэгил упорно поддерживал Конана, понимая, что не время успокаиваться. — Так недалеко и до беды.

— Ну, хорошо, — заговорила наконец Сиотвия. — Давайте на этом и остановимся — у нас есть два дня передышки...

— В течение которых не стоит расслабляться, — вновь вставил свое слово жрец.

— ...В течение которых мы не станем расслабляться, — улыбнувшись, повторила она.

* * *

Все шло хорошо. Еще утром пришел слуга с докладом о том, что людей Рамсиса подстерегли по пути на базар и, как было условлено, одному из них дали вернуться: должен господин знать, куда девались его слуги! А для начала

пусть попостится. Говорят, умеренный пост благотворно влияет на ясность рассудка.

Хараг довольно расхохотался и налил себе вина. Он не сомневался, что ответный удар последует незамедлительно, а потому принял необходимые меры. Хорошо зная магические способности жреца Сета, а также точное число и вычку воинов, находившихся в его распоряжении, он трезво оценивал серьезность положения и представлял, каким может быть ответ. Он был готов ко всему.

Однако время шло, а ничего не происходило, и это было странно. Поначалу замориец подумал, что противник его просто испугался и решил затаиться в своем убежище, но почти сразу отбросил это предположение, как ни льстило оно его самолюбию: как бы ни относился Хараг к своему противнику, но в трусости обвинить его не мог.

Тут было что-то иное. Он принялся рассуждать, стараясь учесть все мелочи, и внезапно его осенила великолепная в своей простоте догадка, одновременно и обрадовавшая, и оскорбившая его.

Все было легко и просто — Рамсис попросту считал происшедшее мстью семейства Мелии, чей отец имел немалое влияние при дворе. То, что задумал стигиец, — дело нешуточное, ведь мало украсть дочь Королевского Дознавателя. Нужно еще суметь вывезти ее из Шадизара и добраться до Стигии!

Однако было в этом и что-то унижительное, ведь если рассуждать подобным образом, то получалось, что его, Харага, проклятый стигиец и вовсе не принимал в расчет! Перестал обращать внимание, заранее уверенный в том, что жрец Затха вот так запросто примет эту пощечину! Оплеуху, которой, правда, не видел никто, кроме него самого, но которую он тем не менее получил! И оплеуху весьма уважистую, ибо она ломала все его планы!

Он вновь возбужденно заходил по комнате, стараясь свыкнуться с этой новой, неприятной мыслью, которая в корне меняла создавшееся положение. Новую ситуацию требовалось заново оценить, чтобы не допустить еще одной ошибки.

Он прикидывал и так, и этак, но чем больше размышлял, тем больше не нравилась ему картина, вырисовывавшаяся в его мозгу. Дело тут было даже не в том, что в изменившейся ситуации он выглядел более неприглядно, а прежние трудности лишь усугубились. Было еще что-то упорно ускользавшее от него, и он подспудно чувствовал, что оно должно сыграть важную роль, если вообще не разбить в пух и прах его прежние расчеты.

Он злился на себя, называя тупицей и бездарью, распалаясь все больше, пока не понял, что, если не успокоится, будет лишь ругаться и брызгать слюной, ничего путного придумать не сумеет. Тогда он налил себе вина и попытался отвлечься, наслаждаясь мыслями об уготованном ему величии.

Он верил в свое высокое предназначение. Он станет первым жрецом *живого бога*!

Да, это была достойная цель. Цель, ради которой стоило пойти на любые жертвы, на любой риск. Но для того, чтобы его мечта осуществилась, ему нужна девушка, и не какая-нибудь, а родная сестра Зиты, чье тело могло принять душу давно умершей колдуньи!

Стоп! Сердце Харага учащенно забилося. Ну конечно! Как он мог быть таким идиотом, ведь все так просто! Зрачок Затха! Как он мог забыть про него! Сейчас он все узнает!

В дверь постучали, и вошел младший жрец.

— Пришла Сурия, повелитель.

Он согнулся в почтительном поклоне и отступил на шаг, пропуская вперед девушку.

* * *

Конан бежал к дому, и Мэгил едва поспевал за ним.

День начался прекрасно, и кто мог подумать, что не пройдет еще и половины его, а все обернется хуже некуда!

Придя проведать девушку, увезенную ночью из дома, они обнаружили лужу крови на полу, а в ней приятеля Зула, заколотого собственным кинжалом. Комната была пуста, девушка пропала.

Конан в ярости сжал кулаки, но птичка улетела, оставив о себе кровавую память, и тому могло быть только одно объяснение — именно она была соглядатаем жрецов в доме Тефилуса! Знай он об этом раньше, и в подвале дома нашлось бы местечко, достойное того, чтобы приютить ее на несколько дней, пока опасность не минует и девушку можно будет сбить с рук. Но что толку теперь сожалеть об этом? Сделанного не воротишь.

Никто из них не подумал, что эта смазливая мерзавка соблазнит молодого парня, которому только и нужно было, что, попивая вино, посторожить ее за приличную плату, но он захотел большего! В результате несчастный дурень вместо обещанного искусительницей наслаждения получил отправивший его на Серые Равнины удар клинка в спину — удовольствие весьма сомнительное.

Теперь все пошло насмарку, и положение усугублялось тем, что они не знали, когда это произошло — перед самым их приходом, в полдень или рано утром? Впрочем, судя по тому, что парень успел уже остыть, а кровь на полу засохнуть, убили его давненько.

В том, что должно произойти дальше, особых сомнений у Конана не было. Пройдет совсем немного времени, и девчонка окажется либо у Харага, либо у Рамсиса, смотря кому она служит, и великолепная хитрость киммерийца окажется не более чем пошлой, неудавшейся шуткой.

Он тут же поймал себя на том, что думает об этом, как о предстоящей угрозе, а ведь все давно произошло! Зная злобный нрав Рамсиса и амбиции Харага, нетрудно предположить, что последует за этим...

Конан был уверен, что злость придаст им наглости и теперь можно ждать чего угодно. Мэгил не считал случившееся непоправимым, но и он соглашался с тем, что наметавшейся передышки им не видать.

Киммериец бежал, словно ураган, расшвыривая прохожих, бесцеремонно распахивая людей, не успевших увернуться при виде огромного и грозного, стремительно надвигающегося варвара. Его могучее тело, будто чудовищный таран, прокладывало путь в толпе, и там, где он прошел,

оставалось свободное пространство, в которое боялись ступить оторопевшие прохожие. Жрец поспешал следом. Ему никто не мешал, и бежать было несравненно легче, но он начал задыхаться, хотя и старался не отставать, что удавалось ему с трудом.

Звон мечей, ржание лошадей, крики людей — все то, что обычно сопровождало жестокой схватке, оба услышали еще за несколько кварталов от дома, и это подтверждало худшие опасения.

Конан стиснул зубы и прибавил шагу.

Еще издалека он увидел, что случилось то, чего он опасался больше всего, — у ворот шел бой, а он явно не успевал вовремя.

Несколько коней гарцевали по мостовой. Колесница — но не та, на которой ночью увозили Сурию, — ждала, и возница сдерживал нервно переминавшихся лошадей, готовый в любой миг пустить их вскачь.

Не останавливаясь, Конан сдернул с пояса бухту крепкого тонкого каната с укрепленными на обоих концах абордажными кошками и цепными вставками в пять локтей (с этим приспособлением он в последнее время не расставался) и на бегу начал раскручивать над головой один из крюков.

Он все-таки не опоздал. Из ворот выбежали трое, неся отчаянно отбивавшуюся Мелию, и с разбегу запрыгнули в колесницу. Возница стегнул коней.

Цепь со свистом рассекала воздух над головой киммерийца, когда кони обиженно заржали, оглушенные резкой болью, и рванули вперед. В тот же миг варвар разжал руку, и заостренный четырехпалый крюк стремительно понесся вдогонку, неумолимо настигая беглецов.

Киммериец продолжал бежать, наблюдая за полетом, тянувшимся несколько бесконечных мгновений. Два когтя из четырех впились в дерево. Конан ощутил резкий рывок. Его сбilo с ног и потащило по мостовой. Один из воинов обернулся и, увидев стальные пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в колесницу, выхватил меч и принялся рубить цепь, но напрасно.

Северянин повторил бросок, избрав целью ближайшее дерево. Лапа, закрепленная на втором конце троса, надежно ухватилась за ствол, и Конан выпустил бухту.

Всего несколько мгновений понадобилось для того, что бы канат натянулся. Рывок, и четверо воинов, сидевших в колеснице, словно выпущенные из пращи камни, полетели на спины коням. Лишь девушка, лежавшая на полу, осталась внутри. Раздался оглушительный треск, и кони понесли, не сдерживаемые более ничем.

Конан вскочил и побежал вдогонку, на бегу выхватывая из-за спины меч. Он успел срубить голову одному из подоспевших на подмогу, когда услышал отчаянный крик Мелии, правда, почему-то совсем с другой стороны...

У него мгновенно похолодело в груди, тело покрылось липким потом, но на размышления не было времени. Он подхватил коня под уздцы и лихорадочно осмотрелся, пытаясь понять, что же происходит. Далеко позади осталась усадьба, и люди бегали непонятно куда и непонятно зачем.

— Ко-на-ан! — услышал он далекий крик и сразу понял все.

Его бросило в жар. Как он мог быть таким идиотом, позабыв, с кем имеет дело! Он, сам того не ведая, показал этим сучьим выродкам, что надо делать, и Харагу или Рамсису, или обоим вместе осталось только выбрать подходящее время для последнего, сокрушительного удара!

Он вскочил в седло и ударил плашмя клинком по крупу. Огромный черный конь поднялся на дыбы и, оглушительно заржав, неудержимым вихрем понесся вперед.

Киммериец не думал о том, успеет или нет. Он должен успеть!

В несколько прыжков он оказался у высокого каменного забора, три дня служившего им крепостью, а теперь не сумевшего сдержать врагов.

Конан натянул повод. Скользя подковами по камням мостовой, конь свернул за угол и тут же, словно зная, что от него требуется, вновь рванулся вперед. Туда, где виднелись беглецы, увозившие отчаянно отбивавшуюся Мелию.

И на этот раз то была действительно она!

Словно черный демон Сета, могучий конь понесся огромными скачками, и Конан не сомневался, что готовое вырваться из груди сердце его не успеет отсчитать и десятка ударов, как он настигнет подонков. Пусть тогда молятся Сету, Нергалу или кому другому — ни один из богов не удержит его меч!

И горе тому, кто осмелится встать у него на пути.

*Заключительную часть трилогии
Мориса Делеза «Сети наука»
читайте в следующем томе
«Конан и оковы безмолвия»*

Глава первая

— **Н**у что, милейший варвар, убедился, что мы описали полный круг? — Невысокий, похожий на туранца человек с кучей бородкой, придерживая лошадь за узду, печально рассматривал кучки сухого конского навоза и черное пятно кострища суточной давности. — Наши туранские друзья, без сомнения, ничуть не умнее нас. Если мы никуда не исчезнем до заката, то встреча с господами гвардейцами будет теплой... Можно даже сказать, жаркой.

Бородатый укоризненно покосился на своего спутника, так и не покинувшего седло, помолчал, явно ожидая ответа, потом тяжело вздохнул и проворчал:

— Если я еще хоть раз послушаюсь необразованного варвара, то до гробовой доски буду считать себя законченным болваном.

Тот, кого он назвал варваром, сидел на высоком и длинноногом гирканском жеребце и мрачно поглядывал по сторонам. В отличие от низкорослого бородача, он был долговяз, косая сажень в плечах, темноволос, а растительности на скуластом хмуром лице не имел вовсе. Любый добропорядочный горожанин из Аквилонии, Аргоса или Зингары, встретив эдакого громилу на улице, постарался бы перейти на другую ее сторону — внешности варвара позавидовал бы любой разбойник с большой дороги. Услышав ворчание попутчика, он перевел взгляд голубых, чуть раскосых глаз на его небольшую, но крепкую фигуру, отбросил большими

пальцами налипшие на потный лоб черные волосы и примирительно сказал:

— Ну, ошибся... Со всяким бывает. Слушай, Мораддин, что нам теперь делать-то? Обратно в пустыню ехать, сам понимаешь, желания никакого...

— И наверняка в ущелье остался большой отряд, — в тон подхватил бородач по имени Мораддин. — А вперед идти бессмысленно. Тупик, Конан, он и в горах тупик.

— Скотство какое! — отозвался варвар, подразумевая занудство невысокого приятеля, висевшую на хвосте погоню, а заодно и проклятую долину, что обманула беглецов бессовестнее распоследнего шарлатана-астролога. Положение сложилось — хуже не придумаешь!

Вот уже три дня Конан из Киммерии и его новый друг Мораддин прилагали неимоверные усилия, чтобы оторваться от отряда туранской конной гвардии. До серьезного боевого столкновения дело пока не доходило благодаря Морадину — низкорослый бородатый спутник варвара много лет прослужил в тайной гвардии туранского владыки Илдиза, и его талант замечать следы да водить противника за нос, по мнению Конана, был достоин восхищения и подражания. А если еще учесть, что Мораддин по крови лишь наполовину человек и унаследовал от отца-гнома способность видеть в темноте, исключительную выносливость и невероятную для своего невеликого роста силу, то он был просто незаменимым попутчиком. Особенно когда нешуточная опасность грозит из-за каждого камня...

Собственно, первопричиной неприятностей, преследовавших киммерийского варвара и Мораддина, послужила неожиданная встреча Конана с одним зуагирским шейхом чуть больше тридцати дней назад. Тогда варвар, бездумно кинувшийся спасать караван зуагиров от подземного чудища, и не предполагал, что окажется втянут в историю с непредсказуемыми последствиями. Простодушно рассчитывая заработать, Конан согласился выполнить поручение шейха оазиса Баргэми — выкрасть дочь этого самого шейха из сераля одного султанапурского вельможи, который похитил девушку из дома ее отца...

А потом закрутилось такое, что киммериец и вспоминать не хотел о своем последнем визите в Султанапур. Несколько раз Конан едва не погиб, был пленен придворным магом эмира города, оказался по «милости» этого колдуна на медных копях... Впрочем, не попади варвар на рудники, ему бы не пришлось познакомиться с Мораддином... Полукровка, тщательно скрывавший от людей свое происхождение, подвизался в каторжной тюрьме на невысокой и всеми презираемой должности старшего надсмотрщика. Пережив опалу в Аграпуре, бывший капитан тайной гвардии Илдиза был разжалован и сослан; лишь встреча с Конаном и предосудительные (с точки зрения туранских законников) обстоятельства освобождения варвара с каторги вынудили Мораддина бросить опротивевшую донельзя службу.

А спустя несколько дней киммериец и полукровка вступили в борьбу за магическое сокровище гномов, действуя сообща и преследуя одну цель. Борьба эта принесла многие беды владениям султанапурского эмира Хааб-берди: убийство командира кавалерийского корпуса Турлей-хана и придворного мага Радбуша, смерть десятков городских стражников и, наконец, пожар, уничтоживший лучший дом терпимости в городе. Эмирский суд даже слушать не стал бы оправданий Конана, на которого падали подозрения во всех до единого преступлениях. Попадись киммериец властям, не сносить бы ему головы! Никто не поверил бы, что сгоревший дом любовных утех принадлежал старой подруге Конана, а в кончине пятитысячника и мага варвар виноват не больше, чем в их появлении на свет.

Когда сокровище подгорного племени было возвращено хозяевам — гномам, а все сопутствующие тайны и трудности разрешились сами собой, Конан и Мораддин справедливо рассудили, что в Туране им делать больше нечего и плаху разгневанного Хааб-берди увидеть вблизи совершенно не хочется. Они решили как можно скорее покинуть пределы империи. Вначале появилось желание отправиться на полдень, в Коф или Шем, через Хауран, но спустя день пути стало ясно: эмир султанапурский рассвирепел, словно

тигр, коему прищемили дверью хвост, и намерен любой ценой изловить двух злодеев, по чьей вине мирный торговый город перевернулся с ног на голову.

Хааб-берди провел быстрое и не очень тщательное расследование, выяснил, что во всех событиях последних дней принимал участие высокий темноволосый северянин, а потом и бородатый коротышка, и, придя к абсолютно неверным выводам, разослал по округе конные отряды с простым и ясным приказом: доставить двух мерзавцев в Султанапур живыми или мертвыми. Настоящий виновник случившихся в городе безобразий — шейх зуагиров Джафир-аль-Баргэми — остался в тени; о его роли власти или не знали, или просто сочли его непричастным. А кроме того, блистательный эмир хорошо помнил тяжесть киммерийского кулака, с каковым имел несчастье познакомиться при несколько роняющих честь наместника султанапурского обстоятельствах...

Первая стычка с разездом гвардейцев приключилась лигах в пяти полуденнее города, в пустыне. Туранских вояк, с гиканьем и посвистом налетевших на двух мирных путешественников, было до смешного мало — всего-то семеро, и Конана, лениво отбивавшего сабельные удары, больше занимало не то, что высочайшим повелением разрешена охота на диких киммерийцев, как потом выразился Мораддин, а боевое искусство своего приятеля, голыми руками прикончившего четверых кавалеристов и лишь на пятом обнажившего меч, и то больше для страха. Варвару даже обидно стало — он-то уложил всего двоих...

Последнему сцепившемуся с Морадином туранцу выпало прожить чуть дольше остальных. Коротышка быстро и изящно скрутил его, а затем не менее быстро допросил: с какой это, мол, стати доблестная туранская кавалерия кидается на безобидных путников, как на предназначенных для охоты газелей? Гвардеец, заикаясь от страха, поведал о приказе эмира, дрожащим голосом рассказал о передвижении некоторых отрядов, а потом тихо умер, приняв кинжал в сердце. Чтоб не проболтался кому о встреченных злодеях. Убил его, между прочим, Конан. Убил, даже не внемля

брюзжанию Мораддина, не одоббившего столь варварского поступка...

Прячась от рыскающих поблизости отрядов султанапурского эмира, Конан и Мораддин приблизились к стене Кезанкийских гор. Они старались придерживаться восходного направления. Мораддин, отлично знавший все перевалы, что вели в Замору, к Шадизару и Арэнджуну, а также к маленьким городкам на границе с Кофом и к Дороге Королей, гнал лошадь немилосердно. Лишь когда впереди показалась сотня туранской стражи, отрезавшая путь на полдень, коротышка заставил Конана прижаться к торчащим из песчаных барханов желтовато-коричневым скалам Кезанкии и свернуть в первое же ущелье.

— Клянусь Кромом, — бурчал киммериец. — В этой теснине нас задавят, как крыс! И виноват будешь ты!

— Поехали, — твердо сказал Мораддин. — Посмотри, дорога даже вымощена.

Невероятно, но узкая долина с ручейком, исчезавшим в песках Туранской пустыни, действительно была выложена камнем. Не надеясь на пресловутый «покров ночи», оба любителя приключений углубились в расселину под полуденным солнцем, прямо на глазах у туранцев, стоявших не более чем в тысяче шагов.

Это была потрясающая гонка. Неширокое межгорье отлично проводило звук, и Конан со спутником вплоть до вечерней зари слышали топот десятков конногвардейских копыт. Спасибо шейху Джафиру — лошадки, привычные к пустыне, кавалерийским атакам и длительным переходам, бежали резво, а на коротких привалах довольствовались чахлой травой, выбивавшейся из-под камней по краям ручья, да холодной горной водой.

К закату того дня Конан и Мораддин выехали из ущелья в широкую долину, поросшую кустарником и низкими колючими кедрами. Конан с самого начала заметил, что долина постоянно забирает влево и будто огибает по замкнутому кругу уходящий к небу гранитный монолит. Он подозревал, что Мораддин, негласно взявший на себя командование, просчитался, и долина на самом деле куда никуда не ведет.

Так и оказалось.

После ночевки в странном каньоне и последующего дня пути действительно выяснилось, что ущелье образует петлю, а туранцы, предвкушая щедрую награду эмира Хааб-берди, все еще упорно преследуют двоих злоумышленников. Очевидно, они надеялись описать полный круг и выгнать беглецов обратно на равнину...

* * *

— Есть предложение, — сказал Конан, любуясь на косище и подсохший лошадиный навоз. — Давай повернем и рискнем пробиться. Мы вдвоем стоим не меньше вонючей туранской полусотни. Даже если один погибнет, второй обязательно сумеет уйти.

— Варварская логика, — вздохнул Мораддин. — Слышишь?

Отражаясь от скальных стен, сзади доносился шум, очень похожий на грохот копыт нескольких десятков лошадей. Погоня приближалась. Еще немного, и туранский отряд настигнет беглецов, и тогда драки не избежать. И хотя Мораддин отменно знает воинское ремесло и Конан тоже не мальчик, впервые взявший в руки меч, с полусотней врагов им не справиться.

А бежать некуда...

— Очень странно выглядит это место, — проговорил Конан. — Смотри, мы с тобой в самой глубине долины. Мощеная дорога ведет нас по замкнутому кругу, опоясывает очень большую гору. Тебе не кажется, что в горе должна быть пещера и туда должен вести какой-нибудь лаз?

Мораддин хмыкнул и внимательно осмотрелся.

— Ты прав, варвар. Если дорога выложена камнем, значит, когда-то здесь жили люди...

— Или нелюди, — мрачно добавил киммериец. — Или гномы, что то же самое. Может, неподалеку околачиваются твои родственнички?

— Нет, — замотал головой Мораддин. — Зачем гномам строить дорогу на поверхности? Люди, и никто иной. Во имя Эрлика, ты только посмотри!

Пускай сын гнома видел не слишком хорошо при ярком солнечном свете, именно он, а не остроглазый варвар углядел всего в одной пятой лиги темную дыру. Она пряталась в буйных зарослях терновника на склоне красноватого гранитного монолита.

— Пещера! — Мораддин вытянул руку. — У нас есть возможность переждать в укрытии, пока не уедут туранцы. Ну что, рванули?

— Не знаю, — пожал плечами варвар. — Похоже, больше ничего не остается...

Топот копыт приближался. Еще немного, и туранские гвардейцы вылетят из-за поворота.

Два всадника во весь опор понеслись к замеченному пятну на темно-вишневой, с желтоватыми и белыми прожилками, скале. Продравшись сквозь кусты и слегка поранив терновыми колючками лошадей, оба приятеля добрались до высокого, в три человеческих роста, входа в пещеру. Очевидно, ни одно живое существо, кроме разве что пауков да ящериц, не заглядывало сюда уже много-много лет. С округлого потолка пещеры свисали заросли плюща, пахло плесенью и подземельем.

— Надеюсь, пещера достаточно глубока, чтобы нам укрыться вместе с лошадьми, — подозрительно осматривая проход в чрево горы, проворчал киммериец. — Мораддин, ты глянь!

Пол пещеры, на который с изумлением смотрел Конан, тоже был выложен гладко отесанными квадратными плитами. Видимо, здесь действительно кто-то жил в незапамятные времена.

— Скорее! — прошипел Мораддин, указывая взглядом в долину. Там уже виднелись яркие плащи и белые тюрбаны конногвардейцев султанапурского эмира. Туранцы рассыпались по ущелью, будто голодные волки в поисках добычи. Двух лошадей, полускрытых чохлами, засыхающими от безводицы кедрами, они пока не видели.

Конан спрыгнул с седла и, взяв под уздцы упирающегося коня, повел его в темноту пещеры. Мораддин двинулся вслед. К величайшему сожалению варвара, факелов у них

не было, и оставалось лишь надеяться на бывшего начальника аграпурской тайной гвардии, видевшего в темноте лучше любой кошки. Кроме того, у Мораддина был маленький белый дружок, не расстававшийся с хозяином со времен его службы на медных копях, — летучая мышь удивительной светлой окраски, которая охраняла хозяина, точно сторожевая собака, и предупреждала о любых опасностях. Сейчас белая летучая мышка, почувствовав родную стихию, вылезла из-под плаща Мораддина, расправила крылья и понеслась вперед, в сумрак и затхлость пещеры.

Когда они прошли около сотни шагов, мышка вернулась, встревоженно попискивая. Доверявший своей любимице Мораддин насторожился и, поймав Конана за локоть, остановил.

— Что такое? — не понял киммериец. — Где беда?

— Нергал и его демоны, — пробормотал Мораддин. — Моя зверюшка напугана. Я начинаю сожалеть, что пришел сюда. Мышь так не кричала с тех пор, как я встретил в копиях подземного каменного червя, пожирившего заключенных...

— Темно, — вздохнул Конан. — Но ведь ты должен хоть что-то видеть? Скажи, что впереди?

— Широкий коридор, — начал перечислять Мораддин. — Много паутины, засохших растений... Да, кстати, у стены слева, шагах в десяти, лежит человеческий скелет без головы. Череп валяется у тебя под ногами.

— Не надо идти дальше, — уверенно сказал Конан и нащупал носком сапога твердый округлый предмет. — Точно, череп...

Варвар пинком отбросил мертвую голову в сторону, сделал полшага вперед, наткнулся на каменный выступ и вдруг почувствовал, что он вдавливается в пол.

— Ого! — прошептал киммериец. — Интересно...

Конан перенес всю свою тяжесть на податливый камень, совершенно не задумываясь о последствиях. К счастью, потолок не рухнул, из стен не посыпались стрелы, а под ногами не разверзлась бездонная пропасть. То, что случилось, вполне его устраивало: внезапно стены и потолок

стали наливаясь голубоватым призрачным светом, и спустя несколько мгновений варвар сумел различить не только детали конской сбруи, но и черты лица Мораддина, стоявшего в пяти шагах поодаль.

— Ой, как здорово... — выдохнул потомок гномов. — Свет — это прекрасно, особенно для людей, но посмотри на руны... Древняя туранская тайнопись.

Конан поднял голову и действительно увидел на потолке яркие графические символы, совершенно ему непонятные.

— Ты у нас человек ученый, — сказал Конан, не отрывая взгляда от угловатых письмен. — Так прочитай, о чем тут говорится.

Мораддин стоял задрав голову и беззвучно шевелил губами. Наконец он повернулся к варвару и пожал плечами.

— Я не столь силен в древних языках, как ты думаешь. Однако знаю, что такие буквы были в обиходе не меньше полутора тысяч лет назад. Большинство слов непонятны. Вот смотри, первое сложено из рун «Т», «О», двойного «М» и «К». Значение остальных мне неясно. Следующие два слова читаются легко: «Пронзающие время». Понятия не имею, что это такое. Потом идет целая фраза, но не возьму в толк, что подразумевали те, кто ее оставил. Кажется, это предостережение...

— Какое? — зачарованно переспросил Конан, пялясь в потолок.

— «Пройдет только поклонившийся богу», — перевел Мораддин. — Какому богу? Ариману, Эрлику, Митре? Или одному из Забытых? Я некогда занимался историей Турана в хранилище свитков дворца Илдиза, но не встречал там ни одного упоминания о подобных пещерах...

— Неважно, — отмахнулся Конан. — Везде, где речь идет о богах, можно найти вещи, полезные для людей. А ну пошли дальше! Нет, сначала я пойду, а ты коней поддержишь...

Не слушая брюзжания Мораддина, ссылавшегося на свою испуганную мышку, которая теперь сидела на его плече и

недовольно попискивала, варвар осторожно двинулся вперед, благо стены и потолок необычного подземелья давали достаточно света, чтобы разглядеть путь.

В десятке шагов от камня-рычага, зажегшего свет, обнаружилось три ступеньки; подле них валялся очередной скелет. В отличие от первого, этот был расчленен надвое — верхняя и нижняя половины давно умершего человека лежали отдельно. Далее за ступеньками коридор был затянут такой густой паутиной, что Конану подумалось о целой армии пауков, превосходящих размером человеческий кулак. Впрочем, волосатых шестиногих созданий нигде было не видеть. Наверное, пауки, если и обитали здесь, давно передохли от голода.

«Поклонившийся богу... — размышлял Конан, осторожно ступая по коридору. — Так ведь у разных богов свои причуды. Нашему киммерийскому Крому вообще никогда не кланяются, перед Митрой становятся на колени, слегка склоняя голову, Эрлик требует не только коленопреклонения, но и прикосновения лбом к земле... Иштар? Ее можно смело отбросить. При молении Иштар нужно не кланяться, а делать нечто совсем другое, насколько я знаю... Сет? Ерунда! Приверженцев Сета в Туране и Замоге не жаловали испокон веку. Интересно, кто такие «пронзающие время»? Отродясь не слыхал. Всем сердцем чую — поблизости либо ловушка для непосвященного, либо другая гадость. Ведь разделили на куски тех бедолаг...»

По лицу варвара скользнуло легкое дуновение сквозняка из глубины коридора. Подсвеченная голубым паутина, затянувшая проход впереди, слегка заколебалась. Конан насторожился, застыл на полусогнутых ногах. Сзади донесся предостерегающий возглас Мораддина.

В самый последний миг киммериец решил: «Главный бог во всех странах заката и восхода — Митра. Перед ним встают на колени. Ну давай, Конан!»

Варвар так и сделал, опустив вдобавок голову. Тут же над ней просвистело что-то тонкое и острое, из стены вынырнули острейшие стальные штыри и пронзили воздух там, где за миг до того находилась грудь киммерий-

ца, а прямо перед Конаном из разверзшейся каменной плиты вылетела струя голубоватого пламени. Не упав на колени, ему бы отрезало голову либо испекло ноги.

Быстро осмотревшись, Конан увидел на стене камешек с выгравированным знаком, очень напоминавшим овал с туранской руной «Т» в центре. Сразу сообразив, что делать, он вытянул руку и коснулся символа, и тотчас тугая струя пламени исчезла, стальные копы и лезвия попрятались в стены, а вдали раздался неясный шорох, как будто отворилась дверь.

— Мораддин, пойдем! — оглянулся варвар. — Я понял, в чем тут фокус!

Конан осторожно шагал, раздвигая руками паутину, а его низкорослый товарищ, ведя на поводу обеих лошадей, мягкой поступью следовал за ним. Через три сотни шагов коридор неожиданно раздался вширь, каменный потолок ушел вверх, явив взорам летнее голубое небо, и они оказались в огромном круглом колодце, среди уходящих в поднебесье скал. Стена колодца была обработана человеческими руками — неведомые каменотесы вырубили в недрах горы зал, достойный любого дворца. Старательно отшлифованные колонны, статуи невиданных зверей, клыкастые морды демонов... А внизу виднелась полуотворенная, покрытая черной патиной бронзовая дверь. Над ее створками проглядывало изображение самых обычных песочных часов, его опоясывала руническая надпись.

— Очень странно... — покачал головой Мораддин. — По моему, тут написано вот что: «Вошедший да живет вечно милостью бога и своей жертвой». По моему, нам угрожают.

— Трус! — бросил Конан. — Разве не хочешь жить вечно? Вот спасибо туранцам! Если б не упорство доблестных гвардейцев, люди бы не нашли это место еще две-три тысячи лет.

— Своя жертва, — напомнил Мораддин, внимательно изучая надпись. — Какая жертва? Жизнь? Душа? И не называй меня трусом, дикарь! Это не трусость, а благоразумие.

— Жертва! — буркнул Конан, подозрительно взирая на дверные створки размером с султанapurские городские ворота. — А ну пошли, или сам жертвой станешь!

— Великие боги! — еле слышно простонал Мораддин. — И зачем я связался с киммерийским дикарем? Эй, подожди!

* * *

— Красиво, но пусто, — подвел итог Конан. — Я-то надеялся, найдем золото, самоцветы, редкие безделушки, которые купит собиратель древностей... Да, жить вечно в этой дыре я бы не согласился. Тоска смертная.

— Давай пообедаем, а то в животе бурчит, — предложил Мораддин. — Солнце уже заходит, а мы с утра не ели.

Два человека стояли у стены огромного зала, вырубленного, как и весь покинутый храм, в сердце горы. В каменной толще неведомые мастера пробили длиннющие осветительные шахты, и в самые глубокие помещения проникало достаточно света.

Сразу за воротами с изображением песочных часов обнаружилась череда комнат, совершенно пустых, если не считать напластований пыли. Далее шли высокие сводчатые коридоры с каменными скамьями вдоль стен, залы, украшенные резьбой и барельефами со сценами из жизни неизвестного бога, узенькие кельи с медной посудой на столах, дешевой и такой древней, что медь почти без остатка превратилась в зеленоватую пыль — патину... Видимо, в глубине Кезанкийских гор скрывался храм или монастырь погибшего древнего культа. Он был огромен — настоящий город из пещер. Мораддин авторитетно заявил: здесь потрудились люди, не имевшие представления о гномьем искусстве обработки камня. Поэтому храм выглядит примитивным и жилось в нем наверняка тяжело. Между прочим, гномы обитают гораздо глубже, световые шахты у них встречаются редко, а заметных выходов на поверхность они и вовсе не делают.

Осмотрев около десятка помещений с редкими следами пребывания человека (остатки деревянной мебели, керамической посуды и даже два людских скелета), Конан с Мо-

раддином забрели в высоченную, в двадцать человеческих ростов, залу. В ее центре обнаружили гранитный бассейн, полный ключевой воды, и ажурную каменную ограду. К ней путники привязали усталых коней. Варвар рассудил, что в заброшенном храме-городке можно провести дня три, а там, глядишь, туранцы решат, что беглецы сгинули бесследно, и повернут восвояси. А что? Вода есть, припасов, подаренных шейхом Джафиром, хватит еще надолго, лошади могут пощипывать траву, пробивающуюся сквозь щели в каменных плитах. Да и запас овса не так уж мал...

Мораддин согласился.

Некоторое время неугомонная парочка рыскала по пещере. Конан очень надеялся обнаружить в большом зале или ближайших комнатах древние сокровища, на худой конец, хоть что-нибудь ценное. Однако поиски не увенчались успехом. Кругом только пыль, полурассыпавшаяся утварь да помет летучих мышей. Кстати, Мораддинова мышка, сорвавшись с плеча хозяина, уже успела навести панику в семьях сородичей, гнездившихся под потолком большого зала.

— Та-ак. — Мораддин с кряхтением подтащил к возвышавшейся над полом голубой лазуритовой плите каменный стул. — Вспомним, как должны принимать пищу воспитанные люди, а не бродяги из варварских северных стран.

— Бродяги! — Конан возмущенно фыркнул. — Посмотрел я на твоих гномов! Да ни один киммериец не согласится жить под землей, ползать на четвереньках и выковыривать алмазы из дерьма подгорных крыс! Мы придем и выгребем мечами все, что накопили гномы!

— Балда, — вздохнул Мораддин. — За всю историю народа гномов не было случая, чтобы человек, пришедший в их горы с оружием и дурными намерениями, ушел живым. Род моего отца хоть и потерпел однажды поражение в магическом поединке, тысячи лет не давал спуску инопланетникам!

Варвар понял, что начинается бесполезный спор. Мораддин, наполовину бритунец, наполовину гном, помешанный на кровных узах, защищал свою бородатую родню с неис-

сякаемым пылом. Причем постоять за своих сын Гроина, предводителя гномьего племени, мог и с оружием в руках. Конан с первых дней знакомства искренне дивился, как такому невеличке удастся в шуточном поединке уложить его, сильного и длинного, почти сразу или выбить из рук меч двумя-тремя неуловимыми финтами?

— Ладно,— махнул рукой киммериец.— Давай лучше пожужим. Хочешь есть за столом — пожалуйста.

В качестве стола Мораддин решил воспользоваться массивной квадратной плитой, которую несколько столбиков удерживали в горизонтальном положении на высоте в половину человеческого роста. Похоже, лазуритовый монолит был единственной ценной вещью во всем мертвом храме, но, к вящему сожалению киммерийца, тяжести он был неимоверной. Вывезти из пещеры эту синюю с серебряными вкраплениями плиту было бы невозможно.

Пока Мораддин доставал из выючных мешков бурдюки с вином и водой, Конан вынул свой кинжал (с виду обычный, а на самом деле — произведение искусства древнего мага Раэна Танасульского), развернул промасленную ткань и разрезал лепешки, кладя куски прямо на лазуритовую плиту.

— Ты хоть пыль смахнул? — насторожился Мораддин.— Не клади хлеб в грязь!

— Смахнул, смахнул,— поморщился варвар и тут же протянул руку к коротышке.— Дай вина хлебнуть.

Развязав горловину бурдюка, Мораддин отпил и передал небольшой раздутый кожаный мешок киммерийцу. Конан, отложив кинжал, сделал несколько больших глотков. Струйка вина с подбородка варвара разбилась о синюю плиту.

— Мяса подай,— сказал Конан и, когда кусок прокопченной баранины оказался в его руках, снова взял прямой аквилонский клинок и начал разрезать приятно пахнущий бараний бок. На одном из ребрышек лезвие соскочило, задело палец, и Конан замысловато выругался. Стряхнув капли на забрызганный вином стол, варвар отправил палец в рот.

— Сильно порезался? — поинтересовался Мораддин.— Будь повнимательнее...

— Заткнись! — поморщился киммериец. — Ничего, ерунда. Кстати, я тебе рассказывал, как мне однажды левую руку едва не отрубили?

— За что?

— Да так...— нехотя начал Конан.— В Шадизаре за благородное искусство, которому покровительствует Бел, обычно руки рубят. Если попадешься, конечно. А я тогда был неопытный, молодой...

— Фу! — скривился Мораддин, опираясь обеими руками на край лазуритовой плиты.— Я и раньше догадывался, что ты на своем веку не только мечом промышлял... Постой, что это?

Мир вокруг неожиданно стал блекнуть, темно-красные стены зала — терять цвет, и лишь импровизированный стол оставался ярко-синим. Послышался тонкий свист, он звучал все громче, в глубине накрытой к ужину плиты зародилось холодное голубое пламя. Как только Конан с Морадином отскочили в сторону, раздался громкий хлопок, все кругом перевернулось, закружилось в розово-синем смерче и исчезло, сменившись чем-то другим, незнакомым...

Кони на привязи у родника испуганно вертели головами, искали хозяев. Мешки лежали на месте, синяя плита, только что вспыхнувшая колдовским огнем, по-прежнему неколебимо возвышалась у стены, на ней покоилось несколько лепешек, кусок мяса и бурдюк красного вина...

А люди исчезли.

Глава вторая

Это ты виноват! — рычал Конан. — Приспичило ему за столом есть! Нахватался приличий при дворе Илдиза!

— Отцепись. — Мораддин сидел на траве, держась за виски и раскачиваясь. — Откуда я знал, что синяя плита — нечто вроде алтаря?

— Головой думать надо! — рявкнул киммериец. — Видели же — кругом один гранит, а плита из лазоревого камня! Помнишь надпись о жертве неизвестному богу? Похоже, мы этими жертвами и стали! А хуже всего, что я и сейчас голодный! Вся жратва там осталась!

— Там... — вздохнул Мораддин. — Вот интересно, «там» — это где?

— В Туране! А где мы — совершенно непонятно!

В тот момент, когда сияние алтаря стало ослепительным и раздался странный хлопок, Конан с Мораддином потеряли сознание, а придя в себя, обнаружили, что заброшенный пещерный храм исчез без следа, как, впрочем, и Кезанкийские горы, пустыня и кольцевая долина. Кони и мешки с припасами, несомненно, пропали вместе с древним святилищем. Из животных при путниках осталась лишь белая мышка, сейчас она ошалело ползала кругами по траве.

А еще вместе со своими владельцами переместились мечи, кошельки с деньгами на поясах и волшебный кинжал — его киммериец не выпускал из руки.

Придя в себя после странного происшествия в храме, варвар с неподдельным изумлением обнаружил, что вокруг высятся покрытые густым южным лесом холмы, а они с Мораддином возлежат на невысокой траве, устилающей долину между двумя цепями покатых гор. Неподалеку петляла узкая речушка.

Оглядевшись как следует, Конан заметил вдалеке за голубоватой дымкой совершенно незнакомые очертания зубчатого кряжа. Но самое удивительное: солнце — совсем такое же, как над Тураном, Аквилонией и даже Стигией, и заходившее в момент, когда Мораддин предложил пообедать, сейчас стояло почти в зените. Полдень, очевидно, только что миновал.

Некоторое время прошло в выяснении, кто во всем виноват, что теперь делать и вообще куда зашвырнуло незадачливых искателей приключений. Конан упрямо твердил, что все из-за Мораддина, они наверняка попали в царство Нергала или кого похуже и долго тут не протянут, того и гляди нагрянет свора демонов и сожрет незваных гостей. Мораддин рассудительно возразил, что в вотчине Нергала не могут расти леса, а тем более — светить солнце. Хотя, конечно, зашвырнуло их обоих далеко, это как пить дать. Такие деревья и травы растут далеко за Стигией, в Дарфаре и Черных Королевствах.

— Нет, нет, — замотал головой варвар в ответ на предположения приятеля. — Помнишь, я тебе рассказывал про Белит? Мы с ней бывали в Стигии, Кешане, Дарфаре... К самым границам Зембабве подбирались. Здесь ничего похожего! Видишь холмы, а за ними горы? Возле Черных Королевств гор нигде нет...

— Постой. — Мораддин, подслеповато щурясь, рассматривал округу. — Это, конечно, не полночная страна и не земли у Западного океана. Ты говоришь, полуденными государствами здесь и не пахнет... Это точно не Туран — я его изъездил до последней лиги, и не Иранистан — там в основном степи да пустыни. Остается предположить, что алтарь, которому мы принесли неведомую жертву, перенес нас либо в Вендию, либо в Кхитай. С чем тебя и поздравляю...

— Ве-ендия,— поморщившись, протянул Конан.— Я, когда с Белит на «Тигрице» плавал, слышал байки о каком-то Закатном Материке Му. Как знать, вдруг нас забросило именно туда?

— Оставь,— покачал головой Мораддин и, поднявшись на ноги, отряхнулся.— Хватит расслаживаться! Все равно не пойдем, что с нами случилось. Необходимо найти людей и порасспросить...

— Порасспросить? — Варвар рассмеялся.— Знаток наречий нашелся! Старые туранские руны и то не смог толком разобрать. А строители храма наверняка предупреждали чужаков об опасности!

— Конечно.— Мораддин нагнулся, подобрал прикорнувшую было в тени влажной травы мышку и сунул за пазуху.— Вот так всегда, я во всем виноват. А ты хотел как лучше.

С обоюдного согласия пошли в сторону гор, минуя долину и холмы. Если в неизвестной стране живут люди, то села или города могут встретиться ближе к горам, но никак не в лесу.

Довольно долго Конан с Мораджином поднимались на холм, почти не выбирая пути. Вначале пытались идти вдоль речки, но пришлось свернуть налево, в обход нагромождения валунов. Далее до вершины холма раскинулся лес, слегка похожий на дарфарские джунгли. Только здесь, отметил Конан, деревья совсем другие, запах резкий и незнакомый, а после встречи с парой удивительных зверей даже Мораддин признал: страна совершенно незнакомая.

Вскоре варвар различил на ветках раскидистого дерева большое рыжеватое животное. Оно не испугалось людей, даже заинтересовалось. Путники находились шагах в десяти от дерева, когда зверь спрыгнул на толстый ковер прелых листьев и замер в ожидании.

— Это обезьяна,— рассмотрев любопытное существо, уверенно заявил Конан.— Только я таких никогда не встречал.

Обезьяна была вдвое ниже человека и сплошь покрыта длинной рыжей шерстью, морда ее напоминала сморщен-

ный желтый лимон. Длинные руки с красивыми, почти человеческими пальцами свисали до самой земли, небольшие уши подергивались, глаза песочного цвета казались умными и беззлобными. Зверь вел себя так, словно повстречал дальних родственников.

— Ну-ну,— усмехнулся Конан, рассматривая рыжего аборигена.— Мораддин, знаешь, я в Аквилонии однажды пил с учениками тарантийского университета, и они мне потрясающую вещь открыли! Будто бы люди не созданы Митрой или другими богами, а произошли от таких вот обезьян. Слушай, а от кого тогда произошли гномы?

— От Прародителя,— серьезно ответил Мораддин,— Великого Длиннобородого Отца. Спасибо, что рассказал, теперь знаю, почему человеческий род настолько гнусен... Всмотрись в своего предка и узнаешь себя.

— Ого,— вдруг выдохнул киммериец.— Ты глянь, медведь!

Рыжая обезьяна обернулась на шум раздвигаемых веток и мигом забралась на ближайшее дерево. Прямо на Конана и Мораджина шел настоящий медведь. Размерами, конечно, он был не ровня серым пещерным медведям с гор Киммерии, зато его окраска безусловно выигрывала.

— Отойдем.— Мораддин взял варвара за руку и оттащил в сторону.— Пусть он невелик, зря рисковать не стоит.

У ствола дерева высотой локтей триста люди подождали, пока медведь пройдет мимо.

— Очень красивый зверь,— улыбнулся Мораддин.

— Есть хочется.— Конан вздохнул, рассматривая черно-белое животное с умильной мордой. Медведь был весь в черно-бурых и светлых пятнах, вокруг глаз шерсть была цвета слоновой кости, и вообще, его шкура украсила бы дворец любого владыки.— Давай его уьем и попробуем зажарить.

Будто услышав слова киммерийца, медведь остановился, повернул голову к людям и тихонько рыкнул, не угрожающе, а скорее удивленно. Потом неторопливо заковылял дальше.

— Пищу найдем,— сказал Мораддин.— Между прочим, сомневаюсь, что ты можешь в один присест слопать столько мяса.

— Поспорим? — поднял бровь Конан и с сожалением проводил взглядом исчезающего в кустах пегого зверя. Из-за ворота рубахи Мораддина летучая мышь настороженно смотрела красными глазками на варвара, который потирал бурчащий живот.— Ну хорошо, пойдём на вершину холма и поглядим, что вокруг творится. Но учти, если не добудем еды до заката, съём не медведя, а тебя. А мышкой закушу.

Попривыкший к варварским шуточкам Мораддин спокойно повернулся и зашагал вверх по склону. Киммериец двинулся вслед, изредка поглядывая на рыжую обезьяну. Она возбужденно скакала по веткам, несомненно, люди ей очень понравились. Никакого сходства с самим собой Конан в жителе чужих лесов не нашел. Врали тарантийские студенты...

Оказывается, лесом поросла только обращенная к солнцу часть холма. Склон, который, по прикидкам Мораддина, опускался к полночи, был почти голым, если не считать высоких трав и куп светло-зеленого кустарника. Оставив за спиной древние деревья, люди задержались на самом гребне возвышенности и осмотрелись. Обезьяна, оправдывая известную стигийскую поговорку, в точности повторяла жесты новых двуногих знакомцев: вертела головой, приставив ладонь ко лбу.

— Здесь живут люди,— уверенно заявил Конан.— Посмотри, всего в четверти лиги — дорога. Не ошибусь, если скажу, что она вымощена.

— Да-да,— подтвердил Мораддин.— Похоже, ею пользуются. А где есть тракт, должны быть и поселения. Вот мы и выбрались. Остается лишь сочинить правдоподобную историю о том, откуда мы взялись и что делаем в этой стране.

— Пойдем,— сказал Конан.— Надо поискать еды. Надеюсь, здешние жители знакомы с золотом и продадут мяса с хлебом.

Варвар ласково погладил притороченный к поясу кошелек, набитый туранскими империялами, и шагнул вперед.

* * *

Первая лига пути по абсолютно пустому тракту принесла лишь очередные загадки. Во-первых, дорога была вымощена не обычными в странах заката или Туране квадратными плитами, а гладко пригнанными друг к другу шестиугольниками, на каждом из них виднелся выгравированный символ, отдаленно похожий на кхитайский знак «Тхун-Цзин-де-Лу»; приблизительно это переводится как «путь к столице или большому городу». Конан, который однажды побывал на границах Кхитая, мало-мальски освоил тамошние наречия, а о Мораддине, который учился в юности у кхитайского наставника боевым искусствам, и говорить нечего — потомок гномов отлично говорил и писал на кхитайском.

— Вполне может статься, что это земля властителей Восходной Империи Кхитай,— предположил Мораддин.— Только я не могу понять, отчего символ «Тхун-Цзин-де-Лу» начертан несколько иначе...

— Лучше подумай, как отсюда выбраться,— мрачно сказал Конан.— Я начинаю верить, что нас занесло за тысячи лиг на восход, но не представляю, что сейчас делается в твоём проклятом Кхитае, какие у здешнего народа обычаи и можно ли купить на туранское золото хотя бы еду, уже не говоря о лошадях и снаряжении для обратного путешествия.

— Я не уверен, что это Кхитай,— грустно произнес Мораддин, осторожно поглаживая висящую на плече мышку.— Мой учитель говорил, будто за границами Империи, ближе к восходу, есть и другие страны. Камбуя, например. Или некое Островное королевство, похожее на родину учителя, но вместе с тем разительно отличающееся... Он называл это государство Джапуном.

— Джапун,— проворчал Конан.— Никогда не слышал... Ого, Мораддин, взгляни! Камень с надписями!

У правого края дороги возвышался четырехгранный обелиск с выбитыми на нем рельефными знаками. Мораддин с интересом подошел к камню, долго рассматривал, шепотом выговаривая странные слова, и наконец повернулся к киммерийцу:

— Здесь написано вот что: «Вы переходите границу земель семьи Тайса. Пусть каждого путника хранят Поднебесные Боги на пути к Сы-Цзин».

Мораддин запнулся и по некотором размышлении сказал:

— Знаешь, «Сы-Цзин» можно перевести как «Западная Столица». Видимо, мы идем к одному из главных городов этой страны. Но могу повторить, это не Кхитай, хотя символы очень похожи на принятые там. И посмотри, как украшен камень. Самый настоящий стиль «Лу», но есть различия...

— «Лу»? — нахмурился Конан. — А ты откуда знаешь? По-моему, это просто крыша над камушком, чтобы дожди не портили надпись.

Варвар совершенно не оценил изящества многоскатной крыши над стелой. Крыша как крыша, похожа на кхитайскую...

— Нам идти далеко, давай поспешим. — Мораддин отстранился от камня с письменами и медленно пошел вперед. — Есть надежда встретить по дороге маленькие поселения. Там и набьешь ненасытное брюхо.

Эх, жаль, нет лошадей, подумал Конан. От своих ног проку мало, стало быть, до Западной Столицы, о которой говорил Мораддин, наверняка много дней пути. По сторонам тракта высились глухие стены леса, изредка дорогу пересекали необычные животные и птицы — пестрые, яркие. Людей по-прежнему не встречалось.

— Наверное, это очень дикая страна, — рассуждал варвар, легко вышагивая по шестиугольным гладким плитам. — Дорога есть, зверье всякое бегают, и ни одного человека.

— В дикой стране, — заметил бывший капитан гвардии Илдиза, — не строят хороших дорог. Скажи, в Киммерии есть дороги?

— Одна есть, — с гордостью ответил Конан. — Торговый путь на Аквилонию. Правда, замостить никак не получается, однако это не беда... Эй, Мораддин, ничего не слышишь?

Тракт резко поворачивал влево, из-за поворота неожиданно донеслись звуки, одинаковые во всех странах и знакомые любому уху — бряцанье стального оружия. Его сопровождало ржание коней, гортанные выкрики бьющихся противников, и, наконец, часто застучали копыта. Шум стремительно приближался.

— Хотел людей — получи, — скороговоркой произнес Мораддин. — Отойдем в сторону?

Конан кивнул и отскочил к зарослям кустов, усыпанных яркими оранжевыми цветами. На драку лучше посмотреть со стороны и вмешаться не раньше, чем определишь силы врага. Мораддин стал рядом, положив ладонь на рукоятку меча.

Из-за поворота вылетел всадник, а за ним с задорным гиканьем неслись еще трое. С первого взгляда Конану и Морадину стало ясно, что первого всадника преследуют. Двое кричащих седоков, облаченных в одинаковую одежду, размахивали слегка изогнутыми мечами, а третий раскручивал аркан. Не замечая Конана и Мораддина, охотники и жертва пронеслись мимо, свистнула ременная петля, и передний всадник полетел на дорогу. Остальные спешили, выставили вперед клинки и кошачьей поступью двинулись к поверженному. Похоже, они собирались убить его на месте.

— Нехорошо, — ровным голосом произнес Мораддин. — Их трое, а он один.

— А вдруг идет охота на важного преступника? — предположил Конан. — Видишь, троица одета в похожие плащи? Значит, стража или военные. Хочешь вмешаться?

— Погодим, — буркнул Мораддин, наблюдая, как вырванный арканом из седла всадник сбросил петлю, вскочил и, выхватив тонкий меч с едва заметной круглой гардой, принял боевую стойку. Он наверняка решил драться насмерть, а потому сбросил шлем. Это было разумно: шлем сокращал обзор, к тому же противники наступали с трех сторон.

— Отродье Сета! — ругнулся Конан. — Морадин, это же девчонка!

Да, воин, отбросивший в сторону шлем, был женщиной. Развязался узел на затылке, по плечам рассыпались иссиня-черные волосы. Черты лица, без сомнения, указывали на восточную красавицу-аристократку. Девушка, обнажив мелкие белые зубы в недоброй ухмылке, готовилась либо победить, либо умереть...

— Женщина все-таки, — озабоченно пожал плечами Конан. — А против нее трое мужиков... Поможем?

— Поможем, — согласился Морадин, вытаскивая клинок. — Хотя... Она и без нас неплохо справляется.

Длинноволосая красавица, держа меч обеими руками, изящными и почти незаметными движениями парировала глубокие выпады нападавших, при этом не подпуская их к себе ни на шаг. Два-три неразличимых глазом удара, и на плече у одного из противников заалело пятно. Но он не вышел из боя, напротив, атаковал еще энергичней. Пока молодая красотка отражала резкие и умелые удары, Конан с Морадином не самым честным образом подобрались сзади к ее противникам и зарубили раненого, а затем варвар метнул свой магический кинжал, служивший зачастую самым обычным оружием, в самого ретивого из нападавших.

Остался лишь один, и он повернулся к Морадину. Потомок гномов легко отразил его меч и сильным ударом левого кулака по шее повалил на землю. Девушка, мгновенно подскочив к поверженному неприятелю, вонзила острие меча в его грудь, выпрямилась и недоверчиво поглядела на своих спасителей.

— Лихо ты дерешься, — широко улыбаясь, по-турански сказал Конан.

Красавица, высвободив меч, подняла его и медленно попятилась. Похоже, она не поняла слов киммерийца. Морадин решил блеснуть своим знанием кхитайского и, подняв левую руку ладонью вперед, проговорил:

— Мы тебе не враги. Мы из другой страны. Решили помочь...

— Сама вижу, — быстро ответила девушка. Речь ее была похожа на кхитайскую, но странный акцент доказывал, что она не принадлежит к числу подданных Империи. Кроме того, в Кхитае было не принято учить женщин боевым искусствам. — Что вы хотите?

— Помочь, — пожал плечами Морадин. — А еще узнать, как называется эта страна.

— Помочь? — красотка была явно озадачена. — Клянесь Восходящим Солнцем и Нефритовым Императором?

— Ну-у... — протянул Морадин, не представляя, что символизирует Восходящее Солнце и кем правит император из нефрита. — Хорошо, клянемся. Что надо делать?

— Ловите коней, — приказала девушка. — И назад. Там, за поворотом — мой друг. Его надо спасти. Дом Тайса отблагодарит вас со всей щедростью, иноземцы!

* * *

Конан с трудом влез в непривычное, с высокими луками, седло, Морадин же, оценив роскошную упряжь низких гладкошерстных лошадей, быстро проговорил на туранском:

— Очередное доказательство того, что нас занесло не в Кхитай. Наверняка это пограничная или близлежащая страна.

— Ну и что? — не понял варвар. — В чем разница?

— Потом, — бросил Морадин, увидев, что темноволосая девушка поймала свою лошадь и одним прыжком взлетела в седло.

— Вперед! — скомандовала она. — Убивайте всех, кроме человека в красном!

— А что здесь происходит? — осведомился Конан, прищипывая лошадь. — Я часто дерусь, но обычно знаю, за что и за кого!

— За семью Тайса! — крикнула девушка. — За меч, яшму и зеркало!

— Бред, — проворчал Конан.

Скакуны уже перешли на галоп, и выспрашивать красотку, видимо носившую имя Тайса, о ее родственниках или о перечисленных ею безделицах не было времени.

Петля тракта вывела трех всадников к широкой поляне. Слева от дороги разбрелись и пощипывали траву кони, киммериец успел насчитать десять животных, следовательно, и врагов, досаждавших неведомому «другу» новой знакомой, должно быть не меньше девяти.

— Опоздали! — с мукой в голосе выкрикнула воинственная красавица. — Они убили Кисо! Мерзавцы!

При виде того, что творилось на поляне, даже бывалому киммерийцу стало нехорошо. Несколько человек в темно-зеленых кафтанах и штанах и в квадратных черных шапочках увлеченно рубили на куски труп мужчины в ярких багровых одеждах, подвешенный за ногу к ветке невысокого дерева. Несчастному уже отсекали обе руки, на туловище виднелись чудовищные раны, из них вываливались синеватые внутренности, обезображенное лицо было залито многочисленными струями темной крови, а внизу трава поменила свой цвет с зеленого на алый.

Ослепленная яростью девушка с нечленораздельным воплем бросилась вперед, за ней помчался Конан, а Мораддин, более привычный к пешему бою, прыгнул на землю и пробормотал:

— Кажется, опять влипли...

На полном скаку черноволосая снесла голову одному из убийц ее друга, развернула лошадь и снова кинулась в атаку. Конан привычно орудовал мечом до тех пор, пока клинок самого низкорослого и юркого неприятеля не разрубил коню переднюю ногу чуть выше колена и лошадь не завалилась набок, придавив своей тяжестью киммерийца. Варвару оставалось одно мгновение, чтобы попрощаться с жизнью, — человек в зеленом поднял изогнутый меч, он явно вознамерился отсечь Конану голову. Но страшный миг миновал, и узкоглазую физиономию врага сменило улыбающееся лицо Мораддина.

— Прилег отдохнуть? Выбирайся!

Пока варвар вылезал из-под агонизирующего коня, Мораддин сразил двоих, черноволосая — еще одного, а остальные убийцы, видя, что силы не на их стороне, начали отступать к мирно пасущимся коням.

— Всех убиты! — иступленно выкрикнула девушка.

«Кром и боги Полуночи! — подумал Конан, на которого набросился тот самый проныра, что покалечил лошадь. — Что здесь все-таки происходит?»

Надо полагать, жители таинственной страны не были знакомы с техникой боя на длинных прямых клинках, которые можно держать и одной, и двумя руками. Киммериец, сделав обманное движение, широким взмахом распорол желтокожему живот и бросился к другому врагу, который уже вскочил на лошадь и лупил ее пятками и поводьями, спеша покинуть поле боя. Мораддин, вошедший в боевой экстаз и вспомнивший свое ратное умение, отбросил меч и с голыми руками напал сразу на двух противников. Белая летучая мышь описывала над головой хозяйина круги и зигзаги и радостно верещала.

Конан настиг пытавшегося скрыться неприятеля, поймал его лошадь за узду, а левой рукой изо всех сил ударил бедное животное по храпу. Этому приему варвара некогда обучил ходивший на «Тигрице» вместе с ним и Белит наемник из Астарда по имени Рагнар. Вот и теперь лошадь взбрыкнула от неожиданности, а когда варвар пнул ее в бок, упала. Тотчас подскочила девушка и, не размышляя, рубанула всадника по голове, и снова траву на поляне оросила кровь.

Мораддин, разгоряченный поединком с двумя вооруженными людьми, которых он убил ударами пальцев в особые точки на шее, оглядел поляну и разочарованно покачал головой.

— По-моему, всех прикончили, как ты и требовала, госпожа. Конан, тебе не кажется, что мы постоянно впутываемся в самые неприятные истории?

— Зато жить веселее, — хохотнул варвар. — Уложить девятерых за время, которого едва хватило бы на кружку пива? Нет, что ни говори, мы с тобой молодцы!

Девушка толкнула кулаком Конана, говорившего на непонятном языке, и спросила по-кхитайски:

— Как твое имя, воин?

— Обычно люди зовут меня Конаном, — ответил киммериец, старательно подбирая кхитайские слова. — А вот

его мамаша обозвала Морадином.— Варвар ткнул большим пальцем в сторону потомка гномов, который держал в руке дрожащую от возбуждения мышку.— Он жил в Туране, а я родился в Киммерии...

— Да? — нахмурилась красотка.— А где это?

— Далеко,— хором отозвались Конан с приятелем. Оба были убеждены, что и Туран, и горная полуночная страна варваров — на другом краю света.

— Скажи, благородная госпожа,— вежливо заговорил Мораддин.— А как называется твоя страна?

— Империя Паган,— гордо отозвалась девушка.— Прежде она именовалась Ра-Танг, что означает «Берег Проклятых», ибо морские змеи водились здесь в изобилии, и выжить в этих краях могли лишь немногие. Но войны трех Великих Семей уничтожили нечисть, и теперь мы не ведаем страха перед Океаном... Что же до меня, то мое имя Томэо Йосинаки Тайса, дочь первой из трех Семей. Но вы можете называть меня просто Томэо.— Внезапно девушка всплеснула руками.— Великая Омитасу, что эти псы сотворили с моим женихом?!

Томэо повернулась к изрубленному телу, по-прежнему висящему на дереве. На ее лице отразились ненависть и страдание. Девушка упала на колени прямо на залитую кровью траву.

— Не надо ей мешать,— шепнул Мораддин на ухо варвару, которого подмывало задать новые вопросы.— Видишь, эти зеленые убили ее суженого?

Конан молча подождал, пока Томэо закончит неизвестный ему обряд, во время которого она беззвучно шевелила губами, терла лицо ладонями и несколько раз поклонилась, коснувшись лицом земли. Наконец Томэо встала. Лицо ее было спокойным и сосредоточенным.

— Моего Кисо взял к себе Нефритовый Император,— сказала девушка.— Теперь Кисо будет радовать не меня, а красавиц из свиты Омитасу.— Заметив недоумение варвара и Морадина, Томэо пояснила: — Омитасу и Нефритовый Император — владыки жизни и смерти, и каждый ушедший из мира людей приходит в их дворец...

— Похоронить бы надо.— Конан, как и все варвары полуночных стран, считал, что нельзя оставлять тело непогребенным, иначе душа покойника будет докучать живым. Однако вспоминал об этом киммериец только в исключительных случаях, как, например, сегодня.— Давай мы с Морадином могилу выроем.

— Ваш народ хоронит мертвых в земле, иноземец? — слабо улыбнулась девушка.— У нас другой обычай.

— В Киммерии сжигают тела,— отвечал Конан.— Но если нельзя отдать мертвого огню Крома, его кладут в землю.

— Паган знает только сожжение,— сказала Томэо.— Однако сейчас есть возможность предать моего Кисо священному огню из Ока Нефритового Императора.— Томэо указала рукой на солнце.

Девушка подошла к своей лошади, сняла вьючный мешок из желтоватой кожи, развязала горловину, покопалась и вынула небольшое круглое зеркало в простой серебряной оправе.

«Серебро,— подумал варвар.— Даже если здесь замешана магия, она не злая. Силы Ночи и прислужники Сета боятся серебра...»

Томэо вытащила кинжал из ножен, пришитых к матерчатому поясу ее одежды, встала на цыпочки и перерезала веревку, и когда тело ее бывшего жениха упало на окровавленную траву, отошла в сторону, на открытое место. Поймав зеркалом солнечный луч, Томэо направила его отражение на труп. Золотистый солнечный зайчик коснулся покрытого страшными ранами лица и скользнул по одежде к ногам.

Тело вдруг задымилось, почернело, его объял почти не приметный в свете жаркого южного солнца голубоватый огонь. Дым исчез, когда догорела одежда, и Конан с Морадином зачарованно наблюдали, как пламя пожирает источающийся остов человека, обнажает кости, превращает в сероватую, сносимую легким ветерком пыль некогда живую плоть и растворяет в себе желтоватый скелет...

— Отец всех гномов! — едва слышно прошептал Мораддин.— Хотел бы я заслужить такое погребение!

— Здорово! — Конан с нескрываемым интересом смотрел, как покойник исчезает в отраженном луче солнца. — Нет, это добрая магия. Между прочим, Мораддин, если Томэо — колдунья, можно попросить, чтобы она нас переправила обратно. Все-таки Туран поближе к закатным странам, чем границы Кхитая.

— Паган, — проворчал бывший гвардеец. — Об этой стране нет упоминаний в летописях или рассказах знаменитых путешественников... Нас занесло очень далеко.

— И во всем виноват ты.

Увидев, что труп Кисо растаял в солнечном жаре без остатка, а девушка опустила зеркало, Мораддин повернулся к ней.

— Томэо, скажи, пожалуйста, далеко ли от твоей страны Кхитай и Вендия?

— Кхитай? — От изумления у красавицы округлились глаза. — Совсем рядом. Видишь те горы на закате? Сразу за ними.

Значит, чтобы вернуться в Туран, необходимо пересечь всю Великую Империю Восхода, Вендию и Иранистан...

— Кром! — рявкнул Конан, тряхнув мечом, который по-прежнему сжимал в руке. — Мораддин, я тебя сейчас убью! Дернула же тебя нелегкая ужинать за древним алтарем!

Поразмыслив, Мораддин нахмурился.

— Там упоминались некие «пронзающие время»... Конан, тебе не кажется, что мы с тобой пополнили их ряды? — Потомок гномов обратился к Томэо: — Послушай, благородная госпожа, тебе, случаем, не известно, кто сейчас властвует над государством Туран? Повелитель Илдиз?

— Повторяю, я никогда раньше не слышала о такой стране или повелителе Илдизе, — замотала головой Томэо. — Послушайте, чужестранцы, отчего бы нам не поговорить по пути? К дому Цзи Дарума путь немалый, а нас могут преследовать. Ловите лошадей! Дохлых псов Сутари мы оставим без погребения...

Глава третья

Томэо даже повидавшему разные страны и обычаи Конану казалась очень необычной девушкой. Негодяи в зеленой одежде только что разделали, будто свинью на бойне, ее жениха, а она вовсе не выглядит убитой горем. Мало того, на желтоватом, как, впрочем, у всех жителей восточных стран, лице блуждает умиротворенная улыбка.

За первые несколько лиг совместного пути Конан успел рассмотреть Томэо с головы до пят и сделал вывод: здешние женщины — создания красивые и воинственные, а потому ему нравятся. Томэо была невысока ростом, лишь на голову выше коротышки Мораддина; длинные прямые волосы она завязала в узел, укрепив его тонкими и острыми полосками металла, которые вполне могли служить метательными кинжалами; в глазах, не таких узких, как у кхитайцев, а скорее миндалевидных, светились природное умение повелевать, упрямство и решительность.

Одевалась Томэо, скорее всего, по мужской моде — свободные штаны темно-вишневого цвета и нечто похожее на кафтан с широким матерчатым поясом. Ножны с мечом девушка, сняв с пояса, переместила за спину. Конан молчаливо одобрил такое решение, благо сам всегда носил клинок за спиной, не понимая воителей, таскавших мечи или сабли на перевязи у бедра.

— Она слегка напоминает Белит, — тихо сказал Конан Мораддину по-турански. — Моя шемитка тоже была немножко сумасшедшей и владела оружием не хуже нас с тобой.

— Не хуже... — усмехнулся Мораддин. — Я не встречал женщин, по крайней мере в закатных странах, способных не то что меч, а самый обыкновенный кухонный нож держать так, чтобы не порезаться. Насчет Белит не знаю, а Томэо на первый взгляд еще слабовато освоила технику боя с несколькими противниками...

Девушка, услышав свое имя, обернулась.

— О чем разговор? — поинтересовалась она. — Обо мне?

— Мораддин говорит, ты плохо обучена драться с двумя или тремя нападающими, — с саркастической улыбкой перевел Конан на кхитайский слова Мораддина. — По-моему, он ошибается.

— Ерунда какая! — поморщилась Томэо. — Конечно, я пока недостаточно выучилась, но убить троих соглядатаев Сутари, погнавшихся за мной, смогла бы самостоятельно! Желтоухие шакалы!

Между прочим, трое путников сейчас направлялись в сторону, откуда пришли Конан с Морадином. Варвар был недоволен — вместо веселого путешествия к Западной Столице пришлось повернуть кругом и ехать обратно к холмам, за которыми, как видно, находился таинственный «дом Цзи Дарума». Наверное, там жили родственники Томэо.

— Послушай. — Мораддин прищипорил коня и поравнялся с девушкой. Томэо обернулась и смерила его надменным взглядом, в котором, однако, присутствовало и любопытство. — Будь любезна, скажи пришельцу из дальней страны, кто такой Сутари? Я так понял, это человек, пославший за тобой и твоим женихом убийц?

— Долгая история, — хмуро сказала Томэо. — Однако иноземцу простительно не знать о вражде дома Тайса и клана Барата.

— В Пагане что, война? — подал голос Конан и сокрушенно добавил: — Точно, влипли...

— Моя семья, — эти слова Томэо произнесла с искренней гордостью, — не воюет с Барата, ибо воевать можно лишь с иноземцами. Тайса подняли мятеж против сумасшедшего императора Готобы и его нэйу-буджана Сутари...

— А что такое нэйу-буджан? — простодушно спросил варвар.

— Это министр, ведающий внутригосударственными делами, — опередил его спутник открывшую было рот Томэо. — Вроде визиря при дворе туранского эмира. Понятно?

— Так! — хмыкнул варвар и почесал в затылке. — Это что же получается, друг Мораддин? Мы напали на слуг визиря, государственных стражников, перебили всех до одного, спасли жизнь мятежнице, а теперь едем вместе с ней неизвестно куда? Чешуя Сета и его змееныши! Нигде покоя нет!

— Благородная госпожа. — Мораддин снова повернулся к Томэо. — Значит, твоя семья, несомненно достойнейшая из достойных, восстала против власти нынешнего правителя страны? Мы тебя правильно поняли?

— Правильно, — кивнула девушка. — Давайте я лучше расскажу все по порядку. Вы ведь вообще ничего не знаете о Пагане? А потом вы расскажете, как очутились здесь. Ты говорил про магию?

Всадники свернули с мощеного тракта на неприметную проселочную дорогу, уводящую в лесистые холмы. Варвара, изнывающего от влажной жары и жажды, лишь порадовался, что дальнейший путь будет осенен прохладной тенью огромных деревьев.

Томэо говорила обстоятельно, путая слушателей бесконечной чередой имен, названий и должностей государственных деятелей.

Суть ее длительного повествования сводилась к следующему: страна, которую называют Империей Паган, лежит почти сразу за Кхитаем, однако немного ближе к полуночи, нежели Камбуя. Как понял Конан, гордый титул «Империя» чисто символический. Размерами Паган не превосходит Бритунию или Заморю, но сохранил независимость от огромного Кхитая — армиям Поднебесных Владык мешали непроходимые горы и леса на границе, а также широкий морской залив, отделявший Паган от земель Кхитая.

Издавна в Пагане правили семьи Тайса, Мориту и Барата, постоянно враждуя между собой. Лет пятьдесят назад

клан Барата после долгой междоусобной войны отстранил от власти императора, выбранного семьей Тайса, и посадил на трон некоего Готоу. Готоу был неплохим правителем, но, состарившись, выжил из ума. Сейчас престарелому императору около девяноста лет. Правит вместо него и его именем нэйу-буджан Сутари, тоже выходец из семьи Барата. Мало того, что Сутари занимает посты главы Совета при императоре и начальника государственной стражи, он еще и волшебник и содержит в столице огромную магическую школу. Все боятся Сутари.

Не прощая Тайса старые обиды, фактический правитель отнимал у семьи Томэо земли и рабов и наконец решил известить своих давних недругов под корень, а заодно и клан Мориту, тоже претендовавший на трон императора. Разгромив с помощью верной ему стражи (настоящей армии, как выяснилось, в Пагане не существовало) несколько родовых поместий враждебных семей и казнив всех, кто уцелел в боях, Сутари продолжал углубляться в окраинные провинции страны, надеясь полностью уничтожить всех Тайса и Мориту.

Вполне естественно, что семьи (семей в Пагане называлась очень большая община людей, носящих одно имя и возводящих свой род к единому предку) восстали, набрали отряды воинов из разных поместий, и армия под началом жениха Томэо сумела захватить столицу. Правда, не удалось найти Сутари и дряхлого императора, зато Кисо обнаружил в брошенном дворце символы императорской власти — меч, зеркало и кусочек яшмы. Без этих трех вещей никто не имел права объявлять себя повелителем Пагана.

Кисо провозгласил себя императором, однако править ему довелось лишь четыре дня. Вернулся Сутари, собравший в единый кулак свою армию и стражу со всей страны. Вдобавок подняла мятеж школа волшебников, верная своему господину, и сделала для взятия города больше, чем многие тысячи солдат с мечами. Маги Сутари сожгли ворота, убили огненными стрелами многих бунтовщиков и первыми захватили дворец нового императора. Только в нем не оказалось ни Кисо, ни, что самое главное, атрибутов верховной власти Пагана...

Когда стало ясно, что поражение неминуемо, Кисо и Томэо выбрались из города, прихватив с собой яшму, зеркало и меч. Понятно, что каждая из этих вещей обладала некими магическими свойствами, но суть этих свойств знали лишь правящий император и несколько ближайших советников. Томэо слышала, будто зеркало, вылавливая лучи солнца или луны, сжигает все, на что направлен отраженный свет.

«Понятно, — подумал Конан. — Значит, своего приятеля ты похоронила с помощью штучки, без которой никто в стране не имеет права называться владыкой. Интересно, а где остальные? Меч и яшма, правильно? Не ошибусь, предположив, что они у тебя в мешке...»

— ...Стражникам Сутари удалось выследить нас с Кисо и настичь. Остальное вы видели своими глазами, — закончила рассказ Томэо.

— Значит, — осторожно сказал Мораддин, — символы власти находятся... ну, не в столице. Тогда кто правит страной?

— Выходит, никто, — хитро усмехнулась девушка. — Этот полоумный ходячий мертвец Готоу и его приспешник Сутари не могут называться правителями, потому что исчезли священные предметы. У глав семей Мориту и Тайса яшмы, меча и зеркала тоже нет...

Варвар, как всегда, был прямолинеен:

— Они у тебя, благородная госпожа. Это однозначно вытекает из твоего рассказа... Да погоди хвататься за меч, нам они не нужны.

Томэо успокоилась, а Конан получил убийственный взгляд от Мораддина. Ну, кто тянул проклятого киммерийца за язык? Варвар продолжал:

— Таким образом, получается очень интересная история: я и мой друг Мораддин едем куда-то вместе с правительницей империи Паган?

— Да, — кивнула Томэо. — Получается именно так. О прочем поговорим позже. Я вашу просьбу выполнила, теперь вы рассказывайте, откуда пришли в... — Она улыбнулась, выделив следующие слова: — В мою страну.

— Это одна из лучших сказок, которые мне доводилось слышать.— Томэо восхищенно качала головой и с неприкрытым любопытством косилась на Мораддина: — Нефритовый Император учит нас покоряться судьбе, а потому я скажу так: если вы, чужеземцы, оказались в Пагане именно в то мгновение, когда дому Тайса была необходима помощь, значит, таково ваше предназначение.

— Предназначение! — возмутился варвар.— Мораддин, ты слышишь? Мы случайно наткнулись на древний храм в горах, случайно зашли в него, случайно решили поужинать за синим алтарем, так же случайно наткнулись на тебя, Томэо... Одни случайности! Не склонен видеть здесь вмешательство какого-то бога или палец судьбы.

— Перст судьбы,— поправил Мораддин.

— Перст, палец — какая разница! — прорычал киммериец.— Я хочу обратно!

Томэо, выслушав удивительное повествование Мораддина о храме забытого бога и странном путешествии на край света, поверила сразу. Подумав, дочь семьи Тайса вспомнила, что в одной из летописей Пагана упоминались святилища Бога Времени, очень и очень древнего, но нигде не было написано, куда исчезли его последователи и когда последний раз люди Империи встречались со жрецами, поклонявшимися этому богу.

— Вы спасли меня, а самое важное, помогли отстоять драгоценные знаки власти,— сказала девушка.— Если Паган снова окажется под властью Тайса или Мориту, вы оба займете самые высокие должности при дворе императора. Оставайтесь у нас, Паган — хорошая страна...

— Хорошая страна на краю света,— вздохнул Мораддин, рассеянно поглаживая мышку, висящую слева на его плаще.— Поживем — увидим...

— Что значит — увидим? — взбеленился варвар. Душный, перенасыщенный миазмами лес начинал ему действовать на нервы. Кроме того, он был голоден, как горный волк, не нашедший добычи за целую седмицу.— Надо поискать какого-нибудь мага, колдуна, способного вернуть нас в

Туран! Ехать обратно на лошадях через весь Кхитай и Ведию я не желаю! Год пути!

— Вы отказываетесь? — поинтересовалась Томэо.

— Не знаю,— Мораддин пожал плечами и состроил огорченную мину.

Перспектива возвращаться на закат через неведомые страны его тоже не прельщала. Однако выбирать, похоже, не приходилось. Более всего потомка горных гномов смущало имя бога, упоминавшееся в храме. Если бог властвует над временем, значит, их с Конаном могло занести не только в чужую страну, но и в другую эпоху. В прошлое или будущее.

Вот приедут они в Туран, а там вместо дворцов Султанапура или Хоарезма стоят простенькие палатки кочевников, живших тысячу лет назад... Следовательно, придется искать знакомого человека, волшебника, способного проследить путь двоих наемников от заброшенного святилища в Кезанкийских горах до не известной никому на закате маленькой Империи Паган. Или самим почитать упомянутые Томэо древние летописи. Хотя теперь уже не до летописей, быть бы живу: мятеж против законной власти — дело серьезное и чреватое неприятностями для иноземцев, которых угораздило связаться с бунтовщиками...

Вскоре лес кончился, заросшая травой дорога вывела путников к обработанным полям. В отдалении виднелась деревушка из крытых соломой тонкостенных хижин, снова — просто одетые люди; на Томэо и ее спутников никто не обратил внимания. Неподалеку от деревни в болотце, подернутом ядовито-зеленой ряской, купались желтовато-серые быки, над ними вились тучи слепней. На холках рогатых громадин сидели белые птички, похожие на небольших цапель.

— Куда мы все-таки едем? — спросил киммериец у Томэо.— И долго еще? Я был бы не прочь заглянуть в деревню и купить еды.

— Нас покормят,— невозмутимо ответила красавица.— Вон, посмотри, у склона двугорбой горы стоит крепость. Это и есть дом Цзи Дарума.

— А кто там живет? — не унимался варвар. — Твои родители? Или другие родственники?

— Нет, — возразила Томэо. — Это обитель благочестивых братьев, принявших обет служения Нефритовому Императору и его супруге Омитасу.

— Монастырь, что ли? — предположил варвар и получил ответ от Мораддина:

— Я слышал о Даруме, чье имя входит в название обители. Мой наставник рассказывал. Дарума — покровитель искусства боя без оружия, очень хороший и добрый бог, которому поклоняются и в Кхитае. Томэо, а кто такие Нефритовый Император и его жена?

— Владыки царства вечного блаженства, — пояснила девушка. — Покровители Пагана. Давным-давно Нефритовый Император был самым обычным человеком, но однажды, став владыкой этих земель, решил, что мир несправедлив. Он отрекся от трона и удалился в горы, где создал свое учение. У него было много учеников, среди них Нефритовый Император нашел свою подругу жизни, Омитасу, ставшую впоследствии его женой. Когда они вдвоем достигли высот совершенного знания и уподобились богам, случилась странная вещь — Нефритовый Император и Омитасу вознеслись на облака и до сих пор спят на поднебесных перинах, видя сны. В этих снах — вся настоящая и будущая история Пагана...

— Красиво, — кивнул Конан. — А в моей стране тоже есть бог. Его зовут Кром. Он очень суровый бог, и его никто никогда не видел. Правда, однажды Кром мне явился вживую, но... Похоже, я тогда просто перебрал молодого вина.

— Восхитительно, — пробормотал Мораддин. — А Сета ты случайно не встречал?

— Сета нет, а Дагота видел, — признался варвар, вспоминая старую историю с офирской принцессой, пытавшейся оживить статую бога сновидений Дагота с помощью волшебного рога. Оживить, конечно, сумели, но из мраморного красавца, покоившегося на ложе, получилась такая мерзость, что вспоминать тошно...

— Будешь столько пить, — наставительно сказал Мораддин, — и Сета скоро увидишь.

— А кто такой Сет? — Томэо заинтересовало незнакомое слово. — Тоже бог?

— Бог-змей. Очень плохой. Ему поклоняются в Стигии, — ответил киммериец. — Не будем больше вспоминать о нем.

Всадники, миновав зеленые поля, подъехали к склону горы с двумя вершинами. Действительно, впереди возвышались коричневые стены укрепления, смахивавшего на обыкновенный пограничный форт. За ними виднелись строения, немного похожие на кхитайские, как будто несколько домиков с острыми четырехугольными крышами были поставлены друг на друга. Колыхались узкие, украшенные кисточками разноцветные знамена, кое-где поднимались в небо струйки дыма. Варвар отметил, что открытые ворота дома Цзи Дарума не деревянные, а целиком отлиты из бронзы. Наверняка благочестивые братья начищали их ежедневно — отполированная бронза горела в солнечных лучах, будто золото.

У входа в монастырь Томэо и ее неожиданных спутников встретил наголо обритый привратник в оранжевом балахоне. В руках он сжимал укрепленный медными полосками посох. Низко поклонившись, привратник осведомился:

— Благородные гости, нельзя ли узнать, куда вы держите путь и чем может великий Дарума, благословенный Нефритовым Императором, помочь вам на избранном поприще?

«Витиевато, но вежливо, — подумал варвар, рассматривая пожилого монаха. — Значит, нас пустят. Конечно, если монастырская братия не на стороне правителя, у которого Томэо отобрала меч, яшму и зеркало... Интересно, этот монастырь похож на обители братьев Митры в Аквилонии и Немедии? Тогда нас будут потчевать протухшей рыбой и черствым хлебом...»

— Здесь ли старший брат Ясухиро? — кивком поприветствовав монаха, спросила Томэо. — Мне необходимо поговорить с ним. Скажи, что приехала дочь Асаки Тайса. Эти люди — чужестранцы, Конан и Морадан.

— Мораддин, — спокойно поправил коротышка. Он давно привык к тому, что люди коверкают красивое туранское имя.

— Женщина из дома Тайса, — высокопарно заговорил привратник, — всегда желанный гость в Цзи Дарума. Проезжай, сестра, вместе со своими друзьями.

Всадники въехали в обширный двор. Его подковой огибала одноэтажная галерея, крытая красноватой черепицей, далее виднелись три высоких строения — наверное, храмы, — а к подножию крутой скалы приткнулись хозяйственные постройки. Монастырь представлял собой небольшой самостоятельный городок с храмами, жилыми домиками, обширным садом и прямоугольником крепостной стены со стороны в тысячу шагов. Варвар слегка опешил, увидев, как справа десяток братьев в одинаковых оранжевых балахонах увлеченно дерутся шестами. Никто из них даже глаз не скосил на гостей.

— Томэо, возлюбленная сестра наша! — послышался тонкий старческий голос. — Неужели войско Тайса разбито?

Пожилой монах, одетый, в отличие от прочих братьев Дарума, в шафраново-желтую хламиду, с мальчишеской легкостью бежал со стороны дверей святилища, украшенного гербом с изображением тигра и змеи. Старец вытянул руки, принял в объятия соскочившую с седла девушку, после чего с интересом посмотрел на ее спутников.

— Томэо, познакомь меня с твоими друзьями, — лукаво сощурился монах. — Прежде всего гостеприимство, дела — потом. Вы, наверное, устали с дороги, уважаемые?

* * *

Наевшийся до отвала варвар блаженствовал. Во-первых, его накормили, точно короля, захавшего погостить в зажиточное баронское поместье, во-вторых, Конан выкупался в прекрасном теплом бассейне, смыл дорожную пыль, оставшуюся еще с султанапурской пустыни, и, в-третьих, его развлекали захватывающим зрелищем. Впрочем, нельзя сказать, что развлекали специально. Просто Мораддин, немного отдохнув после обеда, высказал настоятелю монасты-

ря Дарума желание немного поразмяться вместе с воинственными братьями.

В крытой галерее Конан устроился на соломенном коврикe смотреть, как на отведенной для учебных боев площадке у стены монастыря Мораддин пытается одержать верх над тремя молодыми монахами. Бывший капитан гвардии попал в свою стихию — честный бой без оружия, только руками да ногами...

Ясухиро, настоятель Цзи Дарума, оказался очень милым старичком. Едва путешественники вошли под сень монастыря, Ясухиро велел принести воду для омовения рук и лица, после чего повел гостей в трапезную. Сами монахи питались очень скромно, в основном желтым рисом и рыбой, но для пришельцев из внешнего мира всегда готовились прекрасные блюда из птицы или говядины, обильно приправленные невиданными специями.

Конан решил попробовать все, что стояло на столе. К пище он был непривередлив, тем паче что за многие годы скитаний довелось испробовать сущей гадости, чтобы не протянуть ноги с голоду. Но сейчас радужные монахи предложили яства, на которые смотреть было страшно, не то что дегустировать. Наряду с тушеной говядиной и жареными на вертеле птицами, похожими на голубей, Ясухиро приказал подать сугубо паганские кушанья.

Перво-наперво на стол выставили корзину с сушеной саранчой. Конану она была не в диковинку — акридами питались и туранские кочевники. Затем появился котел супа, в котором плавали обезьяньи уши, а когда Мораддин помешал варево гладкой полированной палочкой, на поверхность всплыли безглазые змейки с ромбовидным рисунком на коже. Томэо, вытаскивая пальцами несколько змеек, отправила их в рот и заявила, что лучшего блюда она в жизни не пробовала. Конан, отбросив сомнения, испробовал конченого удава, обезьяньего мяса и уж совсем невероятный десерт — завернутых в широкие листья белых пальмовых гусениц длиной не меньше ладони. Ясухиро объяснил, что у живой гусеницы отрубают жесткую голову, а тело жарят в кипящем масле. Мораддин взял предложен-

ное лакомство, повертел, понюхал, но в рот положить не рискнул.

Искушавшись, варвар с потомком гномов отправились к площадке для боев. Мораддин предложил Конану тоже поучаствовать в ратной потехе, но тот решительно отказался, ему совсем не хотелось драться на полный желудок.

— ...Мораддин, справа! — выкрикнул Конан, приподнявшись на локте.

Его бородатого приятеля пытался атаковать монах, которого настоятель назвал одним из лучших бойцов. Двух других бывший гвардеец уже успел повалить. Пригнувшись, Мораддин незаметно переместился в сторону, избежав удара пяткой в голову, возвратился в прежнее положение, схватил монаха за рукав оранжевой рубахи, как-то чудно крутанул, поверг наземь и прижал к утоптанной глине коленом, уперев его в шею противника. Мышка ничуть не тревожилась о хозяине; закрывшись розоватыми крыльями, она висела под потолком галереи, где отдыхал Конан.

— Пришлось повозиться. — Дыша чуть тяжелее обычного, Мораддин поднялся к варвару. Монахи затеяли бой друг с другом. — Умельцы, Нергал их задери! Одного бы не хотел — встретиться с их учителями в настоящей драке. Мой наставник — помнишь, я тебе рассказывал о бежавшем в Туран старом кхитайце? — был великим воителем. Его звали Юн-Гван...

— Юн-Гван? Ты, почтенный, учился у мастера Юн-Гвана? — на хорошем туранском спросил незаметно подошедший настоятель Ясухиро. — Он был родом из города Шу-Чен?

— Ну-у... да. — Мораддин повернулся к Ясухиро и взглянул на него с искренним интересом. — Скажи, откуда ты знаешь туранскую речь и имя моего учителя?

У коротышки сверкнула радостная мысль: «Значит, мы перенеслись только в пространстве, но не во времени! Если настоятель знает мастера Юн-Гвана, значит, здесь тот же год, что и у нас!»

— Вместе с Юн-Гваном мы жили в монастыре неподалеку от столицы Поднебесной, — мечтательно сказал Ясу-

хиро. — Потом я перебрался сюда, в Паган, а моего друга выслали из страны за непреднамеренное убийство. Языку людей степи и пустыни я обучился в том же монастыре, у нас было несколько братьев из Турана и Иранистана, уверовавших в Даруму и принявших обет послушания... Я не спрашивал прежде, но сейчас очень хотел бы узнать, как вы, жители далеких закатных стран, нашли дорогу к землям Пагана? Должно быть, долгое путешествие?

— Мы и не искали, — вмешался Конан. — Это Мораддин во всем виноват! А ты расскажи господину Ясухиро, до чего доводят хорошие манеры!

Потомок гномов снова пустился в обстоятельный рассказ о приключении в дивном горном храме. Настоятель внимал сосредоточенно, не перебивал, а когда Мораддин закончил, монах стал вдруг расспрашивать о мастере Юн-Гване, словно история про синий алтарь Бога Времени его совершенно не заинтересовала. Собеседники пустились в непонятные варвару воспоминания, перевели разговор на боевые искусства, и киммериец заскучал. Решив, что ничего интересного он не услышит, Конан поднялся на ноги и отправился гулять по монастырю.

Первым делом северянин решил заглянуть в самый большой храм, посвященный, как объяснил за обедом Ясухиро, Нефритовому Императору. Войдя под своды удивительно просторного каменного здания, Конан обнаружил, что стены храма расписаны сценками из жизни верховного бога Пагана, зачастую довольно предосудительными; перед статуей лежащего Императора горит множество свечей и натертые благовониями лучины расточают сладковатый дымок. Сам Нефритовый Император напомнил Конану недавно упомянутого Дагота, разве что рога не было. Цельная статуя из зеленоватого нефрита шагов в пятнадцать длиной внушала умиротворение и спокойствие. Бог лежал на правом боку, подперев ладонью голову, глаза познавшего покой небожителя были закрыты, а левая рука сжимала цветок лотоса. За статуей висел огромный круглый медный гонг, в нем тускло отражались огоньки свечей.

— Какой хороший бог,— проворчал варвар.— Все время спи! Это тебе не Сет и не Эрлик с Ариманом...

— Да,— послышался за его спиной женский голос.— Нефритовый Император спит, но в его снах — наша жизнь.

Киммериец обернулся. В двух шагах от него стояла Томэо, держала двумя пальцами ароматическую палочку. Девушка шагнула к статуе бога, поставила подношение на скромный бронзовый алтарь, прошептала несколько слов и сказала недоумевающему варвару:

— Это в память о Кисо. Император учует сладкий дым и передаст Кисо, живущему в его дворце, привет от меня.

— Станный бог,— дернул плечом Конан.— Ему ничего не надо. Полагаю, и просить его тоже бессмысленно. Кажется, Нефритовому Императору на все плевать.

— Неправда.— Томэо замотала головой и, взяв Конана за руку, подвела к стене храма. Вдоль нее стояли десятки маленьких ведер, по всей видимости, серебряных. Показав на сосуды, Томэо пояснила: — Если у тебя есть монеты, положи по одной в каждую жертвенницу. Когда дойдешь до последней, загадай желание. Бог тебя услышит и выполнит его. Здесь тридцать три сосуда. Когда бросаешь деньги, раздается звон. Три десятка и еще три удара разбудят Нефритового Императора, и он, чтобы его больше не беспокоили, сделает все, о чем ни попросишь. Он добрый...

— Годится.— Конан взялся за кошель с деньгами.— Если твой бог способен вернуть нас с Мораддином обратно, я согласен разориться на тридцать три империяла. А если обманет?

— Ты плохо думаешь о владыке Пагана,— нахмурилась Томэо.— Ты не веришь в его милость? Учти, Император не станет помогать неверующему.

— Да ну?! — скривился киммериец и пошел к выходу.— В царстве Нергала я видел такие милости! Пойдем лучше на солнышко, а то в храме холодина, точь-в-точь как на асгардских снежных полях.

Некоторое время Конан и Томэо молча бродили возле посвященных богам построек. Наконец варвар не выдержал и спросил:

— Скажи, ты очень любила своего жениха?

— Как я могла его не любить? — удивилась девушка.— Он был предназначен мне с самого рождения. А разве у тебя в твоей стране нет женщины, которая рождена специально для тебя?

— Кром миловал,— усмехнулся варвар и пригладил ладонью волосы.— У нас в Киммерии по-другому. Будущую жену или будущего супруга можно только завоевать. Силой настоящей любви или... Ну, настоящей силой. Понятно?

— Значит, у вас женщины дерутся ради мужчин и наоборот? — У Томэо округлились глаза.— Никакого Предназначения? Дикари!

— Великие боги,— простонал Конан.— Я уже почти тридцать лет слышу, как меня обзывают дикарем и варваром во всех странах мира! Хотя... Быть варваром гораздо лучше, чем разжиревшим аквилонским или туранским вельможей. Столько интересного случилось, столько разных земель повидал, с какими только людьми не встречался... Разве может граф из Тарантии или визирь из Аграпура пережить то, что досталось мне?

— А Аграпур и Тарантия — это где? — заинтересовалась Томэо.— Далеко за Кхитаем?

Конан повел долгий рассказ о странах, лежащих на берегах Великого Западного Моря, о полуденных королевствах и царстве Илдиза возле моря Вилайет. Девушка зачарованно слушала. По представлениям Томэо, мир ограничивался горами, отделявшими Паган от далекого Кхитая, а известие, что в неизмеримой дали на закате живут неизвестные племена людей со светлой кожей, явилось для дочери благородной семьи Тайса сюрпризом. Попутно Конан выспрашивал Томэо о жизни в Пагане, требовал, чтобы она вспомнила, о чем еще говорится в летописи, где упомянуты «пронзающие время».

Разговор прервал молодой посланец настоятеля Ясухи-ро. Монах прибежал с просьбой старца немедленно прийти в общий дом братьев Дарумы. По-видимому, у учителя Ясухи-ро были очень важные новости для Томэо.

Быстрым шагом варвар, девушка и сопровождавший их брат, чей оранжевый наряд с непривычки резал глаз киммерийцу, вернулись к дому. На пороге их встретили настоятель и озабоченный Мораддин. Мышь, едва слышно попискивавшая, выглядывала из-за ворота его рубахи.

— Томэо, — тотчас обратился к красавице Ясухиро, — только что приезжал гонец из Западной Столицы. Император Готоба и нэйу-буджан Сутари из семьи Барата объявили шейрам.

— Шейрам? — поднял брови киммериец. — А что такое шейрам?

— Приказ владык Империи, запрещающий любому человеку покидать поселок или город в течение одной луны, — объяснил Ясухиро. — Ездить по стране может только стража или посланцы владык. Объявлен розыск заговорщиков, а особенно Томэо из семьи Тайса, незаконно захватившей символы власти императора. И вместе с Томэо ищут двоих чужестранцев, напавших на отряд стражи. Ты попала в неприятную историю, сестра моя...

«И не одна она, — мрачно подумал Конан. — Мы с Мораддином тоже влипли по самые уши... Но откуда власти узнали про нас? Или кто-то из подлых убийц жениха нашей приятельницы остался жив?»

Глава четвертая

Прошло три дня. После неожиданного визита гонца императора Готобы, заскочившего в монастырь Дарумы с указом паганского владыки, время замедлило свой ход. По крайней мере, для Конана.

Разуверясь в способности Нефритового Императора вернуть его вместе с Мораддином в Туран (и это даже после уплаты Спящему Божеству тридцати трех империалов Илдиза!), варвар места себе не находил. Ясухиро, лично говоривший с посланцем Готобы у врат обители, разъяснил: шейрам объявлен потому, что злокозненные заговорщики из дома Тайса покусились не только на жизнь императора и нэйу-буджана Сутари, но и на сокровища семьи повелителя государства Паган. Однако умалчивалось о том, что драгоценные вещи похищены...

Хотя называть меч, яшму и зеркало, увезенные Томэо и ее погибшим женихом из Западной Столицы, всего лишь ценным имуществом семьи Барата было глупо — в Пагане мог править любой клан, но три реликвии, оставленные еще легендарным Нефритовым Императором для своих потомков, всегда переходили от одного владыки к другому, из какой бы семьи ни происходил предшественник или наследник. Меч, яшма и зеркало в серебряной оправе принадлежали не семье императора, а всему Пагану. Единственно истинным наследником великого бога Зрящего Сны признавался лишь тот, кто владел волшебными атрибутами власти.

Томэо была права, утверждая, что сейчас законной повелительницей страны является именно она. Как и предполагал варвар, чудесные вещи лежали в седельных сумках бывшей невесты Кисо, императора, правившего всего четыре дня. Томэо показала знаки власти старому Ясухино, а так как девушка была из семьи, ранее правившей Паганом, настоятель немедленно признал гостью монастыря владычицей маленькой империи и объявил всем братьям, что имя Томэо ныне должно звучать во всех молитвах верховному богу, как имя новой императрицы...

Беда заключалась в том, что Томэо, с точки зрения поданных Паганской короны, несомненно, была владычицей страны, но не располагала верной армией или могущественной семьей, и ей не подчинялась государственная стража. Томэо могла сколько угодно называть себя императрицей, но реальные бразды власти в Пагане держал дряхлый Готоба, а вернее, его родственник и верный слуга Сутари. Оба они сейчас находились в отбитой у мятежников Западной Столице. И очень хотели вернуть символы владычества обратно, желательно вместе с головой невесты Кисо из дома Мориту.

Три восхода, миновавшие после визита гонца Сутари, разносившего вести о победе законных правителей над бунтовщиками, тяжело дались Конану, Морадину и их царственной подруге. Вечером второго дня в монастырь нагрянул отряд стражи, настолько неожиданно, что Ясухино едва успел спрятать свою любимицу Томэо и ее друзей в потайной комнате позади покоев братии. Десятник, командовавший патрулем, разумеется, проявлял уважение к главе обители, ибо знал: любой конфликт с монахами Дарумы чреват крупными неприятностями. Благочестивые служители бога, дающего безоружному силы противостоять злодеям с мечами, могли, не особо утруждаясь, перебить отряд полностью или бросить стражников в таинственные подземелья храмов, о которых ходили самые невероятные слухи.

Командир спросил у Ясухино, не видел ли он женщину, носящую имя Томэо Йосинаки Тайса, и сопровождавших ее

иноземцев крайне подозрительного вида. Сразу подтвердились опасения Конана: Морадин в схватке с убийцами Кисо на лесной прогалине у тракта, ведущего к главному городу Империи, пощадил одного из них — не убил, а всего лишь оглушил. Придя в себя, стражник все рассказал отряду, посланному Сутари на помощь душегубам.

— Дубина! — заорал на Морадина варвар, выслушав рассказ настоятеля. Заглянувший в Цзи Дарума патруль к тому времени уехал оповещать окрестные деревни. — Что за дурацкая привычка — щадить врагов?! Именно из-за тебя они теперь ищут не только Томэо, но и нас! Сколько можно вдалбливать в твою тупую гномью голову — каждый, кто с оружием встал на нашем пути, должен умереть! Посмотри, что получилось, любитель белых мышей! Едва мы очутились в совершенно чужой стране, тут же ввязались в историю почище султанапурской!

Ругался Конан по-турански, а посему, кроме Морадина и Ясухино, его никто не понимал. Может быть, оно было и к лучшему. Морадин краснел, бледнел, грыз ногти, однако помалкивал, дожидаясь, пока Конан отведет душу. Сын гнома, перенявший понятия чести у народа своего отца и кхитайских мастеров боевых искусств, остался при своем убеждении: нельзя убивать противника, если он слабее тебя и ты можешь победить без кровопролития. Отступать от старых принципов Морадин не собирался. И плевать, что наговорит безмозглый варвар...

— Я полагаю, — невозмутимо начал он, едва Конан выдохся и перестал кричать, — мы уже ничего не в силах исправить...

— Конечно! — рявкнул киммериец. — Теперь по всему этому захудалому королевству идет охота на двоих болванов, оставляющих после себя следы в виде живых врагов! Ты во всем виноват! Что теперь делать? Бежать в Кхитай? А любой стражник знает, что нужно ловить длинного, черноволосого, белокожего человека из полуночной страны и бородатого недомерка, прекрасно владеющего мечом!

— В Пагане растет одна травка, — подал голос Ясухино, с интересом внимавший перепалке двух иноземных при-

ителей. — Она красит волосы в рыжий цвет... Тебя можно перекрасить.

— Великий Кром и все боги! — взревел Конан. — Почтенный настоятель, ты хочешь сделать меня рыжим, как провонявший сыром асгардец? Да лучше броситься на собственный меч!

Пока киммериец крыл на все корки гнусных рыжих асгардцев, Мораддин соображал, что делать дальше. Безусловно, для варвара перемещение за тысячи лиг от знакомого Турана не прошло даром — Конан, и без того вспыльчивый, стал просто невыносим. А когда они случайно вмешались в интересы могущественных кланов этой маленькой страны и приняли сторону разбитых бунтовщиков, Конан совсем вышел из себя. Трудно, конечно, смириться с тем, что тебя постоянно преследуют неудачи, но разве стоит из-за подобной ерунды так вопить?

Мораддин снова дал киммерийцу накричаться и, взяв его за запястье, промолвил:

— Друг мой варвар, все будет хорошо. Выберемся мы отсюда...

— Как же! — рыкнул Конан. — Куда? В Кхитай?

Инициативу неожиданно перехватил Ясухиро. Пожилой настоятель понял, что дело близится к драке и что Конана с Морадином необходимо успокоить. Старик предложил такой выход:

— Уважаемые, не нужно ссориться. Вы и Томэо можете жить в доме Цзи Дарума сколько захотите. Надеюсь, именно здесь вас никто не станет искать. А когда бдительность нынешних властителей Пагана притупится, вы уедете на закат, в Кхитай. Оттуда доберетесь до Турана...

— Через год по меньшей мере, — устало вздохнул Конан. — Больше всего жалко наших лошадей, они остались в храме Пронзающих Время и подохнут от бескормицы.

— Наконец-то он подумал о ком-то, кроме себя, — ядовито проворчал Мораддин и повернулся к настоятелю Ясухиро: — Мы благодарим тебя за гостеприимство, почтенный. Но что будет, если стража императора узнает, где мы скрываемся? Насколько я понимаю, вашему Сутари

нужны не мы с Конаном и даже не Томэо, а символы власти?

— Верно, — кивнул Ясухиро. — Самое забавное в том, что Томэо, дочь Асаки Тайса, сегодня единственная настоящая владычица Пагана. Императрица без империи...

— Здорово, — язвительно хмыкнул варвар. — А если я заберу эти дурацкие безделушки и объявлю их своими, значит, не кто иной, как Конан из Киммерии, станет новым императором вашей страны?

Ясухиро осуждающе воззрился на Конана и ответил, старательно выговаривая туранские слова:

— Наследником Нефритового Императора может называться только человек, происходящий из семей Тайса, Мориту или Барата. Насколько я знаю, ты, чужестранец, не связан родством ни с одним из этих кланов.

— Ну-у... — осклабился Конан. — Все еще впереди. Томэо очень хороша собой...

— Идите отдыхать, — решительно махнул рукой Ясухиро. — Если произойдет что-нибудь неожиданное, я вас извещу. Почтенный Конан и ты, Мораддин, ученик Юн-Гвана, я вас больше не задерживаю.

Варвар и его друг вышли из комнаты настоятеля, оставив Ясухиро наедине с несколькими присутствовавшими при разговоре помощниками, и выбрались во двор обители. Погода, как и все последние дни, стояла прекрасная, полуденная жара сменилась предзакатной прохладой, а со стороны гор налетал свежий ветер, свободно проникая через ограду обители Дарумы.

— Зря ты так с Ясухиро, — упрекнул Мораддин. — Томэо старику как родная дочь. В странах восхода не понимают варварских шуточек...

— Брось! — Конан тихо рассмеялся. — Ты сейчас куда пойдешь?

— В сад монастыря, погуляю, — ответил Мораддин. — А что?

— Да так... — Варвар улыбнулся еще шире и указал взглядом на дом братьев, где Ясухиро поместил гостей. — Иди гуляй. А меня ждет Томэо — хочет услышать новый

рассказ о чудесах Аквилонии и странах, покрытых вечными снегами.

— Ну-ну. Только постарайтесь вести свои... беседы потише. Братья, посвятив себя Нефритовому Императору и Даруме, дали обет целомудрия.

Мораддин повернулся на каблуках и быстро пошел к дальней стене обители, где монахи заботливо взрастили на каменистой почве садик.

* * *

— Говоришь, в твоей стране люди не принимают Предназначения? — Томэо тяжело дышала Конану в грудь, прижатая к ней сильными руками. Мозолистые ладони варвара, обычно грубые, сейчас будто превратились в две нежные губки; они скользили от лопаток к ягодицам, захватывая край груди и верхнюю часть бедра. — Мое Предназначение не исполнилось, потому Томэо Тайса свободна...

— Я люблю свободных женщин, — шепнул Конан, чьи руки вдруг позволили себе больше, чем паганская красавица.

Пальцы киммерийца незаметно развязали пояс ее кафтана, отбросили полу вишневого одеяния, проникли к прохладной коже, а девушка, плохо осознавая, что делает, осторожно расстегивала пояс варвара, путаясь в ременных дырочках. Спустя миг проклепанный ремень с висющим на нем простеньким кинжалом в темных ножнах бесшумно упал на плетеную циновку, и тонкая ладонь Томэо, оттянув мягкий ремешок кожаных штанов северянина, прокралась к тому, что туранские поэты именуют «долиной любви», и осторожно коснулась чего-то, знакомого лишь по рассказам замужних подруг и обучавших ее искусству наслаждения нянюшек.

Мгновенно вспыхнувший внутренний огонь ожег все тело Конана, сосредоточившись ниже живота, и тотчас одежды непризнанной владычицы Пагана, почти невидимые в полумраке, с легким шуршанием сползли с ее плеч, а сама Томэо с едва слышным вздохом опустилась на устланное шелковыми покрывалами ложе, ощущая, как возле ее лона

все растет сила, способная, казалось, растворить в себе не только тело старшей дочери Асаки Тайса, но и ее душу.

Нежные пальцы гостя из далекой закатной страны двигались где-то внизу, освобождая путь для потаенного достоинства воина меж бедрами Томэо, наконец она почувствовала невероятную, невиданную доселе сладость, проникающую в глубь тела, и все ее существо охватили то накатывающие, то отступающие волны тепла и блаженства. Губы киммерийца ласкали ее лицо, длинные красивые пальцы Томэо с легким шорохом сползли по спине Конана к гладким узлам мышц за поясницей, слышалось тяжелое дыхание и нарождающиеся в глубине легких стоны...

— ...Тебе понравился мужчина по имени Конан? — ласково спросил киммериец. Голова Томэо лежала на его груди, темные прямые волосы красавицы закрывали его бугристые мышцы, пологими горками выставлявшие на животе, а правая рука Томэо гладила впадину у бедра. — Раньше говорили, я совсем неплох в любовных делах...

— Это был лучший миг моей жизни, — тихим зачарованным голосом призналась Томэо. — Хочешь стать моим мужем?

— Огорчу тебя, дорогая, — с несколько притворным сожалением ответил киммериец. — Я не собираюсь жениться еще лет десять. Однако быть твоим другом я согласен целиком и полностью. А ты?

— Конечно, — промурлыкала Томэо. — В Пагане мужчине и женщине можно жить вместе, даже не получив благословения Нефритового Императора и Омитасу... — Девушка наклонила голову и коснулась губами маленького темного соска на груди Конана. — Можно, я попрошу тебя сделать это снова?..

— Зачем просить? — Конан повернулся набок и обнял Томэо. — Королеве следует не просить, а приказывать. Дикарь из Киммерии всегда выполнит ее повеление...

Едва Томэо заново почувствовала мощь любви чужестранца, легкая решетчатая дверца, занавешенная белой кисеей, отодвинулась, и на пороге возникла тень старика в шафренных одеждах.

— Томэо! — осторожно позвал непрошенный гость. — Великий Дарума, что вы здесь делаете, брат и сестра?!

Конан с трудом подавил шедшее из глубины души проклятие и желание послать старца куда подальше. Дал обет целомудрия, вот и блюди его, не мешая прочим вкушать радости жизни! Варвар недовольно откинулся на спину, прикрыл бедра оранжевым шелковым покрывалом и, утерев пот со лба, сказал:

— Ясухиро, я просто знакомлю Томэо с обычаями моей страны. Возмущаться будешь, когда застукаешь монаха с деревенской красоткой или двух монахов одновременно...

— Нефритовый Император и его супруга проповедуют любовь, — миролюбиво заметил настоятель, не осмеливаясь шагнуть в комнату. — Посему у меня нет причин негодовать. Однако, сестра Томэо, и ты, Конан, должны выслушать мои слова...

— И мой, — слышался из-за спины старика голос Мораддина.

На лице коротышки, взиравшего на варвара и его подружку через плечо настоятеля, разом читалось огорчение и ехидство. Мышка, для которой ночь была благословенным временем суток, сидела у Мораддина на голове, покрывала его макушку расправленными крыльями, точно необычной колдовской шапочкой. Зверюшка с интересом рассматривала красными глазками распластанного на низкой постели Конана и прижавшуюся к нему императрицу Пагана.

— Вы должны немедленно уехать, — серьезно сказал Ясухиро. — Жители деревни Кио, мимо которой вы проезжали, заметили троих всадников, вошедших в стены обители. Одного опознали, это был ты, Конан. У тебя слишком высокий рост и крупное телосложение для жителя Пагана.

— Кром! — стукнул кулаком по постели Конан. — Все вы здесь недомерки, вдобавок желтокожие и узкоглазые! Как прикажете жить в Пагане нормальному киммерийцу?

— Не о том речь, — жестко пресек излияния варвара Ясухиро. — Верные мне люди сообщили, что к рассвету у стен обители должен появиться большой отряд стражи.

Братья Дарума смогут сопротивляться очень долго, но рисковать самим существованием монастыря я не могу. Император Готоба, подстрекаемый Сутари, рано или поздно издаст указ о закрытии обители. Я не хочу ссориться с императором, а тем более с его приближенным, в совершенстве изучившим волшебство. Сутари способен испепелить огненным дождем всех нас, и искусство боя без оружия братьям Дарума не пригодится...

— Что ты предлагаешь? — перебил Конан.

— Томэо, — обратился к девушке Ясухиро. — Твой дядя Торинга Тайса живет всего в двух днях конного пути от дома Цзи Дарума. Поезжайте к нему. Немедленно. Необходимо выехать до рассвета, тогда вы избежите погони, а я впущу стражу, чтобы прислужники Сутари обыскали монастырь и никого здесь не обнаружили.

— Хорошо, — решительно ответила Томэо и, совершенно не смущаясь, встала, отбросив покрывало. — Прикажи братьям приготовить лошадей. Я обязана спасти не только свою жизнь и жизни чужестранцев, которые мне однажды помогли, но и меч, яшму и зеркало.

Конан соорудил зверскую рожу и заложил руки за голову. Вот те на! Только что все было прекрасно, над монастырем простерла свои руки Иштар, богиня любви, а сейчас приходится вскакивать с благословенного ею ложа и нестись куда-то в ночь, через незнакомую страну к некоему дядюшке восхитительной Томэо, живущему, мягко говоря, совсем не рядом... Дернула же Мораддина нелегкая ужинать на заброшенном алтаре!

«Алтарь? — У Конана вдруг мелькнула догадка. — Погоди-ка! Перед тем, как нас забросило в Паган, мы с Морадином собирались слегка перекусить... Я порезал палец и пролил вино. В древней надписи говорилось о какой-то жертве... А вдруг под жертвой подразумевались не бык, не овца или даже человек, но самые простые вещи, доступные каждому? Кром, Митра, Эрлик и все боги заката, помогите вспомнить! Кровь есть, вино тоже... Обычно нормальные боги принимают как требу именно их. Что еще мы с Морадином положили на алтарь?»

— Одевайтесь, — оборвал Ясухиро внезапно нахлынувшие на Конана воспоминания. — Одевайтесь и выезжайте побыстрее. Я не хочу зла ни вам, ни слугам императора Готобы. И, естественно, не хочу неприятностей для обители Дарума.

Томэо уже подобрала с пола и натянула на себя вишневые одеяния, и теперь вопросительно смотрела на Конана. А тот все еще валялся на широкой квадратной постели.

— Ты хочешь стать братом Дарума? — невинно поинтересовалась она. — Или уподобиться спящему Нефритовому Императору? Если желаешь продолжить нашу дружбу, вставай. Учитель Ясухиро сказал, что лошади ждут...

* * *

Выехав затемно и ориентируясь лишь по свету звезд, необычайно крупных и ярких, Конан, Мораддин и Томэо до рассвета одолели пятнадцать ли. Одна ли, как разъяснила Томэо, равнялась приблизительно пятистам шагам, следовательно, в пересчете на аквилонские единицы расстояния, до утра было пройдено почти две лиги. Дорога, ведущая не к Западной Столице, а дальше, в обход двугорбой горы, возле которой стоял монастырь, должна была привести Конана и его друзей-попутчиков к главной крепости, оставшейся под властью родственников Томэо. Она называла это место Баолэй Тайса.

В городке правил ее дядя, Торинга Тайса, один из самых знаменитых воинов Пагана и, как говорила девушка, один из наиболее хитрых и осторожных людей нынешнего времени. Торинга не участвовал в мятеже родной племянницы и ее жениха, предпочтя выждать и посмотреть, кто победит и чем все завершится. Томэо собиралась просить помощи Торинги в борьбе против императора Готобы и его всемогущего министра, но особых надежд не питала. Она призналась, что с дядюшки вполне станется указать несостоявшейся императрице и ее подозрительным спутникам на дверь.

Дальнейший путь проходил через дремучие густые леса, в самом сердце которых был проложен грунтовый тракт. Ехали молча. На разговоры Конана и Томэо не тянуло, они малость стеснялись Мораддина, который вместе с настоятелем монастыря застучал влюбленную парочку в один из самых интересных моментов. Сам Мораддин убивал время размышлениями о вечном или рассматривал окрестности, заводил пустой разговор «о том, о сем» ему тоже не хотелось. Потомок гномов получил от Ясухиро достаточно сведений о Пагане и нравах местных жителей и не желал досаждать Томэо расспросами.

Паган отличался от Кхитая в лучшую сторону. Земли маленького государства не были чрезмерно заселены, леса не вырубались, а его удивительная живность не служила предметом всеобщей охоты. Конечно, благородные господа зачастую выезжали на травлю оленей, значительно не похожих на животных, носящих это название в закатных странах: Аквилонии, Немедии и Зингаре. По пути встретился табун этих зверей, по-пагански называвшихся «милу», и Конан подивился их несуразной внешности. Милу, казалось, были сотворены неизвестным богом с большого похмелья: голова оленя, туловище и ноги ослиные, хвост коровий, а рога вообще неизвестно чьи. Однако бежали милу быстро. Едва завидев на дороге всадников, вожак задрал голову, протрубил что-то на своем зверином языке, и тотчас все стадо кинулось прочь, скрылось в не проходимых для человека зарослях.

К вечеру дорога вывела из обширной долины к отрогам невысоких пологих гор. Где-то в их глубине и скрывалась крепость Тайса.

— До заката не успеем, — предупредила Томэо спутников. — Нам ехать еще около семидесяти ли. Я не слишком хорошо знаю край между Западной Столицей и провинцией Тайса, но люди говорят, проводить ночи среди холмов далеко небезопасно.

— То есть? — не понял Конан. — Разбойники? Тогда ничего страшного. Втроем мы отобьемся от целой полусотни.

— Ты слишком самоуверен, друг мой варвар,— подал голос Мораддин.— Не забудь, Паган совершенно чужая страна, и здесь могут водиться не только странные олени, рыжие обезьяны и черно-белые медведи. — Спутник варвара повернулся к Томэо: — Послушай, ты говорила, что именно ночью в холмах может подстерегать опасность. Ты имела в виду тварей, не относящихся к миру людей или животных?

— Вот именно,— мрачно подтвердила Томэо.— У нас тут всякое встречается... А особенно после заката, когда Нефритовый Император засыпает так глубоко, что его не разбудить даже призывами о помощи.

— Кто водится-то? — выпрашивал Конан.— Гули? Оборотни? Или демоны выползают поохотиться?

— Юкки встречаются,— сказала девушка.— Это такие демоны, живущие в лесах. Они пугают людей, заманивают их в чащу и приводят к домам старух-йог. А йоги людей обычно едят. Лисы-оборотни шастают, но они не очень опасны, только головы проезжим морочат забавы ради. Есть еще бэнкей — женщина-ворона. Она, если голодная, может до смерти заклевать. Хватает всякого...

— Обрадовала,— буркнул Конан.— Я-то надеялся, что есть хоть одна страна, в которой не водится всякая непотребная нечисть.

— Тот еще бестиарий,— кивнул Мораддин.— Раньше, еще на службе в Аграпуре, доводилось мне встречаться с разными существами из чуждых миров... Тайная гвардия не только заговоры раскрывала и ловила контрабандистов, но и охраняла двор Илдиза от всяких тварей, вылезающих из небытия по ночам...

— Охраняли они! — ядовито заметил киммериец.— Между прочим, лет семь назад я тоже служил у Илдиза. Помнишь историю с Рукой Нергала?

— Вот как? — поднял брови домиком Мораддин.— Что ж ты раньше не рассказал? Постой, постой, оказывается, мы встречались в прежние годы! Как я сразу не сообразил, ведь ты — тот самый Конан, которого выставили из почетной

стражи туранского владыки из-за дурацкой истории с бабой?

— Именно,— подтвердил варвар.— Наверное, мы могли даже видаться во дворце. Ты ведь уже был капитаном хэрда в те времена?

— Был,— ответил Мораддин.— А случай с Рукой Нергала я помню. Появилась целая куча оживших мертвецов, вызванных каким-то сумасшедшим ханом... Кстати, тогда почти четверть моих подчиненных погибла.

— Не следует говорить перед закатом о подобных вещах,— напонила благоразумная Томэо.— Посмотрите лучше направо! Там можно переночевать.

Узкая дорожка вела наверх по склону холма к полуразрушенному дому, прежде, видимо, принадлежавшему обеспеченной семье. Два строения с обычной для Пагана четырехугольной изломанной крышей были обнесены невысокой кирпичной стеной, украшенной поверху кованой решеткой. Перекосившиеся ворота — нараспашку, одна створка едва держится, а насквозь проржавевшие петли скрипят от легкого ветерка. Идеальное место для ночевки!

Всадники свернули вправо и через сотню шагов оказались в пустом дворе, заваленном кусками штукатурки и рыжей черепицей с ветхих крыш. В дома решили не входить, боясь, что от малейшего сотрясения рухнет кровля или провалится пол.

— Отлично! — Конан спешился.— Томэо, мы с тобой пойдем за дровами, Мораддин, ты займись лошадьми и поищи колодец. В каких я только странах ни побывал, но в каждом уважающем себя доме находил источник воды.

Мораддин привязал лошадей к медной коновязи, покосившейся и покрытой голубовато-зеленым налетом, и пошел осматривать широкий двор. Колодец нашелся быстро, а рядом — как на заказ — старое металлическое ведро с прикрепленной к нему цепью. Зачерпнув воды, Мораддин принес ведро к собранной Конаном и Томэо куче дров — пищей для огня послужат отвалившиеся от стен доски сарая.

— На холмах люди давно не живут.— Томэо с сожалением окинула взглядом брошенную усадьбу.— Владельцы хуторов и семейных усадеб лет десять—пятнадцать назад переселились на равнины.

— Из-за нечисти? — спросил Морадин, возившийся с кресалом.

— Не только,— ответила красавица.— В горных реках размножились водяные драконы, они пожирают все живое без разбору и часто выползают на берег. Много тигров, черных леопардов... А император Готоба в последние годы не особенно заботился о безопасности и спокойной жизни подданных. Раньше опасных зверей истребляли особые отряды стражи и ополчения семей, но сейчас клан Тайса предпочитает, чтобы столицу от принадлежащей семье провинции отделяли холмы, изобилующие хищниками и ночными тварями. Еще немного, и наш край вновь станут именовать Берегом Проклятых...

— Весело вы живете,— сказал Конан.— Такая маленькая страна, народу не густо, земли для всех достаточно, так нет же! Деретесь из-за побрякушек, режете друг друга на кусочки... Сильной власти нет, вот в чем беда. Армии нет, а только дурацкая стража...

— Зачем армия? — удивилась Томэо. Она ничуть не обиделась на слова варвара.— Паган не воюет ни с Кхитам, ни с Камбуей, ни с Джапуном. За всю историю нас никто не пытался завоевать.

— Пойми,— пустился в объяснения Конан,— армия всегда нужна. Вот представь: ты стала владычицей. Набранная из местных жителей стража всегда поддержит семью, на чьей земле живет, и, если что не понравится, не станет выполнять твоих приказов. Сейчас Готоба, имея он десять тысяч кавалеристов, прошел бы через все холмы, захватил все земли твоей семьи и силой усмирил бунтовщиков. А так у императора только ополчение его клана. Барата, правильно?

— Правильно,— согласилась Томэо.— Когда я стану императрицей и займу дворец в Западной Столице, я вспомню твои наставления.

— Вот лучше Морадина порасспрашивай,— указал Конан на приятеля, который раздувал огонь.— Он пятнадцать лет в гвардии отслужил, плохого не посоветует. И потом, с чего ты взяла, что повелители Камбуи или Кхитая никогда не захотят прибрать к рукам ваше государство? Нет, армия необходима...

До самой темноты Томэо приставала к Морадину с вопросами об устройстве войска в Туране, численности и выучке отрядов и закатной стратегии. Попав в свою стихию, отставной капитан гвардии выкладывал все, что знал, изрядно удивляя непризнанную владычицу Пагана своими познаниями в необычной для далекой восходной страны науке.

Огонь весело трещал под походным котелком, которым снабдил беглецов настоятель Ясухиро. Хотя и покидала троица монастырь в большой спешке, предусмотрительные братья Дарумы дали уезжающим гостям самое необходимое для дороги — еду, рисовое вино и даже глиняную посуду. Разобрав мешки и приготовив ужин, Конан, Морадин и их приятельница сели перекусить.

— Спать будем по очереди,— не терпящим возражений тоном заявил варвар.— Первую часть ночи посторожу я, потом Морадин, а под утро разбудим тебя, Томэо. От костра лучше не отходить. Насколько мне известно, нечисть побаивается огня.

— Мне рассказывали,— с набитым ртом проговорил потомок гномов,— будто где-то на границе Боссонских топей и Гандерланда, возле истоков Громовой реки, есть край под названием Ямурлак, там живут только нечистая сила и всякие животные, сохранившиеся со времен Валузии...

— Враки! — ответил Конан.— Нет, Ямурлак на самом деле существует, я бывал на его границах, но насчет всяких страшилищ, обитающих в его пределах, ты преувеличиваешь. Хотя... Всякое может быть. Вернемся в Туран, переберемся через Карпашские горы, мимо Бельверуса и Тарантии — можно будет съездить в Ямурлак и посмотреть. Если не побоишься...

— Уже боюсь,— хмыкнул Мораддин. А затем вдруг встал и прислушался. Из темноты доносились подозрительные звуки. Мышка тоже забеспокоилась, слетела с хозяйского плеча и быстро описала несколько кругов над костром. Возвратясь к Морадину, зверек заверещал и юркнул под его плащ.

— Так! — бросил Конан, уже привыкший к тому, что любимец его спутника загодя предупреждает об опасности.— Что происходит? Томэо, ты ничего не ощущаешь?

— Помоги нам, Омитасу! — воскликнула девушка, глядя вверх, и истошно закричала: — Падайте на землю! Скорее!

Глава пятая

На своем веку Конан навидался нечисти, однако не переставал удивляться великому разнообразию существ, порожденных болезненной фантазией темных богов, начиная от Сета и заканчивая мелкими, давно позабытыми, но исключительно зловредными божками. Ну подумайте, какому здравомыслящему богу взбредет в голову создавать или призывать на службу зеленочешуйчатых, покрытых слизью демонов, зубастых вампиров... или летучие головы, живущие отдельно от туловища?..

— Это еще что такое? — прохрипел варвар, лежа на животе у самого костра. В воздухе над пляшущим огнем шныряли довольно большие округлые предметы, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся настоящими человеческими головами. Отсутствие крыльев не мешало им летать, словно птицы.

— Проклятие! — шипела Томэо, поглядывая вверх.— Рокубони учуяли добычу и решили подкрепиться!

Времени выяснять, кто такие рокубони и откуда они берутся, не оставалось. Головы, перебрасываясь меж собой фразами на паганском наречии, очень похожем на кхитайское, явно собирались атаковать троих людей. На лошадей летучие головы почему-то внимания не обращали.

— Не вставать! — Томэо яростно посмотрела на варвара, который приподнялся на локте и протянул руку к мечу за спиной.— Если рокубони напали на открытом месте, то единственное спасение — лежать! Им будет труднее зацепить нас зубами!

— Вниз! — пронзительно выкрикнула одна из голов, и самая нахальная тварь спикировала на Мораддина, пролетела всего в пальце от его одежды. Сын гнома машинально отмахнулся. Моментально другая голова, оказавшаяся поблизости, расцарапала длинными острыми зубами его ладонь и наверняка отхватила бы несколько пальцев, не приди на помощь хозяину белая летучая мышка. Зверек, поборов страх, выполз из-за воротника, взмахнул крыльями, поднялся в воздух и с гневным писком вцепился в обидчику своего хозяина, закрыв собой ее узкие, горящие голубоватым пламенем глаза. Голова вильнула в сторону и исчезла в темноте вместе с мышкой, вонзившей миниатюрные зубы в тощий нос.

Еще два рокубони упали варвару на спину и сразу принялись терзать его кожаную куртку.

— Ах, ублюдки! — взревел Конан и покатился по земле, чтобы сбросить головы. Предупреждение Томэо позабылось, киммериец вскочил на ноги, выхватил меч и привычным движением, словно отражая удар чужого клинка, рассек налетевшую прямо на него тварь пополам. Две половинки черепа упали на землю, расплескалась темная вонючая кровь; но желаемого результата это не дало — разделенные части поползли друг к другу, воссоединились, голову на миг объял призрачный синий огонь, и спустя мгновение рокубони взлетел, скорчил рожу и показал Конану язык.

Мораддин, следуя примеру киммерийца, тоже поднялся и теперь стоял у костра, чуть согнув ноги и выставив перед собой слегка изогнутый длинный меч. Двух-трех ночных существ он сумел отпугнуть, однако рокубони казались неуязвимы, даже отсеченные уши немедленно прирастали к своему носителю...

Мышка скоро вернулась и, чтобы не мешать хозяину, вцепилась в его воротник сзади. Конан мельком заметил, что зверь все-таки откусил летающей голове нос и сейчас дожевывал его.

— Что вам надо? — заорал варвар. Прямо перед ним на высоте человеческого роста висели трое рокубони. Левому не доставало носа.

— Сдавайтесь! — прошипела голова с развевающимися на ветру длинными седыми волосами. — Вам не уйти!

— Что вам нужно? — напирал Конан, пытаясь выиграть время. — Что здесь делаете?

— Мы все лета-аем! И есть хотим! — простонала голова. — А ты будешь сожран первым!

— Вряд ли, — возразил киммериец. Похоже, загадочные рокубони желали только хорошенько закусить. Значит, и говорить с этими тварями не о чем.

Конан молниеносно выбросил вперед руку, схватил рокубони за грязные космы, крутанул визжащую голову, точно пращу, и ударил о стену полуразвалившегося сарая. Раздался глухой хруст, голова затихла, и варвар запустил ее в костер. Бесполезно — волосы вспыхнули, тварь завизжала еще громче, но смогла взлететь и теперь выписывала над костром бешеные зигзаги, уподобляясь жутковатому метеору. В свете пылающей летучей головы люди увидели, что наверху парят не меньше полутора десятков ее сородичей.

— Конан! — по-турански, чтобы не поняли головы, рявкнул Мораддин, раскромсав еще одного страшного врага. — Нам нужно любое укрытие! Пещера, сохранившаяся комната в усадьбе! Хватай Томэо и беги к большому дому! Я прикрою отход!

Варвар повернулся к девушке и увидел, как два рокубони, на вид довольно молодые (если такое понятие применимо к самостоятельно живущей голове), ухватили Томэо зубами за волосы и пытаются оттащить ее в сторону. Приметив, что твари после рассечения надвое воссоединяются не сразу, киммериец понял: у него и спутников есть шанс отступить к дому. Томэо истошно вопила и отбивалась коротким прямым кинжалом с широким зубчатым лезвием.

Оглянувшись на Мораддина и оценив страшную красоту зрелища — возле бывшего гвардейца кружили семь или восемь летучих голов, — Конан легко подхватил левой рукой Томэо, перед тем обезвредив на время обоих ее противников, и со всех ног бросился к старому дому. Мораддин поспешил следом, отшвыривая на бегу устремившихся за

ним тварей. Мышь сидела на воротнике с самым недовольным видом и тихонько пицала.

— Не пускайте! — вдруг завывала одна из голов. — Не пускайте их к человеческому жилью! Поймать хоть одного!

Этой ночью рокубони не повезло. Конан был слишком упорен, а Мораддин — очень опытен для того, чтобы вот так запросто достаться кровожадным летающим тварям. Варвар споро взбежал по ступенькам, которые затрещали под его тяжестью, подождал Мораддина, способного видеть в темноте, и, взвалив Томэо на плечо (против чего она начала вяло возражать), попятился, разя мечом уже проникших через сломанную дверь рокубони.

— Проклятие! — раздался впереди рев Мораддина, его сопровождал грохот падения тела.

Потомок гномов не заметил в кромешной тьме ведущую в подпол лестницу и покатился по ступеням. Более осторожный варвар, нащупав носком сапога прогнившие доски, пошел на звуки ругани, прося богов лишь об одном: чтобы не рухнула лестница.

Наверняка боги, к которым взывал киммериец, были очень заняты или находились слишком далеко от Пагана, а потому последняя треть лестницы, не выдержав веса огромного варвара и прижавшейся к нему Томэо, развалилась, и они растянулись на холодном, скорее всего каменном, полу. Наверху уже раздавалась переключка летучих голов, они даже не думали прекратить погоню.

— Куда дальше? — спросил Конан Мораддина, превозмогая острую боль в ушибленной голени. — Мы в подвале?

— Не совсем, — послышался из темноты голос спутника. — Справа от тебя в трех шагах крышка квадратного люка. Скорее всего, под нами есть еще одно помещение.

— О, Омитасу! — вдруг простонала Томэо. — Наверху остались меч, яшма и зеркало!

— Лучше забудь о своих игрушках, — прорычал Конан, на шаривая люк, о котором сказал Мораддин. — Я не пойду за ними. А-а, сопли Нергала!

Один из рокубони, обнаружив беглецов, неслышно спустился в подвал и попытался цапнуть Конана за шею.

Киммериец успел увернуться, но пострадало его ухо — зубы рокубони зацепили мочку, едва не откусив ее. Мораддин первым сообразил, что делать, а пока он стаскивал с себя куртку и накрывал ею летучую голову, слегка оглушенную ударом Конана и потерявшую почти все зубы, сам варвар, крича от натуги, поднимал тяжеленную крышку люка.

Счастье, что прежние хозяева устроили неглубокий подпол, а лесенка, ведущая вниз, была металлической. Томэо первой сползла по ней, следом спустился киммериец, Мораддин, закрыв люк, присоединился к ним.

— Так-так. — Каменные стены отражали и многократно усиливали голос туранского гвардейца. — По-моему, здесь хранилось вино. Справа от нас бочки, не ушибитесь. Чуть впереди — невысокий столик... Ого! Хозяева оставили даже масляную лампу, и в ней есть фитиль. Конан, надеюсь, кремень с кресалом ты догадался убрать в кошель, а не оставил наверху?

— Держи. — Варвар, пошарив на поясе, протянул в сторону Мораддина кремень с кресалом, надеясь, что тот увидит его руку.

Невидимые пальцы спутника коснулись его ладони, раздалось клацанье, и наконец слабый оранжевый огонек осветил подвал заброшенного поместья. Наверху раздавались удары о камень — рокубони тщетно пытались прорваться к людям.

Когда-то в этом подвале действительно держали рисовое и фруктовое вина, столь любимые жителями Пагана. Несколько огромных пятидесятиведерных бочек, покрытых пылью и плесенью, выстроились вдоль стены из желтоватого песчаника, а на столе в беспорядке валялись осколки фарфоровой кхитайской посуды и несколько бронзовых чарок.

— Мораддин? — Конан насторожился, увидев в руках приятеля куртку, которой было обернуто что-то круглое. — Что ты притащил сверху? Отвечай!

— Ну-у... — замаялся его спутник и виновато посмотрел на киммерийца. — Я поймал тварь, едва не лишившую тебя уха. А в суматохе забыл отпустить...

Неприятности не закончились. Летучая голова, запеленатая в куртку Мораддина, дергалась и ругалась, угрожая «ж-жалким людиш-шкам» самыми разнообразными карами, у Конана невыносимо болела ушибленная лодыжка и кровоточила мочка уха, а белую мышку Мораддина вытошнило пережеванным носом рокубони.

— Впредь будешь думать, прежде чем жрать всякую гадость! — наставительно сказал Мораддин взъерошенному, хворому на вид зверьку. По всей видимости, летающие головы были ядовиты. Мышь обиженно скосила на хозяина красные глазки и притихла.

— Нам здесь до рассвета сидеть, это точно, — сказал Конан и легонько толкнул Томэо, которая сидела рядом с ним, опершись спиной на бочку. — Детка, ты поведала уйму кошмарных историй про женщин-ворон, лис-оборотней и прочих верных друзей каждого странника, но о едва не сожравших нас головушках не предупредила. Откуда взялась эта мерзость?

— О рокубони люди ничего не слышали лет сто, не меньше, — ответила Томэо. — Когда-то в этих горах пряталась отвратительная секта, отвергшая милость Нефритового Императора и его поднебесной супруги. Члены этого тайного общества поклонялись вендийской богине Хали. Они возжелали бессмертия, и жрецы Хали обучили потерявших разум сектантов некоему обряду, дарившему жизнь после смерти...

— Что за обряд? — заинтересовался Мораддин, поглядывая на сверток с летучей головой. Тварь перестала ругаться и теперь только злобно взрыкивала.

— Члены секты, пройдя через некоторые испытания, умерщвляли друг друга путем отсечения голов, — медленно, словно нехотя, объяснила Томэо. — Тела складывали в горной пещере и замуровывали, а головы поклонников Хали получали вечную жизнь.

— Да разве это жизнь? — с отвращением произнес киммериец. — Летать можно только по ночам, рук нет, ног нет, кой-чего еще тоже нет... Тьфу!

— Не в том дело, — нахмурилась красавица. — Во времена правления императора Мяко Тайса, моего прапрапрадеда, один могущественный маг по имени Цуно сумел усыпить всех рокубони и уничтожить секту. Бессмертные головы наверняка спали в горах с той поры, но я читала, что Цуно заклил их не просыпаться до конца существования мира. Кто-то снял с рокубони его заклятие...

— А может, конец мира уже наступил? — «обнадеживающе» предположил варвар. — А мы тут сидим и ничего не знаем!

— Этим не шутят! — Томэо бросила на Конана суровый взгляд. — Если в стране пробудились темные твари, значит, появился некто, желающий не только взять власть, но и погубить всех своих противников.

— Ага, — сообразил Конан и, вскочив, шагнул к столу. — Мораддин, ты не зря отловил это пугало! Его можно одновременно и удерживать, и допрашивать?

— Попробуем, — пожал плечами бывший гвардеец. Осторожно засунув руку под завязанные узлом рукава куртки, Мораддин ухватил рокубони за волосы, а второй рукой стал развязывать сверток. — Как только вытащу, хватай эту пакость за уши, — велел он Конану, — тогда не вырвется.

Киммериец так и сделал. Едва показалось лицо летучей головы, варвар схватил ее обеими руками и поднял перед собой.

— Пуус-стии! — прошипела голова. — Сожру!

— Поэтому и не пущу. — Конан хмыкнул, увидев, что выбитые длинные зубы успели отрасти заново. — Побеседуем?

— А отпустишь? — сварливо осведомилась голова. — Убить меня все равно не сможешь...

— Отпущу, отпущу, — посулил варвар. — Потом. Скажи-ка, друг любезный, ты откуда взялся? Тебе почти сотню лет полагается спать, как Нефритовому Императору.

— Нас выпустил живой человек, могущественный волшебник, — ответил рокубони. Когда-то лицо твари принадлежало молодому мужчине. — Приказал нам охранять горы.

— От кого? — встряла Томэо.

— От всех. Любой ночующий на перевале подарен этим волшебником нам, наследникам Хали, пожирающей мир.

— Имя волшебника назови,— задумчивым голосом попросил Конан.— И я тебя отпущу.

— Сутари Барата. Он приходил в наши пещеры, подчинил нас себе и повелел именем Хали выполнять его поручения,— поразмыслив, ответила голова.— Отпускай!

И тут варвар придумал довольно удачную шутку. Отверстия громадных бочек, каждое диаметром примерно в локоть, были закупорены деревянными пробками. Киммериец привык держать слово даже перед нечистью и посему, указав Мораддину на затычку, которую тот моментально вынул, затолкал голову в бочку. Пробка тут же вернулась на место и была прочно забита гардой меча под возмущенные вопли рокубони.

— Ты знаешь,— задумчиво сказал Мораддин,— вся прелесть в том, что на дне каждой бочки осталось немного фруктового вина. Усадьбу покинули лет десять назад, следовательно, оно неплохо выдержано... Нашему кусачему бессмертному приятелю повезло.

— И нам.— Сметливый киммериец быстро собрал со стола чарки, подошел к другой бочке, просунул руку в отверстие и наполнил чарку загустевшим, пахнущим неизвестными плодами вином. Один сосуд варвар передал Мораддину, а второй вручил угрюмо молчащей Томэо.— За что пьем?

— За скорейшую смерть Сутари,— проворчала девушка. — Нет, обезумел не император Готоба, а проклятый маг! В борьбе с моей семьей и кланом Мориту он призвал на помощь темные силы, а такого Нефритовый Император не прощает! Если Сутари...

— О волшебнике поговорим утром,— перебил варвар.— А сейчас лучше выпьем.

Конан величественным жестом поднял бронзовую чарку и торжественно произнес:

— За владычицу Пагана Томэо Тайса!

Вино оказалось отменным, только очень уж крепким. Спустя некоторое время это подтвердил и рокубони, загор-

лавивший в бочке разудалые песни. Его дурной голос, лишь чуть-чуть приглушенный клепками, мешал спать, поэтому кто-нибудь из людей иногда вставал и награждал бочку пинком. Голова замолкала, но ненадолго.

Проснулись непонятно когда, однако Мораддин, унаследовавший от предков-гномов способность различать время суток, не выглядывая из подземелья, уверенно сказал, что солнце взошло и бояться летучих голов не стоит, они уже вернулись в свои пещеры. Собирались недолго, благо дорожный скarb остался наверху. Мораддин забрался по лесенке и, поднатужившись, откинул крышку люка.

— Эй,— окликнул приятеля Конан и ткнул большим пальцем в сторону бочки.— А с нашим зубастым дружкой что делать?

По подвалу разносился глуховатый храп уснувшего в бочке рокубони.

— Не надо открывать,— посоветовал Мораддин.— Пускай посидит. А если вдруг подохнет, получится отличная винная настойка на мертвой голове.

Лошади остались целы и невредимы. Рокубони питались лишь человеческим мясом, птицы и животные их не прельщали. Томэо тотчас бросилась к мешку, что валялся возле стелых углей костра, и дрожащими руками развязала горловину. Лишь убедясь, что бесценные символы императорской власти на месте, она успокоилась.

— Сутари — круглый болван,— усмехнулась она.— Если бы маг приказал своим летающим прихвостням обыскивать вещи жертв, мы бы уже этой ночью лишились меча, яшмы и зеркала!

Конан зажмурился, ему представилось, как над лесом мчится рокубони с объемистым кожаным мешком в зубах. Вот была бы потеха!

— Куда теперь поедем? — спросил более практичный Мораддин.— Если нечисть появляется каждую ночь, необходимо к вечеру отыскать не менее надежное убежище.

— О,— махнула рукой Томэо, забираясь в седло.— До Баолэй Тайса, крепости моего дяди, мы доберемся быстро.

И ночевать будем уже в доме.— Девушка подумала и добавила: — Если Торинга нас пустит.

* * *

Обитаемый край начался сразу за перевалом. Вначале через каждую тысячу шагов попадались придорожные неотесанные камни с надписями, извещавшими каждого, что «путник зашел на собственные земли семьи Тайса и порядок на тракте охраняется законами клана». Позже появились вырубки, занятые под крестьянские поля, несколько отдельных хуторов и даже большая деревня. Народу в поселке было мало. Томэо разъяснила, что большинство жителей сейчас трудится на рисовых полях, в домах остались лишь дряхлые старики да совсем маленькие дети. И, конечно, жрец Нефритового Императора. Само собой, что жрец происходит из клана Тайса и является спутнике варвара дальним родственником.

Служитель Спящего Бога вышел из-за тростниковой хижины посмотреть, что за гости приехали в его деревню, и быстрым шагом направился к остановившимся всадникам.

— Да хранит вас Нефритовый Император и его божественная супруга! — Пожилой и гладко выбритый, как и монахи Дарума, жрец сложил руки на груди и поклонился.— Не пожертвуете ли храму несколько монет? Бог вознаградит вас в царстве вечного покоя!

«Во всем мире жрецы одинаковы,— разочарованно подумал Конан.— Выпрашивают, кланчат, требуют... Обещают награду от своих богов, только не сейчас, а в необозримом будущем...»

— Не пожертвуем,— решительно сказал киммериец, глядя на служителя храма сверху вниз.— Нам некогда.

Жрец поднял глаза, внимательно и огорченно осмотрел всадников. Когда его взгляд скользнул к Томэо, старец всплеснул руками — узнал ее.

— Да, это я,— подтвердила девушка.— Здравствуй, Ибусуки. Я вернулась. Скажи, мой дядя сейчас в крепости?

— Конечно.— Жрец расплылся в улыбке, но тотчас стал серьезным.— Томэо, правда, что восстание подавлено?

— Да. Кисо погиб, ополчение наших братьев Мориту ушло в свою провинцию. А Сутари решил погубить всех нас. Он использует черное колдовство!

Томэо вкратце рассказала жрецу по имени Ибусуки о ночном происшествии в брошенном поместье, не забыв упомянуть признание летающей головы. Служитель Спящего Божества мрачнел с каждым ее словом.

— Поезжай в Баолэй Тайса, сестра,— сказал он.— Расскажи все старшему в семье. Боги, какое счастье, что у нас в деревне есть собственный колдун! Он должен помнить, как защищаться от рокубони, ведь мы живем возле самых гор!

Крепость показалась ближе к вечеру, когда солнце уже довольно низко висело над горизонтом. Обиталище рода походило на монастырь Дарума, разве что было побольше. Четырехугольник каменной стены был опоясан земляным валом и рвом, через который вел единственный мост. Подъехав к самому краю широкого, заполненного водой почти доверху рва, киммериец увидел, что там лениво плавают несколько крупных животных, немного смахивающих на дарфарских крокодилов.

— Это кто? — спросил он у Томэо, указывая взглядом на зеленовато-серых чудищ.

— Детеныши водяных драконов,— ответила красавица.— При штурме крепости врагам сначала понадобится преодолеть ров. А у водяных драконов завидный аппетит...

Мораддин, с интересом рассматривавший неизвестных в Туране зверюг, почесал бороду и тоже задал вопрос:

— Это всего лишь детеныши? Тогда любопытно, как выглядит взрослый дракон.

— Раз в пять-семь побольше... А ну, помолчите, мы подъезжаем.

Мост, ведущий к воротам крепости, был, на взгляд Конана, необычен. Он состоял из трех частей, каждая из них поднималась и опускалась отдельно, особым механизмом, скрытым в надрывном укреплении. Если две крайние трети

убирались, средняя представляла собой узкий проход без перил, на котором с трудом могли разойтись два человека. Позже Конан узнал, что во время боевых столкновений между кланами частенько устраиваются переговоры. Вожди встречаются посредине моста, гарантирующего своей шаткостью и узостью, что ни один не посмеет обнажить оружие — кому охота свалиться прямо в пасти водяных драконов? Традиция...

Однако сейчас все трети моста были опущены, а возле обычных для Пагана бронзовых кованых ворот с рельефными изображениями богов и самых знатных вождей прошлого стояла стража в черных с серебром одеяниях и жутковатых шлемах, изготовленных из черепов драконьих детенышей. Доспех был выложен черными костяными пластинами, отчего воины Тайса слегка напоминали раков-переростков.

— Куда идете? — Старший охранник, которого отличал пучок длинных красных перьев на шлеме, предостерегающе поднял руку. — Назовите ваши имена!

— Томэо Тайса, — гордо ответила девушка. — И мои телохранители из закатных земель.

«Вот теперь нас сделали телохранителями. — Конан с Морадином обменялись выразительными взглядами. — Недопеченная королева, не спрашивая согласия, взяла нас на службу».

Увенчанный плюмажем стражник, не говоря ни слова, взмахнул рукой. Один из его подчиненных повернулся кругом и побегал за ворота к трехэтажному, потемневшему от времени и непогоды, деревянному строению.

— Ждите здесь, — донесся из-под костяной решетки шлема голос старшего. — Без приказа господина Торинги мы никого не впускаем в Баолэй Тайса.

— Что за чушь! — возмутилась Томэо. — Я дочь родного брата Торинги! Здесь мой дом! С каких пор семья забыла о гостеприимстве?

— Нельзя, — непреклонно сказал стражник и взял копьё наперевес, так как Томэо заставила лошадь пройти вперед несколько шагов. — Стой!

Пришлось ждать. Томэо, не решаясь пробиваться за ворота, на чем свет стоит поносила стражу, дурацкие приказы дяди и нэйу-буджана Сутари, из-за которого страна переполюшилась настолько, что семьи боятся пускать в крепости своих же родственников. Конан, мечтательно глядя в небеса, безмятежно насвистывал старую песенку наемников, а спешившийся Морадин перегнулся через перила моста и рассматривал купавшихся в мутной воде дракончиков. Мышка выглядывала из-под плаща и настороженно попискивала.

На пороге появился страж, посланный начальником, вслед за ним появились несколько человек и быстро пошли к стене крепости. Впереди шествовал невысокий, полноватый мужчина в темно-синем кафтане, его талию облегал идеально расправленный широкий шелковый пояс.

— Дядя! — не приветствуя брата своего отца, возмущенно завопила Томэо. — Что за шутки? Почему я должна ждать, пока меня пустят в собственный дом?

Торинга Тайса остановился возле ворот и смерил племянницу хитрым взглядом. Его свита безмолвствовала.

— Прости, но твой дом теперь в крепости Мориту, — сказал он. — Разве ты и Кисо не совершили свадебного обряда? А, я догадался! Он все-таки не стерпел твой необузданный нрав и отправил тебя обратно?

— Прекрати! — рявкнула Томэо. — Кисо убили! Он четыре дня был императором Пагана после того, как мы захватили столицу! А ты отсиживался в безопасности! Пустишь ты нас наконец или нет?

— Проезжайте, — поморщился Торинга. — Полагаю, твои спутники-чужеземцы — люди верные? Где ты их нашла?

— Это еще вопрос, кто кого нашел, — бесцеремонно встрял в разговор Конан. — Не окажись мы с почтеннейшим Морадином вовремя на дороге, твоя родственница кормила бы сейчас гиен!

— Кого кормила? — не понял дядя. — Кто такие гиены? И почему ты осмеливаешься разговаривать со мной? Ты знаешь, кто я?

— А ты знаешь, кто я? — вспомнив знакомого по Султанапуру шемита, всегда отвечавшего вопросом на вопрос,

парировал варвар. — Я Конан из Киммерии, а тот человек — Мораддин из Турана, капитан гвардии тамошнего... императора. — Конан благоразумно опустил перед титулом Мораддина слово «бывший».

— По-моему, вы просто двое проходимцев, — усмехнулся Торинга. — Впрочем, моя дорогая племянница всегда была неразборчива в выборе знакомых. Хорошо, проходите и будьте гостями семьи Тайса...

«Сразу бы так! — подумал киммериец. — Все-таки обидно, что дядя моей подружки мигом нас раскусил...»

За воротами крепости Томэо уверенно направилась в сторону дома, из которого вышел дядя. Похоже, там жили все старшие члены многочисленной семьи. Конан, тихонько спросив у девушки, сколько же всего родичей насчитывает клан, получил такой ответ:

— Три с половиной тысячи воинов, около четырех тысяч женщин и столько же старцев с детьми.

— Изрядное семейство, — улыбнулся варвар. — А у меня были только мать и отец. Очень давно. Я их почти не помню.

— Какой кошмар! — ужаснулась Томэо и уставилась широко раскрытыми глазами на Конана. — Жить без семьи? Ты действительно очень несчастный человек...

— Сирота. — Конан, смеясь про себя, попытался состроить жалобное лицо. Не получилось. — Поэтому и стал наемником да обучился драться. Нас, сирот, всякий обидеть может...

Мораддин, чтобы не рассмеяться, зажал рот ладонью. Томэо же вполне серьезно восприняла слова варвара и в доме, по пути к трапезной, раздумывала, как бы лишнего родного очага киммерийца пристроить в какой-нибудь паганский род приемным. Варвар, глубоко тронутый такой заботой, лез вон из кожи, чтобы не расхохотаться.

Обеденное время миновало, потому троим новоприбывшим еду принесли отдельно. Блюда не слишком отличались от кушаний, которыми угощал настоятель Ясухиро. Снова копченые змеи, птицы наподобие жаворонков и прочая снедь, от которой любого аквилонца стошнило бы. Среди

блюд была латка с тушками летучих мышей под соусом. Конан, первым увидевший это экзотическое блюдо, из ребяческого баловства подсунил мышатину Мораддину со словами, что в жизни ничего вкуснее не едал. И сполз на пол от хохота, когда сын гнома двумя пальцами вынул из кастрюльки за кончик крыла тушеного сородича своей любимицы, позеленел, как весенняя листва, и уронил нависшее дрожь кушанье обратно.

— Помнишь госпожу Стейну? — хрипло спросил Мораддин. — Представь, что бы случилось с тобой, если бы тебе на обед подали ее саму в зажаренном виде?

— Был бы голодный — съел, — хищно осклабился Конан. — Моя старая приятельница неплохо откормилась в Султанапуре!

— Варвар, — с отвращением бросил Мораддин, отодвигая латку с летучими мышами. — Черствый дикарь, равнодушный ко всему, кроме собственного кошелька и желудка! Томэо не без интереса слушала перепалку приятелей.

— Неправда! — возразил Конан. — Варвар — да, не спорю. Но выше золота и хорошей еды я всегда ценил добрую драку и красивых женщин!

Спор опять грозил перерасти в долгое и нудное выяснение, кто здесь варвар, а кто нет. Но вошедших в раж киммерийца и его спутника неожиданно прервал голос появившегося в дверном проеме Торинги Тайса:

— Вам тут весело, как я погляжу? — Глава семьи прошел в комнатку и сел, скрестив ноги, напротив Томэо. — Теперь я жду рассказа о смерти Кисо, дорогая племянница. Кроме того, хотелось бы побольше узнать об этих странных иноземцах. Кстати, почему император Готоба объявил в стране шейрам на тебя и твоих... друзей?

Глава шестая

Невероятно! — сдавленным голосом произнес Торинга. Перед ним прямо на низком столе лежали три невзрачные вещицы — символы власти Империи. Меч, называемый в Пагане «кэн», яшма, именуемая «бией», и круглое серебряное зеркало — «цзин-цза».

Короткий, словно игрушечный, меч представлял собой обычный стальной клинок с маленькой круглой гардой и рукоятью, обтянутой черной шершавой кожей. Кэн символизировал возмездие нечестивым людям, которое последует либо из рук земного владыки, либо от самого Нефритового Императора по окончании преступником круга телесной жизни.

Бией — небольшой, всего с кулак обломок необработанной зеленоватой с темными вкраплениями яшмы — являлся олицетворением земного богатства и могущества повелителя.

И, наконец, зеркало цзин-цза. Эта вещь отражала для царствующего императора сны Спящего Божества, а заодно служила оружием, испепеляющим врагов.

Варвар, следует заметить, подозревал, что все предметы обладают некими магическими способностями, хотя в действительности видел только зеркало.

— Потрясающе! — Казалось, Торинга, рассматривая знаки императорского достоинства, потерял способность говорить внятно. Томэо выложила вещи из мешка довольно давно, желая похвастаться перед дядей своими

сокровищами, и тот застыл, будто пораженный молнией. Конану становилось понятно, почему в стране объявлен шейрам — всеобщий розыск преступника. Престарелый Готоба не мог называться повелителем без яшмы, меча и зеркала.

Стоит ли говорить о том, что волшебные предметы некогда были сделаны самим Нефритовым Императором, еще во время его жизни среди людей!

— Девочка моя, — наконец проговорил Торинга. — Ты вернула семье драгоценности, искони принадлежащие Тайса! Теперь я, как старший в роду и наследник древних владык, могу называться старшим сыном Спящего Бога и императором Пагана!

«Вот это поворот! — мелькнула мысль у варвара. — Дядюшка решил прибрать эти штучки к рукам!»

Предположение Конана оказалось верным. Томэо, услышав слова Торинги, замерла, побледнела и едва смогла выдать:

— Дядя... Последним императором был Кисо, мой жених! Я должна наследовать ему! Я владычица!

— Вы не успели пожениться, — холодно ответил Торинга. — Поэтому ты не можешь получить титул. Обещаю, ты займешь самую высокую должность при дворе, но с этой минуты император Пагана — я, как самый старший в нашей семье! Ты ведь не пойдешь против законов клана Тайса?

— Нет, — прошептала Томэо и поклонилась. Варвар заметил в ее глазах злую искорку. — Приветствую тебя, повелитель!

— Идите за мной! — Торинга с благоговением взял со столика все три предмета и оглядел присутствующих. — Чужеземцы, вернувшие мне трон предков, могут просить любое вознаграждение.

Мораддин, рассказавший Торинге историю появления в Пагане его самого и «благородного Конана», несколько опешил и изрек:

— Господин, мы с другом хотели бы вернуться обратно, в страны заката. Вот наша просьба...

— После! — махнул рукой новый император. Томэо скрипнула зубами. — Идемте, идемте! Я должен объявить всем о радости, постигшей семью Тайса!

В главном зале дома Торинга приказал стражникам собрать на площади у ворот всех людей, находящихся в крепости. Слуги со всех ног кинулись исполнять поручение, а Конан с грустью посмотрел на обиженную красавицу. Еще бы! Рисковать жизнью, потерять жениха, избежать стольких опасностей ради того, чтобы родной дядюшка отобрал принадлежащие ей по праву атрибуты верховной власти! Ни один киммериец такого не потерпел бы, сразу полез бы в драку... Однако законы чужой страны нужно уважать, и потому Конан держал язык за зубами.

Вскоре на обширной площадке у дома начал собираться народ. В основном воины, немного женщин, монахи из братств Дарумы, а также члены семьи Мориту в фиолетовой одежде, приехавшие в Баолэй Тайса из соседней провинции. Когда скопилось не меньше тысячи человек, Торинга, ждавший на веранде с резными деревянными панелями и картинами на шелке, покинул свое кресло, вышел на верхнюю лестницу и поднял руки, требуя тишины. Толпа миглом утихла, и глава клана Тайса, взяв из рук одного из приближенных символы, воздел их над головой на вытянутых руках.

— Смотрите! — выкрикнул он. — Нефритовый Император вернул нам свою милость! Моя племянница Томэо Тайса, невеста Кисо Мориту, привезла отнятые у узурпатора Готобы священные меч, яшму и зеркало! Теперь наш клан снова властвует над Паганом! Сегодня, когда все вы слышите мои речи, я, Торинга Кобаяси Тайса, провозглашаю себя пожизненным властелином Пагана, ибо на то есть соизволение Спящего Бога и его жены Омитасу!

Народ некоторое время безмолвствовал и вдруг взорвался неопишуемой бурей восторга. Над головами воинов сверкали выхваченные из ножен клинки, женщины визжали от радости, а монахи в оранжевых балахонах немедленно затянули заунывный гимн Нефритовому Императору. Даже люди из семьи Мориту радовались и выкрикивали поздравления новому повелителю.

Сочувствуя Томэо, варвар держал ее за руку. Похоже, из всей семьи только ее не восхищала пламенная речь Торинги.

— Брось! — прошептал на ухо девушке Конан. — Разве плохо быть приближенной императора? Ведь ты женщина, а трон лучше занимать мужчине...

— Неправда! — тихо ответила Томэо. — Омитасу покинула круги этого мира на двадцать лет позже своего божественного супруга и все эти годы царствовала счастливо, разумно и милостиво. Во времена ее правления народ жил в Золотом Веке... Ей наследовала дочь Миотэрасу, а той — внучка. Женщины правили Паганом двести семьдесят лет кряду! Все они — мои далекие предки. Чем я хуже?

— Ничем, — согласился Конан. — Хочешь вернуть себе вещички? Я тебе помогу. И Мораддин тоже. Он очень хороший человек и терпеть не может, когда обижают женщин.

— Значит, теперь у меня два врага, — тоскливо вздохнула Томэо. — Проклятый Сутари и родной брат моего покойного отца. Без твоей помощи мне их не одолеть. Конан, ты подумай, по-настоящему теперь в Пагане три императора: Торинга, Готоба и я...

— Больше — не меньше, — легкомысленно заметил варвар. — Я тебе скажу вот что... Киммерийцы всегда держат слово, а потому сделаем так: ты, Томэо, станешь королевой, тьфу, императрицей, а когда возьмешь власть, найдешь способ отправить нас с Мораддином обратно. Идет?

— Договорились, — почти беззвучно сказала девушка. — Давай послушаем моего дядю.

Торинга, во всеуслышание посулив, что «налоги будут снижены, а вольности последуют», изрек следующее:

— Я повелеваю всему ополчению семьи Тайса из всех деревень, поселков и крепостей нашей провинции к завтрашнему утру быть при полном вооружении возле Баолэй Тайса! Немедленно будут посланы гонцы к главе клана Мориту, с приказом привести войско к Среднему ущелью, разрезающему хребет Абукума! Западная Столица и узур-

патор Готоба вместе со своим прихвостнем Сутари будут повержены через три дня! Йомо!

Толпа дружно проревела последнее слово Торинги. Видимо, это был боевой клич семьи.

Император повернулся и ушел в дом. Киммериец, отдав Томэо на попечение Мораддина, бросился вслед и нагнал Торингу в парадном зале.

— Прости, повелитель.— Конан подобострастно склонил голову.— Помнишь, мы тебе говорили об алтаре в покинутом храме?

— Конечно,— ответил царственный дядя красавицы Томэо.— Что ты хочешь?

— Скажи...— Варвар склонился еще ниже, всячески демонстрируя учтивость.— Нет ли в Пагане могучего волшебника, способного сделать так, чтобы мы с почтеннейшим Мораддином снова очутились в нашей стране?

— Есть,— усмехнулся Торинга.— Его имя — Сутари Барата, помощник самозванца Готобы. Предлагаю сделку. Ты и твой друг — бывалые наемники, наверняка у вас за плечами немало переделок. Я прав?

— Безусловно,— осторожно подтвердил Конан.— Смотри что называть переделками... Каково твое предложение, мой господин?

— Поймите мне волшебника Сутари, а я заставлю его перенести вас в любую точку мира. Он может. Согласен?

— Согласен,— скрепя сердце уступил варвар. Значит, лучший маг этой страны — заклятый враг Томэо и ее дядюшки, а кроме того, он отдал приказ о розыске чужестранцев, перебивших отряд стражи. Все-таки придется ехать через Кхитай и Вендию... Однако невыполнимых поручений не бывает. Просто надо действовать с умом.

— Замечательно.— Торинга широко улыбнулся, показав два ряда крупных белых зубов.— Завтра на рассвете мое войско отправится к Западной Столице. Вы поедете с нами.

— А Томэо поедет? — спросил Конан, опасаясь, что император оставит свою опасную сподвижницу в крепости.

— Она любит битвы.— Рот Торинги растянулся еще шире.— Пускай повоюет...

* * *

Прошло немногим более суток. Выступившая поутру из Баолэй Тайса маленькая армия, предводительствуемая новым императором Пагана, до заката миновала всю провинцию и вышла к просторному ущелью, по дну которого протекала широкая и полноводная река с совершенно непроизносимым названием Омихатиман. Впрочем, Томэо, ехавшая вместе с Конаном и Мораддином, называла ее просто Оми.

Сюда, в назначенное Торингой место сбора, должны были вскоре прибыть отряды союзной семьи Мориту. Глава этого клана передал через гонца, что ополчение появится к утру, и поэтому Торинга отдал приказ разбить лагерь и отдыхать. Всего, по оценке варвара, в войске Тайса было примерно три тысячи человек, и если Мориту приведет столько же, то к стенам Западной Столицы подступит довольно сильная армия. Томэо по пути рассказала Конану, что в Пагане любой ребенок мужского пола, будь он крестьянином или благородным, с пеленок обучается военному искусству. Именно искусству, а не ремеслу — Паган не воюет с соседями, владеть же холодным оружием следует просто для развлечения и отдыха. В деревнях и крупных поселениях любимое зрелище — никогда не доходящие до крови шуточные поединки между лучшими воителями. А иногда деревенские богатыри всего лишь втроем или впятером выходят биться с речными или горными драконами.

Маленькая группа заговорщиков, состоящая из Конана, Мораддина, Томэо и ее родных братьев, оказавшихся в войске Торинги, образовалась, как только слуги разбили палатку для племянницы императора. Братьев у красавицы было четверо, и каждый имел в подчинении полторы сотни воинов. Познакомив сыновей Асаки Тайса с друзьями из дальних земель, Томэо рассказала, что именно она придумала.

Перво-наперво необходимо овладеть столицей, любым способом обезвредив волшебника Сутари. Эту миссию будущая императрица возложила, конечно же, на Конана,

который вместе с Морадином должен будет в ночь перед штурмом проникнуть в город и с помощью верных людей, живущих в квартале Розовой Цапли, пробраться во дворец. Морадин вздыхал и твердил, что задача невыполнима, однако Томэо не желала даже слушать его возражений. Убив, а лучше пленив мага, Конану следует оставаться в укромном уголке дворца, ждать, пока армия возьмет город. Четверым братьям в плане отводилась такая роль: старший, Горисакава, вместе с верным ему отрядом захватит Торингу и сокровища трона, а трое младших окружают шатер низложенного императора и не дадут сторонникам Торинги освободить его. План простенький, можно даже сказать примитивный, но действенный.

На том и порешили. Морадин, одарив Конана испепеляющим взглядом, ушел спать в палатку Горисакавы, большого знатока искусства Дарумы (оттого-то старший брат Томэо и бывший начальник туранской гвардии миглом нашли общий язык), а варвар с красавицей остались наедине.

— Надеюсь, у нас все получится, — неуверенно произнесла Томэо, разглаживая пальцами черные волосы киммерийца. — И дядя ничего не заподозрит...

— Ай-ай-ай, — попенял ей Конан. — Разве приличные девушки роют яму главе собственной семьи? Что скажет Нефритовый Император своей наследнице, а?

— Он скажет, что я умная, — без тени сомнения заявила Томэо. — Закон на моей стороне. Я отобрала меч, яшму и зеркало у Готобы. Он, старый безумец, убегая от войска моего жениха, забыл вынести из дворца священные предметы. Первый человек из царственной семьи, заявивший права на трон, становится властелином... Конан, давай лучше отдыхать. Нам предстоит три тяжелых дня.

— Отдыхать! — воскликнул киммериец. — Детка, твой дядюшка тоже обещал исполнить любое мое желание, если я добуду ему первого министра живьем. Теперь и ты требуешь, чтобы я пробрался в незнакомый город, поймал Сутари и держал его связанным до вашей победы! Почему мне всегда достаются самые опасные поручения?

— Я тебе говорила о Предназначении, — промурлыкала Томэо, незаметно расстегивая куртку варвара. — Оно есть и у тебя и проявляется в разных тяготах, выпадающих на твою долю. А сейчас я хочу, чтобы ты забыл о Предназначении и думал только обо мне...

Конан и Томэо уютно расположились на расшитых шелковыми нитками подушках и отдались под покровительство богини Иштар. Игра продолжалась долго, а потом уставшая Томэо предложила киммерийцу искупаться в реке. Они покинули шатер и осторожно двинулись к берегу через спящий лагерь. Внезапно девушка остановилась, схватила Конана за запястье и вытянула левую руку.

— Посмотри вон туда, чуть левее факела над палаткой жрецов и правее дерева! Ты ничего не видишь?

Поглядев в указанном Томэо направлении, Конан обнаружил чуть светящуюся зеленым тень, скользящую у ствола высоченного раскидистого дерева. Прозрачный человеческий силуэт бесшумно перемещался в воздухе. Он направлялся к Конану и Томэо.

— Ложись! — шикнул варвар. — Это обычное привидение.

— Какое еще привидение? — Девушка рухнула в высокую траву рядом с Конаном. — Посмотри на его одежду! Великая Омита, это же дух Сутари!

— Если это дух, значит, ваш министр помер, — рассудил киммериец, пока призрак в расшитой драконами невесомой бесцветной накидке проплывал мимо. Призрак летел в сторону реки и вскоре исчез из виду.

— Наши маги умеют во сне отделять дух от тела и, перемещаясь на огромные расстояния, следить за недругами, — все так же шепотом сказала Томэо. — Сутари увидел армию Тайса и теперь готовится к встрече!

— Ладно, — Конан встал и отряхнулся. — Пошли купаться. Дух не может повредить человеку, а до встречи с почетным министром у нас еще целые сутки.

...Обнаженные, они вошли в теплую, будто специально подогретую, воду и долго плавали при свете луны и звезд.

Неожиданно варвар открыл, что служение богине любви Иштар в чистой как слеза проточной теплой воде куда приятнее, чем в душном и тесном шатре. А потом Конан и Томэо решили отдохнуть, плавая на спине в небольшой заводи. И сразу варвар ударился правой лопаткой о твердое.

— Нергал и его демоны! — вполголоса выругался он. — Томэо, здесь камень, осторожнее.

«Камень» вдруг двинулся вверх и поднялся над гладью реки. Киммериец, взяв Томэо за руку, отплыл к берегу на полдесятка локтей, оглянулся и обмер. Оказывается, он стукнулся не об огромный булыжник...

Прямо перед людьми высилась покрытая крупной чешуей драконья морда шириной с торс Конана. Глаза величиной с кулак взрослого мужчины, если не больше, отсвечивая зеленым в лунных лучах, недоумевающе уставились на влюбленную парочку.

— Извини, — севшим голосом сказал ящеру варвар и покосился на Томэо. — Поплыли отсюда, а?

— А-а... — невнятно простонала красавица. — Не шевелись, он замечает движение...

Конан, нащупав пальцами ног песчаное дно, постарался исполнить приказ Томэо, но прежде крепко прижал ее к себе. Дракон, поведив взглядом туда-сюда, зашипел, точно кобра, высунул из пасти темный раздвоенный язык, выпрямился и прошествовал на берег, поднимая огромные волны.

— Хотел посмотреть на взрослых речных драконов? — с нервным сарказмом шепнула Конану девушка. — Пожалуйста.

— Великая Иштар! — Варвар сам не заметил, как помянул имя богини, которую уважал, но которой не поклонялся. — Ну и переполох он сейчас устроит в лагере! Ты говорила, речные драконы жрут все подряд?

Неповоротливое четвероногое чудище стояло на усыпанном галькой берегу и будто бы размышляло. Не видеть редкие факелы и утасаживающие костерки в лагере войска Тайса дракон не мог. Переваливаясь, зверюга пошла вперед, и в

тот же миг завопили благим матом караульные, заметившие в темноте чешуйчатую зубастую тварь.

— На берег! — скомандовал Конан. — Мы у дракона за спиной, он нас не заметит. Отыщи одежду!

А стан уже наполнился криками перепуганных людей и утробным рычанием вышедшего на охоту водяного ящера...

* * *

Речной дракон мало походил на своих сородичей, обитающих в полуночных странах — в горах Асгарда, пустахах Гипербореи и боссонском Ямурлаке. В холке он достигал локтей десяти, передние лапы заканчивались изогнутыми, как туранские сабли, зеленоватыми когтями, а задние более смахивали на широкие ласты: речные драконы, как явствует из названия, жили в воде и лишь изредка выбирались на берег поохотиться или погреться на солнце.

Учуяв многочисленную и легкую добычу, ящер пополз через лагерь, круша палатки и стараясь ухватить зубами людей. Благодарение Митре, речные драконы были довольно неповоротливы, у них отсутствовал орган, дающий знаменитое на весь свет «драконье пламя», а потому многим воинам армии Тайса удалось бежать или затаиться. Однако дракон чувствовал, что добыча рядом, и отказываться от нее не собирался. В реке водилось слишком мало крупной рыбы для насыщения его бездонной утробы.

В дракона кидали копьями, несколько самых отчаянных храбрецов пытались распороть ему брюхо, другие стреляли из луков по глазам... Бесполезно. Толстая ороговелая чешуя, покрытая вдобавок речными водорослями и ракушками, надежно защищала монстра от оружия людей. Долше всех не отступали лучники, надеясь ослепить его или всадить стрелу в небольшое отверстие над скулой или ухом. Чудовище не слишком хорошо видело, зато слышало малейшее движение и бросалось на него.

Конан и Томэо быстро натянули на себя одежду (благо ее было немного — у варвара лишь кожаные штаны, а у

наследницы императорской короны длинный голубой кафтан со знаками рода Тайса) и со всех ног понеслись вокруг лагеря к своей палатке и шатру брата Томэо Горисакавы. Мораддин, по своему обыкновению спокойный и невозмутимый, встретил их шагах в десяти от палатки.

Дракон осерчал на атакующих воинов Торинги и с раскатистым ревом принялся крушить все вокруг, сбивая своих недругов толстым шипастым хвостом.

— Где вас носило? — тихо осведомился Мораддин. — Я подумал, вы уже съедены.

— Купались, — коротко ответил киммериец. — Что теперь будем делать?

— Одна такая тварь, — заметила Томэо, — может за ночь затоптать целый поселок в пять сотен человек. Если обычных зверей только голод толкает на убийство, то речной дракон уничтожает всех подряд ради удовольствия...

— Его можно убить? — сдавленным голосом произнес киммериец. — Учти, дорогая моя, если ящер перебьет часть армии, не видать тебе императорского трона.

— Можно, — резко кивнула Томэо. — Самая тонкая чешуя у него на шее, сразу под головой. Еще дракону можно повредить уши или глаза, он обезумеет от боли и уберется. Ты что, хочешь сразиться?

— Не хочу, — буркнул варвар. — Ты недавно болтала о моем Предназначении? Вот, пожалуйста, лишнее подтверждение твоим словам. Мораддин, пойдешь со мной?

— Конечно, — с неожиданной готовностью согласился Мораддин. — Никогда не дрался с драконами, мне даже интересно.

— Эй, — возмутилась Томэо и, нырнув в палатку, нашла у матерчатой стены свой меч. — Куда без меня?

Все трое направились к ворочавшейся почти в центре лагеря огромной туше, которую окружили самые смелые воины семьи Тайса. Там же были братья Томэо и ее дядя Торинга. Зверь как раз доедал одного из телохранителей императора. Несчастный подошел слишком близко и не успел отскочить, когда дракон, выгнув шею, метнулся впе-

ред и вонзил прямые треугольные зубы в человеческое тело. Остальные, видя, какая участь постигла их товарища, попятились и образовали вокруг ящера ошестиненное сталью живое кольцо. Дракону, однако, было все нипочем — отведав крови, монстр раззадорился и восвояси не собирався. Треугольная голова поворачивалась из стороны в сторону, все, что шевелится, ящер считал своей добычей.

Конан, увлекая за собой Мораддина и Томэо, пробился сквозь неплотный строй ополченцев семьи Тайса и оказался чуть правее ящера. В этот момент чудище как раз дернулось в противоположную сторону, чтобы поймать человека, метнувшего ему в голову копье. Копье отскочило от чешуи под драконьим ухом, а неизвестный смельчак успел вскрикнуть, прежде чем его раздавили огромные челюсти.

— Томэо, Мораддин, сумеете его отвлечь? — хрипло спросил киммериец, глядя, как дракон заглатывает свою жертву. — Я попробую вскочить ему на спину и перерезать горло...

Не дожидаясь ответа, Конан рванулся вперед, легко вспрыгнул на основание хвоста речного ящера, уцепился за костистый гребень на его спине и осторожно пополз к драконьей шее. Зверь не обратил внимания на прыгающую по его спине двуногую мелочь, он высматривал на земле новые жертвы.

Мораддин, всегда идущий в бой без рассуждений, с одной лишь целью: победить и помочь товарищу, выскочил из охваченной страхом толпы прямо к морде зверя. В тот же миг чудовище повернуло к нему окровавленную пасть и сверкнуло горящими глазами.

Белая летучая мышь сорвалась с плеча хозяина, поднялась высоко над ящером и тончайшим пискom попыталась удержать Мораддина от необдуманных, как ей казалось, действий. Сам бывший начальник тайной стражи Илдиза творил чудеса: невероятное владение собственным телом, удивительная быстрота реакции и воспитанная с детства учителем-кхитайцем выдержка помогли ему остаться в живых и на этот раз. Дракон, бросаясь на Морад-

дина, щелкал челюстями в пустоте, хотя всего миг назад в этом месте находился невысокий бородатый человек, который теперь спокойно стоял в шести шагах поодаль. И снова зверь пытался его поймать, но потомок гномов выписывал в воздухе невероятный кульбит и опять оказывался в стороне, дразня зеленое чешуйчатое существо.

Наконец дракону надоело кидаться за неуловимой тенью, и он решил прибегнуть к охотничьей хитрости, о которой Томэо забыла предупредить Мораддина и Конана. В подчелюстных мешках ящера таилось оружие, не уступающее огненному дыханию летучих драконов Полуночи — самая обычная вода.

Мощные мускулы резко сдавили наполненные речной водой мешки, и на этот раз Мораддин не успел отскочить. Тугая струя сбила его с ног, отбросила шагов на пятнадцать и впечатала в мигом размякшую от влаги землю. Перепугавшись за хозяина, белая мышка спикировала с высоты в пятьдесят локтей. Дракон двинулся к увязшему в грязи Мораддину...

— Эгей, скотина! — раздался звонкий голос Томэо. — Я здесь! Попробуй поймай меня!

Чешуйчатая тварь обернулась на зов и увидела справа от себя человека, который стоял на чуть согнутых ногах и размахивал руками. Дракон тотчас потерял из виду замершего Мораддина и ринулся на подвижный силуэт.

Конан тоже не бездействовал. Сначала вскарабкался по широкой и скользкой спине ящера, а затем, держась за растущие из шеи костяные шипы, полез к голове. Предстояло самое трудное: подняться по длинной, в шесть локтей, гладкой шее и пробить мечом тонкую кожу возле головы. Держаться приходилось обеими руками, а значит, он никак не мог достать тяжелый меч.

Спасительное решение пришло неожиданно. Конану вдруг вспомнилось, что драконы (заметим, все драконы: огнедышащие, ледяные и обитающие в водах) не столько живые существа, сколько порождения вездесущего Сета. Нет, безусловно, ходят слухи о драконах, происходящих от иных

прародителей, как, например, встретившиеся ему лет пять назад, еще во время службы у Илдиза, крылатые и совсем не злые драконы. Водились они в полупустынных районах Кхитая...

«Если эта тварь — наследие Сета, значит, на нее должен подействовать подарок шейха аль-Баргэми, — подумал Конан, подтягиваясь на острых шипах, торчащих из кожи монстра. — Может, пригодится волшебный клинок?»

Варвар левой рукой выхватил изготовленный великим магом Раэном Танасульским кинжал и стиснул лезвие зубами. Когда дракон накинулся на Томэо, киммериец был уже возле громадной головы чешуйчатого речного обитателя. Конан, обхватив шею дракона левой рукой и ногами, правой схватил кинжал, уже успевший порезать ему губы. Удар пришелся точнехонько в пульсирующую под кожей толстую жилу.

Как ни странно, рукоять клинка, обычно нагревавшаяся в битвах с темными силами, на этот раз осталась холодной, и обошлось без загадочного свечения, которым лезвие встречало порождения зла. Ящер дернулся, из глубокой раны выплеснулась прохладная струя темной крови, и дракон, в агонии замотавший головой, отбросил Конана далеко в сторону.

Варвару повезло, он приземлился точно на крышу большой палатки новоявленного императора Торинги, и плотная ткань смягчила падение. Конан провалился вниз, прямо на пуховые подушки, и ударился виском о священную яшму, лежавшую вместе с мечом и зеркалом в изголовье ложа владыки Пагана. Сам Торинга, которому нельзя было отказать в воинской доблести, находился рядом с издыхающим драконом.

Пятеро охранников сразу ворвались в шатер, но, обнаружив перед собой героя, в одиночку сразившего речного дракона, помогли Конану встать. Варвар с подозрением и любопытством осмотрел сокровища трона и подумал, что Торинга — круглый болван.

Дядя смелой красавицы мог бы запросто отразить волшебным зеркалом свет луны и звезд и испепелить ящера

за несколько мгновений... Глава семьи Тайса, безусловно, знает о магических свойствах созданных Нефритовым Императором предметов! Все-таки Торинга вряд ли достоин императорского титула.

Вежливо, но непреклонно выставленный охранниками из императорского шатра, Конан побежал к месту поединка со змеем. Земля вокруг дракона была обильно полита его кровью, воины Тайса кричали свое «бансай!», радуясь победе, и добивали чудище, окружив его со всех сторон. Мораддин, с ног до головы вымазанный липкой глиной, и бледная Томэо стояли поодаль.

— Привет, ребята! — помахал им рукой Конан. — Славно я полетал по милости этого зеленого пугала! Мораддин, теперь твоя очередь купаться.

Летучая мышка, кружившая над хозяином, не решилась опуститься на его грязную одежду, видимо, боялась испачкать белоснежную шерстку, и поэтому облюбовала для отдыха Конана. Острые коготки больно впились в кожу, но варвар только улыбнулся и погладил указательным пальцем загривок верной зверюшки. Все-таки врут люди, будто летучие мыши — порождение сил тьмы! Такое существо лучше любой собаки!

— Это звучит странно, — буркнул Мораддин. — Но мы все остались живы. Столь безумной авантюры я не припоминаю с тех пор, как по приказу визиря Аграпурского мой отряд преследовал караван торговцев серым лотосом неподалеку от Хоарезма...

— Пропустите меня к ним! — послышался резкий голос, и самопровозглашенный император Торинга с отрядом телохранителей подошел к неугомонной троице. — Благодарю! Вы спасли не только мое войско, но и мою честь! — воскликнул он. — Теперь я снова требую, чтобы вы изъяснили ваши желания. Император выполнит просьбу победителей речного дракона, которому наверняка было не меньше двух сотен лет! Сами подумайте, какой позор лег бы на мою голову, разойдись по стране слух о том, что войско Тайса было разбито чешуйчатым пожирателем пескарей!

— Та-ак... — протянул варвар. — Первое наше желание ты уже знаешь, а второе будет таким: подари нам с Мораддином кусок золота величиной с голову быка! Устраняет?

— Конечно! — Торинга хлопнул себя ладонью по бедру. — Как только возьмем столицу и ты поймаешь Сутари, я прикажу выдать тебе два слитка оговоренного размера. Если хочешь, получишь любые другие сокровища, равноценные весу этого золота!

— Сутари? — пробормотала Томэо. — Его призрак? Великая Омитасу, не проклятый ли волшебник натравил на нас водяных драконов?

Глава седьмая

Правый берег реки, именуемой жителями Пагана Омихатиман, или попросту Оми, к рассвету седьмого дня пребывания Конана и его друга из рода подгорных гномов в далекой стране у самого края мира представлял из себя весьма дивное зрелище.

Двое речных драконов — один серого цвета, а другой голубоватого — ночью обезглавили своего собрата, убитого человеком, и теперь справляли на его останках кровавую каннибальскую тризну. Громадные звери ворчали друг на друга, отрывали от туши куски светло-розового мяса и изредка поглядывали в сторону, где шевелились мелкие и невкусные двуногие букашки...

После ночного нападения Торинга приказал перенести лагерь на полтысячи шагов от реки. Речные драконы жили семьями, на одну самку приходилось три-четыре самца и в два раза больше детенышей. Если бы стан атаковали несколько драконов, то войску, чтобы спастись, пришлось бы рассеяться по лесу. В таком случае штурм столицы задержался бы на полную седмицу.

Конан не только сразил выползшее из речных волн зубастое чудовище, но и отвлек внимание появившихся вскоре двух его братьев. Драконы не стали преследовать юрких людей, запах крови привлек их к неподвижному телу родича, способному насытить обоих.

Перед самым рассветом, когда драконы выползли на берег, варвар решительно заявил своим друзьям, что устал

и убивать этих двоих тварей отказывается. В конце концов, воины Торинги получили неплохой наглядный урок по истреблению речных ящеров и теперь вполне могут справиться сами. С этими словами Конан быстро снял палатку Томэо, навьючил ее на свою лошадь и, не слушая Мораддина, бурчавшего что-то вроде «пойдем еще поохотимся», двинулся в сторону леса. Там, найдя неплохую широкую поляну, расположился вместе с усталой и еще не пришедшей в себя от испуга красавицей.

— Они все еще там? — донесся из шатра голос Томэо. Варвар стоял, обнимая правой рукой дерево, и смотрел разгравшееся у самой воды кровавое действо. Драконы успели наполовину обглодать скелет первого ящера до половины и теперь выглядели сытыми и довольными.

— Жрут, — бросил через плечо киммериец. — Послушай, что ты говорила ночью по поводу того призрака?

Томэо высунула голову из-за полога, протерла глаза и уставилась на Конана.

— Сутари неспроста ходил среди наших шатров. Его тело отдыхало, а дух действовал! Маг вполне мог противопоставить нам силы природы. С помощью колдовства Сутари приказал несмышленным ящерам напасть на стоянку, и будь драконы поумнее, они бы рассеяли или перебили войско Тайса.

— Знаешь, — Конан широко зевнул, не сводя глаз с огромных зверей, ссорящихся у реки из-за большого куска мяса, — ваши речные ящеры совсем не страшные. Если хочешь, потом расскажу про огнеды...

— Томэо, он все равно тебе наврет, — раздался поблизости голос Мораддина. — Вы устроились в сторонке от главного лагеря, а я остался с твоим братом, прекрасная госпожа. — Бывший гвардеец продрался сквозь заросли на поляну и критически оглядел Конана, который до сих пор не удосужился одеться как следует. — Совсем недавно со стороны болот пришло ополчение Мориту. Оно остановилось в полудне к закату.

— Сколько людей? — сразу деловито поинтересовалась Томэо.

— Немногим больше двух тысяч, — ответил Мораддин. — Собирайтесь. Объединенное войско пойдет по долине к Западной Столице. Выступаем за два колокола до полудня.

Конан, неоднократно бывавший в Зингаре и Аквилонии, понял, что подразумевал Мораддин: в странах заката некие умельцы изобрели штуковину, называемую «куранты». Это механическое устройство намного превосходило в точности измерения времени солнечные и водяные часы, известные даже в Киммерии и Асгарде. Куранты отбивали время через равные промежутки и за несколько лет успели распространиться до Турана. «Два колокола» означали, что до отправления в путь еще можно подогреть еду и не торопясь сложить все вещи, валявшиеся в беспорядке после ночной схватки с драконом.

— Хорошо, — сказал Мораддин. — Вы поторапливайтесь, а я пойду к Горисакаве. Мы хотели утром отработать несколько интересных движений, которые твоему, Томэо, брату показал один монах Дарумы. Они позволяют ладно отбивать прямой удар меча, если, конечно...

— Иди, иди. — Конан замахал руками. Если Мораддин начнет распространяться о своих обожаемых боевых искусствах, его будет не остановить.

Сын гнома обиженно умолк, прикрыл плащом мышку, вылезшую оглядеться, и снова исчез в кустах.

Томэо — не только прекрасно обученная воительница, но и неплохая стряпуха — бросила в котелок несколько кусков сушеного мяса и поставила его на костер, разведенный варваром. Они вдвоем позавтракали, Конан, чтобы взбодриться после бессонной ночи, не морщась, осушил половину баклаги с рисовым вином, сноровисто убрал шатер, превратившийся в его умелых руках в маленький сверток, и забрался в седло.

— Считаю, что твой путь к трону Нефритового Императора начался с этой полянки, — с серьезным выражением на лице сказал киммериец. — Потом приведешь сюда внуков, чтобы показать старое кострище и поведать об одном варваре из очень далекой страны...

— Внуков? — нахмурилась Томэо. — Не только моих... Видишь ли, монахи Дарумы обладают даром определять зарождение в чреве женщины новой души...

— И что? — невинно переспросил Конан.

— Перед выездом из Баолэй Тайса меня осмотрел жрец, — нервно улыбнулась Томэо. — Уже несколько дней я ношу ребенка. Твоего, между прочим.

— Начинается, — неслышно для девушки буркнул варвар и добавил уже громче: — Вот и прекрасно, у императрицы будет наследник. А я, если придется однажды бежать куда подальше из королевств заката, всегда смогу найти убежище под крылом собственного сына.

— И это все, что ты хочешь мне сказать? — изумилась Томэо. — Бездушный дикарь!

— Да, — с притворным огорчением опустил голову Конан. — Именно так — бездушный дикарь. Не расстраивайся, если Кром и Митра пожелали видеть в мире новое существо, значит, ни ты, ни я в этом не виноваты. Буду рад, если однажды на престол Пагана сядет человек, являющийся по отцу киммерийцем. Кстати, а ты уверена, что забеременела именно от меня?

— Я не занималась любовью с Кисо, моим женихом, — холодно ответила Томэо. — И ты, дубина, мог бы и заметить, что раньше я была непорочна. Хватит болтать о ерунде, поехали! Впрочем, я была бы не против видеть тебя моим мужем...

«Еще не хватало! — мелькнула у Конана мысль, и сразу вспомнилось волшебное сокровище джавидов, у которого он попросил королевский венец. Нейглам, древняя реликвия гномов, исполняла любое желание... — Великие боги, Митра, Кром, Эрлик и даже Нергал! Что, если дурацкий кувшин бородатых карликов начинает выполнять обещание? Я согласен стать королем Немедии, Аквилонии, Зингары или, на худой конец, Шема, но здесь?.. Только не это! Захудалое государство, малочисленный народ, вольные кланы, постоянно грызущиеся друг с другом... Не дождетесь!»

Миновав заросли лиан и неизвестных варвару колючих растений с роскошными розовыми цветами, они вышли к

лагерю, который бежавшее от драконов ополчение Тайса разбило возле самой опушки. Место, где находился император Торинга, было окружено многочисленными знаменами с разноцветными ленточками и лисьими хвостами, а также белыми шелковыми штандартами с эмблемой семьи Тайса — круглым багровым солнцем, испускавшим во все стороны широкие лучи. Пока слуги снимали шатры и навьючивали походный скарб на лошадей, император разговаривал с человеком средних лет, облаченным в фиолетовое. Томэо успела шепнуть Конану, что это Саката Омагари Мориту, старейшина союзного клана. Здесь же оказались Мораддин и подружившийся с ним Горисакава Тайса, лучший воин ополчения семьи.

Монахи Дарумы били в бубны и хриплыми голосами распевали гимны в честь Нефритового Императора, Омита-су и бога по имени Хатиман, покровительствующего сражениям; телохранители Торинги уже садились на коней; прочие ополченцы снимали лагерь, а прислуга из мальчишек и женщин сновала туда-сюда, добавляя суматохи. Драконы, пиршествовавшие в тысяче шагов, не обращали на людскую кутерьму ни малейшего внимания.

Когда Мориту ушел к своим, Торинга обернулся к выжидательно молчащему Конану, за спиной которого стояла Томэо. Император помолчал, хитро посматривая то на варвара, то на девушку, а потом сказал:

— Полагаю, ты, чужеземец, хорошо провел время?

— Лучшие не бывает, — улыбнулся углом рта Конан. — Столько веселья на мою долю не выпадало еще ни разу. Сначала стража Сутари, потом его же призрак, после драконы... Но я все равно рад служить трону Пагана.

Конан сказал «трону Пагана», а не «императору». Видимо, Торинга это заметил, так как сразу помрачнел.

— Ты вернешься домой не прежде, чем нэйу-буджан Сутари окажется передо мной на коленях.

Торинга отвернулся, подошел к лошади и сел в высокое седло. Варвар его больше не интересовал.

— Домой, — невесело усмехнулся Конан. — А где мой дом?

* * *

Сутки и еще половина дня прошли довольно быстро. За это время объединенная армия семей Мориту и Тайса численностью в пятьдесят пять сотен воинов прошла через разрезавшее горный хребет ущелье. В пути она один раз подверглась нападению полусотни летучих голов рокубони, потеряв около девяти десятков человек. Наученные недавним опытом Конан, Мораддин и Томэо старались держаться вместе; той ночью они укрылись в небольшой пещерке и потому не участвовали в ночной битве с летающими порождениями злой богини Хали. Остальные же люди пребывали в смятении и ужасе, пока розовые лучи восходящего солнца не окрасили небо и не прогнали прожорливые головы обратно в горы, где им предстояло спать до следующей ночи.

Затем был более легкий путь по равнине, через вотчины семьи Барата, вскормившей нынешнего императора Готобу и его всемогущего министра-волшебника. Естественно, что деревни и хутора нещадно выжигались, но маленькие крепости оставались в тылу: штурмовать их — значит задерживаться на пути к Сы-Цзин, Западной Столице Пагана.

Стены города появились вечером второго дня пути, и за это время стража неоднократно докладывала повелителю, что ночами по стоянке ходил призрак, как две капли воды похожий на Сутари Барата. Привидение бродило неподалеку от палатки императора, наверняка оно пыталось разведать, где хранятся священные символы власти. Однако по ночам Торинга держал меч, яшму и зеркало при себе, а днем они лежали в его седельной суме.

Ворота столицы, занимавшей территорию не меньшую, чем блистательный Султанапур, естественно, оказались заперты. На стенах виднелись лучники и тяжеловооруженные солдаты стражи, а над главной башней крепости колыхалось знамя клана Барата: золотистый круг на красном поле, а в центре круга — свернувшийся кольцом дракон. Кроме того, меж зубцов, венчавших мощные стены города, мелькали люди в белоснежных хламидах — ученики магической школы Сутари. Волшебник набирал учени-

ков только из своей семьи, и найти союзников среди младших магов старейшинам Тайса или Мориту было невозможно.

По традиции, Торинга выехал к самым воротам один, даже без телохранителей, и предложил переговоры. Защитники крепости отказались опустить среднюю часть моста, ответив на призыв гневными воплями. Стрелять, однако, не решились: переговоры — дело святое, и Нефритовый Император может жестоко покарать за нарушение короткого перемирия и убийство посланника. Впрочем, в законах ничего не говорилось о том, что в парламентария нельзя швырять гнилыми фруктами, отчего Торинга вернулся к своим приближенным в несколько грязноватой одежде.

Когда воинство Мориту и Тайса обосновалось возле стен столицы, за немисливо короткий срок построив укрепленный лагерь с земляным валом высотой в половину человеческого роста, император собрал совет в своем шатре.

Пока план Томэо по низложению родного дяди претворялся в жизнь безукоризненно. Отряды братьев встали вокруг палатки Торинги, старший, Горисакава, вместе с Морадином устроился и вовсе по соседству, да и Томэо с Конаном находились неподалеку, всего через пять шатров.

На совет Торинга пригласил не только командиров отрядов, но и племянницу, а также чужеземцев, которым поручалась важнейшая задача — захватить Сутари. Конан шел в палатку императора с нехорошим предчувствием, Морадин тоже был хмур и неразговорчив.

— ...Завтра мы начнем штурмовать ворота. — Торинга сидел на плоской четырехугольной подушке, набитой конским волосом, и держал в правой руке священный меч Спящего Бога, а в левой зеркало. Яшма лежала у ног, как символ мирского богатства, попираемого стопами мыслящего лишь о вечном властелина. — Отряды Саката Мориту пойдут первыми.

Саката, глава союзного клана, человек с коротко стриженными волосами, тронутыми на висках сединой, удивленно поднял голову.

— Владыка, — осторожно начал он, — почему нельзя объединить самые опытные войска кланов и ударить вместе?

— Мы уступаем эту честь достойнейшему, — с ядовитой улыбкой молвил Торинга. — И потом, так хочу я, наследник Нефритового Императора.

— Восхитительно, — подала голос Томэо, стоявшая вместе с Конаном, Морадином и Горисакавой у самого входа в шатер. — Тех, кто пойдет первым, ждет вечное блаженство в царстве Спящего Бога. Но дальнейшая жизнь в кругу этого мира им вряд ли грозит...

«Кром, — подумал Конан. — Моя красotka что, зачинает ссору? В плане этого не было, и мы не договаривались столкнуть лбами ее дядюшку и союзников. Впрочем, если Томэо считает, что так нужно, значит, я буду ей помогать».

— Позвольте высказаться, — неожиданно заговорил киммериец. — Я в Пагане человек чужой, но неплохо смыслю в военном искусстве...

Морадин покосился на варвара с откровенным презрением.

— ...Я участвовал во многих битвах повелителей заката, — продолжал Конан. — Одним из тех сражений был штурм форта Венариум. — Северянин умолчал, что тогда ему едва исполнилось всего пятнадцать лет и его вклад в победу киммерийского войска был весьма и весьма невелик. Конану тогда удалось сразить всего троих аквилонцев, и то лишь благодаря невероятной удаче. — Так вот, самыми первыми на штурм пошли люди из рода Черного Медведя...

— И что с ними стало? — напряженно спросил Саката Мориту.

— Они победили, — улыбнулся варвар. — Но род был полностью перебит. — И добавил как бы невзначай: — В живых остался лишь один человек. Совсем молодой. Ему просто повезло. С него Черные Медведи опять повели свою родословную...

Томэо едва сдержала смехок и незаметно толкнула варвара локтем, догадавшись, что он понял правила игры.

Мораддин видел, что между союзниками назревает крупная ссора, и стоял насупившись, но молчал.

— Я прошу императора предоставить нам два отряда из семьи Тайса по полторы сотни человек, — решительно сказал Саката. — Мы вместе возьмем ворота и выпрыгнем из Сы-Цзин сумасшедшего Готоу и злобного Сутари.

— Мое решение окончательно. — Говоря эти слова, Торинга пожирал взглядом варвара, с лица которого не сошла саркастическая усмешка. — Или ты хочешь воспротивиться воле владыки Пагана?

Сопровождавшие старейшину Мориту воины из ближайшей его родни возмущенно зашептались. План Торинги был понятен даже полному дураку: Мориту своими телами вымостят путь Тайса в крепость, и все богатства столицы достанутся Торинге и его семейству.

— Все могут идти, — не терпящим возражений тоном сказал император. — Здесь останутся только три командира сотен, которые на рассвете начнут штурм.

Никто из клана Мориту не двинулся с места. Саката вдруг положил руку на рукоять меча и выдвинул клинок из ножен на два пальца.

— Я настаиваю на своей просьбе, — твердо сказал он, и Томэо снова пихнула варвара локтем. — Или мне придется спорить с тобой, Торинга, за право обладать мечом, яшмой и зеркалом. Наша семья тоже происходит от Нефритового Императора и имеет столько же оснований претендовать на его вечный престол!

Тут уже взялись за оружие телохранители Торинги вместе с ближайшими советниками. Варвар, Томэо и Мораддин неподвижно стояли у входа. Интересно было наблюдать за распрей среди союзников. Киммериец подумал, что завтра вообще никакого штурма не будет, потому что сейчас два семейных ополчения попросту передерутся между собой на радость колдуну Сутари.

— Я вызываю тебя на поединок! — выкрикнул Торинга прямо в лицо Саката. — Здесь же, на площадке перед шатром! Ты оскорбил власть императора, обвинив меня в бесчестности!

— Пока жрецы Спящего Бога не пришли к согласию, что на троне будешь именно ты, называться повелителем ты можешь только в кругу своей семьи! — жестко сказал Саката. — И скажи, ты ли добыл драгоценности трона?

Томэо отчетливо фыркнула, но на этот звук никто не обратил внимания.

Торинга отложил в сторону меч кэн и зеркало цзин-ца, взял свой клинок, лежавший поодаль, и встал с подушки.

— Все решит поединок, — рявкнул он. — Пошли!

Все высыпали из шатра под темное звездное небо. Томэо дернула киммерийца за рукав и указала глазами на опустевшую палатку. Никем, кроме Мораддина, не замеченный, варвар осторожно обошел толпу, окружившую место поединка, и исчез в темноте.

* * *

Ранним утром по лагерю семей, восставших против Готоу и колдуна Сутари, пронесся слух, что ночью произошла смена предводителя, Торинга убит, Саката Мориту тоже, а управляет всем принявшая знаки власти Томэо Тайса, бывшая невеста императора Кисо.

Вожди отрядов сразу после рассвета прибыли к палатке Торинги и, попросив аудиенции через окружившую шатер стражу, прошли за полог. Слухи подтвердились, хоть и не полностью. Томэо в красном родовом облачении действительно сидела на императорской подушке, держа в руках священные предметы, по правую руку от нее стояли два чужеземца: один высокий и темноволосый, второй низенький и коренастый. На плече последнего восседала белая летучая мышь и шипела, едва кто-нибудь из пришедших делал резкое движение. Рослый северянин почему-то все время ухмылялся.

Ночью произошло вот что. Торинга и возмущенный его подлостью Саката дрались на поединке. Каждый хотел победить, потому что главным призом выигравшему был императорский трон. Пока соперники махали мечами, а Томэо с Мораддином заговаривали зубы охране, Конан

вспомнил молодые шадизарские годы, со спокойствием истинного сына Бела разрезал матерчатую стену опустевшего шатра Торинги и без всяких затруднений изъясил вещи, дававшие право на трон. Далее все обернулось как нельзя лучше для Томэо.

Сойдясь в яростной схватке, Торинга и Саката сильно изранили друг друга. Старейшина клана Мориту умер прямо на месте поединка, а император, потеряв много крови, упал без сознания и к утру был при смерти. Томэо, не дожидаясь, пока кто-то другой захватит власть, предъявила драгоценные вещи войску и объявила себя императрицей, наследующей Кисо и самому Спящему Богу.

Братья Томэо безоговорочно поддержали сестру и заручились двоих советников Торинги, заявивших, что не признают новую владычицу, пока жив ее дядя, и нескольких вождей семьи Мориту, потребовавших меч, яшму и зеркало себе. Потом все разошлись спать.

Не отдыхал только лекарь, тщетно пытавшийся остановить кровотечение у Торинги.

Конан неожиданно для себя был немедленно назначен повелительницей начальником стражи, заняв таким образом третий после нэйу-буджана пост в государстве. Варвара, однако, это совсем не радовало, вдобавок Мораддин заявил, что начальник стражи — должность опасная.

— Мне теперь называть тебя «ваше превосходительство»? — ядовито осведомился сын гнома. — Или специально ради тебя Томэо введет титул ночного короля? Кажется, вы очень близко подружились. Будет прекрасное разделение власти: днем правит она, ночью — ты...

— А в морду? — проворчал Конан. Любопытно, но все приближенные двора Торинги, братья Томэо и даже жрецы Спящего Бога теперь роняли на киммерийца взгляды, которые можно было бы назвать презрительными и почтиatelyными одновременно. — Нет, Мораддин, если хочешь, я уступлю тебе это место.

— Спасибо, — отозвался потомок гномов. — Я не справлюсь. Ты, кстати, хоть знаешь, в чем состоят твои обязанности?

— Конечно нет. — Конан накрылся с головой шерстяным одеялом. — В случае чего спрошу твоего совета.

Как ни странно, пришедшие утром к Томэо командиры полторасотенных отрядов сразу признали ее императрицей. Они прекрасно понимали, что лучше иметь вождем женщину, чем вообще никого. Тем более находясь под стенами Сы-Цзин.

— Я приказываю двум отрядам ополчения Мориту и такому же количеству воинов Тайса выдвинуться к воротам города, — ровным голосом говорила Томэо. Перебить ее никто не осмеливался. — Пусть наши волшебники прикроют людей и противостоят ударам колдунов школы Сутари. Кроме того, я просила бы выслушать начальника моей стражи, он расскажет, как штурмуют города в странах заката. Кажется, более привычные к войнам чужеземцы разбираются в этом лучше нас.

— Ну-у... — выступил вперед Конан и слегка поклонился насторожившимся командирам. — Вообще-то, сначала необходимо перебраться через ров...

Варвар и изредка дополнявший его рассказ Мораддин объяснили, как они себе представляют захват столицы ценой сравнительно небольших потерь. Ров следовало забросать фашинами и замостить длинными и широкими досками, способными выдержать тяжесть тарана. Несколько отрядов лучников будут обстреливать стены и надвратное укрепление, три сотни воинов попытаются захватить башню над воротами и удержать ее, пока не будут разбиты ворота и основная часть войска не ворвется в столицу.

Объяснения киммерийца прервал вбежавший в палатку полусотник в синей одежде Тайса. Выглядел он озабоченно и даже слегка испуганно.

— Моя госпожа! — Полусотник низко поклонился Томэо. — В городе творится нечто невообразимое! Слышны звуки битвы, а со стороны императорского дворца поднимается столб дыма, наверное, там пожар!

— Интересно, — сдвинула брови девушка. — Приведите ко мне жреца Омуру, пусть захватит всевидящий камень.

Великая Омитасу, что там происходит? Восстание народа против Сутари и Готобы? Или что-то другое?

Стража, почтительно держа под руки, ввела в шатер древнего старца с жидкой седой бородой. Позади шествовали монахи Дарумы, старший из них торжественно нес темный стеклянный шар.

— Что это такое? — шепнул на ухо Мораддину Конан. — Волшебный кристалл?

— Вроде того, — столь же тихо отозвался спутник. — Я слышал, такие вещицы умеют делать в Кхитае. Смотришь в нее и видишь то, что происходит в отдалении или даже другом времени. Не помню, как называются эти кристаллы.

Жрец Омуре опустился на колени перед возвышением, где сидела Томэо, монах положил перед ним всевидящий камень и отошел. Омуре прижал узкие, изрезанные морщинами ладони к гладким выпуклым бокам кристалла, прошептал несколько непонятных слов, и тотчас внутри камня начало разгораться багровое пламя. Вскоре появилось хорошо различимое изображение высокой черной башни на фоне неба с ядовито-розовым оттенком, промелькнули бесформенные тени, затем возникли очертания города на холме. Наконец жрец Спящего Бога поднял взгляд на Томэо и сказал хриплым старческим голосом:

— Смотри, владычица. Камень сейчас показывает окрестности императорского дворца.

Томэо вместе со сгоравшим от любопытства варваром нагнулась над всевидящим камнем. Конан, непривычный к кхитайским колдовским предметам, долго примеривался, отыскивая угол, с которого лучше видно, и вскоре во всех деталях различил происходящее в стенах Западной Столицы.

Возле очень большого и красивого белого здания с золотистым куполом и рядами колонн перед фасадом шла битва. Стража в знакомых зеленых одеждах и черных шапочках сражалась с людьми, одетыми в черно-изумрудные кафтаны телохранителей. На заднем плане маячил человек в белом, отдавал неслышные приказы.

— Я не верю своим глазам, — растерянно проговорила Томэо. — Стража, подчиненная Сутари, набросилась на телохранителей сумасшедшего Готобы!

— Госпожа, — вдруг позвал императрицу Мораддин, — если в городе передрались между собой его защитники, значит, штурм надо начинать немедленно! Их слабость — это наша сила!

— Отлично! — Томэо оторвалась от кристалла и взмахом руки дала понять жрецу, что его услуги больше не требуются. — Действуем, как условлено. Ты, Конан, и ты, Мораддин, останетесь здесь. Мне нужно с вами поговорить. Все остальные должны идти к стенам, и да хранят нас Нефритовый Император и его божественная супруга!

Военачальники почти бегом покинули шатер, монахи увели древнего жреца, и Томэо осталась наедине с варваром и его другом.

— Конан, — скороговоркой обратилась к киммерийцу девушка, — ты все равно должен отправиться в город. Сейчас, когда Сутари поднял бунт против Готобы, ты сумеешь незаметно проскользнуть ко дворцу. Посмотри, — Томэо вынула из стоящей рядом шкатулки свиток и развернула его, — вот план города. Здесь — квартал Розовой Цапли, в нем живут родственники Мориту и чужеземные купцы. Если будет необходимо, попросишь помощи у них. О том, что ты — друг наших кланов, им скажет вот это яшмовое кольцо.

Томэо сняла с пальца зеленый перстень с печаткой, изготовленный из цельного камня, отдала варвару, и тот спрятал его за пояс.

— Я тоже пойду, — решительно сказал вдруг Мораддин. — Вдвоем будет веселее, и потом, я неплохо знаю кхитайские боевые искусства. Может, пригодится.

Мышь глянула красными глазками на Томэо и утвердительно пискнула.

— Хорошо, — подумав, ответила владычица. — Как улавливались — убейте или схватите Сутари и ждите, пока мы не возьмем город. Надеюсь, все будет хорошо. Я попрошу монахов вознести молитвы Нефритовому Императору...

— Вместо такой ерунды, — скривился киммериец, — лучше бы присмотрела за своими командирами. К полудню ворота уже должны быть разбиты. И потом, как мы попадем в город?

— Я сейчас. — Томэо положила меч, яшму и зеркало в мешок и вышла из палатки. Вскоре она вернулась, приведя с собой одного из охранников.

— Он проводит вас к самой стене возле торгового квартала. Там очень мелкий ров и низкие укрепления. Если повезет, переберетесь через стену.

— А если нет? — буркнул варвар. — Одна надежда, что мы сумеем поймать вашего министра и я вытрясу из него способ возвращения в Туран...

— Идите, — сказала Томэо. — Помощь ждать себя не заставит. Мы обязательно возьмем город.

Конан и Мораддин поклонились, взяли свои мешки и пошли вслед за проводником. От Томэо не укрылось, с каким недовольством Мораддин поглядывает на киммерийца, а особенно на его поклажу. Что-то странное было в очертаниях мешка, который уносил Конан...

Глава восьмая

Расскажи про такую крепость любому аквилонцу или немедийцу — засмеют, — бурчал Конан, протягивая руку Мораддину. — Поднимайся же!

Паган был удивительной страной. Однако самым потрясающим из увиденного варваром в этом государстве оказалась стена главного города, столицы Сы-Цзин. Шагов на пятьсот справа от ворот, возле которых вовсю кипела подготовка к штурму, стена понижалась до высоты полтора человеческих роста, охраны наверху не было, так как все сбежались к воротам, а ров был глубиной по колено даже Мораддину! Захолустье...

Трех человек, подобранных к смехотворному укреплению, никто не заметил. Стражник, доведя Конана и его приятеля до рва, указал рукой на низкую стену, молча поклонился и ушел обратно к шатру владычицы. Даже не снимая сапог, Конан преодолел ров, подпрыгнул, уцепился за кирпичный зубец и забрался наверх. Втащив Мораддина, варвар осмотрелся по сторонам и отметил, что в этом месте к крепостной стене действительно примыкает некое подобие рынка, сейчас пустого и безлюдного. На площади теснились десятки тростниковых палаток, в торговые дни битком набитых товарами; высились кучи мусора и грызлись из-за отбросов тощие собаки.

— Если я правильно запомнил план, — сказал Конан, — дворец должен быть левее, через шесть кварталов. Пойдем?

— А что еще делать? — мрачно произнес Мораддин. — Не нравится мне здесь. В городе творится что-то непонятное и как пить дать нехорошее. Людей не видать...

— Вот и прекрасно. — Конан спрыгнул на утоптанную глину торговой площади. — Если все чересчур заняты своими делами, значит, до нас никому нет дела. Лучше подумай, как проникнуть во дворец. Наверняка у Сутари неплохие охранники...

— ...Которые сейчас дерутся между собой. — Мораддин легко приземлился рядом. — А потому гораздо более осторожны, чем обычно. Интересно, кто победил? Стражники престарелого Готобы или гвардия первого министра?

— Неважно. — Варвар, постоянно оглядываясь, зашагал вперед, к ряду одноэтажных строений с плоскими крышами, меж которых виднелась узкая улица. — Чем быстрее сделаем дело, тем скорее отпразднуем победу!

Скорее всего, мирные жители Западной Столицы прятались по домам. Едва ли часто штурм спокойного и счастливого Пагана совпадал с кровавыми конфликтами между его защитниками. Двое чужестранцев осторожно пробирались по улицам, время от времени затаивались, чтобы пропустить спешащий то к крепостным воротам, то к императорскому дворцу немногочисленный отряд стражи. Варвар несколько раз замечал, что из окрестных домов за ним и Мораддином наблюдают — отодвигались шторы, мелькали встревоженные лица горожан. А один житель большого и, видимо, богатого дома, выходявшего фасадом на улицу, даже спросил у чужеземцев, что происходит вокруг.

— Да так, пустяки, — по-кхитайски ответил Мораддин. — В стране три императора, даже четыре, если учесть, что Сутари Барата поднял мятеж против Готобы.

— А остальные два? — ужаснулся горожанин.

— Стоят за воротами, — бросил через плечо Конан. — Ее величество Томэо Тайса и ее дядя Торинга. Хотя последний, наверное, уже умер... Скажи, дворец в той стороне?

— Зачем тебе во дворец? — несказанно удивился выслушавший из окна толстяк. — Там же опасно!

— Я тоже хочу стать императором, — вполне серьезно ответил киммериец. — Так мы правильно идем?

— Конечно, — пискнул горожанин и скрылся за зеленой шелковой занавеской.

— Если нас поймают, — заявил Мораддин, — я скажу, что во всем виноват ты! На суде нас обвинят еще и в самозванстве!

— Скорее всего, нас просто прикончат на месте, — обнадежил приятеля Конан. — Надо пройти еще два квартала, будь внимательнее.

Лишь один раз по пути к дворцу Готобы пришлось разбираться с патрулем стражи, но все закончилось благополучно. Мораддин походя уложил троих гвардейцев Сутари, но не убил, просто лишил сознания. Варвар снова заворчал, дескать, нельзя оставлять в тылу живого противника, но сын гнома уверил, что стражники очнутся не раньше заката, а к тому времени город наверняка будет взят армией Томэо.

Дворец, а точнее, несколько десятков построек, служивших обиталищем владыке Пагана, был обнесен невысокой стеной, вдоль нее ходило множество патрулей. Высунув голову из переулка, Конан окинул стену оценивающим взглядом и повернулся к Мораддину.

— Либо пробиваемся, либо ждем, — расстроенно произнес варвар. — Там прогуливается не меньше полусотни болванов в зеленом, вроде тех, которых мы перерезали в первый же день.

— Стража Сутари, — кивнул Мораддин. — Вряд ли они уйдут. Томэо тебе ничего не говорила о тайных путях во дворец? О подземном ходе?

Конан покопался в памяти, но ничего такого не припомнил. Хотя где-нибудь наверняка есть подземный ход или тайная дверь. Варвар принял решение, как обычно, недолго раздумывая.

— Сделаем просто, — сказал он. — Подойдем к страже и попросим отвести нас к министру Сутари. А там поглядим, что получится.

— Ты перебрал рисового вина, — убежденно проговорил Мораддин. — Во-первых, нас ищут, император не случайно

объявил шейрам. Во-вторых, даже если охрана состоит из непроходимых тупиц, у нее наверняка хватает ума не пускать во дворец иноземцев. А мы с тобой кто?

— Попытка не пытка, — упорствовал Конан.

Киммериец, а за ним и Мораддин прогулочным шагом вышли из переулочка и направились к воротам дворца. Охранники, патрулировавшие улицу, несколько опешили от такой дерзости, затем десятник в украшенной пышными перьями шапочке решительно двинулся навстречу двоим подозрительным типам.

— Вы кто такие? — недоуменно спросил он. — Разве не слышали о приказе нэйу-буджана Сутари не покидать домов?

— У нас дело к нэйу-буджану, — высокомерно заявил Конан. — Оно касается украденных из дворца яшмы, зеркала и меча.

— Украденных? — Глаза начальника полезли на лоб. — Сокровища короны у императора, в главной кладовой! Кто вы такие, спрашиваю?

«Значит, Сутари не рассказал своим людям, что волшебные вещи исчезли, — подумал киммериец, озабоченно косясь на окруживших его и Мораддина стражников. — Кажется, мы все-таки дали маху...»

— Меня зовут Конан, — сказал он. — Я приехал из далекой северной страны. А это мой друг Мораддин. Я очень прошу отвести нас к повелителю Сутари.

— Отдайте оружие, — ледяным голосом проговорил начальник караула. — И следуйте за мной.

Конан бросил на Мораддина торжествующий взгляд — получилось! Потомок гномов промолчал, лишь тяжело вздохнул. Тотчас их мечи перекочевали в руки охранников, и начальник повел иноземцев к воротам. Позади следовало не меньше десятка солдат министра.

— Сначала вы будете говорить с цжан-кио, дворецким, — не оборачиваясь, сказал начальник караула. — А там видно будет, примет вас Сутари или нет.

Варвар не внял предостережениям Мораддина и поплатился за это. Успокоенный вежливой, хоть и прохладной,

речью начальника, он утратил бдительность. Едва процессия миновала ворота, человек с перьями на шапочке махнул рукой толпившимся возле тростниковой сторожки солдатам, указывая на незваных гостей, и почти два десятка вооруженных до зубов головорезов накинулись на Конана с Мораддином.

И варвара, и его спутника скрутить было совсем не просто. Несколько нападавших сразу полетели на землю, кто со сломанной шеей, кто с разбитым лицом. Киммериец хотел было добраться до своего меча, пока Мораддин дрался с пятью охранниками, но повисшие на плечах солдаты Сутари повалили его на траву, стянули запястья прочной ременной петлей и на всякий случай добавили сапогами по ребрам.

Мышка успела взлететь и теперь, истерично вереща, кружила над местом короткой схватки.

Когда пленников схватили за воротники курток и поставили на ноги, начальник караула вышел вперед, презрительно осмотрел варвара и бывшего гвардейца и сказал:

— Вас опознали. Это вы напали на отряд стражи вместе с изменницей Томэо Тайса. Поражаюсь, как у вас хватило наглости появиться возле самых ворот императорского дворца.

— Отведи нас к Сутари, — прорычал упрямый Конан. — Повторяю, у нас к нему важное дело, речь идет о драгоценностях трона!

— У нэйу-буджана нет времени выслушивать байки заговорщиков, — отрубил начальник. — Казнить их!

— Но... — раскрыл рот Мораддин и сразу осекся. Потрясающе: закончить свою жизнь в безвестном крошечном государстве только из-за дикой прихоти проклятого варвара! Вот что значит судьба...

Ноги пленникам не связали. Идти к лобному месту пришлось самим, терпя частые удары тупыми концами копий. Конан выглядел растерянным и все пытался разорвать тугие путы.

— А можно узнать, — спокойно спросил Мораддин у охраны, — каким способом нас хотят отправить в царство Нергала?

— Какого такого Нергала? — буркнул один из солдат. — Царством мертвых правит Сусаноо, падший в своей гордыне брат Нефритового Императора, осужденный им на вечное пребывание в царстве теней! А насчет способа сам узнаешь.

— Спасибо. — Мораддин повернул голову к варвару. — Кстати говоря, в странах восхода распространены самые утонченные способы казни... Иногда человека запирают в тесной комнате с огромным количеством голодных крыс. Ты как относишься к крысам?

— Еще посмотрим, кто кого съест, — угрюмо сказал Конан. Настроение у него было хуже некуда. Киммерийца и раньше неоднократно пытались спровадить на тот свет многочисленные князья, владыки и повелители, но всякий раз ему удавалось выкрутиться. А сейчас? Остается надежда лишь на его величество Случай.

Их провели на огороженный бамбуковыми кольями круглый дворик, в центре которого виднелось отверстие в земле. Наверняка дно ямы утыкано заостренными палками или еще чем похуже... Не слушая угроз варвара, стража подвела его и Мораддина к краю ямы и пинками отправила вниз.

* * *

— Ненавижу змей! — рявкнул Конан, сидя точно под кусочком голубого неба, обрезанного стенами змеиного садка. — Мораддин, как думаешь, отчего они не нападают?

— Боятся отравиться, — слабым голосом ответил тураец. — Даже Сета наверняка стошнит, если он попробует тебя на зубок.

В одном им повезло: яма оказалась неглубока. При падении никто не переломал костей. Варвар умудрился приземлиться на обе ноги и сразу попытался смягчить падение Мораддина. Кончилось это тем, что посланники Томэо вдвоем повалились на усыпанное костями дно ямы, а из-под истлевших останков во все стороны шмыгнули десятки разнообразных змей, от лесных гадов до огромных упитанных кобр. Кроме детей Сета, в яме обитали длинные и жирные лошади-

ные пиявки, они гроздьями висели на выступях стен. Змеи расплзлись к стенам сужающейся сверху ямы и теперь злобно шипели на сидящих в центре людей.

Белая летучая мышь, нимало не страшась чешуйчатых гадов, проскользнула сквозь редкую опускающую решетку и с радостным повизгиванием уцепилась за волосы хозяина.

— Отвратительно, — ворчал Мораддин. — Что за скверная страна! Додуматься до такого гнусного способа казни! Яма со змеями и пиявками! Никогда тебе этого не прощу!

— Брось, — поморщился Конан. — Такие же ямы есть в Асгарде и Ванахейме, даже у пиктов... Все естественно и привычно. Но все-таки почему отродья Сета не кусаются? И пиявки не подползают?

— Должно быть, время трапезы еще не наступило, — ответил Мораддин. — Пока змеи нас не трогают, попытайся развязать меня. Паганские недоумки забыли снять с твоего пояса кинжал.

И действительно, стража второпях оставила чужеземцам кинжалы и заплетные мешки. Скорее всего, у гвардии Сутари хватало дел поважнее, чем обыск пленников.

Конан отрицательно помотал головой.

— Давай лучше ты. Вынь зубами кинжал и попробуй перерезать ремень на моих руках, а потом я тебя освобожу.

Мораддин, ерзая по выбеленным временем костям прежних «постояльцев» змеиной ямы, подобрался к Конану, взялся зубами за рукоять кинжала аквилонского мага, раньше скрытую под плащом, и, вытянув из ножен клинок, стал осторожно резать прочный кожаный ремень на запястьях киммерийца.

Получилось. Лишь слегка оцарапав левую руку Конана, Мораддин перерезал ремень, и варвар, сбросив путы, с довольным ворчанием стал растирать предплечья, на которых остались багровые следы.

— Про меня не забыл? — сварливым тоном спросил Мораддин. — Развяжи побыстрее, руки затекают.

Конан повертел кинжал в руках, словно раздумывая, резать веревки или нет. Северянин редко отказывал себе в удовольствии позлить Мораддина. Лишь когда спутник зло

зашипел, точь-в-точь как пресмыкающиеся неподалеку змеи, Конан едва заметно взмахнул аквилонским клинком и вмиг избавил Мораддина от тугих петель. Мышка сразу перебралась с затылка хозяина ему под рубашку.

— А все-таки почему нас не трогают змеи? — недоумевал Конан, внимательно рассматривая дно ямы. — Чувствуют родственные души?

Даже самые крупные и агрессивные на вид кобры предпочитали держаться в стороне от людей. Некоторые змеи сплелись клубками в небольших углублениях стен, другие, обвив кости прежних жертв, не двигались, третьи шипели всего в двух-трех шагах от сидящих спина к спине Конана и Мораддина, однако подползать ближе не осмеливались. Пиявки висели неподвижно, словно диковинные плоды.

— Какая-то дурацкая казнь, — заметил Мораддин. — Хотя я предпочел бы умереть не от голода, а от укуса кобры. Все-таки быстрее.

— Посмотри, сколько еды вокруг, обжора! — киммериец указал на шевелящихся змей. — При желании их можно есть сырыми. Не пропадем!

— Тихо, — поднял руку Мораддин и взглянул вверх. — По-моему, к нам гости!

Решетка, которой был закрыт сверху земляной мешок, отодвинулась в сторону, послышались голоса людей и тонкие надрывные вопли. Похоже, в яму хотели посадить еще кого-то.

— Добро пожаловать! — крикнул Конан, задрав голову. — У нас тут весело!

На стену ямы упала человеческая тень, страдальческие крики зазвучали громче, а стража стала ругаться изощреннее. Человек, обреченный на смерть, не был связан — судя по движениям тени, он отчаянно размахивал руками и брыкался.

— Он упадет прямо на нас, — быстро сказал Мораддин. — Отодвинемся?

— Куда, к змеям? — Конан инстинктивно вскинул руки, потому что человек в изумрудно-зеленой хламиде уже полетел вниз. — О, поймал! Какой он легкий!

В лицо варвара уставились широко раскрытые и перепуганные серые глаза древнего старца. На тщедушном теле старика был кафтан цветов клана Барата, с растительным орнаментом, а на голове — квадратная лиловая шапочка.

— Оставь меня, нечестивый преступник! — взвизгнул новый узник змеиной ямы. — Не смей прикасаться к потопку Нефритового Императора!

— У вас тут каждый второй — потомок, — хмуро произнес Конан, но все же выпустил его из своей железной хватки. Старик откатился к стене. Казалось, он не заметил шипящих гадов.

— Дедуля, тебя за что посадили в нашу яму? — осведомился варвар, рассматривая нежданного гостя. — Как твое имя?

— Я — Готоба, император Пагана! — прокричал старик. — Изменники! Негодяи и убийцы!

— Кто здесь изменник? — Киммериец аж рот раскрыл от изумления. Ничего себе! Престарелого Готобу засадили в яму, будто распоследнего душегуба-разбойника! Очень может быть, что в Пагане появился новый император, и, видимо, таковой носит имя Сутари Барата... Никто, кроме главного министра, не мог устроить переворот и отправить на смерть выжившего из ума Готобу! — Предали тебя мы или твоя бывшая стража?

— Быстрее иди к нам! — Мораддин встревожился, видя, как оживились прежде безразличные к людям змеи. К нему и Конану они по-прежнему питали отвращение, однако прижавшийся спиной к стене ямы Готоба явно их заинтересовал. — Иди в круг, эти твари не поползут к середине ямы!

Готобе не повезло. Должно быть, люди так напугали незадачливого императора, что он считал менее опасным общество ядовитых змей. К нему подползла зеленая древесная гадюка, и когда император отшвырнул ее в сторону, она разозлилась, бросилась вперед и вонзила ядовитый зуб в обнаженную старческую голень.

— Нет! — простонал Готоба. — Спасите меня!

Мораддин кинулся было к ужаленному императору, но Конан удержал его за плечо.

— Чем ты ему поможешь? — рявкнул варвар. — Старикашке конец! Сейчас надо думать о том, как выжить самим! Где, задери ее демоны, Томэо со своей дурацкой армией? Не могут взять такой паршивый городишко!

Готоба, почти мгновенно парализованный ядом гадюки, посинел от удушья и задергался в судорогах. Умирал низложенный владыка довольно долго, и это зрелище не доставило двоим приятелям, сидящим в считанных шагах от него, никакого удовольствия. Варвар по-прежнему гадал, отчего змеи не уделяют ему и Мораддину внимания.

— Ну вот, одним императором в Пагане меньше, — сказал Конан, когда Готоба затих. — Как ты думаешь, Мораддин, что вообще происходит в этой стране?

— Там сам Нергал копыта сломит! — заключил потомок гномов после некоторых раздумий. — Слушай, становись здесь королем, а? Наведи порядок, создай сильную власть... Помнишь свою просьбу к волшебному кувшину гномов? — Мораддин замолк, прислушался к бурчанию в животе и неожиданно заметил: — Кстати, раз мешки остались при нас, можно слегка перекусить. У тебя что-нибудь осталось?

Варвар, сняв со спины котомку, развязал горловину и сунул внутрь руку, надеясь нащупать кусок сушеного мяса, еще вчера вечером прихваченного со стола Томэо. Пальцы наткнулись на что-то твердое и тяжелое.

— Это не еда, — пробормотал киммериец. — Кром и все боги Полуночи! Мораддин, ты только посмотри!

Небольшая круглая вещица, извлеченная им из мешка, отразила скудные лучи света. В правой руке Конан держал зеркало цзин-цза, священный символ императорской власти...

* * *

Киммериец расчистил местечко на земляном полу ямы (для этого пришлось разбросать кости казненных ранее преступников) и разложил на утоптанном суглинке меч, яшму и зеркало. Змеи зашипели громче, поползли вдоль

стен, тычась головами во все щели. По-видимому, они очень испугались колдовских предметов.

— Теперь понятно, почему они нас не прикончили, — сказал Мораддин, хмуро рассматривая драгоценности трона Пагана. — Наверняка Спящий Бог вложил в эти штучки колдовскую силу, каким-то образом отпугивающую врагов. Все хотел спросить, зачем ты украл символы власти из палатки Томэо?

— Неправда! — возмутился Конан. — Я их позаимствовал на время! Кстати, спасибо за то, что ничего не сказал нашей красавице-королеве.

— Зачем? — допытывался Мораддин. — Бедная девушка вышла, чтобы с лучшими пожеланиями отправить нас в город, а возвратясь в шатер, обнаружила, что залог ее власти над страной исчез! Наверняка она сразу поняла, кто это сделал. Интересно, как она поступит, когда увидит тебя в следующий раз?

— Не забудь, — с упреком в голосе напомнил киммериец, — эти штучки спасли нам жизнь. Просто я решил позаботиться о нас с тобой. Томэо все поймет правильно и поторопится со штурмом города. А когда ее войско займет дворец, мы с радостью отдадим символы власти обратно.

— А если не возьмет?! — взорвался Мораддин. — Не забывай, Сутари — колдун и у него в подчинении целая шайка магов! Помнишь, Томэо рассказывала, как отряды ее жениха были уничтожены огненным дождем? Представь, что с нами будет, если от армии Томэо уже ничего не осталось, а первый министр, точнее, новый император сейчас пьет рисовое вино в честь своей победы над бунтовщиками?!

Летучая мышь, словно соглашаясь с хозяином, тоскливо и протяжно запищала под плащом. Варвар сидел как в воду опущенный. Ему и в голову не приходило, что войско красавицы Томэо может потерпеть поражение. Вечно Мораддин предполагает самое худшее! Однако следует искренне поблагодарить всех богов, покровительствующих киммерийцам и гномам, за тупость стражи, не обыскавшей злоумышленников. Вдруг все-таки удастся спастись?!

— Эй там, внизу! — раздался крик над головами варвара и его друга. Конан поспешил прикрыть сокровища паганских императоров полой плаща. — Сидите?

Кому-то из стражников приспичило узнать, что происходит в яме. Или он просто решил убедиться, что свергнутый император уже мертв.

— Сидим, — даже не взглянув наверх, гаркнул Конан. — Покойника уберите! Он скоро вонять начнет!

Послышался шорох, решетка откинулась, и в отверстии появилась жирная физиономия незнакомого человека с пучками волос на краях верхней губы и узкими хитрыми глазами. Он внимательно осмотрел дно змеиной ямы, долго разглядывал труп Готобы и наконец остановил взор на киммерийце.

— Вы двое почему живы?

— Ваши змеи и пиявки насытились бывшим императором. — Варвар лениво глянул наверх, с удовольствием отметив, что на лице незнакомца появилось туповато-озадаченное выражение. — А ты откуда взялся?

Человек помолчал, потом соорудил брезгливую мину, но все же ответил:

— Ты, обреченный, говоришь с Сутари Барата, законным повелителем Пагана...

Мораддин неожиданно пихнул Конана локтем, чтобы умолк, и сам вступил в разговор, подняв лицо к волшебнику:

— Как это — законный? Я, конечно, приехал издалека, но знаю, что императором может называться только человек, связанный кровным родством со Спящим Богом, а самое главное, владеющий мечом, яшмой и зеркалом!

Конан окаменел, сообразив, что Мораддин — старый интриган, наточивший зубы за годы службы в тайной гвардии, — затеял хитрую и опасную игру. На всякий случай киммериец как бы невзначай одернул плащ, получше укрыв упомянутые драгоценности.

— У тебя нет вещей Нефритового Императора, — невозмутимо продолжал Мораддин, обращаясь к Сутари. — Некоторое время они были у Томэо Тайса, а где находятся сей-

час... Об этом известно только мне и моему другу. Между прочим, ты, господин, был не прав, объявив нас преступниками и злодеями. Просто нелегко было разобраться в делах принадлежащей тебе страны и выяснить, кто является настоящим и законным властелином.

— Где вещи? — хрипло спросил Сутари. — Скажите, и я прикажу вас вытащить!

— Сначала вытащишь, хорошенько накормишь, выслушаешь историю нашего появления в Пагане, а потом мы вернем тебе сокровища, — ответил Мораддин. — Согласен?

Варвар уже незаметно запихивал меч и яшму за голенище левого сапога, а зеркало под куртку. Если болтовня Мораддина поможет выбраться наружу, то волшебные предметы лучше сразу не показывать. А вдруг Сутари прикажет бросить похитителей обратно в яму? Остается надеяться, что потомок пронырливых гномов сумеет охмурить колдуна.

Послышались отрывистые команды, с шуршанием развернулась веревочная лестница, и Мораддин, подхватив свой мешок, полез наверх. Конан, надежно упрятав символы власти, бросил прощальный взгляд на мертвого Готобу и поднялся следом за другом.

Вскоре они стояли на краю ямы перед бывшим министром, а ныне императором. Волшебник Сутари оказался пухлым, средних лет, и был очень похож на свой призрак, бродивший две ночи назад по лагерю войска Тайса. Разумеется, он щеголял багровым парадным мундиром императоров, а не коричневым или зеленым кафтаном, выдающим принадлежность к семье Барата. Вокруг стояли телохранители и стражники.

— Где меч, яшма и зеркало? — недоверчиво глядя на Мораддина, спросил Сутари. — Если вы обманули меня, клянусь, вас ожидает смерть гораздо страшнее, чем от змеиных клыков.

— Позволь объяснить, владыка, — на кхитайский манер поклонился бывший гвардейский капитан. — Мы с другом пришли в столицу засвидетельствовать свое почте-

ние особе законного императора, попросили начальника стражи отвести нас к тебе, а он, не разбираясь и не слушая возражений, приказал бросить нас в эту зловонную яму. Мы знаем, что драгоценности были украдены из дворца самозванцем Кисо...

«Слышала бы его Томэо! — мелькнула у варвара мысль. — Зарезала бы на месте!»

— Пойдемте в покои, — вполголоса проговорил Сутари. — Там поговорим.

Оно и понятно: императору не хотелось, чтобы горожане и даже его собственная стража узнали о похищении волшебных предметов, дающих право на трон. Поэтому Сутари поспешил к выходу из дворика, а затем к дому под золотой крышей — тому самому, который Томэо и киммериец видели в волшебном камне жреца Спящего Бога. Конан и Мораддин пошли за императором, стража не отставала ни на шаг.

Сутари привел иноземцев в комнату и оставил при себе только двоих высоченных охранников. Они застыли по сторонам дверного косяка.

— Они ничего не расскажут, — указал на молчаливых здоровяков император. — Мое колдовское искусство пожизненно лишило их дара речи... Однако вы пока владеете своими языками. Где сокровища?

— Здесь, — улыбнулся Мораддин. — Мы принесли их тебе, повелитель.

Сын гнома взглянул на Конана, и тот нехотя достал зеркало, меч и яшму. Положив их перед Сутари, варвар с легким поклоном отступил на шаг. Если сейчас колдун прикажет убить его и Мораддина, то гвардеец-неудачник умрет не от топора палача или укусов змей, а от кулака Конана! Причем сейчас же!

Однако Сутари не был расположен казнить своих благодетелей. Маг просиял, заулыбался, любовно поглаживая три чудесных предмета; его жирные щеки тряслись от восторга.

— Хорошо, — сказал он. — Очень хорошо! Я огорчен, что стража доставила иноземным гостям неприятности. — Су-

тари хлопнул в ладоши, дверь отворилась, и на пороге показался один из телохранителей. — Доставить сюда начальника дворцового караула, велевшего казнить этих гостей из закятных стран!

— Эй, — напомнил о своем существовании Конан. — Пусть вернет наши мечи!

Телохранитель вопросительно посмотрел на властелина, тот кивнул. Приказы в Пагане исполнялись незамедлительно — это правило варвар с Морадином испытали на своей шкуре.

Знакомый начальник караула буквально вихрем влетел в покои императора.

— Так, — зловещим полупшепотом произнес Сутари. — Помнишь этих людей?

— Конечно, владыка, — потупился стражник. — Это преступники, на которых был объявлен шейрам. Как они остались живы? Ведь я выполнил твой приказ, бросил их в змеинный садок...

— Прика-аз... — протянул Сутари. — Они тебе говорили, что идут ко мне с важными известиями, дурачина?

— Г-говорили, — заикнулся бедняга, расслышав злобные нотки в голосе колдуна-императора. — Я думал, это вранье и уловки...

— Зря думал, — сказал волшебник и поднял правую руку. С его пальцев соскользнул огненный зеленоватый веер, похожий на лезвие топора, ударил стражника в шею, и тотчас обезглавленное тело рухнуло на циновки, а голова откатилась в угол. Лужица крови вскипела у самых подошв мага.

— Надеюсь, вы удовлетворены? — повернулся к иноземцам Сутари. — Обидчик наказан, справедливость восторжествовала, а я получил не только драгоценности трона, но и оружие, которое сметет войско бунтовщиков.

Император поднял зеркало цзин-цза и долго с восхищением разглядывал его. Конан сразу вспомнил, как Томэо сожгла тело своего жениха, и не без страха представил, что может произойти с армией Тайса, если маг воспользуется этим оружием. Видимо, Мораддина посетили те же мысли.

— Неужели начался штурм города? — с притворным возмущением воскликнул сын гнома. — Или мятежники по-прежнему стоят, ничего не предпринимая?

— Пускай возьмут ворота, — рассмеялся Сутари. — Хотя это произойдет еще не скоро, я сосредоточил там большую часть своих войск, и она успешно держит оборону. А когда Тайса проникнут в крепость, я испепелю их войско. Заодно все жители Сы-Цзин увидят, что бунтовать против нового императора бесполезно. Я часто спрашивал себя, зачем было ждать столько лет, терпеть дурачка Готобу? Все разрешилось в один день... Кстати, какую вы ждете награду за возвращение драгоценностей? Просите, не откажу. Даже буду рад загладить свою вину перед вами.

— Дело в том, повелитель, — начал Мораддин, — что мы с моим другом Конаном прибыли в Паган не совсем обычным образом...

Глава девятая

Конан остановился сразу за порогом большого подземного зала, облицованного яшмовыми плитками, и, шлепнув Мораддина по плечу, весело и замысловато выругался. Как ни омерзителен маг Сутари, свое обещание он исполнил: в самом центре обширного дворцового подвала виднелась лазуритовая плита, такая же, как в пещере, из которой они перенеслись в Паган.

— Это такой же камень? — осведомился волшебник. — Или все-таки немного другой?

— Один к одному. — Варвар даже рассмеялся. — И что, вернуться обратно проще простого?

— Не скажи, — отрицательно покачал головой Сутари. — Давай я лучше объясню подробнее.

...После расправы над недотепой-стражником колдун внял вежливым, но настойчивым уговорам Мораддина и выслушал его рассказ о загадочном алтаре, перебросившем двух человек из Турана за тысячи лиг, к восходным пределам мира. К концу неторопливого и обстоятельного повествования Сутари заинтересовался и стал выспрашивать о любых, самых незначительных, на взгляд киммерийца и Мораддина, деталях. Волшебника интересовал храм, найденный в Кезанкийских горах, надписи на воротах и преграды, которые пришлось одолеть путникам, прежде чем они обнаружили зал с алтарем. Мораддин ничего не скрывал, понимая, что от правильности его ответов зависит их с Конаном судьба.

Однако бывший гвардейский капитан умолчал о причине бегства в горы, не считая необходимым посвящать властелина чужой страны в султанапурскую историю. А то еще решит, что перед ним настоящие преступники и злодеи...

Но Сутари и сам не желал ничего знать о давнихключениях гостей из Турана. Едва Мораддин умолк, колдун поднял на него взгляд, полный неподдельного интереса.

— Значит, синяя плита? — переспросил Сутари и, дождавшись от собеседника утвердительного кивка, потер ладони. — Да, невероятные случайности приводят к столь же невероятным последствиям. Вы хоть догадываетесь, что нашли?

— Расскажи, — подал голос киммериец. — Сдается мне, в таких вещах ты смыслишь гораздо больше нашего.

— Ты прав, — ответил Сутари. — Смыслю потому, что точно такой же алтарь стоит в подземельях дворца и сохранил свою силу...

В щель между раздвижной дверью и косяком просунулась голова стражника. Он с ужасом бросил взгляд на лужу крови и труп командира патруля и вопросительно посмотрел на императора.

— Что? — вскинулся Сутари. — Новости о штурме?

— Да, повелитель, — ответил стражник. — Ученики твоей школы вместе с отрядами стражи и ополчением Барата отбили первую атаку. Правда, Тайса удалось защититься от ледяных стрел и огненного дождя, насланных твоими учениками. Говорят, Тайса привели мудрых жрецов Дарумы и деревенских колдунов, и те поставили над войском волшебный щит. Но все же они потеряли не меньше трех сотен воинов. Тайса и Мориту готовятся к новому приступу...

Чуть заметным мановением руки Сутари отпустил стражника, и тот вмиг исчез за дверью. Похоже, при дворе все боялись колдуна, как чумы.

— Прекрасно, — сказал Сутари. — Вторая атака начнется не раньше полудня, мне пока нечего делать на стенах...

У нас есть время проверить достоверность вашей истории, чужеземцы.

— Скажи... — Конану не давал покоя один вопрос. — А почему Тайса штурмуют только ворота? Там, где мы с Морадином проникли в город, стена совсем низкая, а ров засыпан на три четверти. Ведь твои недруги вполне могли бы атаковать в стороне от ворот, почти не встречая сопротивления?

— Могли бы, — усмехнулся Сутари. — Но в правилах древних мастеров, от которых мы унаследовали искусство битв, сказано, что штурмовать можно только ворота. Это старая традиция, и ее никто не собирается менять.

— Традиция?! — От изумления у варвара глаза полезли на лоб. — Просто невероятно! Мы с другом неплохо разбираемся в военном искусстве стран заката, и если бы командовали армией Тайса, город уже давно был бы в наших руках.

— Значит, мне повезло, что вы на моей стороне. — Сутари направился к двери, жестом позвав двоих чужестранцев за собой. — Идемте в подвал, покажу вам алтарь...

Тщательно рассмотрев со всех сторон прямоугольную синюю плиту, к которой их подвел Сутари, Конан и Мораддин в один голос признали: перед ними точная копия алтаря из древнего пещерного храма, затерянного в Кезанкийских горах. Пока они ходили вокруг камня, волшебник рассказывал о свойствах лазуритового монолита.

— Около двух с половиной тысяч лет назад, когда закончилась эпоха Валузии, — говорил Сутари, давая понять варвару и его спутнику, что наслышан о событиях далекой древности, — некоторые хайборийцы из самых просвещенных и образованных стали поклоняться одному из сыновей Бога, Создавшего Мир, — владыке времени Ланголу. Лангол давным-давно забыт во всех странах, но остались развалины храмов, где знать тогдашних государств приносила жертвы Властелину Времени. Приверженцы Лангола, как сказано в уцелевших летописях, жили везде — от ближайшей к нам страны Кхитай до берегов мифического Закатного океана...

— То есть как это — мифического? — перебил Конан. — Океан существует, я даже ходил по нему на... вольных кораблях. Впрочем, это никому не интересно. И что было дальше?

— Со временем у жрецов Лангола возник страх за свое благополучие, они прониклись презрением к остальным последователям бога времени, — отвечал Сутари, поглаживая синий камень алтаря. — Их счастье зиждилось на том, что жертвенные камни, по преданию, вырубленные самим сыном Верховного Бога Мира, обладали чудесным свойством — если Ланголу принесена определенная и очень простая жертва, Властелин Времени перебрасывал кладущего требу в другую страну, где находился такой же алтарь, или в любое место по его выбору, но недалеко от храма. Вы случайно положили на жертвенный камень вещи, которые принимает Лангол, и перенеслись в Паган.

— Божественные прихоти, — вздохнул киммериец, неприязненно покосившись на алтарь. — Нет бы отправить нас в Аквилонию или, на худой конец, в Шем! А что послужило жертвой?

Сутари подумал и ответил:

— На камне должны были смешаться кровь, вино, хлеб и металл. Вы упомянули, что собирались трапезничать и алтарь облюбовали вместо стола? Опрометчивый поступок... Только откуда взялась свежая кровь?

— Я порезался! — воскликнул Конан и показал зажигающий палец. — Точно, капли крови упали в лужицу вина, хлеб уже лежал на камне, а стальным кинжалом я резал мясо!

— Вот и объяснение, — кивнул волшебник. — Но самое удивительное в другом. Я только что рассказывал о жрецах Властелина Времени. Служители Лангола, обладая силой алтаря, получали вечную жизнь...

— Это как? — вмешался в разговор Мораддин. — Не может быть! Вечно живут только боги!

— Как ты думаешь, сколько мне лет? — Сутари хитро улыбнулся, глядя на синий камень. — Угадай по моей внешности.

— Ну-у... — замялся Мораддин, присматриваясь к колдуну-императору. — Около тридцати или чуть больше.

— Девяносто восемь. — Сутари затрясся от смеха. — Я на десять лет старше брошенного в змеиную яму Готобы. Знаете, почему? Очень просто. Давно, еще в годы моего обучения в столице Кхитая, я наткнулся в хранилище свитков древнего монастыря Дарумы на хронику жрецов Лангола и прочитал о свойствах лазуритовых алтарей. Потом шесть лет искал заброшенный храм, где хранился чудесный камень, и обнаружил его недалеко от границ Поднебесной Империи и Камбуи. Полгода ушло, чтобы перевезти алтарь во дворец моего двоюродного брата Готобы, тогда еще совсем молодого императора. А потом я стал продлевать свою жизнь...

Сутари, к вящему удивлению Мораддина и киммерийца, ловивших каждое его слово, объяснил, что с помощью Повелителя Времени можно перенестись в другую страну, дожить там до седины и вернуться, и за эти годы в первой стране пройдут лишь считанные мгновения, и ты глянешь в зеркало и увидишь, что несколько не постарел.

Вот и Сутари тайком от прежнего императора купил себе в Иранистане обширное поместье неподалеку от заброшенного святилища Лангола и ежегодно в день рождения Нефритового Императора, на рассвете, покидает дворец, принося на алтарь жертву. По несколько месяцев волшебник отдыхал в иранистанской усадьбе, а потом возвращался в Паган, где никто не замечал его продолжительного отсутствия. Уходил Сутари праздничным утром, а возвращался незадолго до полудня. За это время он удлинял свою жизнь на полторы сотни дней. И самое главное, жизнь в иранистанской усадьбе колдуна не старела.

— Таким образом, — тихо проговорил Мораддин, внимательно глядя на Сутари, — мы с Конаном можем очутиться в Кезанкийских горах всего лишь через несколько мгновений после нашего исчезновения? И семь дней, проведенных в Пагане, превратятся в короткий миг?

— Именно, — подтвердил волшебник. — И я буду сопровождать вас. Похоже, вы, сами того не ведая, нашли главный храм Властелина Времени...

* * *

Две лошади — гирканский жеребец и низкая мохнатая степная кобылка, привязанные к ажурной решетке из розового гранита, которая окружала небольшой бассейн с родниковой водой, несказанно удивились. Буквально только что хозяева бесследно растворились прямо в воздухе, а теперь вдруг снова возникли из ничего. И еще вместе с ними воплотился толстый коротконогий человек в красном кафтане.

Разница была лишь в том, что исчезали люди с той стороны плиты, где лежали кожаные мешки с припасами, а появились с противоположной. Кони подозрительно осмотрели своих хозяев и снова захрупали овсом в подвешенных к головам торбах. Люди — существа странные, от них следует ждать любых сюрпризов.

— Клянусь Кромом и всеми духами Киммерии! — Конан изумленно смотрел на алтарь. — Посмотрите, даже пролитое вино не высохло! Хлеб свежий, мясо не протухло! Невероятно!

— Да, — согласился Мораддин. — Пока мы там мыкались, тут прошло всего два удара сердца... Последних дней словно и не было.

Сын гнома повернулся к Сутари. Колдун невозмутимо рассматривал зал, для него перемещения через время и пространство были делом самым обычным. Он оставался невозмутимо-величественным, этого впечатления не испортили даже пухлые круглые щеки и четыре сальные складки под подбородком.

Совсем недавно, в подвале столичного дворца, Сутари потребовал у Конана флягу с рисовым вином, кусочек хлеба и аквилонский кинжал, и получив это все, смешал на алтаре несколько капель мутного хмельного напитка, хлебные крошки и каплю крови из собственного пальца. Затем волшебник положил на алтарь кинжал и тотчас попросил

варвара мысленно представить себе храм Лангола в Кезанкийских горах. Снова возникло головокружение, цвета кругом превратились из естественных в призрачно-радужные, раздался хлопок, и все трое моментально очутились в горной стране, расположенной на немыслимом расстоянии от Пагана. Мышка, как и в прошлый раз, перенесла путешествие не очень хорошо и теперь жалобно пищала за пазухой у хозяина.

«Томэо жалко, — с грустью подумал Конан. — Мы бежали, как последние негодяи, отдав ее сокровища этому жирному ублюдку. Скоро он вернется и с помощью колдовства победит семьи Тайса и Мориту... А я, помнится, кое-что обещал Томэо. Слово нужно держать...»

— Знаете, почему я отправился вместе с вами? — беззаботным тоном спросил император. — Именно в этой пещере был главный храм приверженцев Властелина Времени. Его жрецы, как ни ухищрались, не сумели преодолеть главное предназначение человека — смерть. Почти все они умерли, последние доживают свой век в самых глухих уголках мира, а я, не столь честолюбивый и жадный, заберу отсюда одну вещицу.

— Мы долго искали здесь сокровища, — заметил Конан. — Осмотрели почти весь храм и ничего не нашли. Святилище абсолютное пустое, если, конечно, не считать алтаря.

Сутари подошел к бассейну с ключевой водой и многозначительно поднял правую руку, призывая к тишине.

— Наверное, вы плохо искали, — загадочно сказал маг. — Посмотрите-ка...

Он нагнулся, провел ладонью по нижнему краю ограды водоема, надавил на невидимый камешек возле самого пола, и внезапно вода начала уходить через небольшое отверстие в дне бассейна. Дождавшись, когда он полностью опустеет, Сутари перегнулся через ограду и стал простукивать облицовочные гранитные плиты. Третья или четвертая зазвучала глуше. Волшебник изо всех сил надавил на отшлифованную грань плитки, отодвинул ее в сторону, запустил руку в глубокое отверстие и вынул

невзрачную чашу из неизвестного полупрозрачного камня светло-серого цвета.

— Что это? — с интересом следя за Сутари, спросил Конан. — Опять магические штучки?

— Именно, — подтвердил император Пагана. — Это жертвенная чаша с такими же свойствами, как у алтаря. Я о ней прочитал все в той же хронике и искал ее лет тридцать. Удивительная штучка, смею заметить!

— А что она умеет? — спросил Морадин.

Сутари осторожно повертел сосуд в руках и, немного помедлив, ответил:

— Алтарь может действовать только в паре с подобным же алтарем в другой стране. Чаша, принадлежавшая, скорее всего, верховному жрецу Лангола, давно уже покойному, перенесет тебя в любое время и место. В будущее, в прошлое, возможно, даже в другой мир... Я очень благодарен вам, иноземцы. Не приведи вас всемогущее Предназначение в этот храм, не окажись вы в Пагане, мне бы не досталось одно из величайших сокровищ подлунного мира! Ладно, я, пожалуй, сейчас вернусь, а вы оставайтесь в привычной и давно знакомой стране.

— Постой, постой! — Конан схватил Сутари за плечо. — Ведь ты вернешься сразу после исчезновения из дворца? Зачем спешить? Такое событие необходимо отпраздновать!

— То есть? — не понял волшебник. — Что ты хочешь этим сказать?

Киммериец бросился к алтарю, снимая на бегу плащ, расстелил его возле чудесного камня и, сняв с каменной плиты вино, мясо и хлеб, положил на импровизированную скатерть.

— У нас в Киммерии, — сказал Конан, — все важные события в жизни положено отмечать выпивкой! Как я помню, в Пагане виноград не растет, а самое лучшее вино получается именно из его ягод. Сутари, не откажи, отпразднуй вместе с нами свой успех и наше возвращение домой!

Морадин глянул на варвара с подозрением — что еще он придумал? И с каких это пор Конан любезен с колдунами?

Сутари согласился, почти не раздумывая. Должно быть, радость притупила недюжинную проникающую волшебника. Император Пагана уселся по-восточному на край расстеленного киммерийцем плаща и отведал вина с копченой бараниной.

Шейх аль-Баргэми знал, что дарить Конану. Обманчиво слабое молодое вино пьянило незаметно, однако человек, перебравший этого восхитительного напитка, очень быстро приходил в блаженное состояние. Конан и Морадин, все еще не понимавший замысел спутника, пили мало, зато старательно подливали волшебнику. Вскоре у Сутари развязался язык, и маг стал разглагольствовать о том, какой ему видится судьба его страны.

— Я... их всех в пыль сотру... — заплетающимся языком угрожал колдун. — Семьи Тайса и Мориту вырежу под корень! До последнего человека! А сам, благодаря этой чашке, — с нежностью взглянул Сутари на серый сосуд, — проживу еще лет пятьсот!

— Зачем ты казнил Готобу? — спросил Конан. — Он бы и сам скоро помер.

— Стар-рый безумец! — рыгнул в ответ Сутари. — Он хотел заключить мир с подошедшими к столице отрядами Тайса! Готоба всегда был дураком! И теперь поплатился за это! Знаете, какую казнь я придумаю для самозванки Томэо? Никогда не догадаетесь!

— Яма со змеями и пиявками? — простодушно предположил Морадин.

— Не-ет, — замахал руками маг и снова приложился к бурдюку. — Я отдам ее на съедение моим верным рокубони! Летучие головы, конечно, твари глупые, но кусачие... Вы, наверно, никогда не слышали про рокубони?

— Даже видели. — Конан невольно поморщился, вспомнив ночное нападение в горах. Интересно, что случилось с запертой в бочке головой? — А как ты подчинил себе головы?

— Значит, ты уже познакомился с ними? — Сутари захихикал. — Я стараюсь уважать всех богов. И Нефритового Императора, и Омитасу, и Лангола... Но добрые боги

не дают силу, ее может подарить только тот, кто принадлежит Вечной Ночи. Хали, например... Я принес ей несколько жертв, и вендийская богиня позволила снять заклятие с летающих голов. Теперь меня боится вся страна!

— Слушай, а ведь я недавно видел твой призрак. Две ночи назад, — хвастливо сказал киммериец. Ему хотелось окончательно разобраться, кем же на самом деле является бывший первый министр, а теперь император Сутари. — В военном лагере Тайса. Здорово у тебя получается!

— Ерунда! — Волшебник расхохотался. — Вот шутка с водяным драконом была действительно удачной! Хотя натравить безмозглую тварь на проклятых Тайса смог бы даже ребенок, обладающий задатками магических способностей!

— Понятно, — сквозь зубы процедил киммериец и встал с плаща. — Подожди, я принесу еще один бурдюк. Расскажи пока досточтимому Мораддину про драконов, он интересуется животными...

Варвар действительно подошел к лошади, снял один из навьюченных на нее бурдюков, но не понес к алтарю, а положил у ног. Затем неслышной копячей поступью приблизился к расписывающему достоинства речных драконов Сутари и беззвучно вынул меч, однако стукнул мага не лезвием, а рукоятью. Тяжелый удар пришелся по затылку паганского владыки, и тот, сразу потеряв сознание, распластался у ног киммерийца.

— Этого-то я и боялся, — устало прикрыл глаза Мораддин. — Что дальше?

— Дальше? — поднял бровь Конан. — Возвращаемся в Паган. Томэо ждет нашей помощи.

* * *

Конана даже слегка затоснило в тот миг, когда перед глазами снова появились зеленовато-бурые яшмовые плитки на стенах подземного зала во дворце Сутари. Желудок взбунтовался вовсе не из-за мгновенного переноса на невообразимое расстояние, а по более прозаической причине: варвару смертельно надоели и эта дурацкая история, и

маленькая страна, затерянная на краю мира, и маги, и бестолковые войны, и машущие мечами принцессы. Все надоело! Вот бы поехать в самый обычный заморийский или туранский городок, упиться до зеленых демонов самым обыкновенным пивом и проспать сутки напролет. И чтобы никаких алтарей, заброшенных храмов и красавиц, прочащих тебя в мужья.

Ничего, самое трудное позади. Осталось лишь помириться с Томэо, вернуть ей драгоценности трона и, помахав рукой на прощание, навсегда покинуть Паган...

Бесчувственного Сутари варвар держал на плече, Мораддин сжимал в руках найденный волшебником сосуд, который решили не бросать в старом святилище, а подарить Томэо или оставить себе, амышь, как только оказалась во дворце императора, выбралась из-за пазухи Мораддина и взмыла к потолку. Зверюшке явно не нравились участвовавшие скачки сквозь пространство и время.

— Куда теперь? — спросил Конан, устраивая колдуну на полу и связывая ему руки своим поясом. Всем известно, что маги не опасны, когда у них руки связаны. — Можно пробраться к воротам, отдать зеркало, яшму и меч Томэо, а потом смыться обратно...

Все три вещи оказались у Сутари. Едва Конан передал священные предметы новому владельцу, меч перекочевал за пояс волшебника, а яшма с зеркалом — в карманы кафтана. С тех пор Сутари с ними не расставался, боясь оставлять без личного присмотра. Обшарив одежду Сутари, киммериец с довольным видом уложил вещи в свой мешок и легонько пнул императора в бок.

— Томэо была права, это очень плохой человек, — усмехнулся варвар. — Историю с водяным драконом я ему никогда не прощу! Испортил такой чудесный вечер... Эй, Мораддин, что с тобой?

Его товарищ боязливо пятился от алтаря, который в свете факелов искрился голубым. Чаша, найденная в тайнике под бассейном, стояла на лазуритовой плите. Она успела сменить серый цвет на голубоватый и теперь излучала яркий, режущий глаза свет.

— Проклятие! — буркнул Морадин. — Чаша ни с того ни с сего разогрелась, она и сейчас нагревается. У тебя никаких соображений по этому поводу?

— Где я? — слышался за спиной Конана слабый голос. — Негодяи, что вы со мной сделали?..

— Об этом после поговорим. — Конан повернулся на каблуках, подскочил к Сутари, схватил за шиворот и подтащил к алтарю, на котором чаша уже раскалилась добела. По стенам подземелья прыгали бесформенные тени, а жар волнами распространялся вокруг. — Что за новая пакость, отвечай!

Сутари миготнул и забыл о мучительной боли в затылке. Даже могучему киммерийцу стоило немалых трудов сдерживать волшебника, который рванулся к лестнице, ведущей наверх.

— Говори, в чем дело? — как следует потрянул его Конан. — Живой!

— Недоумки! — промычал волшебник, мотая головой. — Вы прошли вместе с чашей через алтарь, так?

— Ну, прошли! Дальше!

— Поток времени складывается в вихри, — застрекотал, как сорока, Сутари. — Вы наложили два потока друг на друга! Перемещаться сквозь время и расстояние можно только при помощи одной чаши или одного алтаря! Их силы сложились, и очень чувствительная к таким изменениям чаша сейчас откроет дыру, сквозь которую вырвется сила Властелина!

— Если говорить на человеческом языке, — добавил Морадин, — очень скоро здесь все разнесет вдребезги...

— Это ты виноват! — рявкнул варвар. — Ты предложил взять проклятую чашку!

Над сосудом образовалось радужное жаркое облачко, в его середине виднелась темная щель, она постоянно расширялась, пульсировала, точно зрачок разъяренной кошки. Отверстие, за которым не было ничего, кроме ледяной пустоты, постепенно расширялось, по его краям посверкивали зеленые, оранжевые и малиновые искры, во все стороны потянулись струйки пламени, а из чаши повалил желтоватый, пах-

нущий грозой пар, вздыбился смерчем к потолку подземелья.

— Назад! — завопил Морадин. Первой его призыву вняла мышка, прежде отдыхавшая на потолочной балке; с тихим свистом она метнулась в проход к первому этажу дворца.

— Нам не спастись! — вопил Сутари. — Не только от дворца, от самого города сейчас останутся одни головешки! Великие боги, помогите!

— Конан! — выкрикнул разъяренный Морадин. — Вспомни, над воротами храма было написано: «Вошедший да живет вечно милостью бога и своей жертвой»! Нужна жертва, быстро!

— Я туда не полезу! — проревел киммериец, надсаживаясь, чтобы перекрыть свист растущего смерча. — И твоя мышь улетела, а то б мы ее... Кром!

Конан перевел взгляд на перепуганного до смерти Сутари, и его осенило. Проклятый маг сам станет жертвой! В конце концов, такого ублюдка не жалко!

Варвар схватил толстяка за шиворот и пояс, поднатужился и, не внемля бессвязным мольбам о пощаде, изо всех сил швырнул Сутари прямо в разбухающий черный «глаз». Воздух заколебался, шипение и свист ненадолго усилились, а тело волшебника растворилось в черноте провала, открытого при смешении потоков времени. Огненное облако вспыхнуло с новой силой, в нем перемешались цвета ярчайшей радуги, раскаленный добела камень волшебной чаши расплавился и потек по алтарю пламенными струйками.

Внезапно облако заклубилось и начало уменьшаться, а затем и вовсе растаяло. В подвале сгустилась тьма, ее пронизывал только свет факелов.

— Кажется, Властелин Времени принял жертву, — срывающимся голосом произнес Морадин, и будто в опровержение его слов из пустоты над слегка потрескавшимся от жара алтарем вылетел округлый предмет. Странного вида шар подкатился к ногам Конана, и тот не без оторопи узнал голову бывшего императора Сутари Барата. Морадин побледнел.

— Наверное, это предупреждение,— сказал он.— Нельзя шутить с богами, властными над настоящим, прошлым и будущим... Нас предостерегают от дальнейших ошибок. Лангол — древний бог, мы не поклоняемся ему, следовательно, не должны пользоваться его силой...

— Должны, не должны,— проворчал Конан.— А через Кхитай все равно ехать долго. И потом, мы не просили этого Лангола забрасывать нас в Паган! Кстати, Мораддин, еще одним императором меньше...

Глава десятая

Нет, все-таки виноградное вино гораздо лучше рисового.— Варвар смотрел на серебряный стаканчик, полный до краев мутноватой, едко пахнущей жидкости, как на личного врага.

— Мне кажется, тебе уже хватит пить,— ехидно заметила Томэо. Императрица Пагана привстала и отодвинула кувшин с рисовым пойлом подальше.

Мораддин одобрительно крикнул. Если Конан напьется до зеленых демонов в глазах, он непременно начнет буяннить, а усмирять варвара — задача крайне неблагодарная и трудновыполнимая.

— Ладно,— Конан с трудом подавил икоту.— Вы как хотите, а я пошел спать. Томэо, в этом жутком дворце есть приличная спальня? На худой конец, сгодился бы и сеновал...

— Сеновал? — озадаченно переспросила Томэо.— А что это? Впрочем, отоспаться можно везде. Пойди хоть на задний двор, там большая круглая яма, прыгни в нее и спи сколько душе угодно... У тебя там будет отличная компания.

— Дурацкая шутка.— Варвар уже жалел, что рассказал красавице о своем приключении в яме со змеями.— Я, пожалуй, устроюсь прямо здесь. А ты пока можешь заниматься глупостями, именуемыми во всех странах «важными государственными делами»...

Мораддин, подперев щеку кулаком, сидел напротив. У него тоже слипались глаза. День выдался крайне хлопот-

ный и суматошный, и спасибо всем богам, от Нефритового Императора до Эрлика и Лангола, за то, что сын гнома с киммерийцем выбрались из невероятной заварухи живыми и невредимыми.

...Едва голова Сутари Барата, разорванного двумя потоками времени в мелкие клочки, подкатилась к ногам Конана, а магическая чаша расплавилась и превратилась в каменные потеки на правой стороне алтаря Лангола, Мораддину стало понятно, что нельзя бездействовать, необходимо прежде всего выбраться из дворца.

Решили прибегнуть к старой уловке, не так давно, правда, приведшей друзей в змеиную яму: выйти как ни в чем не бывало через главные ворота, заявляя страже, что они верные слуги императора Сутари и посланы к городским воротам с поручением. На сей раз получилось — начальник дворцового караула видел Конана и Мораддина, спокойно беседовавших с колдуном, а заодно и останки командира патруля, погибшего от руки Сутари из-за необдуманного приказа казнить чужеземцев. Варвар с приятелем прошли мимо стражи с гордо невозмутимым видом, и никто не посмел сказать им хоть одно дурное слово. По дворцу пронесся слух, что прежде разыскиваемые гости с заката — на самом деле тайные лазутчики мага-императора.

Выйдя за ограду резиденции паганского владыки, друзья ускорили шаг, направляясь в сторону городских ворот. Нельзя было забывать о том, что телохранители Сутари могут хватиться исчезнувшего господина, и подозрения прежде всего падут на людей, в обществе которых его в последний раз видели. Хотя искать Сутари пришлось бы долго: тело волшебника распалось, а уцелевшую голову Конан завернул в найденную в подвале мешковину и прихватил с собой — решил сделать Томэо подарок. О том, что случилось бы, вздумай стража обыскать двоих авантюристов, и думать не хотелось...

Миновав большую часть города, пустого и безлюдного (приказ жителям не выходить из домов выполнялся неукоснительно), друзья оказались возле ворот и укрылись за небольшим сарайчиком из бамбуковых стволов.

— Кром, они называют это войной! — Варвар презрительно следил за небольшим отрядом привратной стражи. На стенах стояли лучники, а меж ними — люди в длинных белых хламидах, наверняка ученики магической школы Сутари. — Если бы Томэо и ее братья вняли моим советам, город уже принадлежал бы семье Тайса! Нет, Мораддин, ты скажи, разве можно так воевать?

— Ужасно, — согласился сын гнома. — На стороне Тайса трехкратное численное превосходство. Если б только плюнуть на традиции и атаковать не ворота, а низкую стену... Постой, что происходит?

Киммериец вытянул шею, наблюдая. Два десятка волшебников выстроились в ряд за четырехугольными зубцами надвратного укрепления, одновременно подняли руки и хором произнесли непонятное заклинание. Над полем перед городом сгустилось дымное облако, раздался тихий, но очень неприятный звук, похожий на многократно усиленное шуршание сыплющегося песка, и вдруг туча извергла из себя множество пламенных шариков, и они полетели к земле.

— Огненный дождь, — замороженно глядя на чудо, проговорил Мораддин. — Если колдуны так и будут гвоздить войско Томэо подобными заклинаниями, к закату в отрядах Тайса не останется людей.

— Похоже на то, — кивнул Конан. — Однако согласись, ни мы, ни наша красавица не в силах одолеть магов. Если бы хоть один отряд Тайса, не жалея жизней, забрался на стену и перебил колдунов, то у нас появились бы реальные шансы на победу... Давай пройдем вдоль стены, выберемся наружу и вернемся к Томэо. Заодно отдадим ей зеркало, меч и яшму и покажем, что случилось с Сутари.

Мораддин при упоминании о голове волшебника, которую его друг взял с собой, скривился, но вдруг хлопнул себя ладонью по лбу и схватил варвара за рукав.

— Ты умнее, чем я думал! — Мораддин просиял. — Меч, яшма и зеркало! Зеркало, понимаешь?

— Что я должен понять? — воззрился на него киммериец. — Рассказывай, что ты придумал.

— Дай скорее зеркало! — Бывший гвардеец Илдиза задрал голову, посмотрел на солнце, будто примериваясь, и, когда варвар достал из мешка серебряный отполированный круг, попытался поймать отражение солнечного луча. Тут Конана осенило. Они же оба видели, как Томэо предала волшебному огню тело своего жениха! Если направить луч на ворота или колдунов, они превратятся в пепел!

— Отдай! — Конан решил не упускать столь замечательную возможность поразвлечься и отобрал зеркало цзин-ца у Мораддина, объяснив это тем, что он выше ростом, а потому сможет пускать огонь из ока Нефритового Императора с большим толком.

Защитники Западной Столицы так и не поняли, что произошло. Вначале по неизвестной причине задымились и стали плавиться бронзовые ворота, и на многих стражниках вдруг вспыхнула одежда. словно некий могущественный маг решил повоевать с войском семьи Барата... Тотчас поднялась паника, надвратное укрепление начало рушиться, а мгновение спустя невидимая испепеляющая сила обратила в живые факелы засуетившихся на стене учеников волшебника Сутари.

— Конан, остановись. — Мораддин вцепился в одежду киммерийца. — Кажется, ты всегда предпочитал честную драку сомнительным колдовским трюкам!

— Зато весело! — Варвар, следивший за солнечным зайчиком, который испарял и сжигал все на своем пути, перевел луч зеркала обратно на ворота. Возле укрепления людей почти не осталось: многие погибли, другие разбежались. — Мораддин, это же враги!

— Интересно, сколько людей ты убил за свою жизнь? — осведомился сын гнома. — Сотню? Две, три?

— Много, — согласился Конан. — Но они все были плохими... Постой, кажется, наши появились!

В проплавленной дыре виднелись неясные из-за дыма силуэты воинов в синеватых одеждах Тайса. Передовой отряд прорвался за ворота и расчистил дорогу для идущих следом, некоторые воины отворили уцелевшую пра-

вую створку ворот и полезли на укрепление — опускать мост.

— Посидим пока здесь. — Конан убрал разогревшееся зеркало и подул на слегка обожженные пальцы. — А то еще убьют ненароком.

Когда площадь у стены заполнилась пешими войсками Тайса, показались всадники. Первой, естественно, ехала Томэо, за ней братья и старейшины клана Мориту. Девушка осмотрела место побоища перед надвратным укреплением и перевела взгляд на двух человек, приближающихся со стороны жилых кварталов.

— Привет тебе, владычица! — гаркнул Конан, ничуть не обескураженный взглядом Томэо, способным испепелить не хуже зеркала цзин-ца. — Почему ты так долго возилась?

Он подошел к стремени и с лучезарной улыбкой посмотрел на предводительницу войска Тайса.

— Где сокровища трона? — не разжимая зубов, процедила Томэо. — Ты украл их, подлец!

— Ах, сокровища... — Варвар взъерошил волосы ладонью, сбросил с плеч мешок и, вынув меч, яшму и зеркало, передал их красавице. — Извини, они случайно завалились в мою котомку. Между прочим, у меня для тебя еще один подарочек!

Конан развернул мешковину и поднял за волосы голову Сутари.

— Отличный рокубони получится, правда?

* * *

Еще до заката вся столица перешла в руки семей Тайса и Мориту. Наибольшие трудности доставил захват дворца — телохранители Сутари оборонялись до последнего, стражники тоже не желали сдаваться. Лишь когда подошла свежая полутысяча, возглавляемая младшим братом Томэо, сопротивление было сломлено, и подружка Конана, взойдя на верхнюю ступеньку лестницы, ведущей в главное здание, предъявила своему воинству знаки власти и объявила себя пожизненной императрицей Пагана.

Конан и Мораддин стояли за спиной Томэо, а один из ее близких родственников держал длинное копье, на которое была насажена голова Сутари, процарствовавшего меньше суток.

После оправданий варвара и рассказа о приключениях в городе Томэо, сердитая на двух иноземцев за дерзкую кражу сокровищ трона, сменила гнев на милость и пригласила друзей поужинать вместе с ней. Ополченцы Тайса и прислуга дворца в это время хоронили павших при штурме города.

Трапеза прошла за разговорами. Мораддин во всех подробностях рассказал Томэо об алтаре Лангола и его свойствах, поведал о гибели Сутари и императора Готобы. Тело последнего по приказу новой владычицы извлекли из змеиной ямы и приготовили к торжественному погребению, как-никак он правил несколько десятилетий и взошел на трон законно. Голову волшебника выставили на всеобщее обозрение у ворот дворца.

— Поднимайся, поднимайся! — Томэо тормошила Конана за плечо. — Спать в трапезной, да еще в присутствии императрицы, неприлично! Пойдем, я отведу тебя в спальню.

— Отцепись, — сонно гудел киммериец. — Мне завтра еще в Туран ехать! Знаешь, как это далеко?

— В Туран, — буркнул Мораддин. — Что, если Кезанкийские горы теперь и впрямь недостижимы для нас? Не удивлюсь, если алтарь Лангола после наших приключений перестал действовать...

— Это ты виноват. — Конан открыл один глаз. — Зачем взял с собой дурацкую чашку? Хорошо, Томэо, пойдем, а он пусть посидит и подумает! Но завтра утром обязательно попробуем вернуться в храм!

— Завтра, завтра, — умиротворяюще кивнула девушка. — До рассвета еще далеко, тебе необходимо отдохнуть...

Конан с трудом поднялся на ноги, и Томэо увела его в один из боковых коридоров личных покоев императрицы. Мораддин проводил их взглядом, вздохнул и тихо произнес:

— Воркуйте, голубочки... Великий Митра и Эрлик-воитель, ну почему вы не вразумили моего северного дикаря? Эти двое так прекрасно подходят друг другу!

Мораддин свернулся калачиком на циновке и сразу задремал, и ему приснился свадебный обряд, главными героями которого были Конан с Томэо. Белая летучая мышь осторожно, чтобы не побеспокоить хозяина, вылезла из-под воротника его рубахи, взлетела и, мелькнув в воздухе, исчезла в открытом окне. Наступала ночь, время охоты...

* * *

Два всадника выехали на Дорогу Королей, спустившись с закатного склона одного из отрогов Кезанкийских гор. Восходящее солнце еще скрывалось за пиками хребтов, за которыми лежали туранские пустыни, со стороны степи налетал теплый сухой ветер, а синеватое безоблачное небо предвещало знойный день.

— Вот мы и в Заморе, — сказал Конан. — Мораддин, тебе не кажется, что все случившееся нам просто приснилось?

— Нет, не кажется... — ответил невысокий человек с короткой темной бородой. — У тебя еще царапина на ухе не зажила. Рокубони — твари кусачие...

Около суток назад путники, заново испытав на себе удивительную магию лазуритового алтаря Лангола, вернулись в разделяющие Туран и Замору горы, точнее, в храм Властелина Времени. Прощание с Паганом далось им не слишком тяжело. Томэо отпустила иноземцев, помогших ей завоевать трон, не без сожаления, однако удерживать их силком она не собиралась. Правда, между молодой императрицей и Конаном произошла довольно неприятная сцена. Запершись в комнате Томэо, они долго кричали друг на друга, а Конан потом заявил Морадину, что теперь он точно никогда не женится. Однако думать о том, что трон маленького государства однажды займет его потомок, варвару было приятно.

Они преодолели расстояние между двумя алтарями без приключений. Лангол невозмутимо пропустил друзей сквозь время и пространство, и киммериец снова подивился тому,

что лошади не доели овес, насыпанный в их торбы восемь дней назад, и в Кезанкии по-прежнему был вечер того дня, когда преследователи загнали двоих беглецов в заброшенный храм Властелина Времени.

Прождав некоторое время в святилище, Конан и Морадин предположили, что туранская гвардия, не найдя никого в кольцеобразной долине, отправилась восвояси, и с предельной осторожностью выбрались из пещеры. Осмотревшись, они убедились, что людей поблизости нет, и, не щадя лошадей, поскакали к старой полуразрушенной дороге, на верняка ведущей к Заморе...

Теперь перед путниками расстилалась выложенная большими белыми плитами Дорога Королей, соединявшая Мессантию Аргосскую и царственный Аграпур, столицу Илдиза.

— Между прочим, я обещал ей когда-нибудь вернуться, — словно бы невзначай сообщил Конан Морадину. — Место, где находится алтарь, мы запомнили, так почему бы однажды не заглянуть в Паган, не отдохнуть?..

— Без меня! — воскликнул сын гнома. — Ты опять ввяжешься в дурацкую историю, а мне придется тебя вытаскивать! Однако, если соберешься навестить Томэо, передавай ей привет.

— Когда это еще будет? — Конан представил зеленые леса Пагана, красивых необычных зверей и пылкую молодую повелительницу, и его охватило странное сожаление. Даже речной дракон вспоминался с симпатией. — А куда мы сейчас направляемся?

— Неподалеку отсюда должен быть городок, — ответил Морадин. — Там можно отдохнуть, а потом отправимся дальше. По-моему, городишко называется Дэлирам...

Глава первая

“С лужба у Илдиза — дело не слишком хлопотное, особенно когда подолгу не покидаешь столицу, но зато и не слишком прибыльное. Отправиться бы снова куда-нибудь на край света с новым поручением владыки!.. И поразмяться можно, и денег кое-каких по пути прихватить... А то сидишь при дворце, как пень в позолоте... Впрочем, какая там позолота! Мишура! И не моя вина, что снова пришлось вспомнить старое ремесло. Разве может здоровый мужик с нормальным аппетитом и вполне объяснимыми интересами прожить на те крохи, что получает сотник туранской армии? Ясное дело, не может. Вот и приходится изворачиваться, чтобы добыть прибавку к жалованью.

Да эти тупоголовые толстосумы сами во всем виноваты. Золото и драгоценные камни они стерегут пуще глаза, а монеты... Приходи и бери, если не слишком ленив!»

Широкоплечий киммериец, быстро шагавший к окраине Аграпура и явно направлявшийся в сторону порта, самодовольно усмехнулся, вспомнив, какой легкой добычей оказалась казна Дархама, одного из самых знаменитых аграпурских богачей. Со времен самой ранней молодости, когда воровство было для него главным и порой единственным источником дохода, Конану еще ни разу не удавалось столь просто проникнуть в дом жертвы и, не встретив ни одного охранника, уйти с такой замечательной добычей.

Варвар ласково похлопал по увесистому кошельку, висевшему на его поясе, и тот мгновенно отозвался тихим звуком, который для киммерийца всегда был приятнее любой музыки. Деньги, так легко попавшие к нему в руки, хотелось поскорее спустить, потратив их на обильный ужин, несколько кувшинов хорошего вина да теплую, податливую красотку, в которых не было недостатка в припортовых кабаках.

Он бы сделал это еще вчера, но мешало дежурство во дворце, и теперь, освободившись от обязанностей, Конан спешил в «Попутный ветер» — небольшую таверну в порту, где чаще всего проводил свободные вечера. Киммерийцу все правилось тут: и веселый, приветливый хозяин Ортис, и непритворная, но всегда добротная еда, и неплохие вина, которые Ортис исправно получал от своих друзей-контрабандистов, и, конечно же, девочки. В «Попутный ветер» дешевые шлюхи даже не заглядывали. После нескольких скандалов, которые стоили хозяину поломанной мебели и пары-тройки лишних синяков, Ортис быстро отводил всю ненужную публику. Теперь его таверна имела репутацию вполне приличного заведения. Конечно, попади в нее какой-нибудь утонченный аристократ, он в ужасе бежал бы отсюда. Но представители знати редко бывали в порту, а уж в тавернах-то и подавно, зато обитатели окраин с удовольствием заглядывали к Ортису.

Кроме того, хозяин, когда это было нужно, становился слепым, глухим и немым, а потому в «Попутном ветре» часто совершались всевозможные сделки и происходили разные встречи, приносившие Ортису дополнительный доход, и порой немалый.

Конан и сам когда-то промышлял контрабандой и прекрасно знал, как редки люди, которым можно доверять, и как высоко они ценятся. С Ортисом они быстро нашли общий язык, и теперь их отношения, пожалуй, даже можно было назвать дружбой.

Еще один узкий переулочек, затем поворот направо, еще раз направо, и вот оно — двухэтажное здание с массивной дверью, над которой красовалась вывеска, сделанная в не-

запамятные времена до последней нитки пропившимся художником в уплату давнего долга. Желая угодить своему терпеливому кредитору, неизвестный малевальщик изобразил ядовито-синее море с похожими на громадные крюки волнами, а на гребне одной из них — крохотный белый парусник. В углу вывески он поместил кошмарную рожу с пухлыми щеками, которая, вытянув губы трубочкой, не то дула, не то плевала в сторону парусника. На всякий случай, чтобы развеять любые сомнения, над непонятными мазками, вырывавшимися изо рта щекастого уродца, художник крупными, хоть и не совсем ровными, буквами написал: «Попутный ветер». Судя по тому, что фон под второй буквой первого слова и под предпоследней буквой второго явно наносился не один раз, грамотностью должник Ортиса тоже не отличался.

Как бы то ни было, хозяина вывеска устроила, и менять ее он не собирался. В конце концов, не в вывеске дело. Главное что внутри. А внутри заведение Ортиса почти ничем не отличалось от множества ему подобных, разве что тут было довольно чисто и относительно спокойно. Шумно здесь становилось лишь тогда, когда в аграпурский порт заходил чужой корабль и его команда, не знавшая местных порядков, отводила душу после долгого пребывания в море. Правда, обычно разгулявшихся моряков кто-нибудь довольно быстро ставил на место.

Когда Конан, одним ударом распахнув тяжелую дверь, вошел в таверну, в общем зале «Попутного ветра» было на редкость тихо и спокойно. За двумя столами сидели небольшие компании, лениво потягивавшие вино из высоких кружек и неторопливо обсуждали свои дела, а за третьим устроился неброско одетый горожанин, который, судя по его взглядам, обращенным на обслуживающих посетителей девушек, явно намеревался подыскать себе подружку на вечер, а то и на всю ночь. Киммериец, мельком взглянув на него, криво усмехнулся: договориться с девушками, работавшими у Ортиса, мог только постоянный клиент. Чтобы не портить репутацию заведения, они никогда не продавали, а тем более не дарили своих прелестей случайным посети-

телям. Для этого существовали профессионалки, которые время от времени заглядывали в «Попутный ветер». Некоторым из них хозяин таверны постоянно сдавал пару комнат на втором этаже.

Завидев могучую фигуру своего давнего приятеля, Ортис поднялся ему навстречу.

— Ба! — радостно завопил он. — Рад тебя видеть! Где тебя демоны носили? Ты не появлялся у меня уже несколько дней. Я даже волноваться начал.

— Старый пройдоха! — заулыбался в ответ Конан. — За меня можешь не беспокоиться. Хотя и показал я кое-кому дорогу на Серые Равнины, но сам туда не тороплюсь. Пока есть доброе вино и ласковые девочки, мне и тут хорошо. Кстати, ничего новенького у тебя не появилось, пока меня не было? Со мной сейчас вполне можно иметь дела. — И он, выразительно взглянув на Ортиса, похлопал по кошельку.

Хозяин таверны усмехнулся, мгновенно связав вопли Дархама о том, что его обобрали до нитки, которыми он беспрестанно оглашал весь Аграпур, с хорошим настроением киммерийца. Но богатый жизненный опыт и не совсем праведный образ жизни научили его не задавать лишних вопросов. Он бросил на варвара понимающий взгляд и ответил:

— Новенького? Есть. Как раз сегодня утром мне совершенно случайно удалось купить чудесное аргосское вино. Красное. Ты ведь, кажется, любишь такое?

— Люблю?! — чуть не подпрыгнул Конан. — Не то слово! Но я не об этом. Девочек новых нет?

— Чего нет, — вздохнул Ортис, — того нет. Ты ведь знаешь мои правила. А Аграпур хоть и большой город... — Туранец снова тяжело вздохнул.

— Ну, нет так нет, — нисколько не огорчившись, отозвался Конан. — Тогда сначала выпить и пожрать. Пары кувшинчиков для разгона, думаю, хватит. А из еды... Подбери что-нибудь сам.

Не успел киммериец усесться за свой любимый столик, как перед ним начала вырастать гора всевозможной снеди. Ортис, прекрасно зная аппетит своего приятеля, быстро

отдавал распоряжения, а подавальщицы выполняли их столь расторопно, будто в «Попутный ветер» заглянул сам Илдиз Туранский со своей свитой.

Конан, расслабившись и вытянув ноги, лениво потягивал великолепное вино и лишь время от времени удовлетворенно кивал, когда заглядывал в очередное блюдо. Хорошо прожаренная свиная лопатка, запеченная на углях баранья нога, копченая рыба, душистые свежие лепешки, остро пахнущая зелень — всего этого с избытком хватило бы, чтоб накормить воинский отряд. Однако Ортис прекрасно знал, сколько может съесть киммериец, когда пребывает в хорошем настроении, а потому очаровательные девушки в соблазнительных нарядах все продолжали сновать из кухни в зал, успевая при этом и торопить поваров, и бросать на варвара многообещающие взгляды.

Он, правда, не торопился выбрать себе подружку на ночь. Все эти милые создания, работавшие в «Попутном ветре», были ему хорошо знакомы. Наваис пылкая и страстная, словно в ее жилах течет не кровь, а бушующее пламя. Октя, наоборот, тихая и робкая. Киммериец провел с ней не одну ночь, но всякий раз она отдавалась ему так, будто никогда прежде не была наедине с мужчиной. Санара... Конан даже причмокнул, вспомнив, какой буйной фантазией обладала эта женщина. Ее никогда не устраивало обычное ложе, на нем она цепенела, зато в освещенном луной саду или возле распахнутого настежь окна, а то и вовсе прямо в обеденном зале, когда из него уходил последний посетитель, она превращалась в фанатичную жрицу богини Деркэто.

Но о любовных утехх варвару сейчас не хотелось думать. После нескольких дней безденежья и утомительных дежурств во дворце, когда ничего не происходило, но было нужно все время сохранять бдительность, киммериец жаждал вот так просто посидеть за обильным столом, вволю попить хорошего вина и ни о чем не думать, даже о прелестях красоток. Тем более, что ничего нового ни с одной из них ему испытать не удастся.

Блюда со снедью постепенно опустошались, но еще быстрее показывалось дно кувшинов с роскошным аргосским.

Когда Конан ополовинил пятый сосуд, даже Ортис, который давно подозревал, что утроба могучего сотника бездонна, посмотрел на него с удивлением.

— Конан,— осторожно спросил он,— как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно! — мгновенно отозвался киммериец, неожиданно для себя обнаружив, что язык его слегка заплетается.

Настоящее аргосское вино было коварным. Легкое, нежное, слегка терпкое, оно обладало чудесным мягким вкусом, и выпить его можно было очень и очень много. Оно не ударяло в голову так быстро, как офирское, и от него не отказывали ноги, как от гхазского или киросского, что производилось в Шеме. Опыянение от него наступало далеко не сразу, зато перебравшему аргосского одновременно отказывали и ноги, и голова. Обычный человек, выпив и половину того, что поглотил Конан, уже валялся бы под столом, у киммерийца же лишь слегка затуманились мозги.

— Прекрасно,— повторил он.— Еды больше не надо, а вот выпить еще не откажусь.

— И нам выпить!

Дверь «Попутного ветра» с шумом распахнулась, и в общий зал ввалилась уже подвыпившая компания. По обветренным лицам многих из них легко было догадаться, что это моряки. Ортис слегка поморщился: от истосковавшихся по выпивке и женскому телу морских волков можно было ожидать чего угодно. Однако шумным посетителям он не сказал ни слова. Они уселись за самый большой стол, стоявший в середине зала, и потребовали вина и еды.

К радости хозяина, новые клиенты больше соскучились по хорошей кухне, нежели по любовным утехам или отчаянным потасовкам. Какое-то время моряки сосредоточенно жевали, но довольно скоро хозяин таверны с тревогой заметил, что его гости гораздо чаще берутся за тяжелые глиняные кружки, нежели за деревянные трезубые вилки, которые в «Попутном ветре», как и во всяком приличном заведении, подавали всем, кто заказывал мясо. Результаты

не заставили себя ждать. Тихие разговоры, которые вели моряки, сменились громкими спорами, затем кто-то затянул песню, а остальные подхватили ее, отбивая ритм кулаками, так что столешница угрожающе затрещала.

Насытив свои изголодавшиеся желудки и закончив весьма своеобразный концерт, морские волки вдруг вспомнили, что они настоящие мужчины, и возжаждали женского общества.

— Хозяин! — громко крикнул один из них, здоровенный медно-рыжий детина со сломанным в давней драке носом.— Подойди сюда!

Ортис, который всегда старался не обострять отношений ни с кем из клиентов, медленно приблизился к развеселой компании.

— Как вам понравилась еда? — вежливо поинтересовался он.— А вино? Будете заказывать еще что-нибудь?

— Жратва вполне сносная,— сыто рыгнул детина.— Вино тоже. Но мы уже наелись. Достаточно. Ты лучше скажи, есть ли у тебя свободные комнаты и сколько стоят твои девочки?

— Комнаты есть,— стараясь сохранять спокойствие, ответил туранец.— А вот девочки... Извините, ребята, но мои девочки не продаются. Они всего лишь подавальщицы, и в их обязанности не входит обслуживать гостей заведения еще и в постели.

— Что ты брешешь, шакал туранский?! — Детина изо всех сил ударил кулаком по столу.— Где это видано, чтобы в портовом кабаке работали девственницы? Да я шлюху за тридцать локтей чую! Что там тридцать — за триста!

— «Попутный ветер» — приличное заведение,— гордо выпрямился Ортис.

— Кабак — он и в Черных Королевствах кабак! — рявкнул детина, и его осоловевшие глаза налились кровью.— Или ты называешь цену своих девок, или мы их попользуем бесплатно!

Все самые дурные предчувствия Ортиса полностью оправдались. Назревал скандал, и, по всей вероятности, серьезный. Драками пройдоху-туранца было не удивить, но, сам

лучезарный Митра свидетель, как он не любил беспорядков! Особенно когда они происходили в его таверне.

Конан, видя замешательство приятеля, приподнялся из-за стола, нащупывая рукоять меча, готовый в любой миг ринуться на помощь. Однако Ортис, зная крутой нрав киммерийца, взглядом остановил его, все еще лелея крохотную надежду на мирный исход. Варвар, который к тому времени уже расправился с шестью кувшинами аргосского, более-менее утолил свою жажду и теперь был не прочь по-размяться. Но раз хозяин таверны столь опрометчиво отказался от его услуг, Конан сел на место, продолжая, однако, присматриваться и прислушиваться. Резким движением руки он вогнал клинок, который уже чуть было не пустил в ход, обратно в ножны, подумав при этом, что в любом случае не станет марать боевое оружие о недостойного противника. Для этого у предусмотрительного киммерийца всегда был наготове нож, который он носил за голенищем сапога.

Несчастный туранец между тем, представляя, во что может превратиться его таверна, если разъяренные моряки дадут волю своему гневу, старался утихомирить их. Похоже, его невысказанные мольбы донеслись до ушей кого-то из богов, потому что, когда все собеседники уже перешли на крик, дверь «Попутного ветра» распахнулась. На пороге, глядя на всех, кто находился в обеденном зале, широко раскрытыми глазами, стояла очаровательная девушка.

Она была невысока, но на редкость ладно скроена. Милая головка с роскошными шелковистыми волосами цвета молодой луны, изящная длинная шея, узкие покатые плечи, упругая грудь, едва прикрытая полупрозрачной блузкой, тонкая, гибкая талия, округлые бедра, стройные ноги, открытые почти от основания двумя разрезами на юбке, — от этого зрелища у мужчин, находившихся в зале, чуть не остановилось дыхание. Девушка сделала шаг вперед, и в таверне повисла тишина.

Прекрасная незнакомка пошла между столами, пристально вглядываясь в лица посетителей. В ее небесно-голубых глазах светился такой откровенный интерес, а крутые бед-

ра, обтянутые узкой юбкой, так зазывно покачивались, что не оставалось никаких сомнений: «Попутный ветер» почтила своим присутствием дорогая шлюха высочайшего ранга.

Однако лицо богини-девственницы настолько не вязалось с походкой развратницы, что Конан, даже слегка протрезвевший от изумления, замер, не сводя глаз с этой неземной красоты. Медно-рыжий верзила оказался гораздо менее щепетильным. Он грубо схватил за руку девушку, которая, едва взглянув на него, собиралась пройти мимо.

— Погоди, красotka, — прохрипел он. — Тебе есть что предложить, а я сегодня при деньгах. Сколько ты стоишь? Согласен не на всю ночь. Мои друзья тоже голодны. Но я первый.

— Убери свои руки! — брезгливо поморщилась девушка. — Мне, может, и есть что предложить, но тебе, крыса, я ничего предлагать не буду. Надорвешься и сдохнешь.

Верзила рассвирепел.

— Ах ты, паскуда! — заорал он. — Не хочешь по-хорошему, я могу и иначе. Но тогда не жалуйся!

Он сжал хрупкие плечи с такой силой, что девушка даже вскрикнула от боли, и, повалив ее на стол, начал срыывать с нее одежду. Девушка отчаянно сопротивлялась, но все ее попытки освободиться были безуспешными, и озверевший детина непременно овладел бы ею прямо на столе, если б ему не помешали.

Когда шершавая мозолистая ладонь уже проникла под разорванную юбку, на плечо насильника опустилась тяжелая рука. Легко, словно пушинку, киммериец оторвал моряка от его жертвы и развернул к себе лицом.

— Ты что, гиена вонючая, не понял, что женщина тебя не хочет? — В ослепительно синих глазах плескалась ярость.

— А ты еще откуда взялся?! — взревел детина и размахнулся, но нанести удар не успел.

Увесистый кулак варвара опустился ему на голову, и, будь она не такой крепкой, по стенам «Попутного ветра» потекли бы мозги неудачника. Надо отдать ему должное: верзила опомнился довольно быстро. Через мгновение в его руке блес-

нул огромный нож с зазубренным лезвием. Такое оружие наносило страшные раны, которые, если оказывались не смертельными, заживали годами и нестерпимо болели. Но моряк не знал, кого судьба послала ему в противники. Не успел он и глазом моргнуть, как нож киммерийца перерезал ему глотку, повредив при этом шейные позвонки.

Голова верзилы резко откинулась назад, и из открывшейся раны фонтаном брызнула кровь, обдав всех, кто стоял рядом. То ли запах горячей крови, то ли вид поверженного вожака словно пробудили к жизни его приятелей. Они завопили, осыпая киммерийца такими грязными ругательствами, что от них пожелтела бы листва на деревьях, и все разом бросились на Конана.

Он заметался среди нападавших, словно заплясал кошмарный танец смерти. Стремительный выпад — и один моряк схватился за живот, стараясь удержать вываливающиеся внутренности. Быстрый разворот — и второй морской волк, перелетев через зал, ударился головой о стену и, соскользнув по ней на пол, затих. Прыжок вправо — и третий противник, отчаянно воя, пополз к двери, волоча сломанную в нескольких местах ногу.

Драка закончилась так же быстро, как и началась. Те, кому повезло уцелеть, поспешили смыться, проклиная бешеного варвара и благодаря богов за спасение. Конан мутным взглядом обвел поле боя и повернулся к замершему возле стойки Ортису.

— Прости, дружище, — улыбнулся он туранцу. — Намусорил я у тебя тут... Не переночу, когда обижают женщин, даже если это распоследние оторвы. Кстати, а где же эта красотка?

Он с удивлением огляделся по сторонам. Девушка исчезла так же неожиданно, как и появилась.

— Ну что ж, — вздохнул киммериец. — Тогда я, пожалуй, еще выпью. — Он сел за свой столик и засунул нож обратно за голенище. — У тебя еще осталось аргосское? — Ортис, не находя слов, кивнул. — Тащи.

Как всегда, после хорошей разминки, а драку со столь неумелыми противниками Конан и не мог воспринимать

всерьез, его сильно мучила жажда. Кроме того, увидев потрясающую женщину, киммериец окончательно потерял всякий интерес и к Наваис, и к Октии, и даже к сумасбродной Санаре. Что ему еще оставалось делать, как не глушить свое любимое аргосское?

Седьмой кувшин полностью восстановил его состояние, развеянное было потасовкой, и Конан уже собирался заказать следующий, как вдруг почувствовал, что не может произнести ни слова. Веки его стали невероятно тяжелыми, глаза закрылись, голова с глухим стуком ударилась о столешницу. Через мгновение послышался мощный храп. Киммерийца сморил глубочайший сон.

Снилось ему что-то отрывочное и беспорядочное. То он скакал куда-то на низкорослой гирканской лошадке, разинув в беззвучном вопле рот, то о чем-то весело болтал с одноглазым пройдохой Ордо, то лупил каких-то совершенно не знакомых ему людей, то просто видел цветущие луга, быстрые реки, неприступные горы. Наконец в его сновидениях появилась вполне реальная и до боли знакомая картина. Небольшая деревушка, окруженная высоким, густым хвойным лесом. Приземистый дом, ладный и прочный. Неподалеку от него — кузница, откуда несется веселый перестук молотков. Конан быстро идет по тропе к дому, и, словно услышав его шаги, на пороге появляется молодая и очень красивая женщина с пышными волосами цвета темной меди. Мать. Такая, какой он запомнил ее в далеком детстве. Ее большие глаза вспыхивают радостью, и она бежит навстречу Конану и бросается ему на шею.

— Сынок! — захлебывается она счастьем. — Сынок... Какой ты вырос... Ты уже совсем взрослый. Ты воин...

— Воин... — доносится откуда-то издалека. — Воин...

Чья-то рука трясет его за плечо, и варвар, с трудом открыв глаза, оборачивается.

— Воин, проснись же наконец!

Голубоглазая прелестница, из-за которой совсем недавно пролилось столько крови, похоже, довольно давно пыталась разбудить крепко спавшего киммерийца и уже почти отчаялась.

— А, это ты, крошка...— еле ворочая языком, пробормотал Конан.

— Пойдем со мной, воин,— чуть не плача, позвала его красавица.— Пожалуйста.

— Меня зовут Конан. Конан-киммериец,— все еще толком не проснувшись, представился варвар.

— Хорошо, Конан. Только пойдем быстрее.

— Ты сколько стоишь, девочка? Впрочем, это неважно. Я сегодня при деньгах.

— Ты идешь или нет?! — топнув изящной ножкой, воскликнула девушка.

— А зачем куда-то идти? — непонимающе уставился на нее еще не протрезвевший киммериец.— У Ортиса есть комнаты...

— Идти надо,— твердо ответила красotka и повторила: — Надо идти.

— Хорошо,— послушно кивнул варвар.— Пойдем к тебе. Мне все равно.

Он с трудом поднялся из-за стола. Его сильно качнуло в сторону, но Конан устоял на ногах, вытащил из кошелька несколько золотых и бросил их возле кувшина.

— Я готов,— почти твердо сказал он и направился вслед за незнакомкой прочь из «Попутного ветра».

Глава вторая

У лочки становились все более узкими и кривыми. Ветхие дома с покосившимися крышами смотрели на случайных прохожих слепыми глазами темных окон с разбитыми стеклами. Вскоре киммериец понял, что совершенно не представляет, куда завела его очаровательная незнакомка. Это было тем более странным, что Конан как свои пять пальцев знал столицу Турана, от роскошных кварталов, где обитала местная знать, до самых безобразных трущоб. Но сейчас, сколько он ни силился определить, где находится, ничего не получалось. Варвар готов был поклониться чем угодно, что никогда прежде не бывал тут.

Однако его белокурая спутница уверенно шла вперед, решительно ступая по прогнившим доскам деревянных мостовых, легко и изящно перепархивая через зловонные лужи. Она, казалось, даже не замечала всей этой грязи и тошнотворных запахов, стремясь к только ей ведомой цели. Но что это была за цель? Теперь, когда винные пары, затуманившие мозг Конана, слегка рассеялись, киммериец внезапно понял, что девушка вовсе не похожа на обычную портовую шлюху, за которую он принял ее с пьяных глаз. Но почему тогда она согласилась пойти с ним? Хотя нет, не согласилась. Она сама позвала его с собой! Кром! На скучающую аристократку, которые иногда отправляются в припортовые кабаки на поиски острых ощущений, она никак не походила. Насмотрелся он на этих похотливых кошек вволю и мог различить их издалека даже на приемах у

Илдиза Туранского, где они изображали гордых и неприступных девственниц или верных хранительниц домашнего очага.

Эта девушка была совсем другой. Но что ее привело в «Попутный ветер»? И, похоже, она искала именно его, Конана. Зачем? Варвар никогда не верил в людское бескорыстие. Если красotka явилась за ним, значит, ей что-то от него нужно. Очень нужно. Впрочем, что толку гадать, когда значительно легче просто все узнать сразу.

Конан резко остановился. Его спутница, сделав несколько шагов, тоже встала и удивленно взглянула на него:

— Что случилось, воин? Ты передумал идти со мной?

— погоди, красавица. Я не сделаю больше ни шагу, пока ты не ответишь мне на несколько вопросов.

— Что ж, — вздохнула девушка. — Твое право. Спрашивай.

— Как тебя зовут и кто ты?

— Сильвия. Я... — Она помолчала немного, а потом решительно выдохнула: — Я не совсем человек.

— Кром! — воскликнул киммериец. — Я так и знал! Слишком уж спокойной была моя жизнь в последнее время! И кто же ты? Слуга Нергала? Дочь Сета? Тень с Серых Равнин?

— Зачем же так мрачно? — рассмеялась Сильвия. — Мой народ не имеет ничего общего с темными силами. Честно говоря, мы стараемся не иметь никаких дел ни с кем: ни с богами, ни с людьми.

— Твой народ? — удивленно поднял брови варвар. — Какой народ? Я немало побродил по свету и готов поспорить на что угодно, что землю населяют лишь люди. Есть еще, правда, гномы, но их ни с кем не спутаешь, да и они редко покидают свои подземелья. Может, и еще какая-то нечисть где-то бродит... Но целый народ... Да еще так похожий на людей... Ты что-то темнишь, крошка!

— Да, целый народ! — почти выкрикнула девушка. — Причем очень древний! Мы жили на этой земле задолго до того, как появились люди. А потом... Мы хотели мира и спокойствия. У нас нет ни оружия, ни воинов. Когда люди

поняли это, они начали уничтожать ольтов, забыв о том, сколько добра мы им сделали.

— Ольтов? — перебил Сильвию Конан.

— Так мои соплеменники называют себя, — пояснила девушка. — Ольты почти не отличаются от людей, но все мы от рождения обладаем магическими способностями и умеем общаться друг с другом мысленно. А еще мы понимаем мысли птиц, животных и рыб, а они — наши, так что с ними ольты тоже могут разговаривать.

— Интересно, — хмыкнул все еще не совсем трезвый киммериец. — Поболтал с оленем о том, о сем, а потом зажарил его на обед!

— Мы не едим мяса, — пояснила Сильвия. — Нам вполне хватает фруктов, меда, цветочного нектара. Есть у нас и умельцы, которые выращивают овощи, пшеницу и овес. Мы вообще считаем, что жизнью и смертью вправе распоряжаться лишь боги.

— А магия? — поинтересовался Конан, возвращаясь к началу разговора. Ему, опытному и умелому воину, вовсе не хотелось рассуждать о жизни и смерти. — Разве с ее помощью вы не могли одолеть врагов?

— Одолеть — нет, — печально улыбнулась девушка, — а вот защититься сумели.

— Вы стали невидимыми? — спросил варвар, тут же подумав, что сам-то он прекрасно видит Сильвию.

— Вовсе нет. Ты ведь видишь меня, — словно прочитав его мысли, ответила Сильвия. — Мы спрятались.

— Как?

— Очень просто. Собрав всю магическую энергию, ольты создали Волшебный Мост между тем местом, где был когда-то наш дом, и одинокой скалой в океане, в той его части, куда не заглядывают люди. На скале постепенно вырос город, и несколько тысячелетий мой народ не покидал его. За это время сменилось много поколений людей и не осталось даже легенд, в которых упоминались бы ольты. Мы снова обрели покой и счастье.

— Но, раз ты здесь, похоже, не все так прекрасно, — посмотрел ей в глаза Конан.

— Увы,— вздохнула Сильвия.— Несколько сотен лет назад наши мудрецы заметили, что скала, на которой стоит наш город, медленно опускается. И, что самое страшное, под ней — Огненное Море. Тогда это лишь обеспокоило их, потому что скала погружалась в пучину всего на полпальца в десять лет. Но ровно сто лет назад стало ясно, что гибель нам грозит намного раньше, чем предполагалось. Сами мы с бедой не справимся...

Сильвия надолго замолчала, погрузившись в свои мысли. Конан ни о чем не спрашивал, изумленный услышанным. Его не такая уж и длинная жизнь, чуть больше двух десятков лет, была до отказа полна самыми невероятными приключениями. Казалось, боги специально подготовили его появление на свет и теперь развлекались, загоняя его в немыслимые ситуации и следя, как он из них вывернется. Он с честью выходил из всех переделок, и многочисленные большие и малые победы вселили в него уверенность: ничто и никогда не сможет его удивить. Но история, которую ему поведала Сильвия, обещала новое, ни с чем не сравнимое приключение.

Наконец девушка заговорила снова:

— Наша магическая сила, к сожалению, невелика. Чтобы создать Волшебный Мост, по которому можно попасть в мир людей, ольты вынуждены долго копить ее.

— Как это? — удивился Конан.

— Во сне,— ответила Сильвия.— Мы спим, а Верховный Маг творит заклинания, постепенно выстраивая переход в ваш мир. С того дня, когда мы осознали, насколько близки к гибели, было создано пять таких Мостов: два из лунных лучей, два из солнечных и один из радуги. По нему могут пройти лишь двое: дочь Верховного Мага и человек, который сумеет помочь нам. Если выбор пал на недостойного, Мост проваливается под ним, и человек остается в своем мире, мгновенно забывая об ольтах.

— Погоди,— нахмурился варвар.— Все это очень интересно, но от меня-то что нужно? Как я могу помочь вам? Я воин, но вы ни с кем не сражаетесь. Еще я умею воровать, но это вам тоже вряд ли понадобится. Да и вообще, все

мои навыки, пожалуй, не нужны народу, который питается цветочным нектаром, а все остальное время спит.

Девушка тихо рассмеялась и покачала головой:

— Ты совсем не знаешь ольтов. Мы спим только тогда, когда нужно собрать силу. А сила требуется, лишь когда нам грозит опасность. Впрочем, у тебя будет время познакомиться с нами поближе, и тогда, не сомневаюсь, ты найдешь среди ольтов много друзей.

— Так чего вы от меня хотите? — настаивал Конан.

— Ты сильный. Надо перенести нашу скалу в безопасное место.

— Перенести?! — подпрыгнул киммериец.— Крошка, среди ольтов много сумасшедших?

— Главное — согласись,— загадочно улыбнулась девушка.— А уж чтобы это дело оказалось тебе по плечу, наша забота. И еще. Мы щедро наградим тебя. Подумай, чего бы тебе хотелось больше всего. Мы можем выполнить любое твоё желание.

— Никогда еще не чувствовал себя таким идиотом,— пробормотал Конан.— Чего уж тут думать. Работенку вы предлагаете дурацкую, и плату я попрошу такую же. Сделайте так, чтобы, стоило мне щелкнуть пальцами, передо мной мгновенно появлялся бы кувшин красного аргосского вина.

Сильвия внимательно посмотрела на него, словно хотела что-то сказать, но, передумав, пожала плечами и кивнула:

— Будь по-твоему.

— Договорились,— расхохотался Конан.— А где он, твой Волшебный Мост?

— Здесь. Если ты готов отправиться в путь, толкни любую из этих дверей.

Киммериец решительно шагнул к ближайшей двери, пинком распахнул ее и остолбенел. Вместо грязной каморки, которую он ожидал увидеть, перед ним открылся бескрайний простор. Кожаные штаны и куртка, в которые был одет киммериец, мгновенно покрылись мелкими солеными брызгами. Огромный океан плескался у его ног, играя легкими лазурными волнами. Прямо за полусгнившим поро-

гом раскинулась бесконечная водная гладь, где-то вдали сливавшаяся с таким же бесконечным высоким небом. Над головой плыли легкие пушистые облака, а где-то посередине между небосводом и океаном едва заметно качался, переливаясь на солнце, полупрозрачный мост, сотканный из тонких радужных нитей.

Не будь Конан Конаном, увиденное испугало бы его до полусмерти, но варвар лишь усмехнулся и занес ногу, собираясь шагнуть в неизвестность.

— Нет! — крикнула Сильвия. — Остановись!

— Что-то я не пойму, крошка, — сощурился киммериец. — То ты уговариваешь меня прогуляться по Волшебному Мосту, а то чуть ли не за руки хватаешь, чтобы я этого не делал.

— Не торопись. Я уже говорила тебе, что у нас нет ни воинов, ни оружия. Ольты вообще не используют железо. А потому ни одна вещь, сделанная из него, не должна попасть в мир ольтов. Тебе придется оставить здесь все оружие. Иначе, когда настанет время проходить через Большие Ворота, с тобой случится нечто ужасное. — Она вздрогнула.

— Со мной уже многое случалось, и, как видишь, ничего, жив и здоров. А оружие оставить... Знаешь, лучше гулять по Аграпуру без штанов, чем оказаться в неподходящее время без меча.

— Тебе не угрожает никакая опасность. — В глазах Сильвии мелькнул испуг. — Там нет ни диких зверей, ни кровожадных морских чудовищ. Но если попытаешься пронести с собой железо, это почти равносильно гибели.

— Кром! — рыкнул Конан. — Не тани, крошка, рассказывай, что за беды должны обрушиться на мою голову.

— Ты окаменеешь, — шепнула Сильвия, и ее глаза округлились от страха. — И будешь стоять, пока кто-нибудь не освободит тебя от железной вещи.

— Ну хорошо, уговорила, — кивнул варвар, снимая ножны и аккуратно укладывая их на пороге. Затем он достал из рукава тонкий острый кинжал и не менее бережно положил его рядом с мечом. Внезапно вспомнив, что за голе-

нищем остался нож, с помощью которого он утихомирил подгулявших морячков, Конан хотел было оставить и его, но подумал, что не может отправляться навстречу неведомому с голыми руками. В конце концов, даже если он и вправду превратится в камень, кто-нибудь из ольтов сумеет вынуть лезвие из его сапога. Он нужен им живой и невредимый, а потому и опасаться нечего. Нагнувшись, он поправил рукоятку ножа так, чтобы она немного выглядывала из-за голенища, а затем повернулся к девушке:

— Я готов. Показывай, куда идти.

— Я пойду впереди, — пояснила Сильвия. — Ты должен идти по моим следам. Они укажут дорогу. Только не торопись, а то можешь сорваться с Волшебного Моста вниз и тогда погибнешь. Я не сумею помочь тебе.

Девушка смело шагнула на Мост, и там, где ступала ее легкая нога, на дымчато-радужной поверхности появлялись аккуратные следы, сияющие серебром. Конан подождал немного, затем глубоко вздохнул и направился вслед за Сильвией. К его величайшему удивлению, Мост под ним не прогибался, словно маленькие серебристые отпечатки обладали прочностью стали. Вскоре, приноровившись к шагам Сильвии, киммериец почти перестал смотреть под ноги и начал оглядываться по сторонам.

Вокруг, насколько хватало глаз, простирался океан. Конан готов был поклясться именами всех известных ему богов и демонов, что понятия не имеет, где находится. Ни малейших признаков суши. Только вода, вода, вода. Тихая, спокойная, ласковая и, наверное, теплая. Легкие облака, проплывавшие в высоком небе, отражались в лазурной глади, и варвару на миг даже показалось, что он шагает по широкой радуге прямо навстречу солнцу, поднимаясь все выше и выше, и вот-вот перед ним предстанут ворота в чертоги самого Митры.

— Тысяча демонов! — пробурчал он под нос. — Интересно, куда завела меня эта девчонка, что я раз мечтался, как изнеженная принцесса? Еще денек тут побуду — глядишь, стихи писать начну.

— Ты что-то сказал? — повернулась к нему Сильвия.

— Да нет, ничего особенного. Так, красотами любуюсь,— усмехнулся Конан.

— Здесь очень красиво, ты прав,— серьезно кивнула девушка.— И тихо. Это потому, что тут никогда не бывают люди. Они не умеют жить в мире.

— Сильно ты нас не любишь,— заметил киммериец.

— Не люблю? — рассмеялась Сильвия.— Что ты! Просто отношусь к вашему племени как к неизбежному злу. Ты ведь не станешь бороться с ураганом? Наверное, предпочтешь просто спрятаться от него.

— Однако без этого неизбежного зла обойтись-то не сумели,— огрызнулся Конан.

— Не надо сердиться,— успокоила его девушка.— От частых ссор болит душа. Прости, если обидела тебя.

— Я никогда не держу зла на женщин.

— Вот и хорошо. А теперь я ненадолго покину тебя. Мне надо поспешить, чтобы подготовить Большие Ворота к твоему приходу. Посмотри вперед. Видишь серебристую арку? Нам туда. Иди по моим следам.

С этими словами Сильвия повернулась и стремительно понеслась вперед, быстро исчезая вдаль. Конан смотрел ей вслед, не трогаясь с места. Изящная фигурка девушки становилась все меньше и меньше, и только цепочка серебряных следов, которые тоже быстро уменьшались, обещавшая едва различимыми точками, указывала путь.

Киммериец постоял еще немного, затем осторожно попытался поставить ногу рядом со следом Сильвии. Не то чтобы он не доверял девушке, а просто привык во всем полагаться не на чьи-то слова, а на собственные ощущения и знания. Никакой опоры. Нога погрузилась в радужную дымку, словно Конан и вправду стоял на пушистом облаке. Похоже, его спутница не напрасно предупреждала его об опасности. Что ж, дорога хорошо видна, и если он сумел пройти почти половину Моста, значит, прекрасно доберется до цели.

Решив больше не испытывать Волшебный Мост на прочность, Конан пошел вперед, где, по словам Сильвии, находились Большие Ворота, ведущие в мир ольтов. Удивительно,

но какими бы маленькими ни были следы девушки, они служили вполне надежной опорой.

Киммериец уверенно шагал вперед, пока откуда-то из-под Моста не появился легкий белесый туман. Конан на мгновение остановился, но, убедившись, что серебристые следы видны по-прежнему отчетливо, двинулся дальше. Туман становился все гуще, и вскоре варвара уже окружала непроглядная молочно-белая пелена.

Неожиданно, словно возникнув ниоткуда, перед киммерийцем выросла сияющая арка, как будто сотканная из лунного света. «Наверное, это и есть Большие Ворота»,— успел подумать Конан, как туман, застилавший все вокруг, настолько сгустился, что стал плотным и осязаемым. У варвара перехватило дыхание, в глазах потемнело, голова закружилась, в воздухе заплескались разноцветные огоньки, и Конан потерял сознание.

Как долго длилось его забытие, киммериец не знал, но, когда он вновь обрел способность видеть и слышать, туман полностью рассеялся, на ярко-голубом небе опять сияло солнце и все так же медленно плыли белые, пушистые облака. Прямо напротив Конана посреди океана стоял камень, доходивший ему до колен, а на его вершине раскинулся очаровательный игрушечный городок, окруженный белой стеной. Толщина ее была не больше пальца варвара, а высота — примерно пальца четыре. По углам стены были установлены сторожевые башни, из бойниц которых выглядывали крошечные фигурки в одинаковых темно-зеленых курточках. По узким, но прямым и чистым улицам, вдоль которых стояли аккуратные домики под островерхими крышами, гуляли маленькие человечки в ярких красочных одеждах.

«Клянусь копытами Нергала,— подумал Конан,— это и есть город ольтов, а эти малявки — они сами. Похоже, проходя Большие Ворота в мир людей, они вырастают, а возвращаясь обратно, снова уменьшаются. Почему же тогда я остался прежним? Наверное, Сильвия подразумевала это, когда говорила, что ей надо подготовить Ворота для меня. Конечно, если бы я стал таким же, как они, что от меня

толку? А так я вполне могу перетащить их городишко куда угодно. Неудивительно, что люди чуть не истребили ольтов! Они, по всей вероятности, порой просто не замечали эту мелюзгу. Даже изящная ножка молоденькой девушки может запросто раздавить нескольких мужчин этого народа.

Древний народ! Маги! Скала посреди океана! Тьфу! Камушек в каких-то прибрежных водах. Тут глубина-то всего ничего. До колена и то не доходит. Ладно! Маги они или нет, малыши или великаны, но они просят о помощи, а я тут торчу и рассуждаю, вместо того чтобы делом заняться».

Конан попытался усмехнуться и с изумлением понял, что лицо его осталось неподвижным. Изумление переросло в тревогу, когда он почувствовал, что руки тоже не повинуются ему, а тревога сменилась ужасом, когда киммериец, сколько ни пробовал, так и не сумел ни на полшага сдвинуться с места.

«Кром! — осенило варвара. — Сильвия не напрасно предупреждала меня, что нельзя брать с собой никакого железа. Идиот! Самонадеянный болван! Как эта мелюзга справится с моим ножом? На его лезвии может со всеми удобствами устроиться десяток ольтов! Вот это влип так влип. Никогда не думал, что придется изображать памятник самому себе!»

Глава третья

Конан не был бы Конаном, если б позволил отчаянию замутить его рассудок. Осыпав себя всеми ругательствами, которые только мог припомнить, и обвинив себя во всех преступлениях, какие только мог вообразить, он немного успокоился. Злись не злись, ругай себя не ругай, изменить ничего он все равно не в силах. Значит, надо думать, как выкрутиться из этого более чем идиотского положения. Хоть киммерийцу и приходилось гораздо чаще работать мечом и кулаками, нежели головой, но боги, слава пресветлому Митре, умом его не обидели.

«Спокойно, дружище, спокойно, — уговаривал он сам себя. — Если ты не потерял способность мыслить, у тебя еще не все потеряно. Ты все еще видишь небо над головой и слышишь, как морские волны бьются о твои ноги. Это не Серые Равнины, откуда, как говорят, нет обратного пути... Подожди! Видишь и слышишь? Это уже хорошо. Так... Что же такого я могу увидеть?»

Он попытался повернуть голову, но из этого ничего не получилось. Однако, к великой радости киммерийца, он обнаружил, что видит не только то, что находится прямо перед ним, но и довольно далеко по сторонам. Да что там далеко! Варвар всегда обладал удивительно острым зрением, но никогда даже и помыслить не мог, что сумеет в деталях рассмотреть все мелочи на таком большом расстоянии. Город ольтов, лежавший примерно на уровне его колен, был крошечным, но Конан превосходно видел лица чело-

вечков даже на самых дальних улочках. Более того, до его слуха донеслись звуки речи. Слезившимися от яркого солнца глазами, которые он не мог прикрыть рукой, киммериец увидел, как два маленьких стражника на башне показывают на него пальцами. Губы их шевелились. Варвар прислушался. Никаких сомнений, он слышит их разговор! Правда, не может понять ни слова, ибо язык ольтов, оказывается, несколько не похож ни на один из известных ему языков. Но ведь он говорил с Сильвией, а значит, если она поднимется на городскую стену, он вполне сможет побеседовать с ней. Только бы она догадалась!

Словно откликнувшись на его мысленный призыв, девушка очень скоро появилась возле сторожевой башни, наиболее близкой к ногам Конана. Киммериец так обрадовался ей, что, имея он возможность шевелиться, наверное, подпрыгнул бы до небес. Однако радость варвара оказалась преждевременной. Сильвия что-то торопливо заговорила. Он прекрасно слышал ее, но — о ужас! — не понимал ни слова. Похоже, что, пройдя Большие Ворота, его спутница забыла язык людей и теперь не может с ним даже поболтать. Впрочем, что от этого толку? Конан пробовал ответить ей, но его губы даже не дрогнули.

«Нергалова отрыжка ты, а не воин, — снова обратился он к самому себе. — Твое положение хуже, чем ты мог когда-нибудь представить. Уж лучше бы превратился в самую настоящую статую. Ольты показывали бы тебя своим детям и рассказывали бы им историю о тупом и самодовольном болване, занятую и поучительную. Но тебе было бы все равно. А так все-таки обидно. Видеть и слышать, что происходит вокруг, и не иметь возможности подать хоть какие-нибудь признаки жизни».

Сильвия все говорила и говорила что-то, отчаянно жестикулируя, пока наконец не поняла, что все ее усилия напрасны. Тогда девушка опустилась на грубые камни, из которых была сложена стена, и, закрыв лицо ладонями, горько зарыдала. Она плакала так громко, и горе ее было так велико и искренно, что Конан, будь он на это способен, наверное, разрыдался бы вместе с ней.

«Прости меня, малышка, — ласково обратился он к девушке, досадуя, что она его не слышит. — Это моя вина, что я не смог помочь твоему маленькому народцу. Вы так надеялись на меня... Не в моих правилах нарушать данное слово, и, поверь, я обязательно что-нибудь придумаю».

На городскую стену медленно поднялись еще несколько человечков. Сначала все они уставились на исполинскую фигуру, застывшую прямо напротив их скалы, а затем, словно по команде, заголосили на тысячу ладов. Они плакали, выли, вопили, орали, как будто в образе окаменевшего киммерийца узрели собственную неминуемую смерть. Сердце варвара, видимо не обратившееся в камень, потому что он ясно слышал, как кровь стучит в висках, ныло и болело, ему было невыразимо стыдно, как если бы он обидел невинных детей и смеялся бы над их слезами.

Конечно, ему было не до смеха. Он чувствовал, что тело его по-прежнему живо, но невидимые силы сковали его, одев в непробиваемую каменную оболочку. Ярость, отчаяние, злость на самого себя душили Конана, но он лишь неподвижно стоял посреди лазурных вод, которые с мягким шелестом лизали его ноги, и смотрел, как чудесные крошечные ольты скулят от невыразимого горя.

Наконец слезы несчастных, похоже, иссякли. Медленно, один за другим человечки в разноцветных одеждах поднимались на ноги и, низко опустив головы, покидали стену. Вот уже на ней осталась одна Сильвия. Девушка подняла опухшее от слез лицо, грациозным жестом откинула со лба прядь удивительных волос лунного цвета и укоризненно взглянула на киммерийца. Обладая она чарами могучего мага, который может взглядом испепелить врага, на месте застывшего истукана осталась бы груда пепла. Да и сам он готов был провалиться сквозь землю, однако и этого ему было не дано. Сильвия еще раз взглянула на Конана, слегка покачала головой и, отвернувшись от него, тоже ушла со стены. Он снова остался один.

Потекли однообразные и бесконечно длинные дни. Конан, первое время лихорадочно искавший выход, бросил это неблагоприятное занятие и порой надолго забывался каким-

то странным полусном, из которого его выводили многочисленные обитатели моря и небес, коих почему-то очень привлекала новая и, главное, совершенно необжитая скала. Больше всего киммерийцу досаждало неизвестное морское чудище, с силой бившееся об его ноги где-то возле лодыжек, словно больше всего на свете желая сокрушить эти столбы, которых совсем недавно тут еще не было.

«Ну, погоди, мерзавец! — злился варвар. — Твое счастье, что я не могу даже пальцем пошевелить. Встретился бы ты мне в более подходящую пору, я тебя, гадину, задушил бы собственными руками. Что тебе, поганцу, от меня надо? Обойти не можешь? Вон места сколько! Гуляй — не хочу. Так нет, этой мокрице-переростку понадобилось пролезть именно тут. Полжизни отдал бы за то, чтобы пнуть тебя, Нергалово дерьмо, как следует!»

Однако неведомый житель глубин не слышал его и, наверное, даже не подозревал, что мешает кому бы то ни было. Он лишь с упорством, достойным лучшего применения, долбил и долбил каменные сапоги Конана. Однажды, представив, как его невидимый противник, наверное, бесится оттого, что не может добиться желаемого, киммериец вдруг страшно развеселился и тут же почувствовал, что его злость на беднягу прошла. После этого он начал внимательно прислушиваться к тому, что происходило на глубине, пытаясь представить, как выглядит эта тварь.

Она явно была очень крупной, по меркам ольтов, конечно. И сильной, так как варвар иногда очень даже ощущал удары, смягченные толщей воды. Ему, естественно, не было больно, но, будь киммериец не таким огромным, упрямство подводного чудища дало бы в конце концов результаты. И еще у него, похоже, были щупальца, ибо он иногда обвивал чем-то ноги Конана и пробовал тянуть их на себя, нисколько не опасаясь, что эта махина может свалиться ему на голову. Значит, еще и не из трусливых.

«Интересно было бы на него посмотреть, — подумывал киммериец. — Я понятия не имею, где находится страна ольтов. И животные у них могут быть совершенно не похожи на наших. Правда, мне не раз приходилось видеть

всевозможнейшую дрянь, порой самую невероятную, рожденную больным воображением взбесившихся колдунов... Но ведь этого-то никто не придумывал. Он родился в этом море и спокойно себе жил, пока не наткнулся на меня. Ему, видать, тоже интересно, что за гадость тут появилась. Эх, Нергал мне в печень! Нагнуться хотя бы... Тут ведь совсем не глубоко...»

Подводный обитатель, конечно, время от времени сердил Конана, но самое настоящее бешенство у варвара вызывали птицы. Скорее всего, где-то неподалеку была суша, иначе откуда бы тут взялся этим наглым пернатым? Они иногда появлялись целыми стаями, иногда поодиночке, но киммерийцу от этого было не легче. Досаждали они ему страшно. То какая-нибудь пичуга усядется прямо на нос и, склоняя крошечную головку то на один бок, то на другой, пристально смотрит прямо в глаза, словно понимает, что перед ней человек, только очень большой и совершенно беспомощный. То они налетают десятками и устраивают на его плечах место сборищ, галдя при этом немилосердно. Ладно бы еще только галдели! Так ведь гадают, сволочи! Такие крошечные, а следов оставляют, что твой слон!

Но и это показалось Конану ерундой, после того как семейство относительно крупных птиц, очень напоминающих орлов, поселилось у него на голове. Сначала они летали туда-обратно, собирая ветви, потом долго и шумно вили гнездо, и наконец орлица надолго устроилась в нем, а ее верный друг начал таскать ей пищу.

«Митра милосердный! За что караешь? Кром, отец родной, чем не угодил тебе сын твой? — взмолился киммериец. — На все согласен, только пусть эти твари исчезнут отсюда!»

Но, видимо, его боги не заглядывали в мир ольтов, потому что страстная молитва варвара осталась без ответа.

«Юма бы помер со смеху, — вспомнил Конан своего давнего приятеля-кушита, обладавшего удивительным чувством юмора и потрясающей способностью почти всегда пребывать в прекрасном настроении, — узнай он, что на моей башке птенцов выводили! Хорошо еще, что орлы, а не ка-

кие-нибудь мелкие пичуги. Хоть орут редко, видать, в согласии живут... Вот влип! Вот вляпался, идиот! Что же мне теперь так и стоять тут до скончания веков?! Врагу не пожелаю...

Его горестные размышления прервал громкий звук, похожий на гулкие удары тяжелых кулаков по огромному барабану. Конан покосился на город ольтов и увидел, что на стене происходит что-то интересное. Обнаженный по пояс юноша увлеченно лупил по красно-сине-зеленому барабану, и, откликаясь на зов, на стену поспешно собирались люди. Казалось, сюда спешил весь город. Как будто подчиняясь безмолвным командам, ольты выстраивались вдоль стены полукругом, не приближаясь к барабану, на котором вполне могли бы уместиться трое их соплеменников, больше чем на пять шагов.

Среди толпы Конан без труда разглядел Сильвию. На ней было надето длинное строгое платье цвета старой бирюзы, а единственным украшением служили ее роскошные волосы, рассыпанные по плечам и прихваченные на лбу тонким обручем из белого металла, может быть, серебра. Она, как и все ее соплеменники, застыла в молчаливом ожидании. Юноша продолжал отбивать на барабана мерный ритм, пока вдруг не замер с поднятыми над головой руками, которые он почему-то не спешил опускать вниз.

Толпа зашевелилась, образуя в середине полукруга узкий проход. На городскую стену поднялся высокий худощавый старик в темно-красной мантии. Его седые длинные волосы были, как у Сильвии, перехвачены обручем. Но обруч старика был сделан из золота, а надо лбом на тонких, круто завитых спиралях возвышалась восьмиконечная звезда с очень длинными лучами. Старик поднял руки над головой, и толпа, мягко шелестя одеждами, опустилась на колени.

«Это, наверное, и есть их самый главный маг, — догадался Конан. — Интересно, что за представление мне сейчас покажут? И где они, Нергал их заберут, были все это время?! А... Сильвия что-то говорила о том, что они собирают магическую энергию во сне... Дрыхли, видать, а теперь яви-

лись сюда, чтобы передать ее старику. Он что, новый мост строить будет?»

Но долго задавать самому себе вопросы киммерийцу не пришлось. Начавшееся действие так увлекло его, что он забыл обо всем на свете. Старик вытянул руки перед собой и что-то не то заговорил, не то запел тонким дребезжащим голосом. Из его рта, словно струйки пара в морозный день, стали появляться крошечные искорки. Они разгорались все ярче и ярче и, упав на подставленные ладони, начали складываться в маленький шарик, который постоянно менял цвет. Сначала он был бледно-голубым, потом неожиданно пожелтел, затем по нему побежали розовые блики. Синий, зеленый, пурпурный, оранжевый, сиреневый... Шар столько раз изменил окраску, что варвар сбился со счета, а в конце концов понял, что и цветов-то таких никогда в жизни не видел. Когда маг наконец замолчал, в руках у него светился жемчужно-розовый шарик изумительной красоты.

Едва эхо повторило последний звук необычной песни, вперед шагнула Сильвия. Она подняла руки над головой и, повернувшись к старику, тоже запела. Вновь посыпались искорки, только на сей раз они исходили не изо рта девушки, а как бы тонкими ручейками текли с кончиков ее пальцев и, словно нитка на клубок, наматывались на шар, который держал старик. Как только песня девушки закончилась, ей на смену из толпы вышел следующий ольт, и действие повторилось.

Когда шар увеличился в размерах раз в десять и маг, уже будучи не в силах удержать его в руках, положил сияющую сферу на барабан, она стала уже ярко-алой. Старик все поворачивался и поворачивался к толпе, вызывая из нее все новых и новых носителей магической энергии, пока шар не превратился в темно-рубиновый. После этого маг встал лицом к Конану, возложил руки на шар, закрыл глаза и надолго замер.

Киммериец успел уже слегка заскучать, как вдруг словно молния пронзила его. Прямо в мозгу варвара прозвучал вопрос:

«Что случилось, воин? С каким железом ты не смог расстаться?»

«О боги! — подумал Конан. — Что это?»

«Ничему не удивляйся. Наша магия позволяет, когда это необходимо, обмениваться мыслями. Ты ведь не можешь разговаривать».

«Не только разговаривать, — ответил киммериец, слегка успокаиваясь. — Я и бровью пошевеливать не могу».

«Ты сам виноват в своих бедах, — прозвучал скорбный голос. — Какое железо ты пронес через Большие Ворота?»

«Кинжал. Он у меня за голенищем сапога».

«О, горе нам! Никому из ольтов не под силу освободить тебя от чар».

«Что же теперь делать?»

«Мне ведом только один путь. Моему народу придется теперь снова на многие годы погрузиться в сон, чтобы собрать энергию, необходимую для постройки нового Моста. Потом мы пошлем в мир людей гонца, и если повезет, и тебе, и нам, на помощь придет другой воин».

«Годы?! Многие годы?! — Отчаянью Конана не было предела. — И что значит, если повезет?»

«Годы не должны пугать тебя, воин. В мире ольтов и в мире людей время течет по-разному. Скорее всего, для тебя пройдет лишь один год. А может, и день... Правда, не хочу обманывать тебя. Год или день могут обратиться в век».

«Ты не ответил на второй вопрос. — Киммериец старался не показывать, насколько потрясли его слова мага. — Что значит, если повезет?»

«Не каждый человек может пройти по Волшебному Мосту. Впервые за многие столетия, наши столетия, лишь тебе удалось попасть в мир ольтов. И если бы ты был благоразумнее...»

«Чего жалеть прическу, когда голова скатилась с плахи? — перебил своего собеседника Конан, ненавидевший нравочения. — Иного выхода нет?»

«Мне неведом другой путь, воин. Если ты сумеешь его найти, ударь в этот барабан, и ольты пробудятся ото сна».

Старый маг слегка поклонился киммерийцу и покинул стену. К светящейся сфере подошла Сильвия. В ее светлоголубых глазах стояли слезы.

«Я все слышала, Конан. Это очень плохо. Но я хочу, чтобы ты знал: я верю в тебя. Ты сумеешь спастись сам и поможешь ольтам в их беде».

«Спасибо тебе, крошка. — Если б варвар только мог, он непременно усмехнулся бы. — Спасибо, что не злишься на меня. И знаешь, мне кажется, ты права. Я не привык нарушать данное слово, и уж коли обещал перетащить ваш город в безопасное место, то обязательно сделаю это».

В толпе о чем-то оживленно заговорили. Видимо, все, кто поднялся на городскую стену, слышали этот разговор. Поверили они словам киммерийца или нет, кто знает, но на многих лицах засияли улыбки. Сильвия махнула Конану рукой и ушла. Вслед за ней потянулись остальные, и вскоре варвар снова остался один.

«Они поверили мне, — думал Конан, глядя вслед удалявшимся фигуркам. — Им без меня не обойтись. Не могу ведь я стоять как истукан и молча смотреть, как гибнет этот славный народец. Нет! Я что-нибудь придумаю. Я обязательно что-нибудь придумаю...»

«Опять ты приволок эту гадость, Мажирик! — неожиданно прозвучал у него в мозгу резкий голос. — Сколько раз говорить тебе, что ни я, ни твои детки не будут есть падалы! Мог бы и постараться ради своей семьи!»

«Кром всемогущий! Что это?»

«Я и так стараюсь, Марижика! — услышал он снова. — Не я ли отыскал эту чудесную скалу для нашего гнезда? Не я ли нашел на ней такую превосходную площадку? Не я ли охраняю наше гнездо? Не я ли кормлю тебя и детей?»

«Как же, кормишь! Таскаешь первое, что на глаза попадается! Вчера вот рыбу приволок, а у меня от нее перья тускнеют. Сегодня какое-то тухлое мясо... Так наши крошки никогда летать не смогут! Чтобы летать, нужны силы, а откуда их взять, когда отец нисколько о детях не думает? Моя мама всегда говорила...»

«О, златокрылый Ораал!» — возопил несчастный отец семейства и, сильно взмахнув крыльями и оттолкнувшись от головы Конана, взмыл вверх. Киммерийцу даже показалось, что он почувствовал толчок.

«Вот тебе и мирно живут, — развеселился варвар. — А я-то думал... Постой-постой! Значит, ольты сделали так, что я теперь могу понимать птиц? Спасибо и на этом. Теперь хоть не так тоскливо будет торчать тут. Интересно, а почему они меня не слышат? Впрочем, этой сварливой птахе, видимо, не до меня. Ладно, плевать на них. Надо подумать, какую пользу можно извлечь из этого неожиданного дара».

Глава четвертая

Неожиданный подарок ольтов оказался как нельзя кстати: теперь Конан мог побеседовать с птицами, которые свили у него на голове гнездо, и те, поддавшись на его уговоры, обещали как можно скорее освободить так полюбившуюся им площадку.

«Как только дети окрепнут настолько, что сумеют долететь до суши, мы тотчас уберемся отсюда», — пообещал киммерийцу Мажирик.

«Мне будет не хватать вас, — честно признался Конан. — Может, заглянете когда-нибудь, поболтаем?»

«Можно подумать, у нас нет других дел! — тут же вмешалась склочная Марижика. — Надо воспитывать крошек. Мы будем очень заняты...»

Она бы с удовольствием продолжала еще и еще, не останови ее почувствовавший мужскую поддержку супруг. Он резко прикрикнул на сварливую жену, и она, наверное, от неожиданности замолчала. Конан в душе порадовался, что птицы слышат только те его мысли, с которыми он к ним обращается. Улови Марижика, что он о ней думает, она, скорее всего, просто-напросто выклевала бы ему глаза.

Так или иначе, но время, заполненное общением хоть с какими-то живыми существами, уже не тянулось так медленно, а кроме того, киммериец воспользовался случаем, чтобы разузнать, куда же его закинула судьба и что за чудище живет в глубине. К его легкому сожалению, птичья семейка не так уж много знала о мире ольтов. Мажирик,

которого все время норовила перебить жена, рассказал, что океан, где так неожиданно возник Конан, простирается довольно далеко. До ближайшей суши день полета, но там нет ничего интересного: растительность чахлая и скучная, камни да песок. Хорошо еще, что среди камней водятся много грызунов, да изредка попадаются животные покрупнее. Этого вполне хватает, чтобы выжить, но, что особенно огорчало Марижику, общаться тут совершенно не с кем.

«Понятно... — протянул варвар. — А кто так настойчиво бил меня по ногам? И, главное, куда это он исчез?»

Не успели птицы и клювы раскрыть, как в мозгу варвара прозвучал ответ.

«Кто меня бил по ногам... — передразнил его кто-то, обладавший на редкость противным скрипучим голосом. — Я тебя бил. И никуда я не исчезал. Дел у меня полно».

«Кто ты? — обрадовался Конан. — Я не вижу тебя».

«И нечего на меня смотреть. Не жениться ведь собрался! Видеть-то не видишь, а мешаешь страшно».

«Так кто ты?» — повторил свой вопрос киммериец.

«Столько тут торчишь, мог бы и узнать. Олтик я».

«А я Конан», — представился варвар.

«Подумаешь! Конан! Ну и что? Торчит тут истукан каменный, порядочным десятиногам и пройти негде!»

«Так обойди!»

«С чего это я буду тебя обходить, дурак несчастный, если мне именно туда нужно, где ты встал».

«А зачем?»

«Ну совсем тупой! — рассвирепел Олтик. — Живу я тут! А ты, истукан неподвижный, устроился прямо напротив входа в мой дом. Места другого не нашел! Еще и разговаривать так долго не хотел, гад этакий. Сколько раз я просил отодвинуться! Не слышал, что ли?»

Признаваться хамоватому десятиногу в том, что не может даже пошевелиться, варвар не хотел. Кроме того, он прекрасно помнил, с какой силой и как упорно Олтик пытался сдвинуть огромную скалу, которая заслонила вход в его пещеру. «Может, попросить его вытащить кинжал из-за голенища?» — подумал Конан и тут же испугался, что

десятиног может его услышать и тогда, конечно же, на его помощь рассчитывать не придется. Вредное существо просто из принципа не станет помогать тому, кто так долго мешал ему жить. Однако, к великой своей радости, киммериец убедился, что Олтик тоже улавливает только те мысли, которые варвару хотелось бы высказать вслух. «Тогда нужно его обмануть! — мелькнула в мозгу Конана спасительная мысль. — Но как? Вряд ли он настолько глуп, что все получится просто и легко».

«Чего задумался, протухшая раковина? — снова услышал он скрипучий голос. — Я тебе задал вопрос, на который мог бы ответить и самый распоследний морской червяк, с роду не обладавший ни каплей мозгов».

«Я не привык отвечать на дурные вопросы, — огрызнулся киммериец. — Как я мог тебя не слышать, когда ты визжишь, словно тебя кто-то лупит!»

«Меня?! Лупит! — Возмущению десятинога не было предела. — Я не знаю, откуда ты такой взялся, но сразу видно, что в наших краях ты чужак. Иначе в твою тупую голову не могла бы прийти такая идиотская мысль, что кто-то может лупить Олтика! На всем дне морском не сыскать никого, кто был бы сильнее меня!»

«Очень хорошо, — подумал Конан. — Это мне и надо».

«Долго ты будешь тут торчать? — снова обратился к нему Олтик. — Твои ноги мешают мне».

«А мне тут нравится, — беспечно отозвался варвар. — Я решил искупаться, вода оказалась теплой и приятной, вот я и надумал постоять тут немного, расслабиться, отдохнуть, а заодно и сапоги помыть. Не стану же я прыгать с места на место только потому, что какому-то нахалу домой захотелось! Ты говоришь, у тебя много дел? Вот и погуляй еще чуть-чуть, а я, может, тем временем и накупаюсь. Тогда и уйду».

«Значит, не хочешь по-хорошему? — прошипел десятиног. — Ну, погоди! Я придумаю, как справиться с тобой!»

Конан ощутил сильный толчок, вода возле его подошв как будто закипела, поднялась небольшая волна, едва не коснувшаяся его пояса, и все стихло. Наверное, Олтик ре-

шил пнуть его на прощание, потому что, сколько ни обращался к нему киммериец, ответа так и не получил. Десятиног снова куда-то исчез.

«Не слишком ли я погорячился? — обеспокоенно подумал варвар. — А если он не вернется? Он, пожалуй, единственный, кто может избавить меня от чар. Зря я так с ним. Надо было похитрее, помягче, поизворотливей. Ну, ничего! Куда он денется? Здесь его дом, и упрямец не желает от него отказываться. Вернется! Непременно вернется! А я пока подумаю, как лучше его обвести вокруг пальца. Или щупальца... Что там у него?»

Снова потянулись дни. Конана больше не забавляли красочные перебранки Мажирика и Марижики, его даже перестало волновать, когда же они в конце концов уберутся с его головы. Киммерийца занимало только одно: каким образом заставить Олтика хотя бы попытаться вытащить из-за голенища кинжал и тем самым разрушить чары. Он прекрасно понимал, что просить напрямую об этом нельзя. Обозленный десятиног просто из вредности не захочет помогать ему.

«Думай, Конан, думай, — тормозил варвар самого себя. — Единственное, что у тебя еще работает, это голова. Вот и используй ее по прямому назначению. Думай! Не бывает безвыходных положений».

Наконец мало-помалу у него начал складываться план. Нельзя сказать, что он был безукоризненным или особо изощренным, но, если повезет, задумка киммерийца должна была сработать. Конану не раз приходилось сталкиваться с людьми, по характеру очень схожими со вздорным десятиногом. С ними никогда нельзя было говорить прямо, но зато как легко попадались они «на дурака»! Подзадорь такого, подразни слегка, скажи, что ему ни за что не сделать того или этого, и, забыв обо всем на свете, он кинется доказывать свою исключительность. Может, и Олтика удастся поймать на эту приманку?

Конан так обрадовался, что, похоже, нашел выход, что ему захотелось петь. Однако этого варвару тоже было не дано. И слава Митре, иначе он распугал бы всю живность

на сотни локтей вокруг, а десятиног, в котором киммериец так нуждался, скорее всего, бросился бы искать себе другое жилище. Боги, щедро наградившие достойного сына Крома множеством талантов, дали ему в придачу оглушительный голос, но почему-то напрочь лишили его музыкального слуха. Только мощная мускулатура могучего северянина и прочная репутация отчаянного забияки позволяли ему до сих пор пребывать в счастливом неведении относительно его певческих способностей. Когда варваром овладевало безудержное веселье и он затягивал какую-нибудь песню, никто не осмеливался даже поморщиться.

«Ну да ладно, не спеть, так не спеть, — усмехнулся про себя киммериец, — но хоть поболтать-то я могу! Кстати, может, мои птички расскажут что-нибудь новенькое о десятиноге... Эй, Мажирик! — мысленно окликнул он почтенного отца семейства. Тишина. Никто не отозвался. — Марижика! — попробовал он еще раз. Снова тишина. — Куда вы подевались? Дюжина демонов мне в печенку! Где вы все?»

Напрасно он тратил силы и время. Пока Конан пребывал в состоянии глубокой задумчивости, птичья семейка покинула гнездо. Как и обещала. Олтик тоже куда-то пропал, и варвар вновь оказался в гордом одиночестве. Морские волны то нежно лизали его ноги, то с силой ударяли в них, ветер то играл с легкими, словно пух птенца, облаками, то гнал куда-то вдаль тяжелые тучи, солнце медленно проплывало по небосводу... И ничего не происходило. Город ольтов по-прежнему спал. Улицы были пусты, крошечные окна и двери домов не открывались, как будто на скалу, где совсем недавно царило оживление, никогда не ступала нога ни одного живого существа. Конан приуныл. Он внимательно прислушивался ко всему, что происходило вокруг, но его острый слух ловил лишь плеск волн и голос вольного ветра.

Наконец настал долгожданный день. Что-то тяжелое сильно ударило в ноги киммерийца, и в его мозгу прозвучал раздраженный голос:

«Ты все еще тут?! Я-то надеялся, что ты убрался отсюда!»

«А зачем мне уходить? — едва сдерживая радость, орызнулся Конан. — Мне и тут хорошо. Я купаюсь, а вода такая чистая и теплая, что я, пожалуй, побуду здесь еще».

«Надо же, дрянь какая! — мгновенно разозлился Олтик. — Мне домой надо! Ты это понимаешь, протухшая раковина?»

«А ты меня прогони! — рассмеялся киммериец. — Если сможешь, конечно, медуза ленивая».

«Это я медуза? — яростно завопил десятиног. — Да сильнее меня никого в округе нет! Меня все боятся!»

«Вот и поборись со мной, — подзадорил его варвар. — Сдвинешь меня хоть на шаг — твоя взяла. Я уйду. Не сдвинешь — придется тебе искать другой дом».

Десятиног оплел каменные сапоги Конана своими щупальцами и принялся тянуть изо всех сил. Потом, резко ослабив хватку, отплыл назад и, набирая скорость, устремился в атаку. Мощный удар поднял высокую волну, и, не будь киммериец каменным и таким огромным, его, наверное, вышвырнуло бы на сушу. Олтик снова оттолкнулся от него и приготовился к очередному нападению.

Десятиног на самом деле был невероятно сильным, а в планы варвара не входило оказаться опрокинутым и навсегда погребенным на дне морском. Поэтому он решил направить старания Олтика в нужное русло.

«Осторожно, рыбешка безмозглая! — рявкнул он. — Не вытолкни мой кинжал. Я без него как без рук. Он очень дорог мне».

«Кинжал? — оживился десятиног. — Какой кинжал? Где он?»

«Видишь, — охотно объяснил киммериец, — из-за голенища сапога торчит рукоять? Это и есть кинжал. Если он выскочит оттуда, ты меня смертельно обидишь. Впрочем, — добавил он, — у тебя это вряд ли получится. Он тяжелый...»

И тут же понял, что наконец добился желаемого. Могучие щупальца, прочно прикрепившись к рукояти множеством присосок и цепко ухватившись за нее, начали раскачивать кинжал.

«Эй! Что ты делаешь?! — стараясь изобразить испуг, закричал варвар. — Прекрати немедленно! За этим кинжалом я готов идти на край света!»

«А я его сейчас достану, — злорадно зашипел Олтик, — и заброшу куда подальше! Будешь знать, как издеваться над почтенным десятиногом!»

Этого-то Конану и было надо. Со все нарастающим восторгом он почувствовал, что лезвие поддается сильным рывкам. Еще один толчок, еще, еще... И вот над водой взметнулось толстое бородавчатое щупальце, крепко сжимавшее кинжал.

«Смотри, истощенная молока! — услышал киммериец радостный вопль. — Вот она, твоя драгоценность! Прощайся с ней навсегда!»

Описав большую дугу, лезвие ярко сверкнуло в солнечных лучах, раздался сильный всплеск, и кусок металла, причинивший столько неприятностей, скрылся под водой. В то же мгновение по телу Конана пробежала дрожь, глаза заволокло туманом, голова закружилась, и окружающий мир перестал существовать.

Когда туман рассеялся, киммериец медленно, не веря своему счастью, поднес руки к лицу и, шевеля пальцами, долго любовался ими, как самой прекрасной женщиной во всем хайборийском мире. Затем он счастливо рассмеялся и сильно, до хруста в суставах, потянулся, получая невыразимое удовольствие от каждого движения.

«Что же ты не бежишь за своим обожаемым кинжалом?» — услышал он вдруг знакомый голос и тут же вспомнил о десятиноге.

Конан присел на корточки и, набрав полную грудь воздуха, погрузил лицо в воду. Возле своих ног киммериец увидел огромную, по меркам мира ольтов, конечно, тушу, покрытую сине-зеленой бородавчатой кожей. Десятиног приподнялся, опираясь на толстые, усыпанные присосками щупальца, и взглянул на варвара единственным ярко-желтым глазом, в котором светилось неподдельное любопытство.

«Какой ты противный... — громко прозвучало в мозгу киммерийца. — Лишний глаз зачем-то... И водоросли на голове... Черные, спутанные... Тьфу, гадость какая!»

«Ты, приятель, тоже не красавец, — улыбнулся в ответ Конан, и из уголков его губ вырвались пузырьки воздуха. —

Но ты оказал мне неоценимую услугу, и я тебе очень признателен».

«Значит, ты признаешь, что я сильнее тебя?» — пружина на щупальцах, поинтересовался десятиног.

Конан, ничего не отвечая, вытянул руку и, растопырив пальцы, занес ладонь над Олтиком. Тот издал пронзительный свист, поднял одно щупальце, и из-под него в лицо варвару ударила дурно пахнувшая темно-синяя струя. Киммериец выругался и резко поднялся во весь рост. Бросив взгляд под ноги, он увидел, что там, внизу, медленно расплывается темное пятно. Олтик же, судя по бурунам на воде, улепetyвал со всех своих многочисленных ног.

— Беги, приятель, беги! — крикнул ему вслед Конан. — Когда вернешься, меня тут уже не будет! Наконец-то ты попадешь домой!

Затем, осторожно переставляя ноги, чтобы, не приведя Митра, не задеть скалу с городом ольтов, киммериец отошел подальше в сторону, бросился в теплую воду и поплыл, радостно ощущая, как слаженно работают мышцы, как легко дышит грудь, как ровно бьется сердце и как соленая влага смывает усталость от вынужденного безделья.

Вдоволь накупавшись и отмыв все следы пребывания птиц с головы и плеч, Конан поспешил обратно. Увидев впереди скалу ольтов, он медленно подплыл к ней, встал на ноги и осторожно постучал указательным пальцем по барабану, по-прежнему стоявшему на городской стене. Тот мгновенно отозвался гулким рокотом. Киммериец ожидал, что в ответ на призывный звук город тут же оживет, распахнутся окна и двери, маленький народец высыпет на улицы и поспешит к сторожевой башне. Однако ничего подобного не произошло. Город по-прежнему спал.

Конан постучал еще раз и мысленно позвал:

«Сильвия! Просыпайся, крошка, я здесь. Я свободен. Теперь я готов выполнить свое обещание».

«Я верила в тебя, воин, — донеслось в ответ. — Я так счастлива!»

Дверь маленького белого домика под синей крышей распахнулась, и на пороге возникла знакомая изящная

фигурка. Крошечные ножки словно сами понесли девушку вперед, и через несколько мгновений она уже поднималась на стену. Затем Сильвия легко вспрыгнула на барабан и заплясала на нем. Милые розовые пятючки уверенно отбивали ритм. И произошло чудо! Захлопали окна, из них начали выглядывать и тут же исчезать заспанные лица. Вскоре открылись и двери. Город, повинувшись настойчивой барабанной дробью, просыпался.

Постепенно на городской стене собралась толпа. Ольты опять встали возле барабана полукругом, и вперед вышел тот же старик. Рядом с ним замерла Сильвия, восторженно поглядывая то на мага, то на киммерийца. Лицо ее светилось счастьем: именно ей все-таки удалось привести в мир ольтов человека, который сумеет спасти ее народ от нависшей над ним угрозы.

Конан, давно понявший, что старик и есть самый главный ольтский маг, слегка поклонился ему и сказал:

— Приветствую тебя, почтеннейший!

При первых же звуках его голоса, прогремевшего, как крик разгневанного бога, ольты испуганно завопили. Многие схватились за уши, не в силах вынести такой грохот, несколько женщин упали в обморок, дети заплакали, прижимаясь к своим матерям.

«Твой голос невыносимо громок, — прозвучало в мозгу киммерийца. — Лучше общаться мысленно. Тогда никто не пострадает».

«Прости меня, почтеннейший, — ответил Конан. — Я не хотел причинять зла ольтам».

«Зови меня Примарус, — сказал старый маг. — Я знаю, ты не злой человек. Ты просто не подумал о последствиях. Думать — вообще не твоя стихия. Ты человек действия. А именно такой сейчас и нужен нам. Как тебя зовут?»

«Конан. Конан-киммериец».

«Что такое киммериец?» — удивился Примарус.

«Это значит, что я родился в Киммерии. Есть такая страна далеко на севере».

«Когда ольты жили рядом с людьми, такой страны еще не было, — отозвался маг. — Впрочем, с тех пор многое из-

менилось в вашем мире, и мы совсем не знаем его. Скажи, люди по-прежнему жестоки и кровожадны?»

«Ну...— протянул Конан. Ему не хотелось лгать благообразному старцу, но и обвинять всех людей в жажде убийства он тоже не мог.— Люди разные. И жестокие, и добрые, и честные, и лживые, и умные, и полные идиоты... Очень разные».

«А остались ли в вашем мире уголки, хоть один, где никого нет, но где можно было бы жить?»

«Хоть я и много где побывал, но не могу говорить, что видел весь мир,— честно признался варвар.— Однако думаю, если поискать, такие уголки найдутся. Но почему тебя это интересует?»

«Видишь ли, в нашем мире нам больше нет места. Мы вынуждены искать убежище в мире людей. Но так как мы хотели бы сохранить тайну своего существования, то, прошу тебя, подумай, не припомнишь ли местечка, где мы могли бы поселиться так, чтобы об этом никто не знал».

Конан надолго задумался. Он перебирал в памяти места, где ему привелось побывать, но ничего подходящего не находил. Боги, сколько людей живет в его мире! Он никогда прежде не обращал на это внимания, и сейчас такая мысль поразила его.

Молчание затянулось. И вдруг варвар вспомнил. Митра Светозарный! Да как же он не сообразил раньше!

«Есть! — чуть не закричал Конан.— Есть такое место! Оно не может не понравиться вам!»

Глава пятая

Долина Семи Духов, о которой так кстати вспомнил киммериец, лежала далеко на востоке хайборийского мира, почти у самой границы с Кхитаем. Однажды Конану довелось по поручению Илдиза Туранского побывать близ тех мест. Когда, закончив дела, отряд под предводительством варвара возвращался обратно, они остановились на ночлег возле тихого и спокойного ручейка. Развели костер, приготовили нехитрый ужин, и уставшие воины мгновенно захрапели, а киммериец, вызвавшийся сторожить первую половину ночи, уселся на траву и задумался, уставившись невидящим взором в огонь.

Ему не надо было обходить маленький лагерь, чтобы увидеть или почуять опасность. Первобытные инстинкты, которые в нем не могла заглушить никакая цивилизация, превращали варвара в такие минуты в мощного чуткого хищника, способного, казалось, видеть, слышать и улавливать запахи всей кожей. Малейшее дуновение ветерка, едва уловимый шорох чуть шевельнувшейся травы, мягкая поступь зверя, который вышел на ночную охоту за своими более слабыми собратьями,— ничто не ускользало от внимания киммерийца, будто ему было дано слышать дыхание земли и небес.

И все-таки он пропустил того одинокого путника. Когда из темноты с другой стороны костра возникла чуть сутулая фигура в просторном одеянии, Конан вздрогнул, словно

мгновенно очнулся от сна, и его широкая ладонь тут же легла на рукоять меча.

— Не беспокойся, воин, — усмехнулся незнакомец, плавно опускаясь на траву. — Я стар и уже давно не могу причинить зла никому. Да и не хочу.

Киммериец мрачно взглянул на неожиданного собеседника. Перед ним и в самом деле сидел глубочайший старик. Густая сеть морщин покрыла лицо цвета старого пергамента, слегка опустив вниз уголки тонких сухих губ, длинные мягкие волосы, струившиеся по плечам, давно утратили первоначальный цвет и в лучах восходящей луны казались серебряными, и лишь темно-карие глаза, хитро и по-доброму глядевшие на варвара, были веселыми и молодыми. Конан почему-то сразу понял, что этот старик и впрямь не опасен, но на всякий случай грозно спросил:

— Ты кто такой?

— Латпур, — просто ответил незнакомец. — Я странник. Брожу по свету. Занимаюсь врачеванием, предсказываю погоду, умею показывать кое-какие фокусы.

— Один ты уже показал, — злобно буркнул варвар. — Почему я тебя не слышал?

— Я так долго живу на свете, — улыбнулся Латпур, — что моя плоть сильно изнасилась и стала очень легкой, почти невесомой. Вот ты и не уловил мои шаги, киммериец, хотя твоему слуху можно только позавидовать.

— Ты знаешь о моей родине? — чуть не подпрыгнул Конан. — Неужели в своих странствиях ты забирался так далеко?

— Приходилось, — пожал плечами старик. — И хоть это было давным-давно, я помню, сколь прекрасна твоя родина. Мне иногда даже снятся ее роскошные леса, окруженные величественными горами. Я никогда и нигде больше не встречал такой красоты... Разве что...

— Что? — спросил Конан, чувствуя, как злость и раздражение покидают его, уступая место любопытству.

— Долина Семи Духов, пожалуй, могла бы соперничать с Киммерией. Они не похожи, но обе удивительно прекрасны.

— Долина Семи Духов? — изумился варвар. — Я побывал в тысяче мест, но о ней даже не слышал. Где это?

— Совсем рядом, — усмехнулся Латпур. — Совсем рядом, — повторил он и надолго замолчал, задумавшись.

Конан тоже молчал, по своему опыту зная, как сильны иногда бывают воспоминания и как крепко порой они цепляются за душу. Однако вскоре любопытство возоблдало над тактичностью, которой киммериец и так особенно не отличался. Он взглянул на старика и, поняв, что мысли его собеседника витают где-то очень далеко, нарочито громко кашлянул. Седой странник вздрогнул и виновато улыбнулся:

— Прости, я немного задумался. О чем мы говорили? Ах, да... Долина Семи Духов. Видишь вон там, у самого горизонта, горы? — Тонкой, полупрозрачной рукой старик показал вдаль. — Там, чуть севернее кхитайской границы, они становятся совершенно неприступными. Но если отыщется смельчак, который сумеет добраться до перевала, его взору откроется одно из прекраснейших мест на земле.

— И что? — не выдержал киммериец. — Находились такие смельчаки?

— Находились, — печально улыбнулся Латпур. — Но обратно вернулись лишь двое. Один — только затем, чтобы поведать людям, что за горами обитают злобные демоны, и вскоре навсегда покинуть родных и переселиться на Серые Равнины. Другой — чтобы известить всех, что отныне Долина Семи Духов может принять людей. Однако ему не поверили. Его прогнали с позором. — Взгляд старика затуманился, а в голосе прозвучала неподдельная боль. — С тех пор, насколько я знаю, в Долине никто ни разу не был. А жаль. — Он тяжело вздохнул. — Там мог бы поселиться целый народ, и жизнь его была бы легкой и беззаботной. Но, увы, об этом прекрасном месте лишь рассказывают легенды.

Он снова надолго замолчал, и на сей раз Конан не тревожил его. Киммериец вдруг вспомнил, что совсем недавно слышал от старого кхитайца, который недолго сопровождал отряд, интересную сказку о Долине Злых Демонов. По всей

вероятности, Латпур сейчас говорил об этом же месте, только назвал его иначе. Так, значит, все рассказанное кхитайцем — правда? Что же именно он говорил?

Словно по волшебству, Конан мгновенно вспомнил сказку, и ему даже показалось, что он снова слышит слегка скрипучий голос старика.

Началась эта история очень и очень давно. Однажды, создавая этот мир, боги повздорили. Светлые Боги решили, что неприступных гор и пустынь получилось слишком много и что людям будет тесно на земле, а значит, они начнут истреблять друг друга в борьбе за лучшие места. И тогда, чтобы избежать излишнего кровопролития, они задумали потихоньку внести кое-какие поправки. Так появилась Благоуханная Долина, которую Светлые Боги сотворили в самом сердце холодных, суровых гор.

Там росли всевозможные деревья, которые цвели и плодоносили круглый год, ведь злые ветры не могли пробиться сквозь каменные стены. Нежная, шелковистая трава служила чудесным кормом для быстроногих ланей и пушистых зайцев, доверчивых и небоязливых, ибо, населяя Долину, Светлые Боги не пустили в нее хищников. Прозрачные реки, сбегавшие с гор и плавно несущие свои хрустальные воды по равнине, щедро питали землю, и она была готова год от года давать богатейший урожай, найдись только руки, которые бросили бы в нее хоть одну горсть зерна.

Жизнь в Благоуханной Долине обещала быть светлой и радостной, не прознай о ней Темные Боги. Озлившись на Светлых Богов, они создали семерых демонов, кошмарных духов, которые вобрали в себя все зло, какое и представить себе невозможно, и отдали им власть над Долиной, ее недрами, водами и даже небесами. Демоны не трогали животных, но пылали лютой ненавистью к людям. Придя в неопиcуемый восторг от своих созданий, Темные Боги перенесли их в Благоуханную Долину и нарекли ее Долиной Злых Демонов. Гнусным тварям понравился их новый дом, и они замечательно прижились там в ожидании грядущих жертв, обещанных им их создателями.

Жертвы не заставили себя ждать. Правда, демоны жили в Долине уже несколько тысячелетий, когда туда пришел первый человек, но тысяча лет — это очень много лишь по людским меркам, а для демонов — сущий пустяк. Приняв разные личины, от милых зверьков до нежных цветов, порождения Зла набросились на первых смельчаков, не побоявшихся грозных скал, и растерзали их.

Деревья застонали, ужаснувшись содеянным, а чистые речные воды замутились, но боги, создав землю, перестали вмешиваться в происходившее на ней. Лишь Светозарный Митра опечалился настолько, что прикрыл свой сияющий лик синими тучами. Но тучи, повисев над горами, пролились дождем, живительная влага смыла кровь несчастных с густой травы, и жизнь в Долине Злых Демонов пошла своим чередом.

Когда первые смельчаки не вернулись в свои дома, люди надолго оставили даже мысли о том, чтобы вновь проникнуть в Долину. Однако каждое поколение, или хотя бы одно из двух-трех, рождает своих героев. И снова храбрецы тронулись в путь, и снова их не дождались родные и друзья.

Шли годы, складываясь в столетия, и вот однажды одному горцу повезло, и он сумел побывать в Долине, вырваться из объятий демонов и вернуться домой. Но, когда он, изможденный и испуганный до полусмерти, возник на родном пороге, даже мать не сразу узнала его. Он уходил цветущим, полным жизни юношей, а обратно явился дряхлой, седой развалиной, хотя случилось это всего через пару лун. От несчастного люди узнали, что творится в Долине, и навсегда отказались от попыток бороться с демонами. На следующий же день перед беднягой открылись Серые Равнины, его тело торжественно предали земле, а к могильному холму стали водить детей, чтобы поведать им грустную, но весьма поучительную историю.

Прошло еще очень много лет, пока в горном селении, приютившемся неподалеку от единственной тропы, что вела напрямик в Долину Злых Демонов, не появились три странника. Все они были молоды, темноволосы и кареглазы, как

и большинство горцев, но их смуглая кожа и необычные для этих мест черты лица выдавали в них чужестранцев, явно пришедших издалека. Горцы, обычно недоверчивые к чужакам, неожиданно для себя приняли их как долгожданных гостей и искренне огорчились, когда юноши повели о своем намерении сразиться со злыми духами. Напрасно селяне пытались отговорить пришельцев, которых успели полюбить за их мягкий нрав, искусство врачевания и неизменную готовность помочь страждущим. Решение раз и навсегда освободить чудесную долину от смрадных тварей оказалось непреклонным.

Однажды на рассвете чужеземцы покинули горное селение. Вслед им неслись стоны и плач, слезные просьбы остаться, но ни один юноша даже не обернулся.

Минули три луны, и горцы собрались справлять тризну по погибшим безумцам, но тут на каменистой тропе показалась одинокая фигура, которая медленно приближалась к селению. Слава Светлым Богам, это был один из чужеземцев. Его лицо, постаревшее на несколько лет, выражало крайнюю усталость, одежда превратилась в жалкие лохмотья, а сквозь многочисленные прорехи виднелись страшные раны, оставленные острыми когтями.

— Долина свободна, — прошептал он из последних сил и рухнул на землю.

Горцы подумали, что он умер, но беднягу просто сморил глубочайший сон. Семь раз живительное Око Митры всходило на небосклоне и столько же раз его сменяли луна и звезды, а юноша все не просыпался. Его била лихорадка, в горячечном бреду звал он своих друзей, а в мутных глазах, когда он ненадолго открывал их, никого вокруг не замечая, отражался сумеречный свет Серых Равнин.

Но молодость и несокрушимая воля победили смерть, и восьмое утро поседевший юноша встретил на ногах, выйдя приветствовать Подателя Жизни на улицу. Он был еще слаб, но души погибших спутников уже не звали его к себе, а еще через пару дней он поправился окончательно.

— Мы победили злых духов, — сообщил он горцам, и счастливая улыбка озарила его бледное лицо.

— Бедный мальчик, — словно не слыша его слов, вздохнула какая-то старуха. — Он потерял друзей, и это помutilо его рассудок.

— Духов нельзя победить, — строго заметил один из старейшин селения. — Они созданы богами как наказание человеческому роду за гордыню.

— Их создали Темные Боги, — попытался возражать юноша, — а Зло никогда не осилит Добра, иначе на земле властвовали бы демоны и Митра Лучезарный не являл бы людям свое Око.

— Добра и Зла в мире поровну, — сурово нахмурился другой старейшина. — Так решили боги, и не нам, смертным, вмешиваться в их игры.

— Но Долина так прекрасна! — воскликнул юноша. — Я и мои друзья, мы прочитали о ней в древних книгах и из них же узнали, как уничтожить духов. Мы потратили несколько лет, чтобы овладеть магией, и она оказалась достаточно сильной... Мои собратья отдали жизни, чтобы люди навсегда покинули эту неприветливую землю и зажили в Благоуханной Долине счастливо и богато.

— Никто из нас, — рассердился старейшина, — никогда не слышал о Благоуханной Долине, но все мы знаем, что эта тропа, — он указал на горы, — ведет в Долину Злых Демонов. Там сложили головы лучшие сыны нашего народа, и один из них, что сумел донести до нас правду, завещал нам никогда не подниматься высоко в горы.

— Но и в моих словах нет ни тени лжи! — в отчаянии закричал юноша. — Долина снова стала Благоуханной, как нарекли ее когда-то Светлые Боги, создавшие ее для людей!

— Уходи от нас, несчастный! — приказал первый старейшина. — Не смущай умы молодых. Дети нашего народа — не пища для демонов.

— Мы приняли вас как родных, — добавил второй старик, качая головой, — и не наша вина, что вы не вняли голосу разума. За это и заплатились. Твои друзья — жизнями, ты — рассудком. Ступай с миром. Да будут боги милостивы к тебе.

Гримаса боли исказила лицо чужестранца. Не говоря больше ни слова, он махнул рукой, повернулся и медленно побрел прочь от горного селения. Он уходил все дальше и дальше, а горы смотрели ему вслед и сочувственно кивали, думая каждый о своем...

...Прохладный ночной ветер растрепал длинные волосы киммерийца, забрался под тонкую кожаную куртку, и Конан, передернув плечами, очнулся от своих дум.

— Слушай, старик, — обратился он к ночному гостю и тут же осекся: на том месте, где совсем недавно сидел таинственный странник, никого не было.

Варвар громко выругался, смачно сплюнул и отправился будить туранца, который должен был сменить его на дежурстве.

* * *

«Это очень интересно! — обрадовался Примарус, когда Конан рассказал ему все, что знал, о Долине Семи Духов. — Ты не мог бы уточнить, где именно находится это место?»

«Значит, так. Сильвия привела меня из Турана. Ты представляешь, где это? — Старый маг быстро закивал. — Кхитай лежит на востоке от Турана, за Вендией. — Примарус снова кивнул. — А к северу от Кхитая, примерно в одном дне пути, даже чуть меньше, находятся горы, в которых и спрятана эта долина».

«Ты думаешь, люди еще не забрались туда? — поинтересовалась Сильвия. — Как бы не получилось, что мы потратим все наши магические силы, чтобы попасть туда, а место окажется занятым».

«Еще совсем недавно об этой долине рассказывали страшные сказки, — пожал плечами киммериец. — И в этих рассказах никто не называл ее Благоуханной Долиной. Память о демонах оказалась слишком сильной. Нет, — варвар потряс головой, — я не сомневаюсь, что там никто не живет».

«Хорошо, — подвел итог Примарус. — Будем готовиться к переселению».

«Готовиться? — изумился киммериец. — Мне казалось, вы давно к этому готовы».

«Не совсем, — пояснила Сильвия. — Мы должны быть уверены, что Мост, на который хватит накопленной магической энергии, протянется до самой долины. Поэтому лучше иметь ее в избытке. А иначе... Даже думать об этом не хочется».

«Ладно, — встрепнулся Конан, — вы сейчас отправитесь дрыхнуть, а я... Мне-то чем заняться?»

«Ты волен распоряжаться своим временем по собственному усмотрению», — важно ответил Примарус, и по его знаку ольты поспешили по домам.

Киммериец снова остался один. Он не знал, сколько времени уже провел в мире ольтов и как долго ему еще предстоит пробыть здесь, но, к своему величайшему удивлению, не чувствовал ни голода, ни жажды, ни усталости. Это, конечно, было хорошо, ибо ни пищи, ни места, где можно было бы устроиться на отдых, он обнаружить так и не смог.

Сначала он долго плавал, получая ни с чем не сравнимое удовольствие просто оттого, что тело опять обрело подвижность и былую силу, но вскоре это занятие ему наскучило. Вернувшись к скале, киммериец уселся на дно, стараясь вновь не перекрыть вход в пещеру Олтика, и принялся ждать, время от времени погружая в воду ладони и с интересом наблюдая, как испуганно мечутся в них крошечные рыбки, похожие на разноцветные искорки.

Однако и это развлечение приелось довольно быстро, и Конан даже с некоторым теплом вспомнил перебранки со склочным и хамоватым десятиногом, слегка сожалея, что спугнул беднягу и он, видимо, не скоро рискнет вернуться домой.

Когда варвар уже готов был завывать от навалившейся на него скуки, город ольтов вдруг ожил. Захлопали двери домов, и маленькие фигурки потянулись на городскую стену. Примарус, облаченный в темно-синюю мантию с мелкими серебряными звездочками, вышел вперед. Легкими шагами к нему приблизилась Сильвия. Маг и девушка взяли за руки, и крупные синие камни, которые украшали совершенно одинаковые обручи на их головах, неожиданно засветились.

Сияние постепенно нарастало, пока камни, ослепительно вспыхнув, не выпустили по три тонких луча. Киммериец замер, глядя, как лучи зашевелились и начали сплетаться в узкую полупрозрачную ленту. Она медленно разрослась приблизительно до четырех локтей в ширину и, выгнувшись плавной дугой, устремилась к горизонту. Когда конец ленты растаял в голубой дали, в мозгу Конана прозвучал спокойный голос Примаруса:

«Мы готовы, воин. Теперь все зависит только от тебя».

«Разойдитесь по домам,— попросил киммериец.— Я не хочу, чтобы кто-нибудь сорвался по пути».

Не говоря больше ни слова, он дождался, когда улицы города ольтов вновь опустели, и, решительно шагнув к скале, рывком поднял ее над водой. Затем он огляделся по сторонам: прямо у его ног начинался Волшебный Мост, уходивший в бесконечность. Одним сильным движением Конан вскинул камень на плечо, ступил на радужную ленту и, придерживая тяжелую ношу правой рукой, быстро пошел вперед.

Глава шестая

Волшебный Мост, протянувшийся далеко за горизонт, оказался необыкновенно красив. Сначала Конан не обращал на это особого внимания, думая лишь о том, как бы поскорее выполнить свое столь опрометчивое обещание и вернуться к своим делам. Он не знал, сколько времени прошло в его мире. Примарус говорил, что в их мирах время течет по-разному, но это одинаково могло означать, что киммериец отсутствовал не дольше одного вздоха и что в его мире уже прошло несколько тысячелетий, и кости всех, кого он знал, давно обратились в пыль.

Однако варвар не обладал склонностью к глубоким размышлениям, и они, как правило, быстро ему надоедали. Кроме того, он не привык долго печалиться, тем более если не был уверен, что для этого есть повод. Поэтому вскоре хорошее настроение вернулось к нему, а вместе с ним и свойственная Конану любознательность, и он начал с интересом оглядываться по сторонам. Правда, он не обнаружил ничего достойного внимания: повсюду, насколько хватало глаз, раскинулся безбрежный океан, тихий и спокойный, словно ко всему равнодушный.

Вволю налюбовавшись ленивой игрой лазурных вод, киммериец взглянул под ноги и от изумления чуть не уронил скалу ольтов. Широкая лента, по которой он шагал, постоянно меняла цвет, становясь то голубой, то жемчужно-розовой, то молочно-белой, то нежно-сиреневой, а то и вовсе

совершенно прозрачной. И чем дальше шел киммериец, тем быстрее изменялись цвета. Конану очень хотелось задать Примарусу хоть один вопрос, но он опасался, что старому магу, для того чтобы ответить, придется выйти на городскую стену. А сможет ли старик удержаться на ней, варвар не был уверен и потому решил не рисковать.

Неожиданно впереди начал собираться легкий туман, и Конан сначала даже замедлил шаги, но потом вспомнил, что это, скорее всего, может означать лишь одно: он приближается к Большим Воротам. Это так обрадовало киммерийца, что он едва не припустился бегом, но вовремя одумался: он тащил на плече не просто огромный камень, а целый город, жители которого и так, наверное, испытывали множество неудобств.

Туман постепенно приближался, становясь все более и более густым, пока Конана не окружила непроницаемая пелена, плотная, словно взбитые сливки. Но Мост по-прежнему был виден, и варвар несколько не опасался, что сойдет с дороги и рухнет вниз вместе с ольтами.

Наконец в густой пелене показалась высокая сияющая арка, и Конан перешел границу, отделяющую его мир от мира ольтов. Мгновенно все изменилось. Нет, Волшебный Мост никуда не исчез, он все так же висел высоко над землей, переливаясь в солнечных лучах. Но зато пропал бескрайний океан, уступив место расстилавшейся внизу суше. А кроме того, скала ольтов, до того почти невесомая, заметно потяжелела.

Осторожно поправив свою ношу, киммериец пошел медленнее, внимательно глядя вниз и пытаясь понять, где находится.

«Интересное местечко,— подумал он.— Как будто художник пробовал краски на бумаге. Синяя полоска, зеленая, широкая желтая, потом такая же зеленая, опять узенькая желтая и вновь синяя. Забавно... О боги! — вдруг осенило его.— Это ведь... Не может быть...— Он присмотрелся, мысленно благодаря ольтов за резко улучшившееся зрение.— Да. Черные Королевства. Стигия. А там, за второй синей полоской, Шем».

Но оттого, что он увидел знакомые места, киммерийцу лучше не стало. Земли, мелькавшие далеко внизу, были такими крошечными, что все Черные Королевства Конан преодолел за пять шагов, Стигию — за два, а проходя над Шемом, даже зажмурился на мгновение: ему показалось, что сейчас он наступит на крошечный приморский городок и раздавит его в лепешку.

Однако первый и, к чести варвара, очень легкий испуг прошел очень быстро. Он, выросший среди высоких гор и неоднократно забиравшийся на самые, казалось, неприступные вершины, никогда не боялся высоты. Справедливо рассудив, что ольты умно придумали, построив Волшебный Мост так высоко, ибо никому из людей не придет в голову рассматривать, не тащится ли по яркой радуге сумасшедший варвар со скалой на плече, Конан усмехнулся и зашагал дальше.

Взглянув в очередной раз вниз, киммериец слегка удивился: только что под ногами лежал Шем, а сейчас простерся Туран, и слева поблескивает море Вилайет. Как такое могло случиться? Волшебный Мост никуда не сворачивал, и в этом Конан мог поклясться чем угодно. Удивление его, правда, быстро прошло: когда имеешь дело с магией, черной ли, белой ли, разве можно чему бы то ни было удивляться? У этих чародеев все не как у людей. Главное — добраться до цели, а идет дорога прямо или зигзагами, не все ли равно?

Вот промелькнула Вендия, показался Кхитай, а вон там, чуть слева, те самые горы, в которых спрятана Долина Семи Духов.

«Хвала Крому! Добрался», — подумал Конан и почувствовал, что Мост начинает постепенно снижаться.

Горы, лежавшие под ногами, приблизились, но по-прежнему оставались все такими же крошечными, как и все, что он видел внизу. И Долина, внезапно открывшаяся перед глазами, прекрасная, цветущая, воистину достойная названия Благоуханной, тоже вряд ли превышала в длину два шага киммерийца.

«Нергал мне в печень! — выругался Конан.— Да ведь это не ольты были такими маленькими, это я, идиот, дове-

рившись им, вырос до небес! И что теперь делать? Куда мне такому деваться?»

Не успел он подумать об этом, как радужная дорога закончилась, и огромный сапог варвара ступил на землю. В этот же миг скала, которую он нес на плече, начала стремительно расти, грозя придавить киммерийца, превратив его в мокрое пятно. Он быстро скинул ставшую неимоверно тяжелой ношу и едва успел отскочить в сторону. Прямо у него на глазах скала взметнулась ввысь примерно на четыре его роста, а дома, стоявшие на вершине, достигли размеров нормального человеческого жилья.

Деревья, растущие в Долине Семи Духов, тоже устремились к небесам, за ними потянулись цветы и травы, выросли птицы и животные, которых Конан поначалу даже не заметил, а озера и реки молниеносно раздвинули свои берега. Два-три вдоха — и киммериец понял, что вновь стал обычным человеком и ему вовсе не грозит участь одинокого монстра.

С радостью, не меньшей, чем в тот миг, когда тело его обрело подвижность и силу, Конан ощупал себя и громко расхохотался, мгновенно ощутив мощный прилив радости, но тут же зажал рот рукой, вспомнив, какую панику вызвал среди ольтов его голос.

— Не бойся, воин! — услышал он за спиной и не сразу даже сообразил, что знакомый голос звучит не в мозгу, а идет откуда-то извне. — Мы счастливы не меньше тебя, а насколько благодарны, ты даже представить не можешь.

Конан обернулся: сзади стояли Примарус и Сильвия, а со скалы спускались ольты. Их было очень много, и, не зная он, что все они принадлежат к древнейшей расе, намного опередившей людей во всем, ему даже в голову бы не пришло, что это не люди.

Внимательно-присмотревшись, Конан едва не присвистнул от изумления: до чего же красивым народом были эти загадочные ольты! Высокие, стройные, светловолосые и голубоглазые, все они, казалось, состояли в родстве. Среди них не было могучих силачей, подобных киммерийцу, но народ, не ведущий войн, не нуждался в воинах. Да и изящество ольтов

отнюдь не напоминало болезненной немощи изнеженных слюнтяев, каких варвару довелось повидать немало.

Киммерийцу даже показалось, что, если б они только захотели этого, любой ольт мог взмахнуть руками, словно крыльями, и взвиться в высокое небо подобно вольным птицам.

«Нет, — мелькнуло в мозгу Конана, — люди и ольты никогда не смогли бы понять друг друга. Эти вон какие, легкие, воздушные, а человек должен твердо стоять на земле обеими ногами, иначе погибнет».

— О чем задумался, воин? — Сухая, но твердая рука опустилась на плечо варвара.

— Я думал о том, какие мы разные, — честно признался Конан.

— Видишь, ты сразу понял это, — улыбнулся Примарус. — Поэтому, надеюсь, ты не обидишься, если я скажу тебе вот что. Ольты очень благодарны тебе, но ты не можешь долго оставаться с нами. Более того, покинув Долину, которая отныне будет называться Долиной Ольтов, ты вскоре забудешь о ней. Извини, но мы не можем допустить, чтобы здесь появились люди.

— Он должен остаться на пир! — вмешалась стоявшая рядом Сильвия. — У нас сегодня такой праздник! И это было бы несправедливо, если б тот, кто спас наш народ, не поднял кубок вместе с нами.

— Конечно, — кивнул Верховный Маг. — Но человек не будет встречать рассвет вместе с ольтами. Иначе ему придется навсегда остаться в Долине. Ты ведь этого не хочешь? — спросил он у Конана.

— Нет! — тряхнул головой киммериец. — Мое место там, среди людей.

Сильвия, тяжело вздохнув, взяла его за руку и потянула за собой. Они отошли на несколько шагов в сторону и уселись на мягкой, слегка шелковистой траве. Девушка задумчиво смотрела куда-то вдаль и молчала, а Конан с интересом наблюдал за тем, что происходило вокруг.

Ольты готовились к пиру, и для киммерийца это оказалось одним из самых удивительных зрелищ, какие ему когда-либо приходилось видеть. Похоже, они израсходова-

ли далеко не всю магическую энергию, накопленную для постройки Волшебного Моста, а потому сейчас использовали ее всю.

Начали со столов. Двое юношей, похожих, словно братья-близнецы, встали в середине большой поляны лицом друг к другу, сложив ладони в молитвенном жесте. Затем, пропев короткую фразу на непонятном Конану языке, они развели руки, повернув их ладонями наружу, и каждый шагнул вперед. Между руками юношей возник полупрозрачный голубой шар. Удовлетворенно кивнув, молодые ольты начали пятиться, медленно отступая назад, и шар, висевший в воздухе, вытянулся, превратившись сначала в овал, а потом в прямоугольник. На глазах у изумленного варвара прямо из ничего возникал призрачный стол.

Юноши все отступали и отступали друг от друга, пока, видимо, не сочли, что за столом хватит места всем. Тогда они остановились, громко произнесли еще одну фразу и резко хлопнули в ладоши. И видение стало явью. Конан тряхнул головой, затем крепко зажмурился, но, когда открыл глаза, новенький, сияющий белизной свежеструганных досок стол, стоявший на крепких высоких ногах, не исчез.

Юношей сменили три хорошенькие голубоглазые девушки, которые, быстро пробежавшись по столешнице изящными пальчиками, соткали из воздуха роскошную небесно-голубую скатерть с золотой вышивкой.

Ольты — мужчины, женщины, старики и даже дети — подходили к столу, держа в руках кто пучок травы, кто цветок, кто веточку от дерева или куста, произносили заклинания, и на пиршественном столе возникали разнообразные блюда и сосуды, наполненные всевозможной едой и вином.

С трудом оторвав взгляд от необычного действия, Конан повернулся к Сильвии:

— Почему я запросто говорю с тобой и Примарусом, но не понимаю ни одного слова из того, что говорят твои соплеменники?

— Все очень просто, — рассмеялась девушка. — Мы с Примарусом говорим на своем языке, ты — на своем, а понимаем друг друга лишь благодаря магии. Должны ведь

мы как-то общаться! А то, что делают и говорят другие ольты, ты уж извини, тебя не касается. Ты все равно скоро забудешь нас.

— Но, — вдруг вспомнил Конан, нисколько не обидевшийся на слова Сильвии, — в вашем мире я мог слышать даже мысли. И не только твои и Примаруса.

— Мог, — кивнула Сильвия. — Но теперь не можешь. Тогда, когда ты был больше любого из нас в тысячи раз, своим голосом ты мог вызвать землетрясение. Мы были просто вынуждены даровать тебе способность объясняться мысленно, а внутренний слух гораздо тоньше обычного. Сейчас мы стали одинаковыми, и ты утратил свой дар. Но вспомни, ты и тогда слышал лишь те наши мысли, что были обращены к тебе. И сейчас, если кто-то из ольтов захочет поговорить с тобой, вы прекрасно поймете друг друга.

Пока они беседовали, приготовления к празднику закончились. Примарус воздел руки к небесам и, в витиеватых выражениях пересказав прекрасно известную всем историю, провозгласил начало пиршества.

Конан осторожно опустился на широкую скамью, которая еще совсем недавно была сгустком магической энергии, и окинул внимательным взглядом угощение. От живописнейшей картины, что предстала перед ним, у варвара захватило дух. Не зная он, кто и как накрывал на стол, Конан решил бы, что здесь потрудились десятки поваров, а до них — садовники, огородники и охотники.

Горы нежнейших, налитых солнечным светом фруктов; овощи, и знакомые варвару, и те, о которых он даже никогда не слышал; аккуратные стопки медово-желтых лепешек, испускавших такой аромат, что даже к душам на Серых Равнинах, наверное, вернулся бы завидный аппетит; огромные, зажаренные целиком туши кабанов и антилоп; жемчужно-розовая рыба, сыры, колбасы, разноцветные вина — такого изобилия киммериец не видел никогда.

Едва умопомрачительный запах коснулся его ноздрей, как Конан мгновенно забыл, что вся эта роскошь возникла прямо из воздуха. Он взял высокий кубок, наполненный темно-вишневым густым вином, и, подняв его, произнес:

— Я пью за ольтов! За то, чтобы отныне эта Долина стала для вас домом, где вы найдете все, о чем мечтали!

С этими словами он поднес кубок к губам и, глубоко вздохнув, сделал большой глоток. Божественный напиток непередаваемого вкуса и аромата огненным потоком хлынул внутрь, и киммериец подумал: «Такое вино, наверное, пьет сам Митра. И то по большим праздникам».

Больше он не успел подумать ни о чем. Долина ольтов закружилась у него перед глазами в бешеном хороводе, а сам он, обратившись в крохотную песчинку, понесся в этом вихре, потеряв способность видеть и слышать...

* * *

Сознание возвращалось медленно. Сделав слабую попытку открыть глаза, Конан тут же отказался от этой дурной затеи: ослепительная вспышка, озарившая все вокруг, казалось, обладала тяжестью кувалды, которая, похоже, мгновенно опустилась на голову. Подождя, пока затихнет звон в ушах, киммериец попробовал осторожно пошевелить пальцами. Хоть и с большим трудом, но они все же повиновались, и Конан почувствовал, что руки лежат на какой-то гладкой деревянной поверхности. Судя по всему, голова покоилась там же.

Ободренный достигнутым, он напряг шею, чтобы оторвать щеку от этой таинственной поверхности, но был за это жестоко наказан: в голове тяжело загудели колокола, а в ушах и висках запульсировала кровь, и каждый толчок вызывал острые приступы тошноты.

Как это ни странно, но киммериец даже обрадовался. Такое состояние было ему хорошо знакомо. «О Кром всемогущий, как же я надрался...» — слабо шевельнувшись в раскаленном мозгу мысль, отозвавшаяся болью во всем теле. Теперь главным было не делать резких движений, а постараться выплыть из этого кошмара аккуратно, с наименьшими потерями. Однако очередная попытка погрузила сознание варвара в непроницаемый мрак.

Вынырнув из забытья, Конан почувствовал себя гораздо лучше. С великим трудом приоткрыв один глаз и стараясь

удерживать щелочку, через которую можно было рассмотреть хоть что-нибудь, он ощутил себя победителем.

Грубая деревянная поверхность, к которой неимоверная тяжесть придавливала голову киммерийца, несколько не напоминала сияющую чистотой столешницу, сотворенную ольтами. От прекрасной скатерти с замысловатым золотым узором тоже не осталось и следа. Спертый воздух, казалось, застыл, как будто Долину накрыли непроницаемым колпаком.

«Нергаловы отродья, — не слишком ласково помянул своих новых знакомых Конан, — они, похоже, заперли меня. А трепались... Спаситель... Вечная благодарность... Ну, погодите!»

Он с невероятным усилием опустил руку на пояс и, несказанно удивившись, нащупал рукоять меча. Странные создания! В первую очередь они должны были позаботиться о том, чтоб он не был вооружен, но почему-то не сделали это. Полагались на свою магию? Младенцы! Он и с более серьезным противником справлялся, а эти вечные юнцы, питающиеся воздухом, ему и вовсе смешны... Но... У него вообще не было меча. Откуда же он взялся?

Собрав всю свою волю, киммериец резко выпрямился. Перед глазами запрыгали радужные пятна, но колокольный звон, снова раздавшийся в ушах, уже не был таким оглушительным. Упершись обеими руками о столешницу, варвар слегка приподнялся, однако тут же снова опустился на скамью: ноги все еще отказывались повиноваться.

Держась руками за край стола, Конан внимательно осмотрелся по сторонам. Просторный зал, грубые деревянные столы с лавками, стойка... О боги! Это же «Попутный ветер»! Киммериец сосредоточился и попробовал вспомнить, что произошло с ним накануне. Он сидел у Ортиса и старательно пропивал деньги, столь ловко украденные у Дархама. Потом неожиданно появилась девушка. Завязалась драка. Затем девушка вернулась и позвала его с собой. Как ее звали? А... Сильвия.

Воспоминания рвались в клочки и разбегались, словно легкие облака под порывами ветра. Мало-помалу картина

постепенно прояснялась, но не настолько, чтобы Конан почувствовал себя спокойным. Нет, с такой головой нечего и пытаться что-то вспомнить. Где же Ортис? Надо срочно выпить, а этого прохиндея будто демоны утащили.

— Ортис! — рявкнул Конан. — Нергал тебя подери! Где ты? Ортис! Вина!

С таким же успехом он мог звать Ортиса в безлюдной пустыне.

— Ортис! — позвал варвар уже немного тише и снова огляделся по сторонам.

Никого. Наверное, уже глубокая ночь, а хозяин «Попутного ветра» отличался тем, что, если заснет, никакая сила не сможет поднять его с кровати. Кроме того, он частенько закрывал свое заведение на ночь, особенно если вечер был удачным.хлопоты с поздними гостями редко оправдывали себя, и Ортис предпочитал не искушать судьбу.

— Сет с ним, — мрачно буркнул Конан и снова задумался.

Неожиданно он все вспомнил. Но яркие картины, поочередно вспыхивавшие в его мозгу, тут же тускнели, словно кто-то стирал их огромной тряпкой, и киммериец догадался: ничего этого не было! Он просто изрядно перебрал и увидел великолепный сон. Нет, с пьянкой надо быть поосторожнее. Это ж надо так надраться, чтобы потом так мучиться! И все нутро болит, словно вот-вот треснет, как пересохшая глина.

Вдруг еще одно запоздалое воспоминание мелькнуло в голове варвара. Он криво усмехнулся и, подняв руку, громко щелкнул пальцами.

...На грязной столешнице, покрытой застарелыми пятнами, прямо из воздуха появился большой кувшин, в котором поблескивало, источая тонкий аромат, красное аргосское.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Делез

ПЛЕННИКИ ПАУКА

Глава первая	7
Глава вторая	24
Глава третья	60
Глава четвертая	95
Глава пятая	129
Глава шестая	171
Глава седьмая	218
Глава восьмая	254

О. Локнит

БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ

Глава первая	267
Глава вторая	282
Глава третья	297
Глава четвертая	313
Глава пятая	329
Глава шестая	344
Глава седьмая	360
Глава восьмая	375
Глава девятая	391
Глава десятая	405

К. Стайл

МИР НА ЛАДОНЯХ

Глава первая	415
Глава вторая	427
Глава третья	437
Глава четвертая	447
Глава пятая	457
Глава шестая	467

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — «Книги по почте».

Литературно-художественное издание

КОНАН И БЕРЕГ ПРОКАСНЫХ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художественный редактор *Екатерина Соболева*
Художник *Владислав Асадуллин*
Технический редактор *Елена Шараева*
Верстка *Елена Посадова*
Корректоры *Вера Чаленко, Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 21.11.97.
Формат 84×108¹/32. Бумага типографская. Гарнитура
«Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 18 000 экз. Заказ 2563.

Издательство «Северо-Запад». Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171
E-mail: sevzap @infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ЧИТАЙТЕ ОЧЕРЕДНОЙ ТОМ «САГИ О КОНАНЕ»

...И вновь ветер странствий несет бесстрашного киммерийца.
В вендийских джунглях сражается он с порождениями
древнего колдовства, среди седых отрогов Кезанкийских
гор одолевает восставшего из небытия Бога-Паука
и встает на пути исчадий Хаоса...

КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Присылайте ваши предложения
и отзывы о серии

«САГА О КОНАНЕ»

по адресу:
197110, Санкт-Петербург,
а/я 171

или по электронной почте:
sevzap@info.pro.spb.su

•Северо-Запад®

